

К 09
К 9745

К.УСЕНБАЕВ

ВОССТАНИЕ
1916
ГОДА
В КИРГИЗИИ

786
АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

К 09
У745

К. УСЕНБАЕВ

ВОССТАНИЕ
1916
года
В КИРГИЗИИ

Под редакцией чл.-корр. АН Киргизской ССР
доктора исторических наук А. Х. Хасанова

Издательство
„Илим“
Фрунзе 1967

В монографии показаны социально-экономические и политические предпосылки восстания 1916 г. в Киргизии, его ход, причины поражения и политическое значение, а также мероприятия Советского правительства по возвращению беженцев-киргизов и их устройству.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Киргизской ССР

10805
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
2000
Кыргызской Республики

ВВЕДЕНИЕ

Состояние разработки вопроса

Киргизский народ, как и другие братские народы нашей великой Родины, имеет свои революционные традиции. Его история богата фактами героической и самоотверженной борьбы против «своих» и иноземных угнетателей. В упорной и суровой борьбе, длившейся веками, киргизский народ отстоял свои права на жизнь, родную землю, национальную культуру и язык. Это была трудная и неравная борьба. Порой казалось, что киргизский народ не выдержит натиска врагов и погибнет под тяжестью ига внутренних и внешних угнетателей. Но страстная любовь к жизни и свободе помогала ему находить новые силы и подниматься на освободительную борьбу.

ХХIII съезд КПСС подчеркнул необходимость «воспитывать всех советских людей в духе идей пролетарского интернационализма, в духе нерушимой верности братству и дружбе народов СССР»¹. А в воспитании трудящихся в духе пролетарского патриотизма и интернационализма существенную роль играют революционные традиции наших народов.

Киргизский народ высоко ценит славное прошлое своей Родины, ее революционные традиции, ибо они воспитывают любовь к Родине, к своему народу.

Всесоюзное совещание историков, состоявшееся в Москве в 1963 г., совершенно справедливо отмечало, что, изучая славное прошлое нашей Родины, ее революционные традиции, воскрешая правду о ее выдающейся роли в общесторическом процессе, советские ученые выполняют свой гражданский и пролетарский долг².

Восстание киргизов 1916 г. составляет одну из ярких страниц в истории национально-освободительного и революционного движения в Киргизии. Его смело можно отнести к числу важнейших исторических событий в жизни киргизского народа. Оно явилось составной частью восстания народов Средней Азии и Казахстана 1916 г., одним из звеньев револю-

¹ Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966, стр. 89.

² Всесоюзное совещание историков. «Вопросы истории», 1963, № 2, стр. 42.

ционного движения трудящихся России накануне Великого Октября.

Правильное освещение этого события имеет большое не только научно-политическое, но и практическое значение. Оно будет способствовать дальнейшему глубокому изучению истории трудящихся республики, укреплению дружбы киргизского народа с русским и другими братскими народами.

Между тем в оценке и определении характера восстания 1916 г. в Киргизии имеется ряд неточностей и ошибок.

Вопрос о восстании 1916 г. в Киргизии имеет свою историографию. Официальное мнение колониальных властей о данном движении нашло отражение в рапортах, донесениях, отчетах и записках царских чиновников. Представители царского правительства, преследуя свои классовые цели и руководствуясь колониальной политикой, восстание 1916 г. оценивали как случайное явление. Они называли его «бунтом», «мятежом». По их мнению, восстание 1916 г. было спровоцировано агентами некоторых иностранных государств, враждебных России.

По утверждению военного губернатора Семиреченской области И. Д. Колосовского, это восстание возникло якобы «под влиянием извне», благодаря действиям крупных манапов, поддерживавших тесные связи с соседними государствами³. Ясно, что Колосовский, как и другие царские чиновники, отрицал социально-экономические и политические корни восстания 1916 г. и тем самым оправдывал колониальную политику царского самодержавия.

Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин восстание 1916 г. назвал «большим горем»⁴. Подобную оценку этому событию дал депутат IV Государственной думы А. Керенский. По его мнению, выступление 1916 г. были несчастьем⁵, в Средней Азии и Казахстане они якобы «нанесли экономическое разрушение... нарушили спокойное течение жизни в огромных областях России»⁶. Разрушительной силой считал восстание 1916 г. заведующий переселенческим делом Семиреченской области Гончаровский⁷.

И действительно, восстание нанесло тяжелый удар царизму в такой критический момент, когда решалась его судьба. Буржуазные писаки и царские лакеи, пытаясь разжечь на-

³ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, д. 34, л. 24—25.

⁴ «Семиреченские областные ведомости», 1917, 19 октября, № 234.

⁵ Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сб. документов. Ташкент, 1932, стр. 116.

⁶ Там же, стр. 108.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 396, оп. 7, д. 764, л. 64.

циональную вражду между коренным и русским трудовым населением, восстание 1916 г. выдавали за антирусскую религиозную войну. Они умышленно замалчивали дружественные взаимоотношения трудящихся киргизов и русских, которые ярко проявились и окрепли в период восстания. Буржуазные социологи не видели и не хотели видеть сочувствия и поддержки повстанцев представителями русского народа.

Современные зарубежные историки лакеи американской, английской и западно-германской буржуазии Эдуард Сокол, Чарльз Хостлер, Ричард Пирс, Баймурза Хайт, Реджеб Байсуни, Заки Валидов, Мустафа Чокаев и другие утверждают, что это восстание было направлено против русских вообще. Мало того, они пытаются провести параллель между восстанием 1916 г. и антисоветским контрреволюционным басмаческим выступлением. По их утверждению, эти два противоположных движения представляют собой единый поток национальной борьбы народов Средней Азии против России. Несомненность, ошибочность этих утверждений очевидна и не нуждается в доказательствах. Нет необходимости говорить об антинаучности и беспочвенности концепций названных буржуазных историков. Должная отповедь им дана советскими историками Х. Ш. Иноятовым⁸, Д. Кшибековым⁹, К. Новоселовым¹⁰, Д. А. Рзаевым¹¹, А. Б. Турсунбаевым¹² и Х. Т. Турсуновым¹³.

Следует сказать несколько слов о книге Е. Саркисяна¹⁴, в которой восстание 1916 г. также получило неправильную оценку. В ней утверждается, что это выступление киргизов протекало совершенно изолированно и не имело ничего общего с революционным движением русского пролетариата и трудового крестьянства. Мало того, согласно трактовке автора, данное восстание, особенно на севере Киргизии, в частности выступ-

⁸ Х. Ш. Иноятов. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962.

⁹ Д. Кшибеков. Клеветники и фальсификаторы истории народов Советского Казахстана. Алма-Ата, 1961.

¹⁰ К. Новоселов. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962.

¹¹ Д. А. Рзаев. О фальсификаторах истории Советской Средней Азии. Фрузине, 1962.

¹² А. Б. Турсунбаев. Против буржуазной фальсификации истории Казахстана. Алма-Ата, 1963.

¹³ Х. Т. Турсунов. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

¹⁴ Sarkisjans Emanuel. Geschichte der orientalischen Völker Rublands des 1917. Eine Ergänzung zur ostslawischen Geschichte Rublands. Mit einem Vorw. Von Berthold Souléz München, Oldenbourg, 1961. (Е. Саркисян. История народов Кавказа, Поволжья, Средней Азии и Сибири с древнейших времен до 1917 года. Перевод осуществлен А. А. Ашировым).

ление киргизов племени сарыбагыш, было направлено против русских вообще. Правда, Е. Саркисян не отрицает фактов активного участия некоторых русских переселенцев в выступлении киргизов, населявших Иссык-Кульскую котловину. Однако он не делает из этого соответствующих выводов и не видит классовой солидарности киргизских и русских трудящихся, а также их совместной борьбы против царского самодержавия. В этой книге ничего не говорится о киргизских трудящихся, составлявших основную движущую силу восстания. Зато вне поля зрения автора не остались такие крупные манапы, как Мокуш Шабданов, Канат Абукин, Батыр Ногаев и другие. Причем вопреки исторической действительности им приписывается руководство восстанием¹⁵.

Изучение восстания 1916 г. началось вскоре после установления Советской власти. На эту тему написан и опубликован ряд работ. В некоторых из них, особенно в работах, вышедших в 20—40-х годах, имеется немало противоречивых и взаимоисключающих утверждений, серьезных недостатков и грубых ошибок. Так, Т. Рыскулов утверждает, что «восстание было направлено вообще против русских»¹⁶. Он характеризует русских железнодорожных рабочих как сторонников царских колонизаторов. Вот что читаем в его работе: русские железнодорожные рабочие «воспитывались тогда в духе колониальном и к тому же не имели совершенно во главе выдержанных интернациональных политических организаций, поэтому относились несознательно к восстанию туземцев, а в некоторых районах даже способствовали подавлению последнего»¹⁷. А предателей восстания, прихвостней царизма — джадидов, Т. Рыскулов представляет как прогрессивную социальную силу, «покушавшуюся на старый уклад жизни и стремившуюся произвести реформы в ней»¹⁸. По мнению Ю. Абдрахманова, восстание было направлено «против всех русских»¹⁹. Подобной же точки зрения придерживается Б. Исакеев.

Не соответствует действительности и утверждение А. Шестакова о том, что во главе восставших всюду были представители феодальной знати²⁰.

¹⁵ Sarkisyanz Еманеl. Указ. работа.

¹⁶ Т. Рыскулов. По поводу выступления тов. Ив. Меницкого. «Коммунистическая мысль», кн. 2. Ташкент. 1926, стр. 176.

¹⁷ Рыскулов. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 г. Кызыл-Орда, 1927, стр. 121.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ю. Абдрахманов. Незабываемая го́довщина. «Советская Азия», 1931, № 5—6, стр. 174.

²⁰ А. Шестаков. 15-летие восстания в Средней Азии. М.—Л., 1931, стр. 40.

На наш взгляд, одна из серьезных ошибок названных авторов заключается в том, что они рассматривают это восстание только как антиколониальное. Разоблачая колониальную политику царизма, они забывают об угнетении киргизских трудовых масс местной феодальной знатью и оставляют вне поля зрения социальную основу восстания. А ведь это выступление было вызвано не только колониальной политикой царского правительства, но и эксплуатацией баев, манапов и других представителей местных феодалов. Поэтому оно носило в первую очередь антифеодальный характер.

Другая существенная ошибка этих авторов состоит в том, что они уделяют основное внимание изучению тех районов, где руководство восстанием в известной степени перешло в руки крупных манапов, которые пытались использовать выступление народных масс в своих интересах и направить его по антирусскому руслу.

К недостаткам можно отнести и то, что авторы затушевывали происки феодально-клерикальных элементов, преследовавших корыстные интересы.

Наличие этих и других ошибок в работах, вышедших в 20—40-х годах, объясняется главным образом неглубоким изучением их авторами трудов классиков марксизма-ленинизма по национально-освободительному движению и очень слабым привлечением исторических документов, особенно архивных.

Говоря о состоянии изученности восстания 1916 г. в Киргизии в 20—40-х годах, нельзя ограничиться лишь указанием на недостатки исследований, что было бы по меньшей мере несправедливо. Следует отметить, что именно в этот период делились первые попытки определить характер данного выступления, дать ему марксистско-ленинскую оценку²¹, но единого мнения по данному вопросу не было.

В связи с этим в 1926—1927 гг. на страницах журнала «Коммунистическая мысль» развернулась дискуссия. Её предметом явился характер восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. В дискуссии активное участие принимали П. Галузо, Н. Кузьмин, Ив. Меницкий, Т. Рыскулов, Е. Федоров, А. Шестаков и другие²².

²¹ Особенное много сделано Т. Рыскуловым, который написал и опубликовал ряд работ по данному вопросу, представляющих определенный интерес и по сей день. Под его редакцией выпущен также сборник архивных документов по восстанию 1916 г. в Киргизии (см. список использованных источников и литературы).

²² Т. Рыскулов. Восстание туземцев в Туркестане. Очерки революционного движения в Средней Азии, кн. 2. Ташкент, 1926, стр. 151—199; его же. Еще о характеристики восстания 1916 г. в Туркестане. Там же,

Дискуссия внесла некоторую ясность в оценку характера восстания 1916 г. Однако участники ее не привлекали фактический материал, поэтому она не дала желаемых результатов и не положила конец спорам и разногласиям по данному вопросу.

В преодолении указанных ошибок значительную роль сыграли тезисы Культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) к 15-й годовщине восстания 1916 г.²³, а также материалы отдела пропаганды и агитации при ЦК КП(б) Киргизии к 30-летию выступления²⁴. В них дана четкая характеристика восстания 1916 г. и отмечена необходимость дальнейшего его глубокого изучения.

Следуя методологическим указаниям классиков марксизма-ленинизма, решениям и постановлениям ЦК КПСС и Советского правительства, историки нашей страны добились значительных успехов. Среди работ на эту тему видное место занимают труды А. Г. Зима²⁵, Б. Д. Джамгерчинова²⁶, Т. Е. Елеуова²⁷,

ки. 4, 1927, стр. 142—152; его же. По поводу выступления тов. Ив. Меницкого. «Коммунистическая мысль», кн. 2. Ташкент, 1926, стр. 173—182; Ив. Меницкий. О характере событий 1916 г. в Туркестане (по поводу статьи тов. Рыскулова Т. «Восстание туземцев в Туркестане» в сб. «Очерки революционного движения в Средней Азии»). «Коммунистическая мысль», кн. 2. Ташкент, 1926; его же. Ответ Ю. А. Там же, стр. 158—161; его же. Мой ответ тов. Рыскулову. Там же, стр. 194—199; Н. Кузьмин. О марксистском понимании восстания 1916 г. «Коммунистическая мысль», кн. 2. Ташкент, 1926, стр. 183—193; Ю. А. По поводу статьи тов. Меницкого. «Коммунистическая мысль», кн. 2. Ташкент, 1926, стр. 155—157; А. В. Шестаков. Восстание в Средней Азии в 1916 г. Историк-марксист, т. 2. М., 1926, стр. 84—114; его же. Спорные вопросы о восстаниях в Средней Азии в 1916 г. «Коммунистическая мысль», кн. 4, 1927, стр. 135—141; П. Галузо. За большевистскую концепцию. Восстание 1916 г. в Средней Азии (к 15-летию восстания). «Туркменоведение», 1931, № 7—9, стр. 59—62.

²³ Восстание 1916 г. в Средней Азии. Тезисы Культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15-й годовщине восстания. Москва—Ташкент, 1931.

²⁴ Тридцатилетие национально-освободительного восстания 1916 г. (материалы для докладов). Отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б) Киргизии. «Советская Киргизия», 14 сентября 1946.

²⁵ А. Г. Зима. К 30-летию национально-освободительного восстания 1916 г. в Киргизии. Изв. Киргиз. ФАН СССР, вып. VI, 1947; ее же. О характере восстания 1916 г. в Киргизии. Тр. ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. IV, 1954; ее же. О характере восстания 1916 г. в Киргизии (содоклад). Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

²⁶ Б. Д. Джамгерчинов. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963, стр. 128—144.

²⁷ Т. Е. Елеуов. Народно-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1946; ее же. О характере восстания 1916 г. в Казахстане. Вести. АН Каз. ССР, № 6, 1954; ее же. Народно-освободительное восстание 1916 г. Стенограмма публичной лекции. Алма-Ата, 1955; ее же. Основные вопросы восстания 1916 г. в Казахстане (содоклад). Материалы

Д. М. Меджитова²⁸, Х. Т. Турсунова²⁹, А. В. Пясковского³⁰, Х. Ю. Юсупова³¹ и др. В них в основном правильно определен характер восстания 1916 г. Но вряд ли можно согласиться с утверждением некоторых авторов о наличии реакционных очагов восстания 1916 г. на севере Киргизии, в частности в районах Токмака, Большого и Малого Кемина, Кочкора и Иссык-Кульской котловины, т. е. там, где выступления коренного населения имели наиболее широкий размах³².

Изучение восстания 1916 г. в Киргизии далеко еще не завершено. Если не считать названной рукописной работы Д. М. Меджитова и книги Х. Т. Турсунова о восстании 1916 г. в Средней Азии и Казахстане в целом, то историография интересующего нас вопроса по сути исчерпывается несколькими журнальными статьями и брошюрами. Следует отметить, что большая часть этих статей и брошюр, особенно изданных в 20—40-х годах, уже устарела и не отвечает возросшим требованиям современности.

Х. Т. Турсунов³³, внесший серьезный научный вклад в разработку данного вопроса, в своем труде вовсе неставил задачу рассмотреть выступление каждого из среднеазиатских народов

объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1954.

²⁸ Д. М. Меджитов. Восстание киргизов в 1916 г. (рукопись). Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 137; ее же. Восстание киргизов в 1916 г. Тезисы канд. дисс. Изв. Киргиз. ФАН СССР, 1947, вып. VI.

²⁹ Х. Т. Турсунов. О характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане (тезисы). Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1954; ее же. К вопросу о характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Материалы научной сессии по истории Средней Азии и Казахстана (на правах рукописи). Ташкент, 1954; ее же. О характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане (доклад). Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955; ее же. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962; ее же. Национально-освободительное движение народов Средней Азии в годы первой мировой войны. В сб.: Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции (Материалы к сессии научного совета), вып. I. М., 1964.

³⁰ А. В. Пясковский. О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и начале XX веков. Тр. ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. IV. Фрунзе, 1954.

³¹ Х. Ю. Юсупов. Участие дунган в восстании киргизов в 1916 г. Тр. ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. 2. Фрунзе, 1948.

³² См. раздел II «Характер, специфические особенности и политическое значение восстания».

³³ Х. Т. Турсунов. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

в отдельности. Автор старался осветить восстание 1916 г. в масштабе всей Средней Азии и Казахстана.

Что касается рукописи Д. М. Меджитова³⁴, представляющей собой кандидатскую диссертацию, то в ней имеются серьезные недостатки и ошибки. О них довольно ясно говорится в материалах республиканской научной конференции историков, состоявшейся во Фрунзе в мае 1953 г., в частности в содокладе А. Г. Зима³⁵.

Упомянутая конференция и научные сессии историков братских республик, проходившие в 1954—1955 гг. в городах Фрунзе, Ташкент, Ашхабад и Алма-Ата, имели важное значение для определения характера восстания 1916 г. и дальнейшего его исследования. Конференции и научные сессии, проведенные на высоком теоретическом и научном уровне, выявили серьезные недостатки и ошибки в разработке восстания 1916 г. и наметили конкретные пути по их преодолению. Они внесли немало ценного в марксистско-ленинскую оценку рассматриваемого выступления и подчеркнули необходимость дальнейшего глубокого изучения этого вопроса. В резолюции научной конференции историков республики указывается: «Не все еще благополучно в этом отношении (т. е. в изучении национальных движений.—К. У.) и в Киргизии; у некоторых историков нет еще ясности в вопросе об оценке характера... восстания 1916 г. Поэтому задача заключается в том, чтобы на основе методологических указаний классиков марксизма-ленинизма и глубокого изучения конкретных исторических материалов дать правильную, научную марксистско-ленинскую оценку национальным движениям и восстаниям в Киргизии»³⁶. Эта же научная конференция обращала внимание историков на крайне слабую изученность национально-освободительных движений

³⁴ Д. М. Меджитов, Восстание киргизов в 1916 г. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 137.

³⁵ «Недостатком его (имеется в виду диссертация Д. Меджитова.—К. У.) является недооценка восстания на юге Киргизии. Выступлению на юге уделено всего четыре страницы всей диссертации, преувеличено значение восстания в северных районах Киргизии в сравнении с остальными районами Средней Азии, неправильно дана периодизация восстания, не раскрывается реакционный характер восстания, поднятого манапами и их представителями, которые ошибочно называются руководителями национально-освободительного восстания» (А. Г. Зима. О характере восстания 1916 г. в Киргизии. Тр. ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. IV, 1954, стр. 91).

³⁶ Резолюция научной конференции историков Киргизии с участием историков Москвы, Ленинграда и братских союзных республик по поводу характера национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и начале XX вв. Тр. ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. IV, 1954, стр. 137.

в Киргизии, носивших революционный характер, и на необходимость серьезной их разработки³⁷.

Особенно слабо изучены исторические предпосылки восстания 1916 г. в Киргизии. Восстание киргизов 1916 г. имело свои глубокие социально-экономические и политические корни, не зная которых, невозможно определить характер выступления и выявить его специфические особенности. Нельзя считать удовлетворительным и состояние разработки причин восстания. Неясности имеются и в вопросе о характере рассматриваемого выступления. Слабо освещены социальный состав, движущие силы восстания, а также задачи и цели классов, принимавших участие в этом историческом событии. Далеко не полно показаны ход и размах восстания, особенно на юге Киргизии и в ряде других районов. Не выявлены его специфические особенности и нечетко установлены основные этапы и периоды.

Слабо освещенными остаются мероприятия Советского правительства и Коммунистической партии по возвращению повстанцев-беженцев на родину и устройству их на местах, а также оказанию им материальной и моральной помощи, т. е. по существу спасению повстанцев от голодной смерти и вымирания.

Вне поля зрения исследователей оставались рабочие-тыловики, которые после подавления восстания были мобилизованы царским правительством на различные работы. Приобщаясь к революционному движению русского пролетариата, впоследствии они сыграли значительную роль в установлении и упрочении Советской власти в Средней Азии, в том числе и в Киргизии.

В связи с изложенным становится совершенно очевидной необходимость глубокой разработки восстания 1916 г. в Киргизии в духе требований сегодняшнего дня.

Цели исследования. Краткая характеристика источников

В настоящем исследовании мы ставим перед собой следующие цели: проанализировать конкретно-историческую обстановку восстания и вскрыть его причины; обратить внимание на социально-экономические и политические корни этого исторического события и по возможности полно осветить ход восстания как на севере, так и на юге Киргизии; выявить причины поражения и политическое значение этого восстания и дать ему оценку.

³⁷ Там же, стр. 139.

Основное внимание в работе уделяется вопросу о движущих силах, социальной основе и классовой сущности восстания. Мы старались разоблачить предательство местной эксплуататорской верхушки в период восстания, антирусские происки панисламистов, пантюркистов и иностранных государств, враждебных России. Нами делается попытка показать роль и значение русского пролетариата и большевистской партии в выступлении и вскрыть серьезные революционные резервы национальных окраин царской России, в частности колониальной Киргизии, выявить специфические особенности и установить основные этапы движения, а также осветить дружественные взаимоотношения киргизского и русского народов, которые четко проявились накануне восстания и окрепли в ходе его.

Верным компасом в изучении национальных движений, в том числе и восстания 1916 г., являются труды классиков марксизма-ленинизма. В разработке данного вопроса мы руководствовались методологическими указаниями К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина по социальным и национальным движениям, а также резолюциями и решениями съездов, конференций, постановлениями ЦК КПСС и ЦК КП Киргизии. В материалах XX, XXI, XXII и XXIII съездов КПСС, Программе Коммунистической партии Советского Союза и других директивных документах получило дальнейшее теоретическое развитие марксистско-ленинское учение о национально-освободительных и революционных выступлениях, что имеет важное значение и для правильной оценки характера восстания 1916 г. в Киргизии.

Настоящая работа написана по материалам первоисточников — документов, хранящихся в центральных государственных архивах Москвы, Ленинграда, Ташкента³⁸, Алма-Аты и Фрунзе. В ней также использованы данные сборников архивных документов, рукописные опросные материалы, воспоминания участников и очевидцев восстания 1916 г., мемуары, художественные произведения и фольклор. Большая часть использованных источников впервые вводится в научный оборот.

В кратком обзоре источников невозможно подробно охарактеризовать все архивные документы³⁹, поэтому укажем лишь, что большую часть архивных фондов составляют официальные документы, т. е. рапорты, отчеты, донесения, письма, телеграммы, экономические и политические обзоры, статистические материалы, переписи населения и скота, личная переписка, докладные и другие записки. Эти документы исходят от

³⁸ Из ЦГА Узб. ССР нами использованы только исторические фонды.

³⁹ См. список использованных архивных источников.

местных должностных лиц, начальников карательных отрядов и военных частей, царских чиновников, служивших в уездных, областных, краевых и высших государственных учреждениях.

В архивах хранится также немало жалоб, «прошений» и показаний рядовых киргизов и русских трудовых переселенцев, активных участников и очевидцев восстания. Эти документы представляют большой научный интерес. В них рассказывается о тяжелом положении трудящихся масс, произволе и насилии местной феодальной знати и царских чиновников, вымогательстве и взяточничестве местных должностных лиц, особенно айльных старшин, волостных управителей, участковых приставов и уездных начальников, в них выражен протест киргизских трудящихся против невыносимого гнета.

Однако эти документы, исходящие от трудящихся, ни в коем случае нельзя путать с «прошениями» представителей эксплуататорской верхушки, которые, борясь за те или иные должности и враждя, жаловались и доносили друг на друга вышестоящим чинам. Каждый из них, характеризуя своего противника только с отрицательной стороны, выдавал себя за простодушного и справедливого человека, защищавшего интересы «своих» доверителей, т. е. одноайльцев и односельчан, в том числе трудящихся. Причем обычно они утверждали, что их поддерживают целые айлы и сельские общины, а иногда даже вся волость. В связи с этим нелегко отличить подобные «прошения» от истинных жалоб рядовых киргизов.

Необходимо учитывать и то, что значительная часть прошений-жалоб трудящихся носит анонимную форму или подписана вымышленным именем. Это объясняется тем, что жалобы трудового населения, поступавшие на имя царских чиновников, обычно направлялись на дознание местной администрации и нередко попадали в руки тех лиц, на которых писались. В таких случаях жалобщики подвергались жестоким преследованиям.

Официальные документы, выходившие из-под пера царских чиновников и других должностных лиц, также представляют определенный интерес при изучении данной темы. В связи с этим сошлемся на работу В. И. Ленина «Гонители земства и анибалы либерализма», в которой он широко использовал секретные записки, воспоминания и переписку министра С. Ю. Витте и других видных царских чиновников. В. И. Ленин отмечал особую ценность для исследователей таких документов, которые показывают, «что не только какие-нибудь отчаянны головорезы или завзятые враги правительства, но и сами члены правительства, до министров и царя включительно, признают шаткость самодержавной формы правления и изыскива-

ют всяческие способы улучшить свое положение, совершенно их не удовлетворяющее»⁴⁰. В то же время В. И. Ленин учил критически, с позиций марксизма, относиться к наследию прошлого, в том числе к документам и другим историческим материалам.

Официальные документы царских чиновников тенденциозно освещают события. В них идеализируется колониальная политика царизма, сглаживаются социальные противоречия и замалчивается классовая борьба как коренного, так и русского населения. В этих документах встречаются противоречивые, зачастую взаимоисключающие сведения, допускается искажение фактов. В частности, в них оправдываются репрессивные меры царского правительства по подавлению восстания, преувеличивается жестокость повстанцев, особенно по отношению к русским. К таким документам следует подходить критически, сопоставлять их с другими историческими источниками, подвергать проверке.

Как показывает тщательный просмотр описей архивных фондов, некоторые документы, относящиеся к восстанию 1916 г., бесследно исчезли. Это объясняется тем, что царская власть и ее охранка, полиция, военная и гражданская администрация уничтожали документы, записки, вскрывавшие истинный характер восстания и рассказывающие о зверской расправе царских карателей над безоружным мирным населением, о геронческой борьбе повстанцев за свою социальную и национальную свободу. Однако их попытки ликвидировать все материалы, касающиеся восстания 1916 г., не увенчались успехом. Это еще раз подтверждает высказывание В. И. Ленина о том, что «мы можем иногда по дыма полицеейской лжи догадываться об огне народного возмущения»⁴¹. Действительно, остатки царских архивов и документы, сохранившиеся до наших дней, дают возможность воссоздать подлинную историю народного выступления полувековой давности.

Официальные архивные материалы, несмотря на существенные недостатки, сыграли значительную роль при разработке данной темы.

Определенная часть архивных материалов по изучаемому вопросу собрана и хранится в рукописных фондах Отделения общественных наук АН Киргизской ССР⁴², что заметно облегчило наш труд.

Заслуживает внимания и упомянутая выше республикан-

⁴⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 25.

⁴¹ Там же, стр. 16.

⁴² См. список литературы и источников.

ская конференция историков. В период подготовки к конференции⁴³ группа историков была привлечена к сбору архивных документов и других источников по национальным движениям в Киргизии во второй половине XIX — начале XX вв. В этом важном мероприятии приняли участие Т. Д. Дуйшемалиев, А. Г. Зима, А. К. Каниметов, С. К. Керимбаев, А. Ф. Лачко, П. П. Никишов, А. В. Пясковский, А. Х. Хасанов и автор данной работы. Было собрано большое количество архивных документов, определенная часть которых касается исследуемого вопроса⁴⁴.

Архивные материалы еще до конференции собирали И. П. Липшин, Дж. М. Меджитов, О. Д. Морозов, А. Т. Морозова, М. Д. Рабинович, В. И. Салин⁴⁵, а также С. Б. Жантуров⁴⁶.

В Средней Азии и Казахстане издан ряд сборников архивных документов, воспоминаний и других материалов⁴⁷ о восстании 1916 г.

Как по объему, так и по содержанию заслуживает большого внимания сборник, изданный в Москве в 1960 г.⁴⁸ В него вошли многие документы, хранящиеся в государственных архивах Москвы, Ленинграда, Ташкента, Алма-Аты, Фрунзе, Душанбе и некоторых других городов. Составители и редакторы сборника снабдили его необходимыми примечаниями и указателями, которые облегчают работу исследователей. В этом и других сборниках содержится немало архивных документов, имеющих отношение к восстанию 1916 г. в Киргизии.

Воспоминания некоторых участников и очевидцев исследуемого выступления, а также отдельные архивные документы, представляющие для нас интерес, опубликованы на страницах советских исторических журналов⁴⁹.

⁴³ В конце 1952 — начале 1953 гг.

⁴⁴ См. список литературы и источников.

⁴⁵ См. там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Ив. Чеканинский. Восстание киргиз-казахов и кара-киргиз в Джетисуйском (Семиреченском) крае в июле—сентябре 1916 г. (К материалам по истории этого восстания). Кзыл-Орда, 1926; Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сб. документов. Под ред. П. Г. Галузо. Ташкент, 1932; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, собранные Л. В. Лесной. Под ред. и с предисловием Т. Р. Рыскулова, 1937, 166 стр.; Восстание 1916 г. в Казахстане (Документы и материалы). Под ред. Б. С. Сулейманова. Составители Ф. Н. Киреев, Ш. Я. Шафиро. Алма-Ата, 1947.

⁴⁸ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. М., 1960.

⁴⁹ Г. И. Бродой. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. (Показание, данное 3 сентября 1916 г. Г. И. Бродой прокурору Ташкентской судебной палаты о киргизском восстании 1916 г.). «Новый Восток»,

Нами использованы и опросные материалы, в частности воспоминания о восстании киргизов в 1916 г. В рукописных фондах Отделения общественных наук АН Киргизской ССР хранится огромное количество таких материалов⁵⁰. Основная их часть написана на киргизском языке и до сего времени никем не использовалась.

Запись воспоминаний участников и очевидцев изучаемого выступления проводилась в начале 1953 г. в связи с подготовкой к проведению республиканской научной конференции историков. Активное участие в этой работе принимали научные сотрудники ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР Ш. Бейшанлиев и Д. Сулайманов, студенты IV курса исторического факультета КГУ Е. Абакиров, Ж. Аманалиев, С. Аттокуров, С. Данияров, А. Джумагулов, К. Забиров, Н. Замятин, Ю. Лемский, Е. Солтобаев, С. Соронаев, Дж. Табалдиев, А. Чотонов и Б. Чымылова. Они побывали в различных районах Киргизии, где беседовали с активными участниками, а также очевидцами восстания⁵¹. Их опросные записи составляют 50 с лишним печатных листов.

1924, № 6, стр. 407—434; А. Чулошников. К истории восстания киргиз в 1916 г. «Красный архив», т. 3 (6), 1926, стр. 53—75; Восстание 1916 г. в Средней Азии. Предисловие П. Г. Галузо. «Красный архив», т. 3 (34), 1929, стр. 39—94; А. Зорин. Из истории восстания киргизов и казахов в 1916 г. (Показание Каната Абукина, записанное ротмистром Железняковым 20, 21 и 23 ноября 1916 г. Показание Джайнакова, записанное Железняковым в те же дни); Докладная записка подпоручика Матвеева от 17 марта 1917 г. «Борьба классов», № 7—8, 1932, стр. 28—39.

⁵⁰ И. Абдракхаманов. 1916-жылкы козголонун; егөн ж. 1916-жылкы үркүп; егөн ж. 1916-жылкы кыргыздардын көтөрүлүшү жөнүндө. Рукописи Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 321 и 1494; Записи бесед с участниками и очевидцами восстания киргизов в 1916 г., собранные научным сотрудником ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР Дж. Меджитовым в 1946 г. Указ. фонд, инв. № 61; Материалы о восстании 1916 г. в Киргизии. Указ. фонд, инв. № 1487, 1491, 1519 (под этими инвентарными номерами хранятся записанные в 23 общих тетрадях воспоминания участников и очевидцев восстания 1916 г.).

⁵¹ Материалы о восстании 1916 г. в Киргизии. Запись со слов С. Караалеева Записано Д. Сулаймановым. Рукописи Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1487; Материалы о восстании 1916 г. в Киргизии. Запись со слов И. Туманова и М. М. Мусульманкулова. Запись Ш. Бейшанлиева. Там же, инв. № 1491; Материалы по восстанию 1916 г. на территории Иссык-Кульской области. Собрал Е. Абакиров. Там же, инв. № 1519(1); Материалы по восстанию 1916 г. на территории Фрунзенской области. Собрал С. Данияров. Там же, инв. № 1519(2); Материалы по восстанию 1916 г. на территории Ошской области. Собрал С. Соронаев. Там же, инв. № 1519(3); Материалы по восстанию 1916 г. на территории Ошской области. Собрал Н. Замятин. Там же, инв. № 1519(4); Материалы по восстанию 1916 г. на территории Таласской области. Собрал Дж. Табалдиев. Там же, инв. № 1519(5); Материалы по восстанию 1916 г. на территории Джалаал-Абадской области. Собрал А. Чотонов. Там же, инв. № 1519(6); Материалы по

Записи воспоминаний активных участников и очевидцев восстания являются одним из важных источников в разработке данного вопроса. Их значение велико еще и потому, что до Октябрьской революции киргизский народ не имел своей письменности. Они позволяют раскрыть внутреннюю природу, истинные причины, социальные и политические мотивы, а также экономическую подоплеку и характер выступления, воссоздать его подлинную историю.

Однако следует отметить, что в записях воспоминаний содержится много неточностей, противоречивых сведений, поэтому мы подходили к ним критически и сопоставляли их с другими источниками.

Что касается дореволюционных литературных источников по данному вопросу, то царская печать, стараясь скрыть от широких народных масс истинное положение дел на национальных окраинах, умалчивала об освободительной борьбе коренного населения против колониальной власти и ее местной социальной опоры. Если на страницах местных газет, в частности «Туркестанских ведомостей» и «Семиреченских областных ведомостей», и появлялись отдельные краткие сообщения, то в них восстание характеризовалось как «недоразумение», возникшее на почве религиозного фанатизма и в результате панисламистской пропаганды извне, раздувались слухи о «зверствах туземцев», якобы угрожавших русскому населению. Тем самым царское правительство пыталось настроить всех русских, в том числе и трудящихся переселенцев, против повстанцев-киргизов.

На страницах газет можно встретить приказы, в которых нашли отражение меры царской власти по подавлению восстания. Эти приказы не могут быть отнесены к числу основных источников, использованных нами при написании настоящей работы.

восстанию 1916 г. на территории Джалаал-Абадской области. Собрал Ю. Лемский. Там же, инв. № 1519(7); Калиниш районы Сосопка сельсоветы караштуу Крупская колхозуун мүчөсү Азылор Жумалып 1916-жылкы болгон кыргыздардын окуялары жөнүндө эснинде калгандары. Жазыя аяган Б. Чымылова. Там же, инв. № 1519(8); Материалы по восстанию 1916 г. на территории Фрунзенской области. Собрал Е. Солтобаев. Там же, инв. № 1519(9), 1519(9-б), 1519(9-в); Материалы по восстанию 1916 г. на территории Фрунзенской области. Собрал А. Джумагулов. Там же, инв. № 1519(9-г); Материалы по восстанию 1916 г. на территории Тянь-Шаньской области. Собрал С. Аттокуров. Там же, инв. № 1519 (10-а) и 1519(10-б); Материалы по восстанию 1916 г. на территории Тянь-Шаньской области. Собрал Дж. Аманалиев. Там же, инв. № 1519(11); Воспоминания участника восстания 1916 г. М. Джамбаева, проживающего в Талды-Суйском районе Иссык-Кульской области. Там же, инв. № 1519(13).

Наконец, следует сказать несколько слов о художественной литературе и фольклоре. Особый интерес представляют песни и стихотворения, сложенные ақынами в дни восстания или несколько позднее⁵². Эти произведения являются своеобразными документами, красочно и правдиво рассказывающими об этом важном событии, но в них часто смешивается историческая правда с поэтическим вымыслом. Путем сопоставления однородных сведений, содержащихся в этих произведениях, архивных источниках и воспоминаниях, мы старались выявить достоверные фактические данные, касающиеся восстания киргизов 1916 г.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ

Социальные предпосылки

Изменения в социальных отношениях киргизов и угнетение трудящихся феодалами и зарождавшейся буржуазией

В конце XIX — начале XX вв. социальные отношения киргизов носили ярко выраженный антагонистический характер. В. И. Ленин писал: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹. Это определение В. И. Ленина служит методологическим руководством в изучении социальных отношений как киргизов, так и других народов до Октябрьской социалистической революции.

В киргизском обществе явственно выступали два основных класса: феодалы, присваивавшие прибавочный продукт и прибавочный труд непосредственных производителей, и эксплуатируемые феодально-зависимые крестьяне — букара. Даже некоторые царские чиновники, старавшиеся приписать коренному населению патриархально-родовой строй, признавали наличие классового деления у киргизов. Так, в материалах ревизионной комиссии, руководимой графом К. К. Паленом, находим строчки: «Туземное население, как кайзакое, так и кара-киргизское, еще до настоящего времени не порвало с родовым бытом

⁵² Ысак Шайбеков. Кайран эл. Кемин Капчыгайы. Фрунзе, Қыргыз маңбас. 1940, стр. 30; его же. Ысактын ырлары. А. Токомбаевтін сөз башы жана редакциясы менен. Фрунзе, 1936; Указ. работа, изд. 2, Фрунзе, 1955; М. Татыбеков. 1916-жылкы көтөрүлүш жөнүндегү ырлар. Рукоп. фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1448, стр. 77; Матады Токсобаев. 1916-жылкы үркүн. Указ. фонды, инв. № 457, стр. 13 и др.

*

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 15.

и подразделяется на две группы: джакшилар (бай-богачи, манапы — лучшие люди) и кара-букару².

Класс феодалов делился на ряд категорий и сословий в зависимости от их экономического и политического положения — манапы, бай, бии, казы и т. п. В состав букары, в частности кара-букары, входили джатаки, топоры, томояки, байкуши, малаи, коншу и другие представители кедеев (бедиоты).

Проникновение товарно-денежных и капиталистических отношений, развитие земледелия и усиление оседания кочевников не могли не оказать влияния на материальное положение и социальную природу киргизского общества. Ускоряется расслоение коренного населения. Основные средства производства — земля и скот — сосредоточиваются в руках баев и других представителей класса имущих. В то же время растет число обездоленных людей и сельских пролетариев.

Это особенно ярко проявилось на юге Киргизии, где, по утверждению некоторых экономистов, крупные эксплуататоры, на долю которых приходилось 16,8% хозяйств, имели поливной земли 52,2%, рабочего скота — 39,8% и инвентаря — 35,2%, а на бедняцкие хозяйства, составлявшие 43,9%, приходилось поливной земли 5,6%, рабочего скота — 14,7% и инвентаря — 13,7%. В целом по Киргизии бай и манапы, составлявшие не более 5% сельского населения, владели 55% всей земли и 65% скота³.

Таблица 1

Группы по количеству скота	Колич. хозяйств	То же, %	Колич. голов скота	То же, %	В среднем на каждое хозяйство, голов
Без скота	824	2,58	—	—	—
Имевшие одну голову	361	1,13	322,46	0,06	0,89
От 1 до 3	6278	19,69	12093,72	2,42	1,91
От 3 до 8	8236	25,82	43812,59	8,75	5,32
От 8 до 15	6542	20,52	72845,40	14,55	11,14
От 15 до 25	4406	13,82	84903,96	16,96	19,27
От 25 до 50	3482	10,92	119174,89	23,80	34,23
От 50 до 100	1259	3,95	84963,05	16,97	67,48
От 100 до 200	402	1,26	52968,95	10,59	131,76
Свыше 200	96	0,31	29494,44	5,90	307,23
Всего	31886	100	500579,46	100	—

² ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, 1907 г., д. 119, л. 201.

³ А. Орузбаев, К. Джунушев, С. Мансурходжаев. Народное хозяйство Киргизии в период Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной интервенции (1917—1920 гг.). Фрунзе, 1962, стр. 20.

Имущественную дифференциацию коренного населения Пишпекского уезда характеризует табл. 1, отражающая состояние собственности на скот за 1913 г.

Как видно из данных табл. 1, на долю бедняков (59,74% населения) приходилось лишь 25,78% скота. В распоряжении середняков, мелких и средних баев (28,69%) находилось 57,73% скота, А крупные баи (1,57%) владели 16,49% скота.

Число бесскотных хозяйств постоянно увеличивается. Так, в Пишпекском уезде 8,41% хозяйств не имело лошадей, 22,78% — рогатого скота, 50,73% — овец, 74,05% — верблюдов и 66,77% — коз⁴. Та же картина наблюдалась в Андижанском уезде, где 5,7% коренного населения не имело лошадей, 9,8% — крупного рогатого скота, 80% — овец и верблюдов⁵.

Трудовые массы лишались не только земли и скота, но и орудий производства. Достаточно сказать, что у 47% коренного населения не было сельскохозяйственного инвентаря. Из них 40,77% обрабатывали пашню орудиями труда, принадлежавшими баям⁶.

В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» на богатом фактическом материале показал процесс расслоения крестьянства, появление новых социальных типов в деревне. «...Крестьянство с громадной быстротой,— писал он,— раскальвается на незначительную по численности, но и сильную по своему экономическому положению сельскую буржуазию и на сельский пролетариат»⁷. Это ленинское положение хотя и не имеет прямого отношения к колониальным окраинам царской России, но им можно руководствоваться при изучении деревено-люционной аграрной Киргизии, ибо дифференциация коренного населения в известной степени вызвала зарождение национальной буржуазии и сельского пролетариата.

Национальная буржуазия была очень малочисленна. Например, в Пишпекском уезде элементов национальной буржуазии, в частности «кызыл-кулаков — алыспатаров», т. е. перепродающих, насчитывалось лишь 440 человек⁸. Причем не всех их можно было отнести к национальной буржуазии.

Киргизская буржуазия находилась в полной зависимости

⁴ П. П. Румянцев. Материалы по обследованию туземного я русско-то старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т. 7, вып. 2. Пг., 1916, стр. 275.

⁵ Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарынский областной статистический комитет. Андижанский уезд. Ферганской области. Ташкент, 1913, стр. 54.

⁶ П. П. Румянцев. Материалы..., стр. 291.

⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 307.

⁸ П. П. Румянцев. Материалы..., стр. 371.

от русского капитала и вынуждена была приспосабливаться к его интересам. Ее классовое лицо еще не определилось, и она не могла играть самостоятельную роль ни в экономической, ни в политической жизни Киргизии. Она занималась ростовщичеством и торговлей.

Киргизская буржуазия, будучи неразрывно связанный с русской буржуазией, искала ее защиты и поддержки и в свою очередь являлась ее социальной опорой в крае. Вместе с тем она была недовольна своим подчиненным положением. Не случайно в 1912 г. в Пишпекском уезде организуется группа «либералов мусульман», членами которой являлись такие представители местной буржуазии, как Абдулда Узбеков, К. Серикбаев, Н. Тулин и др. Эта группа проводила некоторую работу, направленную на объединение элементов национальной буржуазии Туркестана и Казахстана. Она устраивала нелегальные собрания, выписывала газету «Ай-кап», журнал «Оян-Казак»⁹ и другую литературу, выпускаемую джадидами.

Национальная буржуазия вырастала главным образом из киргизских феодалов, особенно баев. Хотя она и была носителем нарождавшихся капиталистических отношений, но от патриархально-родовых пережитков полностью еще не освободилась, зачастую даже прикрывалась ими, ловко используя их в своих интересах. Ее представителей можно было отнести к категории полуфеодалов, полубуржуазии. Именно в этом и заключаются специфические особенности киргизской национальной буржуазии, которая по существу сливалась с господствующим эксплуататорским классом докапиталистического общества.

С возникновением промышленных и кустарно-промышленных предприятий появились рабочие и коренных национальностей. Не все киргизские бедняки могли найти работу в сельской местности. Определенная часть их, гонимая голодом, уходила из аилов и кыштаков и поступала на промышленные предприятия и каменноугольные копи. Это привело к появлению промышленных рабочих в Средней Азии, в том числе и в Киргизии.

Число рабочих сравнительно быстро росло в Ферганской области, куда входила Южная Киргизия. В 1913 г. здесь насчитывалось 38528 рабочих, из них 10808 были заняты на фабрично-заводских предприятиях, а 27720 — в заведениях ку-

⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 461, д. 1319, л. 12; В. Н. Семенков. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов. Фрунзе, 1962, стр. 36.

старного типа. В Ошском уезде было 1824 рабочих, из которых 170 работали на фабрично-заводских предприятиях¹⁰.

В том же году в Семиреченской области, в состав которой входила Северная Киргизия, количество рабочих было намного меньше. На промышленных предприятиях и в кустарных заведениях этой области трудилось лишь 2011 рабочих, из них русских — 1320, казахов и киргизов — 513, узбеков — 66, уйгур и дунган — 103 и других национальностей — 9¹¹. На промышленных предприятиях и в кустарных заведениях Пишпекского уезда был занят 221 рабочий, а в Пржевальском уезде — 134¹².

В 1913 г. в Туркестанском крае, не считая работавших в кустарных заведениях, было 20925 рабочих промышленных предприятий. По национальному составу они распределялись следующим образом: узбеков — 12702, русских — 4774, таджиков — 1142, киргизов и казахов — 944, уйгур и дунган — 304, представителей других народов — 1059¹³, или соответственно 60,7; 22,8; 5,5; 4,5; 1,4 и 5,1%.

Значительная часть рабочих Киргизии была занята в горнорудной промышленности. В 1913 г. только на кызыл-кайских каменноугольных копях было зарегистрировано 598 шахтеров¹⁴, среди них немало киргизов.

Однако квалифицированную силу на промышленных предприятиях составляли главным образом русские рабочие. Рабочих коренной национальности использовали на самых тяжелых работах. Они не были постоянными кадрами промышленных предприятий, поскольку работали сезонно и сохраняли связь с сельским хозяйством. Многие из них мечтали заработать деньги и вернуться в родные места. Однако некоторые, занимаясь на предприятиях горной промышленности, постепенно теряли связь с сельским хозяйством. Заслуживают внимания воспоминания Степана Романовича Лабунца, работавшего на каменноугольных копях Кызыл-Кия с 1908 по 1916 г.: «Быстро растет число шахтеров из коренной национальности, — пишет он. — Но киргизы вначале, как правило, работали сезонно, обычно они приезжали и поступали на шахты из Баш-Булака, Кызыл-Булака, Тахтека, Науката и других мест. Через несколько месяцев они снова возвращались в свои села. Так продолжалось

¹⁰ Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. Скобелев, 1916, приложения № 10 и 11.

¹¹ В. В. Заорская, К. А. Александр. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915, табл. XVI, стр. 170.

¹² Там же, стр. 36.

¹³ Там же, табл. V, стр. 46.

¹⁴ Статистический обзор Ферганской области за 1913 г., стр. 57.

в течение нескольких лет, до тех пор, пока большинство из них не стало постоянными рабочими¹⁵. Длительное пребывание на горнорудных и других промышленных предприятиях меняло быт и привычки киргиза-скотовода и земледельца. Представители киргизской бедноты, постоянно общаясь с русскими рабочими, не могли не подпасть под их влияние.

Однако промышленность была не в состоянии использовать не только все имеющиеся «свободные» руки, но даже и все «свободное» время рабочих. Поэтому большинство рабочих коренной национальности оставалось отходниками-сезонниками; значительную часть года они занимались сельским хозяйством.

Уход сельского населения на заработки, по словам В. И. Ленина, «представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности»¹⁶. Прогрессивная роль отходничества особенно ярко проявилась на такой замкнутой и патриархальной окраине царской России, какой была дореволюционная Киргизия. Здесь отходничество в какой-то степени ломало национальную замкнутость, способствовало установлению контакта и взаимопонимания между рабочими разных национальностей, их сплочению в борьбе против буржуазных эксплуататоров и царского самодержавия.

Отходники-киргизы в процессе производства знакомились с новой техникой, приобретали определенные навыки в труде; повышалось их классовое сознание; росла ненависть к местным и царским эксплуататорам. Возвращавшись в родные айлы и кыштаки, они рассказывали землякам о новых приемах ведения хозяйства, достижениях техники, гуманизмом отношении русских рабочих к простым людям, способствуя тем самым развитию дружественных связей между коренным населением и русскими трудовыми переселенцами, пробуждению у них революционных устремлений.

Однако, как указывал В. И. Ленин, в Туркестане почти отсутствовал промышленный пролетариат¹⁷. Он находился лишь в стадии зарождения и не мог, естественно, возглавить революционную борьбу местных трудящихся. Эта трудная миссия выпала на долю русского пролетариата, являвшегося передовым отрядом мирового революционного движения.

¹⁵ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(4), л. 41—43.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 576—577.

¹⁷ Там же, т. 41, стр. 244.

Рабочие Туркестанского края, в том числе и Киргизии, являлись составной частью пролетариата России, под руководством которого угнетенные народы боролись против местных эксплуататоров и царских колонизаторов за национальную и социальную свободу.

На колониальных окраинах произвол капиталистов, в частности горных промышленников, был невыносимым. Владельцы промышленных предприятий и каменноугольных копей, пользуясь темнотой и безвыходным положением местных рабочих, устанавливали им самую низкую заработную плату. Инженер В. А. Васильев писал: «Средняя заработная плата промышленным рабочим в Семиреченской области в 2,5 раза ниже, чем в империи вообще»¹⁸. В Сыр-Дарынской области русские рабочие-мужчины получали 90 коп., узбеки — 86, киргизы и казахи — 69 коп. в день. В Семиреченской области рабочие коренной национальности получали в два раза меньше, а именно: русские — 1 руб. 10 коп., киргизы и казахи — 52 коп.¹⁹ В Ферганской области рабочим-европейцам платили 2 руб. 74 коп., узбекам — 1 руб. 20 коп.²⁰, киргизам и казахам — еще меньше. Особенно большой была разница в зарплате у рабочих горнорудной промышленности. На каменноугольных копях шахтер-европеец в среднем получал в пять раз больше, чем шахтер-киргиз. На шахте Сулукты, например, рабочим-переселенцам платили 1 руб. 50 коп., а рабочим коренной национальности, в частности киргизам, — 30 коп.²¹ Подросткам и женщинам, труд которых использовался почти на всех промышленных предприятиях, платили гроши.

Широко применялись всевозможные штрафы и вычеты, которые значительно снижали и без того низкую заработную плату рабочих. Как правило, жалованье выдавалось с большим опозданием. Заработная плата едва обеспечивала крайне низкий прожиточный минимум рабочих.

При низкой оплате рабочий день на промышленных предприятиях, в частности на каменноугольных копях, был доведен до 16—18 часов в сутки²². Горнопромышленники, преследуя экономические цели, старались всячески увеличить продолжительность рабочего времени на предприятиях.

¹⁸ В. А. Васильев. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915, стр. 188.

¹⁹ А. Г. Зима. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959, стр. 45.

²⁰ М. П. Вяткин. Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962, стр. 13.

²¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1057, л. 6.

²² Там же, л. 15; ЦГА Узб. ССР, ф. 41, оп. 1, д. 187, л. 99.

Положение рабочих усугублялось ужасными бытовыми и жилищными условиями. Они жили в тесных грязных бараках или темных сырых землянках. В этих жалких лачугах не хватало воздуха, тепла, света. В них было жарко летом и холодно зимой. С. Р. Лабунец вспоминает: «Семейные жили в землянках, холостые жили в казармах в два яруса... Как правило, на целую казарму молодых горняков был один «выходной» костюм, который надевали поочередно»²³. Чрезвычайно тяжелые бытовые условия рабочих, занятых в горнорудной промышленности, отражены в записке медицинской комиссии по обследованию санитарного состояния каменноугольной копи «Кызыл-Кия» от 1915 г. «Дорога,— говорится в ней,— покрыта каменноугольной пылью... Всюду масса клопов. Площадь рудника в окружности жилых помещений в огромном большинстве случаев загрязнена отбросами домашнего хозяйства: кости, тряпки, мусор. В казарменных помещениях живут только одинокие рабочие русские, туземцы и военнопленные... Казармы грязные и протекают крыши... Во многих казармах, состоящих из одной комнаты, живут семьи по 4—9 душ»²⁴. После изнурительной работы усталый шахтер валился в бараке или землянке на солому, заменившую ему постель. В таких же условиях жили рабочие и других каменноугольных копей²⁵.

На предприятиях совершенно отсутствовали охрана труда и техника безопасности, в результате несчастные случаи и увечья рабочих были обычным явлением. Пострадавшим на работе не оказывали никакой помощи, не говоря уж о выплате пенсии.

Различные социально-профессиональные болезни — туберкулез, ревматизм, цынга, тиф — уносили немало человеческих жизней, превращали больных в калек.

Не в лучших условиях находился и сельский пролетариат — батраки, джалчи (малаи), мардикеры и чайрикеры, работавшие у баев, манапов и русских кулаков. Батраки-киргизы «питаются впроголодь,— писал один из дореволюционных журналистов,— еле двигают ногами. Но они работают недурно. Все русские крестьяне (кулаки и середняки.— К. У.) Пишпекского

²³ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(4), л. 41—42.

²⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 41, оп. 1, д. 187, л. 99.

²⁵ О шахтерах Киргизии и их быте см.: С. М. Абрамзон. Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия. «Советская этнография», 1954, № 4; Х. М. Мусин. Из истории возникновения пролетариата в горнодобывающей промышленности дореволюционной Киргизии. Тр. Пржевальского учительского ин-та им. Г. М. Димитрова, вып. 1, 1952.

уезда имеют рабочих-киргиз и редко жалуются на их труд»²⁶. Батраки-киргизы, занятые в хозяйстве русских кулаков, получали низкую плату. «Условия найма рабочих те же, что и в других уездах,— говорится в отчете А. Половцева, обследовавшего хозяйства населения Пишпекского уезда.— Годовые работники бывают большею частью киргизы и в редких случаях — русские, которым платят на 10—15 рублей дороже, чем киргизу»²⁷. Обездоленный киргизский бедняк был согласен на все, что предлагала ему местная знать и зажиточные переселенцы, перед которыми в связи с этим открывались неограниченные возможности для эксплуатации.

Если труд батраков в хозяйствах переселенцев оплачивался деньгами, то в хозяйствах баев и манапов — в основном натурой, чаще всего скотом, иногда зерном.

На севере Киргизии батраков называли джалчи и малаями, на юге — чайрикеры и мардикеры. В скотоводческих хозяйствах малаи нанимались на разные сроки, обычно на год. «Наем пастухов,— говорится в официальных статистических материалах,— в большинстве случаев совершается на год или полгода, весьма часто случаи сезонного найма пастухов, преимущественно на зимний выпас скота»²⁸. Аналогичные сведения имеются и в других источниках²⁹. За работу в течение года пастухи получали в большинстве случаев «бир асый», т. е. одну лошадь или 5—6 овец³⁰. Но иногда труд малаев, занятых в скотоводческих хозяйствах баев и манапов, оплачивался деньгами. Это в значительной степени было распространено на юге Киргизии, где «средний размер годовой платы одному пастуху составлял 65 рублей»³¹. Письменные договоры не заключались, поэтому расчет производился не всегда полностью, иногда бай отказывалась платить батракам. Нередко джалчи уходил от бая по существу с пустыми руками.

Труд малаев был тяжелым и изнурительным. Днем они пасли скот, ночью охраняли его. Кроме того, они помогали в домашнем хозяйстве баев. Приходилось работать почти круглые

²⁶ А. Т. Из Пишпекского уезда (корр. «Туркестанских ведомостей»). «Туркестанские ведомости», 1902, № 4.

²⁷ А. А. Половцев. Отчет чиновника особых поручений при министре внутренних дел... СПб., 1898, стр. 64.

²⁸ П. П. Руминцев. Материалы..., т. 7, вып. 2, стр. 368.

²⁹ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент, 1915, стр. 150.

³⁰ Опросные материалы. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1544, л. 6, 20, 35, 40, 43.

³¹ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области..., стр. 150.

сутки. Малаев очень плохо кормили, скверно одевали — на их долю приходились объедки и изношенная одежда. Били за малейшие проступки.

Однако не все состоятельные киргизы нанимали батраков. Некоторая часть местных феодалов предпочитала пользоваться фактически даровыми услугами «сородичей» — коншу, чем услугами чужеродца-малая, которому нужно было платить. Вот что писали по этому поводу³² дореволюционные статисты: «Существует еще пастьба скота из доли продуктов. Каждый-нибудь бай, имеющий много скота, отдает бедному родственнику или просто надежному человеку с полсотни голов для пастьбы и ухода за ними; в вознаграждение за труд пасущий пользуется шерстью и молоком и имеет право резать в свою пользу заболевшую или случайно искалеченную овцу. Приплод весь остается за хозяином»³². Бедняки, в частности топоры, джарды, байкуши и джакыры, имевшие очень мало скота и земли, были вынуждены кочевать вместе с баем или манапом и по существу обслуживать его хозяйство. Члены статистической комиссии, обследовавшие хозяйства южных киргизов, писали о коншу: «При статистическом исследовании приходилось наблюдать на каждом шагу, что даже безлошадные хозяйства, имеющие одну корову и одного рабочего быка, покончив кое-как несложную обработку своей пашни, пешком «косят» на джайляу, где за домашние услуги богатым сородичам пользуются их кумысом»³³. Подобные сообщения о коншу содержатся в статистическом сборнике за 1911 г.³⁴ и опросных материалах³⁵. Коншу со своими семьями, кочуя с баями-«сородичами», выполняли у них всевозможные хозяйствственные работы: при перекочевках перевозили вещи, устанавливали юрты, иногда пасли скот и охраняли его ночью; женщины доили овец, коров и кобыл, стирали белье, собирали топливо, разводили костер и готовили пищу; дети ухаживали за байскими ягнятами и телятами. За всю работу коншу получал одну-две коровы или несколько дойных овец. Он имел право временно пользоваться их молоком. Иногда в порядке помощи «добрые» бай давали ему шерсть, шкуры, поноженную одежду и одну или несколько овец.

Кроме обедневших сородичей феодала коншу могли быть и чужеродцы.

³² Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области..., стр. 150.

³³ ЦГВИА, ф. 1276, оп. 8, д. 320, л. 23.

³⁴ Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд Ферганской области. Ташкент, 1913, стр. 59.

³⁵ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1544, л. 1—2, 14, 22, 34, 38—39, 43; инв. № 1695, л. 2, 73.

В земледельческом хозяйстве состоятельных полукочевников довольно широко применялся труд джатаков. Джатаками называли (буквально «лежачий», т. е. некочующий, оседлый) бедняков, переходивших к оседлому образу жизни и занимавшихся земледелием в районах зимних стойбищ, ими становились лица, лишившиеся скота, а значит, и возможности вести кочевое хозяйство. Один из дореволюционных исследователей Д. Федоров пишет: «Новые условия жизни выдвигают тем не менее постепенно новое экономическое разделение киргизской массы на богачей (баев) и бедноту (джатаков)... Первые обладают достоянием в виде скота, позволяющего им существовать без особого труда, но требующего кочевого уклада жизни и земельного простора. Вторые, как бы ни были привязаны к кочевому образу жизни, не могут его вести, так как необходимость добывать себе пропитание привязывает их к месту. Среди этой бедноты все более развивается привычка к земледелию»³⁶. О джатаках имеются сведения и в некоторых архивных документах, а также в статистических и опросных материалах³⁷.

Баи, манапы и другие состоятельные скотоводы, ведшие полукочевой образ жизни, обычно поручали уход за посевами джатакам, находившимся с ними в родстве. По этому поводу в статистических материалах говорится: «В большинстве хозяйств в кочевку уходит почти вся семья и весь скот. На кыштоо (зимовка, — К. У.) остаются лишь необходимые для обработки и уборки пашни силы — бедные хозяева»³⁸. Нередко несколько семей джатаков ухаживали за посевами, принадлежавшими всем зажиточным членам аильной общинны, выходцами, из которой они являлись.

За свою работу джатаки получали от «сородичей», т. е. от хозяев посевов, «саан» — корову (с правом пользоваться молоком) и «куч» или «унаа», т. е. верховую лошадь во временное пользование. «Сородичи» давали джатакам также молочные продукты — айран, курут, сәзмә, кымыз, а также шерсть шкуры и пр.

Джатаки составляли значительную часть коренного населения. Не случайно в архивных документах подчеркивается их многочисленность³⁹.

³⁶ Д. Федоров. Чжунгарско-Семиреченский приграничный район..., стр. 84.

³⁷ ЦГВИА СССР, д. 400, Аз. часть, 1907 г., д. 119, л. 81; ЦГА Каз. ССР, ф. 314, оп. 1, д. 3-а, л. 1; Материалы по землепользованию... стр. 218; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1544, л. 19—20, 22, 43; инв. № 1519 (10-а), л. 1—2.

³⁸ Материалы по землепользованию... стр. 218.

³⁹ ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, 1907 г., д. 119, л. 81.

Социальные взаимоотношения джатаков и феодалов не были свободны от патриархально-родовых пережитков. Джатак, работая на феодала, считал, что он оказывает помощь в хозяйстве своему «сородичу», а хозяин посевов, предоставляя джатакам «саан», «куч», выдавал себя за «родственника-добродетеля». Несмотря на это, джатаков следует относить к числу своеобразных сельских пролетариев, еще не успевших освободиться от дофеодальных пережитков.

В земледельческих хозяйствах баев и других представителей феодальной знати трудились не только джатаки, но и батраки. Труд батраков особенно широко использовался в период посевной кампании, во время поливов и уборки урожая. Зажиточные хозяева для заготовки сена на зиму зачастую также нанимали батраков.

Как указывалось, на юге Киргизии батраков называли чайрикерами (издольщики) и мардикерами (поденщики). Обычно «чайрикерами» являлись лица, или не имеющие своей земли или малоземельные, которые за неимением скота и отсутствием средств на наем последнего предлагают свой труд зажиточным землевладельцам⁴⁰. Баи и другие состоятельные хозяева давали чайрикерам землю, нередко семена, сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот. «Наем мардикеров и сдача части земли чайрикерам,— писали члены комиссии, изучавшей население Туркестана,— чаще встречается у многоземельных групп»⁴¹. Все полевые работы, начиная от пахоты и кончая

уборкой урожая, выполнялись чайрикерами. За свой труд они получали определенную часть урожая (от 1/2 до 1/5), которая зависела прежде всего от условий труда и степени участия в полевой работе (табл. 2)⁴².

Как видно из данных табл. 2, чайрикеры, не имевшие рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря и семян, получали лишь незначительную часть урожая. Львиная доля доставалась хозяину.

В отличие от чайрикеров мардикеры нанимались на сельскохозяйственные работы только на определенный срок, даже на несколько дней, особенно в период посевной и уборочной кампании. За свой труд они получали оплату деньгами, а не натурой, как чайрикеры. «Мардикерами называются наемные рабочие, преимущественно поденные,— говорится в материалах комиссии по ревизии Туркестанского края.— Такие рабочие нанимаются на время экстренных сельскохозяйственных работ, требующих исполнения в короткое время. Главным образом наемные поденщики нужны при выращивании хлопка, во время окучки его, прореживания, всхода и прополки..., а также во время работ на других ценных культурах»⁴³. Однако мардикеры не всегда могли найти работу. Многие из них вынуждены были ходить из кыштака в кыштак и работать на любых условиях. Заработанных денег им не хватало даже на пропитание. Поэтому мардикеры, как и чайрикеры, часто попадали в кабалу к растовщикам, баям и другим представителям эксплуататорского класса.

Киргизские феодалы, перешедшие на службу к царскому правительству и ставшие социальной опорой последнего, сохранили господствующее положение и привилегии, а трудовые массы оставались бесправными. Об этом говорится во многих архивных документах и других источниках. «Кара-киргизы,— зафиксировано в одном из них, датированном 17 мая 1916 г.,— находятся в подчинении у манапов — киргизских дворян. Манап — полновластный распорядитель судеб подчиненной ему букары (черни) или бечары (бедноты). Последние обязаны из всего, что они имеют, из всего, что они добывают, часть отдать манапу... Букара в полном смысле бесправна»⁴⁴. В другом источнике сообщается о том, что манапы «распоряжаются собственностью своей букары вполне свободно. Но, кроме того, манапы постоянно обирают букару, так сказать, по мелочам, они облагают ее и постоянным определенным налогом деньги».

Таблица 2		
Часть урожая, получаемая чайрикером при условии, если рабочий скот принадлежал		
	владельцу земли	чайрикеру
Алтын-Кульская волость	1/5	1/2
Киргиз-Курганская «	1/3	1/2
Узбекская «	1/5 или 1/4	1/2
Ак-Буринская «	1/4	1/2
Нанайская «	1/4	1/2
Шураханский участок	1/2	2/3
Магиено-Фарабская волость	1/4	1/2

⁴⁰ К. К. Пален. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, отд. 1, СПб., 1911, стр. 237—238.

⁴¹ Там же, стр. 245.

⁴² Там же, стр. 236—239.

⁴³ Там же, стр. 236.

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 57, л. 8—9.

ми или зерном или тем и другим вместе»⁴⁵. Манапы «создали полную экономическую и политическую зависимость для киргизских масс, пользуются этим и эксплуатируют их во всех отношениях, то обложением в свою пользу особым денежным оброком, то сдачею при удобном случае в аренду пахотных земель крестьянам, дунганам или другим лицам, лишая при этом киргиз-земледельцев главного источника их жизненных средств. Эксплуатация киргизских масс при помощи народного суда (бия.— К. У.) доведена до крайних пределов, когда разоренные массы киргиз должны отыскивать себе пропитание заработка на стороне и, главным образом, батрачеством у оседлого населения и у тех же манапов. Бедный работает на манапа ради пищи и одежды для полуголодной семьи, и если тот зарабатывает на стороне, то должен часть этого заработка отдавать манапу в виде оброка»⁴⁶.

Члены правительственный комиссии, тщательно изучавшие экономическую и политическую жизнь Туркестанского края, вынуждены были отметить, что «в руках джакшиляров (бай— богачи, манапы — лучшие люди)... составляющих, по удостоверению знатоков киргизского быта, не свыше 4% всего населения, фактически сосредоточены громадные стада, лучшие земли и все органы туземного самоуправления и народного суда. Что же касается кара-букары, то она пользуется землей лишь в меру милости джакшиляров и уплачивает в их пользу негласные налоги, едва ли не вдвое превышающие казенные сборы (выделено на ми.— К. У.)»⁴⁷.

Приведенные выдержки из исторических источников и фактические данные полностью опровергают лживые утверждения лакеев современной буржуазии об отсутствии социального гнета, классов и классовой борьбы у народов Средней Азии до Октябрьской революции. Один из них — Б. Хант, идеализируя прошлое, пишет: «Туркестанский народ до революции 1917 г. не знал классового деления. Туркестанский народ, одна часть которого жила в лучших условиях, а другая в бедности, образовывал бесклассовое общество на основе ислама»⁴⁸. Б. Хант

⁴⁵ О. Шкапский. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиречской области. «Вопросы колонизации», 1907, № 1, стр. 43.

⁴⁶ В. Воронков. К вопросу о поземельном устройстве туземного киргизского населения в Семиреченской области. «Семиреченские областные ведомости», 1908, № 27.

⁴⁷ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910, стр. 164.

⁴⁸ Цит. по кн.: К. Новоселов. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962, стр. 49.

настолько далек от исторической действительности, что не видит и не хочет видеть самих народов Средней Азии, не говоря о социальном антагонизме коренного населения. Он отрицает социальную сущность национально-освободительных движений и закономерность победы Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Хант пытается объединить народы Средней Азии и Казахстана под реакционным лозунгом пантуркизма и панисламизма.

Царское правительство хотя и ограничило в значительной степени власть крупных манапов, но не считало нужным игнорировать роль местной феодальной знати в укреплении влияния колониальной власти в Киргизии и угнетении народных масс. Поэтому оно поспешило привлечь на свою сторону манапов, баев, которые в свою очередь нуждались в поддержке и покровительстве новых «хозяев». Таким образом, местные феодалы быстро нашли общий язык с царизмом и получили возможность по-прежнему эксплуатировать народные массы.

Теперь в их руках оказалась местная власть. Во главе волостей, аилов и сельских общин были представители киргизской знати, в основном манапы. Должности волостного управителя и бия считались выборными. Однако «выборы» носили чисто формальный характер.

Народные массы фактически не имели избирательного права и не могли принимать участия в выборах. Каждые пятьдесят кибиток или дворов выбирали «элую бashi» — пятидесятника-выборщика. «Элую бashi» могли быть только манапы или другие влиятельные лица. Пятидесятники избирали волостных управителей и биев сроком на три года.

При выборах в качестве представителя царской власти присутствовал участковый пристав, от которого зависела судьба кандидатов на должность волостного управителя и бия. Избранные волостные управители и бии утверждались начальником уезда.

Выборы, как правило, проходили в условиях острой борьбы между представителями феодальной знати, претендовавшими на должность волостного управителя, бия и казия. Каждый из претендентов обычно выдавал себя за защитника интересов своих сородичей, на которых старался опираться. Иногда это удавалось. В таких случаях борьба за власть между кандидатами носила патриархально-родовую окраску. Но ее социальная сущность не менялась. Часто предвыборная борьба имела кровавый исход. Не случайно в специальной статье, посвященной выборам волостных управителей и биев, говорится, что на

выборах «происходит отчаянная свалка, нередко оканчивающаяся убийством»⁴⁹.

Для достижения своих целей кандидаты не пренебрегали ничем. Они прибегали ко всевозможным махинациям, шантажу, запугиванию населения, прямому насилию, подкупу пятидесятников-выборщиков и царских чиновников. Нередко кандидаты, давая сведения о числе юртовладельцев, подчиненных им, явно преувеличивали его: несовершеннолетнего мальчика они выдавали за взрослого главу семьи, а старуху преклонного возраста — за мужчину-юртовладельца⁵⁰. Достаточно сказать, что только в семи киргизских волостях Андижанского уезда число фиктивных юртовладельцев составляло 2758 (в этих волостях насчитывалось всего 11405 юрт, но во время выборов в 1911 г. были поданы сведения, в которых их число было преувеличено — 14163). «Столь значительное количество фиктивных кибиток,— отмечают статистики,— объясняется стремлением различных родовых групп иметь большее число голосов при выборах»⁵¹. Можно попутно заметить, что преувеличение числа юрт и дворов в свою очередь приводило к росту объема поборов и податей, которые в конечном счете ложились непосильным бременем на трудящихся.

Во время выборов процветал подкуп влиятельных лиц, в частности участковых приставов, уездных начальников, иногда и военных губернаторов областей, которые были непротив обогатиться. Расходы на подкуп должностных лиц принимали обычно громадные размеры. Так, в 1914 г. в одной только Ново-Николаевской волости Пишпекского уезда в период выборов было затрачено 3000 руб. В 1915 г. манап Кульчигачевской волости Мирзабек на одаривание царских чиновников, присутствовавших на выборах, израсходовал 2150 руб. А манап Султан из Атаке-Сарбагышевской волости в таких же целях истрастил 2000 руб. Г. И. Бродо, долго служивший в Пишпекском уезде, справедливо отмечал: «Нет ни одной самой захудалой волости, в которой выборы не обошли бы в 2—3 тысячи рублей»⁵².

Волостными управителями, биями и казиями выбирали,

⁴⁹ Ф. Ц-кий. Шайляу. «Туркестанские ведомости», 1911, № 146.

⁵⁰ ЦГВИА ССР, ф. 400, Аз. часть, 1912 г., д. 104, л. 2, 3; Ф. Ц-кий. Шайляу. «Туркестанские ведомости», 1911, № 147.

⁵¹ Материалы по киргизскому землепользованию... Андижанский уезд... стр. 36.

⁵² Г. И. Бродо. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. (Показания, данные 3 сентября 1916 г. Г. И. Бродо прокурору Ташкентской судебной палаты по делу о киргизском восстании 1916 г.). «Новый Восток», 1924, № 6, стр. 415.

вернее назначали, только тех, кто давал большие взятки представителям царского правительства. Например, помощник начальника Ошского уезда Иосен рекомендовал избирать волостными управителями приподносявших ему не менее 700 руб.⁵³ Под давлением пишпекского уездного начальника волостными управителями были «выбраны»: в Талкановской волости — Ашир Узбеков, в Джамансартовской — Дардаил Абдулин, в Сусамырской — Туркмен Сарыпбеков⁵⁴, в Сокулукской — Асанкул Чолпонкулов, в Атаке-Сарбагышевской — Кемел Шабданов — крупные манапы, отличившиеся своими подношениями высокопоставленным чиновникам.

Манап, заняв пост волостного управителя, собирал с подвластных ему трудящихся средства, значительно превышавшие затраченные на выборах. Так, в 1909 г. сын известного манапа Шабдана Самудин, став управителем Атаке-Сарбагышевской волости, под предлогом возмещения средств, израсходованных во время выборов, взыскал с населения: лошадей — 778, верблюдов — 57, баранов — 36, кошм — 30 штук и 1255 руб.⁵⁵ Управитель Кугартской волости Андижанского уезда в 1911 г. заставил подвластных ему жителей выплатить 40 тыс. руб.⁵⁶ якобы для покрытия расходов, связанных с выборами. Управитель Багышевской волости Наманганского уезда под таким же предлогом с каждого двора собрал по 5 руб., что в целом составило 1200 руб.⁵⁷

Всяческим гонениям подвергались трудовые массы побежденной стороны. В основном правы члены упомянутой ревизионной комиссии, писавшие, что «выборная кампания выродилась в систему беззастенчивого подкупа и интриг. Взявшая верх партия по окончании выборов через своих ставленников мстила побежденным различными притеснениями, между прочим, и предъявлением к ним ложных исков, которые всегда присуждались народными судьями в пользу своих сородичей»⁵⁸. Но это не означает, что трудовые массы победившей стороны находились в лучших условиях. Манапы и другие представители феодальной знати, прияя к власти, чинили привол и насилие не только над «чужеродцами», но и над «своими» сородичами, на которых опирались во время выборов.

⁵³ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 5573, л. 4—6.

⁵⁴ Из истории восстания киргиз и казахов в 1916 г. (воспоминания). «Борьба классов», 1932, № 7—8, стр. 130.

⁵⁵ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 6951, л. 2—3.

⁵⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 17868, л. 1.

⁵⁷ Там же, д. 22004, л. 5—6.

⁵⁸ Отчет по ревизии Туркестанского края... Народные суды Туркестанского края... стр. 38.

Таким образом, система выборов способствовала разорению и обнищанию трудовых масс.

Однако было бы неправильным считать, что трудящихся эксплуатировали только волостные управители и другие должностные лица.

Такие крупные манапы, как Чолпонкул Тыналин, Дюр Сооронбаев, Шабдан Джантаев, Кокумбай Чыныев, Курман Лепесов, Чойбек Дыйканбаев и многие другие, не занимали официальных должностей, однако они были настолько могущественными, что волостные управители находились под их влиянием и выполняли их волю. Это нашло отражение в исторических источниках. Н. С. Лыкошин, долго служивший в Туркестане и хорошо знавший административное устройство и социальные отношения коренного населения, подчеркивал, что влиятельные манапы «ведут за собой темный народ, намечая при выборах должностных лиц, кандидатов, угодных им самим, а не народу. Они-то в сущности и правят бесконтрольно народом через своих ставленников, всецело обязанных им своим избранием и потому во всех своих действиях оглядывающихся на этих демагогов»⁵⁹. Аналогичные сведения содержатся в статистических материалах, архивных документах и материалах периодической печати⁶⁰.

Итак, трудовые массы эксплуатировались господствовавшим феодальным классом, в руках которого находились основные средства производства. Должностные лица, являвшиеся представителями феодальной знати, выражали интересы своего класса и осуществляли его волю.

Говоря об эксплуатации трудающихся феодалами, нельзя забывать и о биях и казиях, в руках которых находилась местная судебная власть. Как указывалось, выборы биев и казиев проводились одновременно с выборами волостных управителей, одними и теми же избирателями, на тот же срок, в том же порядке. Биями и казиями, как и волостными управителями, могли стать только состоятельные лица. Капитан Давлетшин, изучавший деятельность судебных и следственных органов Туркестанского края, в том числе и Киргизии, не без основания писал, что «в суды попадают не те, кто достоин, а тот, кто имеет возможность приобрести большую партию, при посредстве подкупов, затем такие лица, заняв должность судьи, прежде всего стремятся вернуть свои издержки по выборам и

⁵⁹ Н. С. Лыкошин. Положение в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг., 1917, стр. 134—135.

⁶⁰ П. П. Румянцев. Материалы... стр. 206; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 1052, л. 9 и 12; Р. Н. Кара-киргизское самоуправление. «Туркестанские ведомости», 1906, № 149.

потому при решении дел преследуют исключительно свои корыстные цели... Расспрашивая туземцев, я узнал, что почти повсеместно новые судьи, по утверждении их в должностях, устраивают особое пиршество, на котором... дают взаимное торжественное обещание никогда не отменять на съезде решений сотоварищей»⁶¹.

В каждой волости избирались четыре и более, в зависимости от числа аильных и сельских общин, бия или казия, которые снабжались бронзовыми знаками для ношения при исполнении служебных обязанностей и именными должностными печатями. Биев избирали кочевые и полукочевые хозяйства, а казиев — оседлые. Разница между ними заключалась в том, что бии в судебном производстве руководствовались адатом (обычным правом), а казии — шариатом (кораном). Но те и другие выражали интересы феодалов и были послушным орудием в их руках. «В киргизском народном суде,— замечает один из дореволюционных исследователей В. Воронков,— бедняк никогда не может найти защиты своих интересов и добьется себе правосудия, так как все судьи, будучи или из манапов или их ставленников, находятся не только под влиянием манапов, но все дела, как уголовные, так и гражданские, решают по их указанию... Хотя кроме единоличного народного суда имеются волостные и чрезвычайные съезды народных судей, но и в последних установлениях бедняк не может добиться правосудия, так как состоят они из тех же народных судей-манапов или их ставленников и постановления их ничем не отличаются от постановлений судей»⁶². Подобные сведения находим и в ряде архивных документов⁶³.

Судебный процесс велся с учетом социального и имущественного положения сторон. При разборе дел бии и казии исходили из интересов эксплуататорского класса. Обиженный и пострадавший трудающийся не находил у них защиты. Часто ослушавшимся рядовым киргизам предъявляли ложные иски, обвиняя их в краже (обычно в угоне скота), и передавали их дела на рассмотрение биям или казиям, которые всегда принимали решение в пользу истца. Об этом свидетельствует телеграмма от 23 апреля 1910 г., в которой 374 юртовладельца, представители букары Шамсинской волости Пишпекского уезда

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 394, л. 32.

⁶² В. Воронков. К вопросу о поземельном устройстве туземного киргизского населения в Семиреченской области. «Семиреченские областные ведомости», 1908, № 27.

⁶³ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 6, д. 968, л. 250; ЦГА Каз. ССР, ф. 2, д. 3446, л. 22; ф. 4, оп. 2, д. 6756, л. 4; ф. 44, оп. 2, д. 685, л. 1; д. 6959, л. 66; д. 8363, л. 2—3; оп. 2-а, д. 617, л. 1.

да, заявляют, что бии «находятся в руках манапов и, следовательно, нам грозит безвинно нести наказание по ложным жалобам»⁶⁴. Нередко в пользу истца-феодала присуждался «тогуз» (9 голов скота) с обвиняемого, а иногда и несколько тогузов, что разоряло бедноту.

Адат — обычное право, которое по существу можно было толковать как угодно, да и шариат, служивший интересам эксплуататоров, развязывали руки «блестителям законов» — биям и казиим, предоставляя им неограниченные возможности грабить и угнетать темные народные массы. Это не отрицали даже члены правительенной комиссии, производившей ревизию в Туркестанском крае. Они писали: «Пользуясь гибкими и не имеющими безусловного обязательного значения нормами обычного права, народный суд имеет возможность привлекать туземцев к ответственности даже за не существующие ни в каких кодексах преступления, безгранично властвуя в широких пределах предоставленной ему компетенции и не связанный никакими формальными обрядностями. Он может постановлять и постановляет совершенно произвольные, явно несправедливые приговоры и решения»⁶⁵. Вопиющая несправедливость биев и казиев не могла не вызвать недоверие и ненависть у трудового народа. Представители коренного населения с возмущением заявили упомянутому выше капитану Давлетшину: «У нас нет для народа суда справедливого, все держится на подкупах»⁶⁶. В телеграмме группы бедняков Иссык-Атинской волости от 21 октября 1911 г. действия биев сравниваются с «сильным пожаром, лютой зимой, разорительным джутом и нашествием саранчи»⁶⁷.

Ненависть и недоверие к биям и казиим были настолько велики, что подсудимые рядовые киргизы стали обращаться к царским чиновникам с просьбой рассмотреть их дела в судебных органах, призванных обслуживать русское население. «В наших судах, — заявили 65 юртовладельцев аила № 7 Узуптырской волости Пийинского уезда в своем прошении от 20 сентября 1910 г., — нет никакой правды, а тем более при данных наших обстоятельствах, где нет никакой пощады, хотя мы правы... от суда не отказываемся, но лишь только бы судил нас русский суд, а не наш»⁶⁸. Подобные просьбы трудящихся не

⁶⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 8363, л. 2–3.

⁶⁵ Отчет по ревизии Туркестанского края... Народные суды Туркестанского края... стр. 42.

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 394, л. 32.

⁶⁷ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 9861, л. 107–115; Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907–1914 гг. Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1957, док. № 248.

⁶⁸ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 8650, л. 12–13.

удовлетворялись царской администрацией, ставившей не обидеть биев и казиев, которые верно служили ей. Трудовые массы напрасно искали справедливости в царских судебных органах, охранявших интересы имущих.

Биям и казиям не полагалось твердое жалование, но им разрешалось получать от подсудимых «бийлик», т. е. 10% иска⁶⁹. Это давало им возможность злоупотреблять служебным положением, заниматься взяточничеством и вымогательством. Как правило, бийлик взимался «вдвое и втрое, а в некоторых случаях и еще выше»⁷⁰ установленной нормы. Бии и казии не ограничивались бийликом. От подсудимых они получали разные подношения и подарки, по существу являвшиеся своеобразной взяткой. Определенная часть «айыпа» (штрафа) шла в пользу феодалов, участвовавших в разборе дела.

Итак, судебные должности были одним из основных источников обогащения феодалов и средством эксплуатации трудящихся.

Манапы, в частности волостные управители и старшины, злоупотребляя служебным положением и ловко используя пережитки патриархально-родового быта, обирали народ, взимая так называемые «чигым» и «джуртчулуку». Эти поборы не предусматривались царским законодательством и поэтому считались «добровольными», но фактически были обязательными. Сбор чигыма проводился под предлогом покрытия расходов на нужды аильной общины и волости. Эти поборы и подати чаще всего взимались с целью угощения царских чиновников и других важных гостей, подношения им подарков, на временное содержание военных отрядов, землемеров, статистиков, членов различных комиссий и экспедиций и поставку им юрт, кошм, лошадей, фуража, продуктов питания и т. п. Чигым и джуртчулуку служили источником дохода манапов и должностных лиц.

Как показывают многочисленные исторические данные, эти подати по своей разорительности не уступали официальным государственным налогам и так же, как последние, тяжелым бременем ложились на плечи коренного трудового населения. Они не имели установленного размера и взимались довольно часто (несколько раз в год).

Размер чигыма и джуртчулука, определяемый произвольно волостными управителями, старшинами и другими представи-

⁶⁹ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 394, л. 36; ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 25, д. 24, л. 122.

⁷⁰ Отчет по ревизии Туркестанского края... Народные суды Туркестанского края... стр. 85.

телями феодальной знати, был настолько велик, что даже царские чиновники, боявшиеся народного восстания как огня, выражали беспокойство. «Население,— пишет начальник Ат-Башинского участка в своем донесении на имя военного губернатора Семиреченской области от 29 октября 1906 г.— уплачивает своим манапам чигым, превышающий иногда в несколько раз государственную подать, причем плательщиками чигымов являются именно те кибитковладельцы, которые платят по своей бедности минимум подати»⁷¹. Более тревожно звучит сообщение одного из дореволюционных авторов, имя которого неизвестно. Он подчеркивает, что «киргизская беднота в некоторых волостях выбивается из сил под гнетом честолюбивых и алчных манапов... Еще немного и зло это вместе с «чигымами» грозит кара-киргизским народным массам полным разорением... Юртовладелец, уплачивая казенного поземельного сбора в среднем около четырех рублей и земельного сбора около двух рублей, выплачивает в течение года под наименованием «чигыма» сумму в два-три раза большую сравнительно с податями»⁷². В показании Г. И. Бродо, данном 3 сентября 1916 г. прокурору Ташкентской судебной палаты, говорится, что «самые главные злоупотребления происходят с волостными сборами — «джуртчулук», которые далеко превосходят по размерам законный окладный сбор с киргизов. Отчетности по этим суммам не ведется»⁷³. А члены ревизионной комиссии, тщательно изучившие финансовое положение Туркестанского края и платежные возможности местного населения, зафиксировали: «Кроме легальных общественных сборов, с кочевого населения взыскиваются волостными управителями нередко еще и разного рода нелегальные сборы, известные у киргизов (под названием.— К. У.) чигым или кара-чигым (черный, темный расход)»⁷⁴. Подобные же сведения содержатся в рапорте пишпекского уездного начальника: «Манапы по-прежнему фактически считают себя господами киргизского простого народа и по-прежнему взимают с него подати в свою пользу»⁷⁵. В прошении киргизов Талкановской волости от 1 ноября 1910 г. сообщается о том, что влиятельные манапы Пишпекского уезда заставляют букару платить им ежегодно джуртчулук и «всячески их (букару.— К. У.) притесняют»⁷⁶. О

⁷¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 13, д. 587, л. 106, 121.

⁷² Р. Н. Кара-киргизское самоуправление. «Туркестанские ведомости», 1906, № 144.

⁷³ Г. И. Бродо. Материалы к истории восстания... стр. 415.

⁷⁴ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Налоги и пошлины. Органы финансового управления... стр. 166.

⁷⁵ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 1052, л. 9.

⁷⁶ Там же, д. 8651, л. 131—132.

насильственном сборе чигыма и джуртчулука говорится также в жалобе жителя аиля № 4 Джумгальской волости Бабакана Бекбулатова: «Киргизские должностные лица по существующему обычью на уплату своих собственных долгов отбирают у подведомственных им киргизов скот»⁷⁷. Не только в приведенных источниках, но и в других архивных документах, в частности в прошениях сотен бедняков киргизов, нашли яркое выражение такие факты.

Как указано в прошении 731 юртовладельца Чоринской волости Пржевальского уезда от 4 ноября 1897 г., управитель этой волости в уплату личного долга собрал с просителей чигым в размере 6000 руб.⁷⁸ Известный манап Курман Лепесов заставил каждого юртовладельца Курманкаджинской волости отдать ему 2—3 лошади⁷⁹, чтобы покрыть расходы, связанные с избранием его брата волостным управителем. В жалобе жителей аиля № 3 Тонской волости Пржевальского уезда от 4 ноября 1904 г. сообщается, что «манапы собирают скот и имущество на покрытие своих расходов по поездкам... и заставили всех кибитковладельцев аиля № 3 платить»⁸⁰. Чигым, собранный влиятельными манапами этой волости, только за 1903 г. составил более 15 тыс. руб. В 1904 г. крупнейший манап Шабдан Джантаев по возвращении из Мекки, куда он совершил паломничество и где поражал всех своей щедростью, собрал чигым, чтобы компенсировать свои затраты, с населения Атаке-Сарбагышевской и частично других волостей Пишпекского уезда в сумме 12—15 тыс. руб.⁸¹ В прошении жителя Найманской волости Маргеланского уезда муллы Худайкула Чукатаева от 15 марта 1905 г. сообщается, что в алай-тейтском и алай-кипчакском обществах должностными лицами производился сбор средств деньгами и скотом. Всего было взыскано 1150 руб., которые пошли на покрытие различных расходов⁸². В 1905 г. старшина аиля № 8 и волостной управитель Турайгырской волости Пржевальского уезда обложили подвластное им население чигыром. Каждый юртовладелец отдал одного барана и 3 руб. 50 коп.; всего было собрано 9500 руб.⁸³ Управитель Тонской волости в июле 1907 г. заставил рядовых юртовладельцев аиля № 1 отдать ему по два барана. Через три ме-

⁷⁷ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 1011, л. 2.

⁷⁸ Там же, д. 1337, л. 1.

⁷⁹ Там же, д. 1667, л. 2—3.

⁸⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 13, д. 468, л. 10—11; д. 469, л. 14—15.

⁸¹ О. Шапский. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области, «Вопросы колонизации», 1907, № 1, стр. 44—45.

⁸² ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 16509, л. 2.

⁸³ Там же, ф. 1, оп. 4, д. 882, л. 823—824.

сяца жители этого аиала уплатили ему по 2 руб. 14 коп. Но спустя месяц он вновь пытался взыскать с каждого двора по 5 руб. 70 коп., однако на этот раз «ему отказали»⁸⁴. Как следует из прошения жителей аиала № 4 Кенкол-Карагырской волости от 22 мая 1909 г., их старшина вынудил 150 юртовладельцев платить ему чигым по 3 руб. 50 коп. Старшина аиала № 5 Кугартской волости Андижанского уезда взыскивал с подвластных ему жителей баарнов и деньги⁸⁵.

Подворный размер чигыма, собираемого с трудового населения управителем Иссык-Атинской волости в 1911 г., достигал 10 руб. В том же году манап Чолпонкул Тыналин пытался заставить кибитковладельцев Сокулукской волости платить ему джуртчулуку по 20 руб⁸⁶, что, однако, ему не удалось. Во многих волостях размер чигыма ежегодно увеличивался. Так, в Западно-Джеты-Огузской волости общая сумма чигыма в 1913 г. составила 1243 руб., а в 1914 г. — 7215 руб.⁸⁷ В Атекинской волости в 1912 г. в среднем на долю каждого плательщика приходилось от 15 до 24 руб. чигыма, а в Сарбагышевской — от 22 до 26 руб.⁸⁸ Рост чигыма отмечался и в Улахольской, Джумгальской, Турайгырской, Сусамырской и других волостях⁸⁹.

Уклонявшихся от уплаты чигыма и джуртчулука преследовали, избивали и даже лишали свободы. Обычно им предъявляли ложные обвинения и передавали дела на рассмотрение биев или казиев, которые решали их в интересах манапов, в частности волостных управителей и старшин, присуждая «айып» (штраф) в пользу истца. В телеграмме Черикбая Айтбаева, Байтерека Чингоджина и других жителей Иссык-Атинской волости Пишпекского уезда от 21 октября 1911 г. говорится: «Всесильные манапы обложили нас джуртчулуком по 7—10 рублей с юртовладельца... Мы вполне уверены, что отказавшегося заплатить джуртчулуку накажут немилосердно, отберут через народный суд имущество, многих посадят в тюрьму»⁹⁰. Житель аиала № 4 Турдубай Рыскулбеков, отказавшийся от уплаты чигыма, был сильно избит джигитами шамсинского

⁸⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 6239, л. 13.

⁸⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 17114, л. 9; д. 16542, л. 12.

⁸⁶ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 9861, л. 107—115; Рабочее и аграрное движение в Казахстане 1907—1914 гг. Сб. документов и материалов, Алма-Ата, 1957, док. № 248.

⁸⁷ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 15651, л. 5—6.

⁸⁸ Там же, д. 12503, л. 10.

⁸⁹ Там же, д. 8819, л. 2; д. 12634, л. 43—44; д. 13821, л. 5; д. 7943, л. 212—213; ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 18743, л. 4, и др.

⁹⁰ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 9861, л. 107—115; д. 6756, л. 4; Рабочее и аграрное движение в Казахстане... док. № 248.

волостного управителя. Его родители также подверглись истязаниям. Однако дело этим не кончилось. Появилось решение бия о взыскании с него 30 руб. Но поскольку «виновный» не мог выплатить этой суммы, у него отобрали единственную лошадь и седло. О произволе и насилии старшин-сборщиков чигыма говорится в жалобе бедняка аиала № 6 Турайгырской волости Б. Майлыбаева от 27 мая 1910 г. Старшина аиала «требует от меня частные расходы (чигым), — пишет он. — Мною в 1910 г. были отданы старшине... последние 4 козленка и 1 руб. 56 коп. деньгами. В настоящее время я не имею ни одной скотины и работать не могу ввиду моего слабого здоровья и преклонных лет. Если нет денег, он силою забирает у меня последние мои вещи»⁹¹. Такого содержания и жалоба Рысепая Сирекова, Ботокана Ормонбекова и других рядовых киргизов Западно-Джеты-Огузской волости от 19 октября 1915 г. В частности, в ней говорится, что волостной управитель «с каждым годом требует все больше и больше с нас денег в свою пользу... Мы долго молчали и боялись заявить на него. Он грозил каждого, кто пожалуется на него, посадить в тюрьму. Но теперь мы не в силах молчать»⁹².

Наряду с государственными налогами и повинностями чигым и другие многочисленные неофициальные поборы довели трудовые массы до нищеты и разорения. Бедняк из аиала № 3 Тюпской волости Тыналы Барманов в своем прошении превальскому уездному начальнику от 3 января 1914 г. сообщает, что «старшина аиала... кроме всей следующей с меня подати и прочих (налогов. — К. У.) ежемесячно надоедает и просит с меня чигым, за что, сам не знаю, так я из-за этого чигыма живу с семейством почти нагой и голодный»⁹³. В жалобе жителей Западно-Джеты-Огузской волости, адресованной военному губернатору Семиреченской области от 16 октября 1915 г., читаем: «Нам не под силу становится терпеть его (волостного управителя. — К. У.) поборы и угнетение... Он безжалостно разоряет народ... Кажется, решил выжить с народа последнее, что только осталось. С каждым годом он требует все больше и больше, и народ все нищает»⁹⁴. Обнищание и разорение рядовых киргизов принимало всеобщий характер.

Обездоленным народным массам некуда было жаловаться. А власти сквозь пальцы смотрели на злоупотребления местных должностных лиц, позволяли им грабить и притеснять народ.

⁹¹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 7807, л. 3—4.

⁹² Там же, д. 15651, л. 5—6.

⁹³ Там же, д. 14036, л. 2.

⁹⁴ Там же, д. 15651, л. 28—29.

Классовая борьба и ее усиление в начале XX в.

Ухудшение положения трудящихся не могло не вызвать их недовольства, которое часто выливалось в открытые выступления. Об этом не могла молчать даже официальная литература, призванная служить интересам царизма и местных господствующих классов. «Нет нигде среди киргиз,— говорится в статистическом сборнике,— такого резкого различия и антагонизма между белой и черной костью, как между манапами и букарой у кара-киргиз»⁹⁵. В «Известиях Русского географического общества» напечатано: «Букара начинает поднимать свою голову, разгибать согбенную выю и пытаться сбросить манапское иго»⁹⁶. «За последнее время,— пишет Д. Федоров,— вся масса киргиз подразделилась на два класса: состоятельных баев, джакшиларов, и бедноту — джатаков — кара-букару... интересы этих двух экономических классов совершенно противоположны... Борьба между этими двумя классами идет непрерывно»⁹⁷. О борьбе киргизских трудовых масс — кара-букары — против феодалов-манапов сообщалось и в местной периодической печати. Так, в статье В. Воронкова в газете «Семиреченские областные ведомости» говорится: «Букара стремится освободиться из-под ига манапов, но ее первые шаги вследствие, с одной стороны, неорганизованности, а с другой стороны, отсутствия поддержки не имеют успеха. Букара сознает, что главным путем освобождения от манапов является разрешение земельного вопроса. Она желает такого строя, при котором манапы не могли бы распоряжаться землею. Не так давно было возникло на этой почве движение, но оно было подавлено манапами в самом корне»⁹⁸. Некоторые царские чиновники под давлением фактов также отмечают борьбу киргизской бедноты против гнета «джакшиларов». Один из них — сотрудник Туркестанского районного охранного отделения Юнгмейерт — в рапорте от 30 декабря 1916 г. сообщает, что недовольство рядовых киргизов своим социальным и политическим положением «началось задолго до восстания» 1916 г.⁹⁹

10 июня 1879 г. восставшие киргизы избили бия Базар-

⁹⁵ Материалы по киргизскому землепользованию... Наманганский уезд... стр. 24.

⁹⁶ О. А. Шкапский. Киргизы-крестьяне (из жизни Семиречья). Изв. Русск. геогр. о-ва, т. XII, вып. IV, СПб., 1905, стр. 776.

⁹⁷ Д. Федоров. Чжунгарско-Семиреченский пограничный район, ч. I. Ташкент, 1910, стр. 84.

⁹⁸ В. Воронков. По вопросу о поземельном устройстве туземного киргизского населения в Семиреченской области. «Семиреченские областные ведомости», 1908, № 22.

⁹⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 461, оп. 1, д. 1788, л. 53—59; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов... док. № 265, стр. 396.

Курганской волости Андижанского уезда и отобрали у него 404 руб., взысканных им с местного населения¹⁰⁰. Повстанцы «наносили побои палками» джигитам этого бия и аильному старшине. Двоих из них они связали веревками и увезли в горы. Восставшие укрепились на труднодоступном перевале Кумуш-Бель. Их «число увеличивалось ежедневно». Сюда стекались трудящиеся, гонимые голодом и нуждой, жаждавшие отомстить угнетателям за все обиды. Это обеспокоило местную феодальную знать и царских чиновников. Против повстанцев был срочно направлен карательный отряд. Приближившиеся каратели вскоре были замечены восставшими, «которые успели схватить шашки, ружья, палки и, отбиваясь, бросились на вершины, откуда начали бросать камни». Несмотря на град пуль и натиск карателей, повстанцы «продолжалисыпать преследователей камнями». Однако они не могли устоять против вооруженного карательного отряда и отступили. Начальник карательного отряда послал к ним группу джигитов и казаков, которым поручил задержать руководителя восстания Батыркула. Но смелый Батыркул, «свалив ударом шашки по голове джигита, ускакал на лошади последнего». Кстати сказать, не только Батыркул, но и другие участники восстания проявили большую отвагу и геройство. Пять человек, попавшие в руки карателей, «одновременно бросились с карниза высотою по крайней мере 300 сажен» и увлекли за собой нескольких казаков. Повстанцы нанесли карательному отряду значительный удар, но сами они также немало потеряли ранеными и убитыми. Трое из них попали в руки карателей и были жестоко наказаны представителями царской власти.

7 июня 1895 г. дыйкане кыштака Токта Ичкиликской волости Маргеланского уезда оказали сопротивление должностным лицам, которые явились к ним, чтобы отнять земли, находившиеся в их пользовании. Они избили волостного управителя. В феврале следующего года большая группа рядовых киргизов Наманганского уезда угрожала напасть на «чиновников туземной администрации и помощника начальника уезда»¹⁰¹. В марте 1899 г. против насилия и произвола местной феодальной знати выступили скотоводы Сусамырской волости Наманганского уезда. Непосредственным поводом к выступлению послужило насилиственное изъятие скота у местного населения волостным управителем и аильными старшинами, а также притеснения манапов. Население этой волости «отказалось исполнить распоряжение волостного управителя и своих сельских

¹⁰⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 19, д. 960, л. 1, 2, 3.

¹⁰¹ А. А. Чукубаев. Токтогул. Фрунзе, 1958, стр. 27.

старшин, причем позволило себе драться палками и бросать камни в должностных лиц»¹⁰². Однако выступление было быстро подавлено прибывшим карательным отрядом, который возглавлял военный губернатор Ферганской области. Репрессиям подверглось 37 человек. Но этими мерами наказания царское правительство не ограничилось. Оно заставило коренное население уплатить штраф в размере 300 руб.

10 февраля 1902 г. дыйкане каратеитского общества Булак-Башинской волости Ошского уезда поднялись на борьбу против джелял-кудукского волостного управителя, пытавшегося изъять у них земельный участок в местности Беш-Боз. Они с позором выгнали волостного управителя и его джигитов. «Произошла крупная ссора,— пишет в своем рапорте пристав оседлого района Ошского уезда,— между жителями каратеитского сельского общества и приехавшим джелял-кудукским волостным управителем. Ссора перешла в драку, и джелял-кудукский волостной управитель со своими аминами ускакал, так как около 30 киргизов каратеитского общества, вооружившись палками, стали наступать на аминов, считая их главными виновниками в отобрании у них кайраков (богарная земля.— К. У.), которые составляли их неотъемлемую собственность как по обычью, так и по давности пользования ими»¹⁰³. Через два дня волостной управитель сделал еще одну попытку занять тот же участок. Дыйкане снова сумели отстоять его. А «волостной управитель с аминами ускакал на сеседний адыр». Затем он обратился к царским властям за помощью.

О подобных волнениях имеются сведения в материалах статистического комитета Ферганской области. «У бедняков-земледельцев,— читаем в них,— происходят иногда столкновения с интересами богатых скотоводов»¹⁰⁴. В них же, в частности, сообщается о выступлении в кенкол-карагырском сельском обществе.

В конце марта 1912 г. выступило трудовое население Кенкольской и Каракольской волостей Аулие-Атинского уезда. Причины этого выступления указываются в прошении его активных участников Токтогазы Нусупбекова, Багышбая Нурдавлетова, Ходжеке Чалова и Сыдыка Мураталина, адресованном туркестанскому генерал-губернатору, от 15 июня 1912 г. В нем говорится, что крупные манапы, «будучи страшными богачами и поощряемые приставом, восстановили себя в прежних приханских правах и все время держат в крепостном по-

¹⁰² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 374, л. 14.

¹⁰³ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 22407, л. 13, 14.

¹⁰⁴ Материалы по киргизскому землепользованию... Андижанский уезд... стр. 40.

ложении Кенкольскую и Каракольскую волости. Из-за честолюбия и властолюбия этих господ происходят у нас междуусобицы, доходящие до убийств. Душою всех междуусобиц являются всегда эти манапы. При дознаниях и следствиях эти лица откупаются, остаются виновниками только бедные, не угодные этим манапам. Расходы же на откуп возмещаются с лихвой с бедноты поголовным обложением... На этой почве разыгралась междуусобица... Эти манапы продолжают производить поборы и грабежи»¹⁰⁵. Местные трудовые массы категорически отказались «платить произвольный налог», взимаемый в интересах киргизской феодальной знати. С этим не могли мириться волостные управители, старшины и другие манапы. Собрав около 600 верных им джигитов во главе с участковым приставом, они решили провести сбор налогов насилиственным путем. Но против них выступило трудовое население. 31 декабря 1912 г. произошло столкновение, в результате восставшие потеряли семь человек убитыми и много ранеными, 13 человек было арестовано. Однако жестокость карателей не могла сломить свободолюбивый дух трудящихся. 22 мая 1913 г. местное трудовое население еще раз поднялось на борьбу с манапами, но и это выступление было подавлено.

21 сентября 1912 г. рядовые киргизы Восточно-Сокулукской волости Пишпекского уезда, вооружившись палками, выступили против местной феодальной знати и царских чиновников. «Причем толпа эта,— говорится в обвинительном акте от 16 января 1913 г.,— силой и угрозами убить не допускала айльного старшину и сопровождавших его чинов сельской полиции, писарей к скоту, подлежавшему конфискации»¹⁰⁶. Около 50 наиболее активных участников напали на должностных лиц и «избивали их плетьями и палками». «Старшина и его спутники, считая свою жизнь в опасности, вынуждены были спасаться бегством».

Классовая борьба в киргизском обществе проявлялась не только в групповом выступлении трудящихся, но и в действиях отдельных бедняков, направленных против феодального гнeta. Жителя аиля № 7 Западно-Сокулукской волости Джумабая Кулькина в середине декабря 1912 г. вызвали на съезд бисев и крупных манапов Пишпекского уезда в качестве ответчика. Но он не явился. Заnim был послан волостной управитель с джигитами, которым также не удалось привести его. И, наконец, когда за Джумабаем приехали в третий раз, он с возмущением заявил волостному управителю: «Я ваши приказания не слу-

¹⁰⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 9370, л. 491, 492.

¹⁰⁶ ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 1449, л. 4, 5.

щаю и на съезд не поеду»¹⁰⁷. Волостной управитель приказал своим джигитам схватить его и отправить на съезд, но Джумабай бросился с ножом на джигитов и разогнал их.

Отец бедняка Томо, будучи не в состоянии уплатить огромной подати, скрывался в труднодоступных горах, где занимался охотой. Однажды он попал в руки джигитов волостного управителя, которые избили его до смерти. Этот случай на всю жизнь остался в памяти пятнадцатилетнего Томо. Он решил отомстить за своего отца. От его руки погибли три ненавистных манапа. Организовав небольшой отряд, в который входила молодежь, он нападал на местных феодалов и царских чиновников, наводя на них ужас. Однако его настигла манапская пулья¹⁰⁸.

3 сентября 1915 г. рядовые киргизы аила № 4 Аспаринской волости Аулие-Атинского уезда Тулеген Кудайбергенов, Ардабек Бейшентыров, Кадык Чокин, Иманкул, Джаманкул и Тулемш Дамбильчаны, Нияз Даурбеков и Наурузбай Кыдыков пришли к аильному старшине и «потребовали от него возвращения принадлежавших им юрт, реквизированных по требованию властей на нужды военного времени»¹⁰⁹. Аильный старшина отклонил их требование, заявив, что эти юрты нужны «государю». Такой ответ возмутил бедняков и побудил их к более решительным действиям. Браня царя, они «набросились на аильного старшину и избили его».

Летом 1916 г. бедняки местности Ак-Тала Пржевальского уезда отказались платить государственные налоги и подати. По просьбе местных должностных лиц из Нарына прибыл карательный отряд. Коренное трудовое население оказалось сопротивление этому отряду. В стычке был убит волостной управитель. Но выступление окончилось поражением. Его руководитель Турдубай Едилбеков и 11 участников были арестованы. Некоторые из них погибли на каторге и лишь немногие вернулись домой после Февральской революции¹¹⁰.

Одной из распространенных форм классовой борьбы у киргизов было убийство наиболее ненавистных манапов и биев. «Время от времени,— сообщается в одном из номеров «Известий Русского географического общества»,— совершаются киргизами убийства наиболее хищных манапов, таких манапов,

¹⁰⁷ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2-а, д. 624, л. 12.

¹⁰⁸ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (10-а), л. 58—60.

¹⁰⁹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 910, л. 37.

¹¹⁰ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (10-а), л. 88—90.

про которых говорят, что он «ест народ»»¹¹¹. В одном из архивных документов говорится: «У букары давно уже зародилось стремление освободиться от манапов. Проявляется это стремление и в грубых формах — убийстве то того, то другого манапа»¹¹².

В 1891 г. крупный манап Балбак Байтурбеков, самочинно расправлявшийся с дыкканами, был убит в Кочкорке группой бедняков, возглавляемой Мураталы. Но кровь этого манапа обошлась слишком дорого. 16 человек было приговорено к разным срокам заключения. Из них вернулись в родные места только трое¹¹³.

11 апреля 1893 г. в кыштаке Караван рядовые киргизы Каракул Джумабаев, Азим и Букара Мусабаевы, Алтымагда, Карымшак и Сайдар Алиевы, Анар и Мадама Шариповы, Тулумбай Сарымсаков, Кадыр Джунушев, Алымкул и Курбаналий Кабуновы убили управителя Ичкиликской волости Маргеланского уезда за то, что он «обременял их лишними поборами и чинил им всякие притеснения»¹¹⁴, и избили трех его джигитов. Царское правительство «с целью поддержания общественного спокойствия и предупреждения на будущее время совершения подобных преступлений над должностными лицами» отправило всех участников убийства на каторжные работы на срок 10—15 лет.

В 1895 г. одним из бедняков-скотоводов Кочкорки был убит манап Ыбыкей. В 1901 г. дыканин кыштака Тутлук Курман Сарыев убил управителя Джелял-Кудукской волости Андижанского уезда. В следующем году семь человек во главе с Конурбаем Утегеновым задушили джигита управителя Булеклаевской волости Пишпекского уезда¹¹⁵. 4 ноября 1906 г. группа бедняков из 11 человек убила ненавистного бия аила № 5 Майли-Сайской волости Андижанского уезда. Как и следовало ожидать, виновные были привлечены к ответственности¹¹⁶. В середине 1907 г. был выслан в Сибирь житель Малой Кен-Суйской волости Пржевальского уезда Мамбет Суюмбасев, обви-

¹¹¹ О. А. Шкальский. Киргизы-крестьяне (из жизни Семиречья). Изв. Русск. геогр. о-ва, т. XII, вып. IV, СПб., 1905, стр. 776.

¹¹² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 57, л. 9.

¹¹³ И. Абдрахманов. Манап деген наамдын келип чыышы жана манаптардын элге көрсөткөн жаман кылкыттары. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1713, л. 7.

¹¹⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 160, л. 1, 2, 11, 12.

¹¹⁵ А. А. Чукубаев. Социально-экономическая и политическая обстановка и развитие общественной мысли Киргизии во II половине XIX — начале XX вв. Уч. зап. ист. фак-та КГУ, вып. IV, 1955, стр. 46—47.

¹¹⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1084, л. 12—13.

нявшийся в убийстве манапа¹¹⁷. Случаи убийства беднотой ненавистных манапов и других местных эксплуататоров участились в годы первой империалистической войны и второй буржуазно-демократической революции. Достаточно сказать, что в одной только Гульчинской волости Ошского уезда было убито несколько представителей феодальной знати¹¹⁸. А весной 1916 г. группа киргизов, в которую входил также сказитель эпоса «Манас» Саякбай Карадаев, решила убить манапа Султанмурада и его покровителя начальника Пржевальского уезда. Но им не удалось выполнить свой замысел. Бедняк Алсейт, пытавшийся застрелить манапа, вынужден был бежать¹¹⁹.

Свообразной формой классовой борьбы у киргизов можно считать их стремление избирать на руководящие должности людей из своей среды. Это особенно ярко проявлялось во время выборов волостных управителей, аильных старшин и биев.

В октябре 1895 г. население Кенкол-Каракольской волости Андижанского уезда во время выборов забросало камнями чиновников, навязывавших им на должность волостного управителя ненавистного манапа. То же самое произошло в Кугартской волости. А возмущенные скотоводы-бедняки Чаткальской и Сусамырской волостей в 1905 г. сорвали выборы аильных старшин и волостных управителей. Представителям царской власти пришлось перенести выборы на другое время. И на этот раз рядовые киргизы выступили против предложенных кандидатур. При этом они выдвигали на должность волостного управителя бедняка Джантая¹²⁰. Аналогичные события происходили 21 марта 1905 г. во время выборов в Турукской волости Ошского уезда. Бедняки Багишевской волости Андижанского уезда также не поддержали кандидатуру манапа и тем самым сорвали выборы. Трудовое население Базар-Курганской волости Андижанского уезда потребовало переизбрания аильного старшины, отличавшегося жестокостью. В начале июля 1905 г. трудящиеся кураминского общества Булак-Башинской волости оказали сопротивление ошскому уездному начальнику, который добивался избрания на должность волостного управителя угодного местным властям лица. Они выдвинули кандидатуру бедняка Арзыбая Керимбаева. Как и следовало ожидать, царские чиновники и местная феодальная знать отвергли эту кандидатуру. Они пытались удалить Арзыбая Керимбаева, но

¹¹⁷ В. Н. Семенков. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов. Фрунзе, 1962, стр. 29–30.

¹¹⁸ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(3), л. 41–43.

¹¹⁹ Там же, инв. № 1487, л. 3.

¹²⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 8518.

когда им это не удалось, приказали арестовать его. Однако и эта мера не помогла. Выборы волостного управителя все же были сорваны¹²¹.

В июне 1906 г. во время выборов волостного управителя часть населения Чоринской волости Пржевальского уезда, категорически отказываясь голосовать за кандидатуру ненавистного манапа, требовала создания самостоятельной волости и внутри Чоринской¹²². Дыйкане Джеты-Огузской волости Пржевальского уезда во время выборов местных должностных лиц поставили перед уездным начальством вопрос «о разделении волости или об отделении бедняков от богачей» (разрядка наша.—К. У.)¹²³. С этой же просьбой они обратились к туркестанскому генерал-губернатору. Выделиться в самостоятельную волость и тем самым избавиться от феодального гнета хотели и рядовые кочевники Тогуз-Торо, возглавляемые бедняком Джээнчоро Аргынбаевым. Весной 1916 г. они заявили уездному начальнику о своем желании. К ним стали присоединяться трудящиеся других волостей. Но вскоре Джээнчоро Аргынбаев, возвращавшийся с поезда домой, был убит. Бедняки Тогуз-Торо, лишившись руководителя, отказались от задуманных действий¹²⁴.

К форме классовой борьбы киргизов следует отнести и откочевку дыйкан с целью избавиться от наиболее деспотичных феодалов, а также уклонение и отказ их от уплаты налогов и долгов местным должностным лицам, баям и ростовщикам. В 1886 г. часть дыйкан кыштака Ак-Баш, не желая платить по-дати, перекочевала в местность Кылыч-Тамга, недалеко от Узгена¹²⁵. Из одной только Он-Арчинской волости Пржевальского уезда с 1886 по 1898 г. «вследствие таких притеснений»¹²⁶ феодалов 374 кибитки бедняков вынуждены были откочевывать в Тонскую и Джеты-Огузскую волости. В 1899 г. бедняки (66 юрт) той же волости собирались последовать примеру своих собратьев, перешедших от притеснителей в другие айлы. Группа киргизов, живших в Джумгеле, из-за самочинства и произвола манапов покинула родные места и в 1912 г. прибыла в Андижанский уезд¹²⁷. Кстати, как явствует из опросных материалов, в Южную Киргизию и Талас перекочевывали дыйкане

¹²¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 433, л. 105.

¹²² Там же, ф. 1, оп. 13, д. 587, л. 100–102.

¹²³ Там же, л. 95.

¹²⁴ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (10-а), л. 85–87.

¹²⁵ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1695, л. 5.

¹²⁶ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 3446, л. 7.

¹²⁷ И. Абдрахманов. Зулумдар. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 322, л. 13.

не только Джумгала, но и из других волостей Пржевальского и Пишпекского уездов¹²⁸. В 1915 г. немало бедняков Кызыл-Джарской, Ак-Джольской и Тегенской волостей Наманганского уезда, доведенных до нищеты, скрывалось в горах¹²⁹. Рядовые скотоводы, кочевавшие в местности Ак-Тала¹³⁰, также уходили в горы. В 1915 г. бедняки Урсалы и Сатыбек бежали из Кетмень-Тюбе в Талас. К бегству их побудили произвол и жестокость бая, у которого они работали. Убегая от своих хозяев, бедняки обычно угнали овец и лучших лошадей.

Классовая борьба у кочевого и полукочевого населения более или менее четко проявилась в процессе оседания. Рядовые киргизы, переходя к оседлости, пытались создавать сельские общества из бедноты, с новым административным устройством, чтобы тем самым избавиться от волостных управителей, аильных старшин, биев и других представителей феодальной знати. Это вызывало яростное сопротивление последних. Нередко дело доходило до открытых столкновений. Бай и манапы избивали бедняков, грабили имущество, угнали скот. Вот что сообщается в жалобе Алмамбета Абрасулова, Мамбеталы Кошботова и других (всего 51 кибитковладелец аила № 2 Саяковской волости) от 27 августа 1911 г.: «После того как мы подали прошение о переводе нас на оседлое положение, к нам приехали 23 августа с. г. манапы... со своими приверженцами в числе около 50 человек. Они напали на наши аилы и избили всех поголовно мужчин, записавшихся в кишлакчики... Кроме того, они забрали у нас 200 баранов, 18 лучших лошадей, 2 верблюда, арестовали нашего доверенного Кананита Мамбеталиева, угрожая ему тюрьмой. Хотят оклеветать и арестовать также и нас... Спасаясь от преследования, мы два дня жили в скалах»¹³¹. Неменьший интерес представляет жалоба жителей Восточно-Джеты-Огузской волости Бекбоо Касыбулатова, Монголдора Усунова, Каная и Рустема Тайлаковых, Шатемира и Сагымбая Кубатбековых, Боку и Моки Абыловых от 13 мая 1900 г., в которой говорится: «По слухам желания нашего и других в количестве 70—80 кибиток перейти в оседлое население волостной управитель... и другие влиятельные киргизы нас грабят, заставляют платить за них долги баранами, грозят выдворением, производят бийские заочные решения»¹³². Заслуживает внимания и прошение Айдарбека Турдина, Нусуке

¹²⁸ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(6), л. 41.

¹²⁹ Там же, л. 20, 22.

¹³⁰ Там же, инв. № 1519(10-а), л. 20, 85—87.

¹³¹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2-а, д. 623, л. 4.

¹³² Там же, оп. 2, д. 9391, л. 3.

Илебаева и других жителей Талкановской волости от 24 мая 1907 г. «Чтобы не осуществилось наше намерение,— пишут они,— влиятельные киргизы не только нашей волости, но и всего уезда начали притеснять всех киргизов, желающих образовать оседлые поселения»¹³³. Борьба манапов против оседания бедняков настолько усилилась, что рядовые киргизы, переходившие к оседлому образу жизни, зачастую вынуждены были начинать охранников-русских, защищавших их от насилия и грабежа местных феодалов. Так, 230 рядовых юртовладельцев Улахольской волости Пржевальского уезда в своем прошении от 8 ноября 1910 г., адресованном военному губернатору Семиреченской области, просили назначить «одного русского для охраны от злоупотреблений (влиятельных.— К. У.) кочевников до окончательного разрешения в оседлость»¹³⁴. С оседанием бедняков киргизские феодалы и особенно манапы, занимавшие должности волостных управителей, аильных старшин и биев, лишились части объектов эксплуатации, а значит и определенной доли поборов, взимаемых ими с коренного населения. Этим и объясняется борьба манапов против оседания рядовых скотоводов.

Стремление бедняков, лишившихся скота, перейти к оседлому образу жизни объясняется их желанием освободиться от феодального гнета. Приведем некоторые архивные документы, раскрывающие истинные причины действий бедняков, стремившихся перейти к оседлому образу жизни. В мае 1907 г. группа бедняков Талкановской волости в своей жалобе писала: «Имея в виду, что наши волостной управитель, аильные старшины, народные судьи и почетные манапы причиняют всевозможные злоупотребления, отнимая у нас земли, и поэтому, желая упорядочить свое материальное положение, мы решили положительно засесть на землю, образовав оседлые поселения, о чем уже возбудили ходатайство перед начальством»¹³⁵. В упомянутом прошении жителей Улахольской волости говорится: «Мы с доверителями нашими неоднократно осмеливались ходатайствовать о переводе нас в оседлость. Мы крайне подвергаемся обидам непереносимым со стороны (влиятельных.— К. У.) кочевников нашей волости, которые именно своими злоупотреблениями стараются воспрепятствовать нам и вообще всем ходатайствующим перейти в оседлость»¹³⁶. В жалобе букары (487 рядовых юртовладельцев) Атекинской и Сарбагышевской

¹³³ Там же, д. 5928, л. 2.

¹³⁴ Там же, оп. 2, д. 8278, л. 185.

¹³⁵ Там же, д. 5928, л. 2.

¹³⁶ Там же, д. 8278, л. 185.

волостей, датированной 6 июня 1912 г., сообщается: «Мы с доверителями по сие время находимся в неволе у манапов наших волостей... Не имея возможности под давлением манапов управлять своими хозяйствами, доверители наши душевно-сердечно желают перейти в оседлость и исполнять государственные повинности наравне с крестьянами»¹³⁷.

Однако в условиях антагонистического общества и царского колониального режима попытки киргизских бедняков образовать оседлые поселения, свободные от ненавистных им манапов и феодального гнета, были обречены на провал. Правда, иногда той или иной группе разорившихся скотоводов удавалось выйти из кочевых или полукочевых айлов и образовать самостоятельные поселения, но это не могло привести к освобождению от феодального гнета. В возникших бедняцких селениях появлялись старосты и феодалы-эксплуататоры.

В жалобах и прошениях трудового населения, адресованных должностным лицам, нашли отражение гнев и ненависть обиженных и бесправных народных масс, направленные против местных эксплуататоров. Забитые и темные бедняки пытались найти защиту у царских чиновников и при их помощи избавиться от тех или иных волостных управителей, айльных старшин, биев или, по крайней мере, смягчить их произвол и насилия. Так, в жалобе рядовых киргизов Кетмень-Тюбинской волости Токмакского уезда Тынышбая, Кенджебая и Тулекабыла Бердикбековых на имя туркестанского генерал-губернатора от 28 августа 1878 г. содержится просьба обуздать манапов Акмата и Дыйканбая¹³⁸. Акын-демократ Токтогул Сатылганов в своих произведениях заклеймил позором этих двух манапов — кровопийц и душителей народа.

27 апреля 1883 г. киргизы Саруйской волости Наманганского уезда обратились с жалобой к военному губернатору Ферганской области в надежде найти у него поддержку в борьбе против волостного управителя, занявшего их земли. В ней говорилось: «Мы люди бедные и не можем равняться с богатыми, они потравили и уничтожили наши посевы»¹³⁹. Жалоба заканчивалась требованием привлечь к ответственности волостного управителя и его приближенных. Жители Найманской волости Маргеланского уезда в своем прошении от 9 февраля 1894 г. писали, что волостной управитель взимает непомерные налоги и «употребляет всевозможные насилия... Поэтому просим вместо него назначить другого и этим избавить нас от разорения.

¹³⁷ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 3, д. 3455, л. 3—4.

¹³⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 19, д. 605, л. 4.

¹³⁹ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 23070, л. 27—28.

В противном же случае мы принуждены будем покинуть наши дома и удалиться с семьями в места, более спокойные для нашего проживания, а все имущество оставить на произвол судьбы»¹⁴⁰. Как всегда, и на это прошение власти, в частности военный губернатор Ферганской области, дали отрицательный ответ, что усилило недовольство народных масс против местной феодальной знати и царского самодержавия. 10 мая 1899 г. Булан Кутубаев от имени ряда бедняков аиля № 5 Он-Арчинской волости Пржевальского уезда направил военному губернатору Семиреченской области прошение, в котором говорится: «Не найдете ли возможным избавить нас от притеснений вышеупомянутых почетных лиц»¹⁴¹ — волостного управителя и влиятельных манапов. В жалобе трудящихся Сокулукской волости Пишпекского уезда на имя сенатора Палена от 13 июня 1909 г. читаем: «Заявляя об этом (о произволе и насилии манапов.— К. У.), просим войти в наше положение и освободить нас от варварских притеснений манапа Чолпонкула и Суеркула»¹⁴². В телеграмме от 21 октября 1911 г. Черикбай Айтбаев, Байтарак Чингоджин и другие бедняки Иссык-Атинской волости Пишпекского уезда обращаются с просьбой к военному губернатору Семиреченской области: «Слезно просим, не найдете ли возможности войти в наше безвыходное положение и избавить от притеснений манапов и несправедливого народного суда»¹⁴³. С жалобой аналогичного содержания, датированной 12 июня 1913 г., доверенные лица трудового населения Узунгырской волости Пишпекского уезда К. Балтабаев и О. Бабинов от имени 30 кибитковладельцев обратились к заведующему Семиреченским переселенческим управлением: «Не найдете ли возможным сделать распоряжение, кому будет следовать, в непроложительном времени об освобождении нас от народных судов, чрезвычайных съездов и незаконных поборов, которые нас разорили»¹⁴⁴. В телеграмме от 27 июня 1911 г. население Джалал-Абадской волости открыто заявило военному губернатору Ферганской области о своем недоверии местной администрации¹⁴⁵. Дыйкане требовали отстранить от занимаемой должности кугартского арык-аксакала и некоторых других лиц. Они предупреждали, что в случае отклонения их требования прибегнут к более решительным действиям в борьбе

¹⁴⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 23, оп. 1, д. 666, л. 56.

¹⁴¹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 3446, л. 7.

¹⁴² ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 122, л. 66.

¹⁴³ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 9861, л. 107—115; Рабочее и аграрное движение в Казахстане... Сб. документов и материалов... док. № 248.

¹⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 6, д. 968, л. 247.

¹⁴⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 17700, л. 8.

против местной феодальной знати. Туркестанский генерал-губернатор, побывав в 1916 г. в Семиречской области, вынужден был отметить, что представители коренного трудового населения «высказали свое недовольство судом биев, самовластием своих волостных управителей и аильных старшин»¹⁴⁶. Рост недовольства и усиление борьбы киргизских трудящихся против манапов, биев и баев отмечали и другие высокопоставленные царские чиновники.

Все изложенное полностью подтверждает марксистские положения о том, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» и «угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную то скрытую, то явную борьбу»¹⁴⁷. Непрерывная классовая борьба у киргизов проявлялась в самых разнообразных формах: открытых восстаниях и выступлениях угнетенных трудовых масс, в неуплате ими налогов и податей, в уклонении от выполнения феодальных повинностей, в откочевках бедняков с целью избавиться от произвола феодала, в неповиновении местным эксплуататорам, в убийстве наиболее ненавистных угнетателей, в попытках провалить кандидатуры манапов во время выборов волостных управителей, аильных старшин и биев, в стремлении избрать местных правителей из числа трудового населения, в жалобах на представителей феодальной знати и т. п.

Следует отметить, что с вхождением Киргизии в состав России классовая борьба коренного трудового населения вступила в новый период развития. Она стала составной частью всероссийского революционного движения. Изменились её сущность, формы и размах. Не могли оставаться прежними цели и задачи выступлений трудящихся против местной феодальной знати. Но все же классовая борьба еще носила стихийный характер. Ей была свойственна локальность. Выступления проходили не организованно, в разное время и в разных районах, не имели единого руководства и, естественно, не могли увенчаться успехом. Все это объясняется слабым ростом производительных сил, характером подвижного и раздробленного скотоводческого хозяйства, отсутствием национального пролетарского руководства, разобщенностью, забитостью и темнотой трудящихся, живучестью патриархально-родовых пережитков, широким распространением религии ислама, одурманившей коренное трудовое население.

Как известно, в рассматриваемый период Туркестан являл-

¹⁴⁶ «Красный архив», 1929, № 3(34), стр. 66.

¹⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 424—425.

ся колонией чистейшего типа. Киргизские трудовые массы испытывали не только социальный, но и колониальный гнет. Классовая борьба, вызванная двойным гнетом, нередко переплеталась с национально-освободительным выступлением. В таких случаях ее несложно было отличать от национально-освободительного выступления, направленного против царских колонизаторов, в котором принимали участие и представители местной феодальной знати. В этом и состоит одна из специфических особенностей классовой борьбы киргизов.

В ряде случаев классовая борьба в дореволюционной Киргизии напоминала родовую междуусобицу, разжигаемую представителями феодально-родовой знати. В этом можно усмотреть другую специфическую особенность классовой борьбы киргизских трудящихся.

Кстати, не только социальная, но и вся общественно-экономическая жизнь киргизов в известной степени не была свободна от патриархально-родовых пережитков. Эти пережитки проявлялись прежде всего в сохранении родовых и подродовых делений, во «взаимопомощи» членов рода, в «общинном» пользовании землей, в частности пастбищами, и т. п.¹⁴⁸

Таким образом, в рассматриваемый период в социальных отношениях киргизов происходили значительные изменения. Резко усилилась классовая борьба.

Политические предпосылки

Проникновение революционных идей в Киргизию

В начале XX в. в Киргизии усилилась не только классовая борьба, но и революционное движение. Сознание киргизского народа начинает пробуждаться, становится заметным его общий политический подъем.

В Среднюю Азию в это время проникают марксистско-ленинские идеи. Распространяется нелегальная революционная литература — книги, брошюры, листовки, прокламации, звавшие как русских, так и местных трудящихся на решительную борьбу с царским самодержавием и местными угнетателями.

¹⁴⁸ Б. Д. Джамгерчинов. Из генеалогии киргизов; Белек С. Е. Малову. Сб. статей. Фрунзе, 1946; С. М. Абрамзон. Формы рода-племенной организации у кочевников Средней Азии. Тр. Ин-та этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, т. XIV, 1951; С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. Тр. Киргизской археол.-этногр. эксп., т. IV, М., 1960; Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. Тр. Киргизской археол.-этногр. эксп., т. I, М., 1956; К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961.

У некоторых русских революционеров, проживавших в Туркестане, царская полиция обнаружила труды К. Маркса и Ф. Энгельса, в частности, такие, как «Манифест Коммунистической партии», «Ницета философии», «Капитал», «Наемный труд и капитал», «Революция и контрреволюция в Германии», «Первый манифест международного товарищества рабочих», «От утопии к научной теории» (так именовалась тогда работа Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»), отдельные главы «Анти-Дюринга», «Теория насилия» и другие¹⁴⁹. В Средней Азии были известны и произведения В. И. Ленина «Что делать?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «К деревенской бедноте»¹⁵⁰, «К критике политической экономии», «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», «Гонители земства и аннибалы либерализма» и другие выдающиеся труды классиков марксизма-ленинизма¹⁵¹. Появились здесь работы Г. В. Плеханова «Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»¹⁵². В Средней Азии, особенно в городах, распространялись «Извещения о втором очередном съезде РСДРП»¹⁵³ и материалы III съезда РСДРП¹⁵⁴, большевистские периодические издания «Заря», «Просвещение», «Вопросы страхования», «Искра», «Рабочая мысль», «Вперед», «Южный рабочий», «Пролетарий», «Борьба пролетариата», «Правда», «Социал-демократ»¹⁵⁵, «Наш путь», «За правду», «Труд» и другие. Наряду с этим сюда проникала литература, чуждая марксизму-ленизму, в частности эсеровские брошюры «Долой полицию», «Вторая воля», прокламация «Что делать?», а также издания народников, меньшевиков и экономистов¹⁵⁶.

¹⁴⁹ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Госиздат, 1958, стр. 89, 155; Р. Ф. Смирнов. Революционное движение трудящихся Семиречья в 1905—1907 гг. Уч. зап. Каз. гос. ун-та, серия ист., вып. 4, т. 53. Алма-Ата, 1962, стр. 141; ЦГА Каз. ССР, ф. 77, оп. 2, д. 35, л. 285—290.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ А. Алтышбаев. К истории борьбы КПСС за распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии. Фрунзе, 1960, стр. 5—6; Б. Д. Джалерчинов. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России... стр. 115—116.

¹⁵² Очерки истории Коммунистической партии Туркестана..., стр. 89.

¹⁵³ А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане... стр. 81—86.

¹⁵⁴ В. Н. Семенков. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов. Фрунзе, 1962, стр. 24.

¹⁵⁵ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана... стр. 47—48, 62, 146—147, 152, 154—155.

¹⁵⁶ А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане... стр. 81—86.

Кроме трудов классиков марксизма-ленинизма и нелегальных периодических изданий в Туркестане распространялось большое количество революционных листовок, возвываний и прокламаций, призывающих трудовые массы к свержению царского самодержавия, среди них: «К товарищам рабочим», «Листовки жизни», «Ко всем европейским рабочим г. Екатеринополю», «Революционные сходки», «Манифест Всероссийского студенческого съезда 1902 г.», «Товарищи»¹⁵⁷, «Первое мая», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Товарищи рабочие!», «Война или мир?», «Царский подарок и революция», «К товарищам солдатам», «В бой за свободу!», «Будьте готовы!»¹⁵⁸, «К учащейся молодежи»¹⁵⁹, «9 января»¹⁶⁰, «Солдатская памятка»¹⁶¹, «К верненцам»¹⁶², «Солдаты к солдатам»¹⁶³, «Товарищи солдаты!»¹⁶⁴, «Манифест Всероссийского крестьянского союза», «Песня новобранцев», «Годовщина Манифеста 17 октября», «Народ и государственная власть», «Народу от народных представителей», «Выборгское возвзвание»¹⁶⁵, «К избирателям», «Солдатский голос», «Эх, пора бы, братцы, взяться вам за ум!»¹⁶⁶, «Письмо русских крестьян к Николаю II», «Граждане г. Верного!» и «О разгоне 2-й Государственной думы»¹⁶⁷.

Большая часть революционной литературы, листовок, прокламаций и возвываний, получивших распространение в Туркестане, принадлежала Петроградской, Закавказской, Казанской и другим организациям РСДРП. В условиях царской России, когда везде и всюду рыскали сыщики, на каждом шагу велась тщательная проверка, пересылка нелегальной литературы в далекий Туркестан была связана не только с большими трудностями, но и с риском для жизни революционеров. Не всегда эта нелегальная литература доходила до места назначения. Ее нередко перехватывала царская полиция, что иногда приводило к провалу работы той или иной группы РСДРП. Поэтому революционеры Туркестана организовали ряд подпольных типографий, которые выпускали нелегальные листовки, а также переиздавали литературу, получаемую из Петербурга и других

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана... стр. 37, 42, 57—58, 60—61.

¹⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 223, л. 68.

¹⁶⁰ Там же, л. 71(11).

¹⁶¹ Там же, л. 57(2).

¹⁶² Там же, л. 59(4).

¹⁶³ Там же, л. 84(23).

¹⁶⁴ Там же, л. 58(3).

¹⁶⁵ Там же, д. 800, л. 42—43.

¹⁶⁶ ЦГА Каз. ССР, ф. 77, оп. 2, д. 163, л. 1.

¹⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 800, л. 42—43.

городов. В период первой русской революции здесь насчитывалось семь таких типографий: в Ташкенте, Ашхабаде, Самарканде, Верном и некоторых других городах Средней Азии. Особенно активно действовала подпольная типография «Союзного комитета» (Ташкентская группа РСДРП). Только в первый год своего существования она отпечатала на гектографе 12500 прокламаций многих названий, перепечатала более десяти названий листовок центральных органов партии. В сентябре 1905 г. она печатала на гектографе газету «Рабочий» — первый нелегальный орган Ташкентской группы РСДРП¹⁶⁸. А в 1908 г. эта типография выпустила ряд прокламаций (35100 экз.) и газету «Солдатский листок «Правды» (20000 экз.). В 1913 г. издавались газеты «Наш путь» и «Ташкентский рабочий», переиздавались газета «Правда» и журнал «Просвещение» Центрального Комитета партии большевиков¹⁶⁹.

В распространении революционной литературы, в частности прокламаций, воззваний и листовок, в Киргизии существенную роль играла подпольная типография Семиреченской группы РСДРП¹⁷⁰. Эта типография была организована в начале 1906 г. в г. Верном. Она «оказалась вполне оборудованной»¹⁷¹ и выпускала большое количество различных прокламаций, газету «Обстрел», а также размножала наиболее важные листовки, получаемые из других промышленных городов. Тираж ее продукции составлял довольно внушительную цифру. Так, газета «Обстрел» — орган Семиреченской группы РСДРП выходила тиражом 4100 экземпляров¹⁷². В этой типографии было отпечатано 2000 прокламаций «О разгоне 2-й Государственной думы», 1000 — «Песни новобранцев», 2000 — «Выборгского воззвания», 500 — «Эх, пора бы, братцы...», 500 — «Солдатского голоса», 1600 — «К избирателям» и 700 — «Письма крестьянину к Николаю II»¹⁷³.

Революционные периодические издания и прокламации, отпечатанные в подпольных типографиях, а также получаемые от центральных организаций РСДРП, распространялись и в Киргизии.

Во второй половине 1903 г. в городах Пишпеке и Пржевальске появились листовки, среди них «К фабричным рабочим», и брошюры, отпечатанные в типографии Бакинского комитета

¹⁶⁸ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана... стр. 42, 62.
¹⁶⁹ Там же, стр. 90, 94, 152, 154.

¹⁷⁰ В архивных документах Семиреченская группа РСДРП фигурирует под названием Семиреченская революционная группа социалистов.

¹⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 800, л. 45.

¹⁷² Там же, л. 41—42.

¹⁷³ Там же.

РСДРП. Доставил и распространял их Виктор Иванович Лойцнер, высланный из Саратова в г. Пржевальск «за пропаганду революционных идей»¹⁷⁴. Активно участвовали в распространении нелегальной литературы рабочие цирка г. Пишпека И. И. Пономарев и Алейников. В. И. Лойцнер продолжал вести «активную пропаганду революционных идей среди местного населения»¹⁷⁵. Пржевальского уезда, за что был арестован и выслан в Олонецкую губернию.

В 1904 г. в Пишпеке появилась прокламация «Пауки и муки», выпущенная Бакинским комитетом РСДРП. Ее распространял И. И. Пономарев, однако его выследила царская полиция¹⁷⁶.

Распространение нелегальной литературы и прокламаций в Киргизии резко усилилось в годы первой буржуазно-демократической революции. Листовка «К учащейся молодежи» призывала трудящихся к общей борьбе против царского самодержавия: «Вперед же, соединяйтесь, и дружнее все вместе к народу, с народом и за народ, за его лучший мир и святую свободу!»¹⁷⁷.

Осенью 1905 г. в Семиреченской области, в частности в городах Верном и Пишпеке, получило распространение стихотворение «9 января». В нем выражался народный гнев по поводу зверской расправы царской власти над мирными демонстрантами — рабочими Петербурга. Вот что говорилось в этом стихотворении:

И дико толпа заревела кругом,
Вверх вскинув рабочие руки,
Клялась биться насмерть с венчанным врагом,
За кровь отомстить и за муки.

Забросьте ж работу, ученье, семью,
под Красное Знамя идите
И смертью отважной в жестоком бою
Народу свободу купите.
Проклятье и смерть — самодержцам-отцам,
Свободу — родному народу.
И вечная слава — героям-борцам,
Погибшим в борьбе за свободу¹⁷⁸.

¹⁷⁴ А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. стр. 85; А. Г. Зима. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959, стр. 69.

¹⁷⁵ В. Н. Семенков. Указ. работа, стр. 20—21.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 223, л. 63.

¹⁷⁸ Там же, л. 78(12)—79(13).

Все чаще в Туркестане появлялись революционные прокламации. Командующий войсками Туркестанского военного округа, обеспокоенный этим обстоятельством, в своей телеграмме от 16 октября 1905 г. писал, что в г. Верном и других местах «разбросана масса прокламаций... возбуждающих против царя и к сопротивлению начальству с оружием в руках... и требующих присоединиться к агитации пишпекских крестьян»¹⁷⁹. Эти революционные листовки разбрасывал житель г. Пишпека Глебов и другие.

Листовка «К верненцам», выпущенная Семиреченской группой РСДРП в середине октября 1905 г., раскрывала реакционную сущность царского правительства. «Царское правительство,— читаем в ней,— старается заткнуть рот всякому, кто только вздумает вымолвить слово правды, чтобы народ вечно оставался темным и невежественным, чтобы вечно можно было бы его обиравать и властвовать над ним... Царское чиновничье правительство довело Россию до позорной войны и невыносимыми поборами и налогами разорило народ, обратив крестьян в нищих. Внутри России царь безжалостно, зверски приказывает расстреливать несчастный рабочий люд за то, что тот требует себе земли, отданной царем помещикам, хлеба, чтобы не умереть с голоду, и воли, которой у него нет»¹⁸⁰.

В этой же листовке с большевистских позиций разоблачалась антинародная сущность I Государственной думы. Она характеризовалась как орудие в руках царского правительства для обмана трудящихся и маскировки подлинного лица правящей верхушки. Листовка призывала местных трудящихся бойкотировать I Государственную думу и бороться за «созыв учредительного собрания на основе всеобщего прямого и тайного избирательного права. Избирательное право, т. е. право избирать, должно быть всеобщим, чтобы каждый достигший совершеннолетия, будь он богатый или бедный, знатный или простой, образованный или неграмотный, русский или иноязычник (разрядка паша.— К. У.), мужчина или женщина, могли подавать голос, могли избирать...». Она призывала верненцев присоединиться «к российским и пишпекским (разрядка наша.— К. У.) крестьянам, рабочим и образованным людям», поднявшимся на революционную борьбу против угнетателей и объявившим бойкот I Государственной думе. Она заканчивалась боевым партийным лозунгом «Долой самодержавное царское правительство!»¹⁸¹. Судя по

этой листовке, большевики боролись за политическое право угнетенных народов, в том числе киргизов и казахов, за их социальную и национальную свободу.

Значительный интерес представляет прокламация Туркестанского военного социал-демократического комитета «Солдаты к солдатам», получившая распространение среди рядовых военнослужащих Верного и Пишпека осенью 1905 г. Она проникнута ярко выраженным революционным духом: «...нас обманывают. Мы должны защищать не царя, а народ от царя, не богачей и кровопийц, а крестьян и рабочих. Мы — великая сила, только служим негодиям. Примкнем же к народу, объясним друг другу, что нас обманывают, крикнем вместе с народом... Добьемся для всех свободы. Мы сила, когда дружно откажемся стрелять в народ. С нами рабочие, с нами крестьяне! В наших руках оружие! Вперед же, товарищи!»¹⁸².

В другом выпуске той же прокламации читаем: «Братцы, товарищи, проснитесь! Проснитесь и посмотрите, чего хотят и просят ваши отцы и братья... Слыхали ведь, как наш главнокомандующий бежал из Пишпека от безоружной толпы, приведшей сказать ему, как начальнику края, о своих нуждах. Мало того... он еще туда (в Пишпек.— К. У.) послал казаков из Джаркента и охотничью команду из Верного... Кто посмеет о горе народном заикнуться, тот и бунтовщик, враг внутренний, на которого посыпает силу солдатскую... Плач стоит над землей русской и в нем, солдат, народ тебя зовет на помощь. Проснись же, товарищ солдат, от этого стона, откликнись на этот зов... Надо понимать народную нужду, бороться за нее и умереть, если надо. Вперед же без страха, солдат! Крепче скимай ты винтовку в руке, целься вернее, товарищ солдат!»¹⁸³.

Заслуживает внимания и листовка «Товарищи солдаты!», обнаруженная царской охранкой в октябре 1905 г. в Пржевальске¹⁸⁴ и Верном. В ней также содержится призыв к солдатам присоединиться к революционной борьбе рабочих и крестьян. «Смелей, товарищи! — обращался к солдатам Туркестанский военный социал-демократический комитет.— Стойте дружно за правое дело и вы одержите верх»¹⁸⁵.

В первой половине 1906 г. в Верном, в некоторых селениях Пржевальского уезда Семиреченской области, а также в Пржевальске «получили широкое распространение прокламации, запрещенные брошюры, революционные газеты разных

¹⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 3, д. 279, л. 26.

¹⁸⁰ Там же, ф. 1405, оп. 530, д. 223, л. 59(4).

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 223, л. 64.

¹⁸³ Там же, л. 84(23).

¹⁸⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. 77, оп. 2, д. 163, л. 1.

¹⁸⁵ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 223, л. 58(3).

наименований (в том числе «Обстрел» — К. У.) и другие нелегальные издания революционного содержания¹⁸⁶. Их обычно разбрасывали на улицах и во дворах, а иногда рассылали надежным людям по почте. На большинстве их стоял гриф Семиреченской группы РСДРП. Одним из активных распространителей нелегальных изданий был житель Верного Павел Мацуцин, впоследствии арестованный полицией¹⁸⁷.

В 1906 г. в Верненском, Пржевальском и некоторых других уездах Семиреченской области распространялась газета «Обстрел». На ее страницах Семиреченская группа РСДРП призывала трудящихся и солдат идти единым фронтом против царского самодержавия, объединяться в борьбе за свободу и счастье народов. В третьем номере этой газеты была напечатана статья «Солдатский голос», в которой были такие слова: «Не пора ли проснуться и мощным взмахом своих богатырских рук сбить вековые цепи, освободить весь народ и себя от гнета проклятых насильников?»¹⁸⁸. А в статье «Разгон Думы», помещенной в четвертом номере газеты, подчеркивалось, что «только дружными и объединенными усилиями народа и армии страна освободится от тяжелого ига самодержавного помещичьего правительства»¹⁸⁹. Статья «Казачья правда» в том же номере газеты призывает: «Встанем, братья, как один человек, сбросим с себя ярмо, наложенное большими и малыми начальниками, завоюем себе правду, землю и свободу»¹⁹⁰.

Как сообщает начальник Пржевальского уезда в секретном рапорте, адресованном военному губернатору Семиреченской области, в ноябре 1906 г. на улицах г. Пржевальска было обнаружено несколько экземпляров «Выборгского воззвания»¹⁹¹. Это воззвание выпускала Семиреченская группа РСДРП. Распространяли его Даниил Яковлев и некоторые другие революционно настроенные местные жители. ««Выборгское воззвание» посыпалось сюда (в г. Пржевальск. — К. У.) и по почте»¹⁹². Даниил Яковлев получал революционную литературу не только из Верного, но и из Ташкента. В мае 1906 г. житель с. Беловодского Пишпекского уезда Евгений Романенко, «собрав вокруг себя на улице толпу крестьян, стал читать им какую-то прокламацию, в которой говорилось, что народ шел с хоругвями к государю, а он велел в народ стрелять... Государь

¹⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 863, л. 13.

¹⁸⁷ Там же, д. 800, л. 41—42.

¹⁸⁸ Там же, л. 42.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 5954, л. 7—8.

¹⁹² Там же, л. 8.

всю землю для себя собрал»¹⁹³. В секретном донесении беловодского участкового пристава от 15 июня 1907 г. сообщается, что Е. Романенко «усилиенно ведет антиправительственную пропаганду»¹⁹⁴. Е. Романенко получал нелегальные газеты и брошюры и с их содержанием знакомил местное трудовое крестьянство.

Небезынтересны воззвания Семиреченской группы РСДРП «К избирателям» и «Народу от народных представителей», в которых разоблачается антинародная сущность I и II Государственной думы. Воззвания зовут трудящихся к борьбе за политические права как русских, так и угнетенных народов. В одном из них подчеркивается: «Граждане должны мешать плану изменников и палачей и выбирать тех, которые будут твердо стоять за дело свободы, за интересы трудящихся масс, за землю и волю, тех, наконец, которые непоколебимо требуют для всех граждан общего без различия пола, вероисповедания и национальности избирательного права, полной власти народа, т. е. учредительного собрания»¹⁹⁵.

Такие воззвания можно было встретить и на севере Киргизии, в частности в некоторых селениях Пржевальского уезда и в самом г. Пржевальске¹⁹⁶. В декабре 1908 г. в Пишпеке появились листовки, призывающие трудящихся и солдат к вооруженному восстанию¹⁹⁷.

Противоправительственные листовки проникали в Киргизию в значительном количестве. В мае 1907 г. в одном только Пржевальске было обнаружено 16 экземпляров прокламаций «Эх, пора бы, братцы, взяться вам за ум!»¹⁹⁸ и ряд других листовок. В том же году в казармах Пишпека, в частности среди рядовых военнослужащих казачьего полка им. Ермака Тимофеевича, было найдено 13 листовок¹⁹⁹, призывающих к революционной борьбе. Если учесть, что в руки царской полиции попадало лишь небольшая часть запрещенной литературы, то становится очевидным, какую значительную работу проделали социал-демократы по распространению революционных идей в далекой патриархально-феодальной Киргизии.

Революционная деятельность передовых представителей русского народа и распространение нелегальной литературы в Киргизии проходили в исключительно трудных условиях.

¹⁹³ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, л. 933, л. 61.

¹⁹⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 5953, л. 6—7.

¹⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 800, л. 44.

¹⁹⁶ Там же, л. 43.

¹⁹⁷ Там же, д. 780, л. 22.

¹⁹⁸ ЦГА Каз. ССР, ф. 77, оп. 2, д. 163, л. 1.

¹⁹⁹ А. Г. Зима. Указ. работа, стр. 77.

Специфические трудности объяснялись прежде всего отсталостью края в экономическом, политическом и культурном отношении, малочисленностью рабочих, по существу сплошной неграмотностью коренного населения, да и основной массы русских переселенцев, наличием национальных и религиозных предрассудков, а также слабостью связи с центром и неудовлетворительным состоянием средств передвижения. Эти трудности усугублялись еще тем, что основная масса коренного населения не владела или очень слабо владела русским языком, а русские революционеры зачастую не знали языка местного населения. Что касается революционеров-киргизов, которые могли разъяснять идеи марксизма-ленинизма своему народу, то их насчитывались единицы. Поэтому революционная работа проводилась в основном среди русского, особенно городского трудового населения. Однако идеи марксизма-ленинизма постепенно овладевали киргизскими народными массами, поднимали их на освободительную борьбу и вовлекали в мощное всероссийское революционное движение.

Политическое пробуждение трудящихся и революционные выступления в Киргизии

Политический подъем и приобщение трудящихся Киргизии к революционной борьбе русского пролетариата особенно заметными были в годы первой русской буржуазно-демократической революции. По словам В. И. Ленина, революция 1905—1907 гг. окончательно разбудила Азию. «Пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции»²⁰⁰. «Пролетарское движение,— указывает Владимир Ильич, имея в виду начало первой русской революции,— все ширится, раскинувшись теперь по самым далеким окраинам. Брожение и недовольство охватывает самые разнообразные и самые отсталые слои общества»²⁰¹. В связи и под непосредственным влиянием первой русской революции социальные и национальные выступления в Киргизии принимают небывалый размах, изменяются их классовая природа, цели и задачи. Теперь они вступают в новый исторический этап, приобретают иную форму, меняют характер и становятся составной частью всероссийского революционного движения.

Начало революционному движению в Киргизии положили рабочие-горняки. В 1905 г. шахтеры Кызыл-Кия, поднявшись

²⁰⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 221.
²⁰¹ Там же, т. 9, стр. 249.

на борьбу против капиталистического гнета, выдвигали такие же политические и экономические требования, какие выдвигали рабочие центральных промышленных городов в период первой русской буржуазно-демократической революции. Их требования сводились к следующему: повышение заработной платы, отмена штрафов, установление восьмичасового рабочего дня, свобода слова и собраний²⁰².

Всероссийская стачка почтово-телефрафных работников нашла отклик и в Средней Азии. Стачка работников связи Туркестанского края началась 17 ноября 1905 г. и продолжалась до 3 декабря. Активное участие в ней принимали почтово-телефрафные служащие Пишпека, Пржевальска и ряда селений Киргизии. Почтово-телефрафная связь между городами и населенными пунктами Туркестанского края, в том числе и Киргизии, по существу была прервана. Но стачка не увенчалась успехом. Наиболее активные ее участники подверглись репрессиям и денежным штрафам, а многие были уволены²⁰³.

Волнение началось также среди военнослужащих Туркестана. 15 ноября 1905 г. солдаты, размещенные в Ташкентской военной крепости, открыто выступили против царского самодержавия. Организаторами и вдохновителями выступления были члены Ташкентской группы РСДРП. «Причины описанных беспорядков,— сообщается в представлении прокурора Ташкентского окружного суда от 16 ноября 1905 г.,— с точностью еще не выяснены, но есть основание предполагать, что возникли они вследствие политической агитации крайних революционных партий, агенты которых были замечены в крепости среди солдат при самом возникновении беспорядков»²⁰⁴. Солдаты, захватив оружие, с криками «Ура!», «Долой самодержавие!» бросились к крепостной стене²⁰⁵. Были убиты наиболее ненавистные офицеры. На требование начальников карательных отрядов «прекратить беспорядок и выдать оружие нижние чины отвечали отказом и выстрелами»²⁰⁶. Восставшие солдаты оказывали героическое сопротивление наного превосходящим силам карателей. Многие из них пали в неравном бою²⁰⁷. Это выступление нашло отклик у солдат гарнизонов в других городах края, в том числе в Пишпеке и Нарынском укреплении. В 1906 г. среди солдат Нарынского укрепления «на-

²⁰² В. Н. Семенков. Указ. работа, стр. 22.

²⁰³ ЦГИАЛ, ф. 1289, оп. 8, д. 122, л. 18—26.

²⁰⁴ Там же, ф. 1405, оп. 530, д. 223, л. 81 (20).

²⁰⁵ Там же, л. 80(19).

²⁰⁶ Там же, л. 80(19)—81(20).

²⁰⁷ Там же.

ходились два поднадзорных рядовых — Кузнецов и Викторов»²⁰⁸.

В ночь на 3 апреля 1906 г. выступили жители Пишпека. Выступление носило антисамодержавный характер. Местные власти пытались сообщить об этом по телеграфу в Верный военному губернатору Семиреченской области и просить помочь. Возмущенные и негодующие трудящиеся напали на городскую почтово-телеграфную контору. Но выступление не принесло широкого размаха и не увенчалось успехом²⁰⁹.

Первая русская буржуазно-демократическая революция привела в движение не только рабочих, городские низы и солдат, но и трудовое крестьянство Средней Азии. 6 августа 1905 г. в Пишпеке состоялась крестьянская сходка, на которую собрались сотни безземельных русских переселенцев и дайкане. Организаторами ее были учитель Глебов и фельдшер Якушев. На сходке крестьяне резко осуждали колониальную политику царского правительства и требовали земли. Они составили петицию императору, в которой говорилось о невыносимом экономическом и политическом положении русских переселенцев и выражалась надежда, что царь поможет улучшить положение крестьян. В целом же петиция была проникнута ненавистью крестьян к помещикам-землевладельцам и переселенческому управлению. В ней выдвигались требования наделить крестьян землей, уменьшить размер налогов, уравнять в правах все социальные сословия, ввести всеобщее бесплатное обучение, свободу слова, печати, собраний и союзов, немедленно созвать «народных представителей на основе всеобщего, равного и тайного голосования»²¹⁰ и т. д.

Через некоторое время организаторы сходки Глебов и Якушев были арестованы, им было предъявлено политическое обвинение.

Значительные революционные волнения в Пишпеке происходили также 22 октября и 8 ноября 1905 гг.²¹¹ Революционное движение усилилось до такой степени, что Пишпекский уезд, как и некоторые другие районы Семиреченской области, с конца 1905 г. был объявлен на положении «усиленной охраны». В сентябре 1906 г. чрезвычайное положение было введено и в Ферганской области, куда входила Южная Киргизия²¹².

²⁰⁸ А. Г. Зима. Указ. работа, стр. 76.

²⁰⁹ ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 38, л. 34.

²¹⁰ А. В. Пяковский. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане... стр. 160—161; А. Г. Зима. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции... стр. 74—75.

²¹¹ А. В. Пяковский. Указ. работа, стр. 241—242; А. Г. Зима. Указ. работа, стр. 73; В. Н. Семенков. Указ. работа, стр. 25—26.

²¹² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 1382, л. 13.

Развертыавшаяся в России и в самой Киргизии революционная борьба русского пролетариата, трудового крестьянства и солдат оказала существенное влияние на коренные трудовые массы. Киргизский народ, как и другие угнетенные народы царской России, выступил против местной феодальной знати и самодержавной власти.

В ноябре 1905 г. дайкане аила № 3 Кугартской волости Андижанского уезда оказали сопротивление вооруженным русским кулакам, явившимся к ним, чтобы отнять у них пахотные земли в местности Ягач-Курган. Несмотря на угрозы кулаков перестрелять сопротивляющихся, коренное население не прекращало борьбу²¹³. В выступлении принимало участие более ста человек, наиболее активными среди которых были Токто Алдиев, Пирмат Кулубаев, Калча Иманкулов и другие. 16 июля 1907 г. киргизы Сарбагышевской волости Пишпекского уезда выступили против изъятия у них земель. Они «явились к юрте землемера-топографа Ивашкевича, работавшего в этой волости, принудили его прекратить работы и удалились»²¹⁴. Вскоре выступило трудовое население Нарынского участка Пржевальского уезда. Коренные жители участка твердо заявили царским чиновникам, что они «не дадут свою землю... хотя пусть их расстреляют»²¹⁵. Заведующий Нарынским переселенческим отделом 20 июля 1907 г. писал, что «противопресселенческое настроение быстро растет и крепнет. Теперь моим служащим многие киргизы говорят, что скоро представителей переселенческого дела всех выгонят из степи... Надо считать пребывание переселенческих чинов среди сильно возбужденного населения не вполне безопасно». А киргизы Джуван-Арыкской и Кочкорской волостей Пржевальского уезда «отказались дать сведения о цене зимовок и других построек, предположенных к сносу»²¹⁶.

Открытое выступление против царизма и его социальной опоры — местной феодальной знати, произошло 5 июня 1909 г. в урочище Сон-Куль. Более 30 скотоводов, возглавляемых Алыбаем и Майлыбаем Есентаевыми, Джунусом Койкелдина, Жаныке Бериковым и Нуралы Мураталиным, «внезапно с угрожающими криками ринулись к столу, за которым сидели»²¹⁷ начальник Ат-Башинского участка и податный инспектор Пржевальского уезда, проверявшие посемейные списки кибитковладельцев. Представители царской власти, а также во-

²¹³ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 26086, л. 281.

²¹⁴ Там же, ф. 1, оп. 13, д. 608, л. 1.

²¹⁵ Там же, ф. 7, д. 43, л. 121; д. 5039, л. 108.

²¹⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 7, д. 5039, л. 108.

²¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 759, л. 37.

лостной писарь и три джигита Джуван-Арыкского волостного управителя были избиты. В результате царские чиновники «вынуждены были прекратить выполнение возложенных на них законом служебных обязанностей»²¹⁸ и с позором покинули урочище. Как и следовало ожидать, наиболее активные участники столкновения были строго наказаны, руководители высланы в Акмолинскую область на пять лет. По мнению военно-го губернатора Семиреченской области, «подобная суровая мера безусловно необходима для примера на будущее время»²¹⁹.

Однако никакие суровые меры не могли помочь царизму удержать трудящихся в повинности и покорности. Не случайно тот же губернатор констатировал: «Жизнь в степях усложняется и поводов к недоразумениям — благодаря переселенческому вопросу, связанному с земельными стеснениями киргиз, — становится год от года все больше. В течение только что совершенной мною поездки по Верненскому и Пржевальскому уездам я имел возможность неоднократно убеждаться в том, что озорство киргиз за последние годы усилилось»²²⁰.

9 сентября 1909 г. восстали заключенные ошской городской тюрьмы. Их выступление было вызвано «жестоким обращением с арестантами начальника тюрьмы»²²¹ и надзирателей, а также крайне тяжелыми условиями содержания. В этой тюрьме, рассчитанной на 60 человек, помещалось 115 заключенных, это была в полном смысле душегубка. Восставшие арестанты — представители разных национальностей: русские, узбеки и киргизы — набросились на врагов-мучителей. Объектом их гнева оказались четыре царских надзирателя и шесть охранников. Однако смелое выступление арестантов не имело поддержки окружавшего населения и поэтому потерпело неудачу. В жестокой схватке арестанты потеряли 10 человек убитыми и 9 ранеными²²². Царское правительство жестоко расправилось с восставшими заключенными. Оно организовало специальный военный суд в г. Ош, который приговорил 11 человек к смертной казни, а 19 — к каторжным работам на 6—20 лет. Среди осужденных были киргизы Кёккёзов из кыштака Мункатай Араванской волости, Маткеримов и Абдрахманов из кыштака Ханават и другие²²³.

Столыпинская реакция, свирепствовавшая в стране, оказала отрицательное влияние на ход и размах революционного

²¹⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1390, л. 3.

²¹⁹ Там же, л. 9.

²²⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1390, л. 9—10.

²²¹ Там же, д. 1392, л. 33.

²²² Там же, л. 8—11.

²²³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1392, л. 34, 41.

движения в Киргизии. Но она не сломила и не могла сломить боевой дух русского и других народов. Как известно, с 1910 г. начался революционный подъем. Это наблюдалось не только в центре России, но и в таком далеком и глухом крае, каким была в те годы Киргизия.

В 1910 г. на каменноугольных копях Сулюкты возникла забастовка²²⁴. В нее включились и шахтеры Кызыл-Кия. Забастовщики требовали увеличить заработную плату. Народные волнения начались и в г. Ош²²⁵. В августе 1912 г. забастовали шахтеры каменноугольных копей Шураба. Но эта забастовка была подавлена. Наиболее серьезной была забастовка в октябре того же года на шахте Кызыл-Кия. Забастовщики, руководимые И. И. Едренкиным, в течение пятнадцати дней не выходили на работу. Их требование о повышении заработной платы шахтерам было удовлетворено²²⁶. В августе 1914 г. забастовали шахтеры каменноугольных копей Сулюкты. Забастовщики киргизы, узбеки, татары и русские²²⁷ рука об руку выступили против произвола и насилия владельца сулюктинских копей. Участник забастовки А. Г. Калашников рассказывал: «На шахте работали русские, татары и киргизы. Управляющий разжигал национальную рознь, хотел заставить нас драться. Но однажды мы вместе — и киргизы, и татары, и русские — не выдержали издевательств хозяина, пошли и избили его»²²⁸. Забастовка была неудачной. Однако она имела важное политическое значение, так как способствовала сплочению рабочих местных и европейских национальностей в борьбе против царского самодержавия.

Вслед за рабочими в революционную борьбу втягивались и рядовые военнослужащие. В конце марта 1911 г. происходили волнения казаков станицы Николаевской Пржевальского уезда. В их возникновении немалую роль сыграл социал-демократ А. В. Русиков. В декабре было волнение среди солдат Верного. В конце июля 1914 г. выступили нижние чины запаса в Пишпеке. Они категорически отказались служить «государю и отечеству»²²⁹ и потребовали выдать их семьям пособия. Воз-

²²⁴ ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912, д. 37, л. 5.

²²⁵ В. Н. Семенков. Указ. работа, стр. 33.

²²⁶ Там же, стр. 33—34.

²²⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 18, оп. 3, д. 99, л. 5; ф. 1, оп. 2, д. 10534, л. 163; Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, стр. 167; В. Н. Семенков. Указ. работа, стр. 41.

²²⁸ Цит. по ст.: Х. М. Мусин. Из истории возникновения пролетариата в горнодобывающей промышленности дореволюционной Киргизии. Тр. Пржевальского учителяского ин-та им. Г. М. Димитрова, вып. 1, 1962, стр. 52.

²²⁹ В. Н. Семенков. Указ. работа, стр. 34, 40.

бужденные и негодующие военнослужащие «стали отказываться ехать, говоря, что они не поедут, пока им не выдадут пособие... Затем толпа накинулась на подводы, схватила лошадей под уздцы и разогнала подводы. Несколько запасных первой партии бросились задерживать подводы, но в их сторону полетели камни, почему они и отступили»²³⁰. Местное военное командование отказалось удовлетворить требование участников выступления, так как надеялось на заранее сформированный карательный отряд, в который входил взвод солдат 20-го Туркестанского стрелкового полка и часть местной полиции. Вскоре к карательному отряду присоединилась группа стрелков, вызванная местной властью. Но ни карательный отряд, ни другие меры не могли помочь царизму «усмирить» выступление. К его участникам примкнули солдаты запаса, прибывшие из ближайших волостей Пишпекского уезда. Выступление приняло настолько острый характер, что в течение недели местному военному начальству не удавалось отправить запасных в назначенное место. Его усиление в известной степени объясняется революционной пропагандой среди запасных, проводимой членом Пишпекской социал-демократической группы Н. Лозовых. Но все же выступление не увенчалось успехом. 28 июля его организаторы и активные участники А. Лупаев, С. Емцов, С. Крюков и многие другие были арестованы. Организаторы были приговорены к пожизненной каторге, остальные — сурово наказаны²³¹.

Революционный подъем охватил и русских трудовых крестьян-переселенцев. Туркестанский генерал-губернатор в секретном донесении от 13 августа 1911 г. докладывал военному министру: «В Верненском и Пишпекском уездах по-прежнему наблюдается антиправительственное движение... При этом следует заметить, что Пишпекский уезд, как и прежде, является районом наибольшего скопления переселенцев из Европейской России, представляющих собою наиболее благоприятную почву для преступной агитации как вследствие их неудовлетворительного на первых порах положения, так и вследствие того, что в среде их самих имеются лица, подпавшие под влияние революционного движения и потому весьма сомнительные по своей благонадежности»²³². Нередко народный гнев проявлялся в действиях отдельных смельчаков, направленных про-

²³⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 723, оп. 1, д. 319, л. 7—8; Рабочее и аграрное движение в Казахстане... док. № 366.

²³¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 723, оп. 1, д. 319, л. 7—8; Рабочее и аграрное движение в Казахстане... док. № 366; В. Н. Семенков. Указ. работа, стр. 40.

²³² ЦГВИА, ф. 400, Аз. часть, 1907 г., д. 106, л. 192.

тив угнетателей. 4 марта 1911 г. крестьянин Узгенской волости Андижанского уезда Семен Оставов на допросе окружного суда назвал участкового пристава кровопийцей. Он не признавал власти ни уездного начальника, ни царя и категорически отказывался служить им. В тюрьме Оставов объявил голодовку. Он предпочитал голодную смерть издевательствам и унижению²³³. 30 марта 1910 г. крестьянин с. Алексеевского Вознесенской волости Пишпекского уезда М. П. Носов публично назвал императора и царских чиновников врагами народа²³⁴. А житель с. Токмак К. П. Коваленков 25 ноября 1910 г. сорвал со стены портрет царя и швырнул его на пол²³⁵. 22 октября 1911 г. один из переселенцев — Михаил Даньшин — проклинал царя и «его слуг» за их несправедливое отношение к трудовому народу. Он заявил представителям местной власти: «Вы все собаки и собакам служите», а царские чиновники являются «продажными шкурами»²³⁶. 30 января 1915 г. крестьяне с. Беловодского Пишпекского уезда Севостьянов, Андреев, Корнилов и Смирнов были арестованы за открытое осуждение царского правительства и оскорбление «царствующего имени»²³⁷. В августе несколько крестьян с. Барскаун Пржевальского уезда открыто выразили недовольство существующей властью, царем. Представителю власти они с возмущением заявили: «Он (царь — К. У.) нас посадил на камень, и нам нет расчета служить ему и защищать его». Они избили казака Лазарева «за то, что он в разговоре с ними выступил в защиту войны и царя»²³⁸. Борьба трудящихся против царского самодержавия продолжала усиливаться. Достаточно сказать, что лишь в одной Ферганской области, куда входила Южная Киргизия, в 1913 г. были привлечены «за проступки против порядка управления» 316 человек, а в 1914 г. — 576 человек²³⁹.

Революционные выступления участились в период первой империалистической войны. «Поражение России, — писал В. И. Ленин в сентябре 1915 г., — «оказалось наименьшим злом, ибо оно двинуло вперед революционный кризис в величайшем масштабе, расшевелило миллионы, десятки и сотни миллионов»²⁴⁰. Ненависть к войне приобретала всеобщий ха-

²³³ ЦГИАЛ. ф. 1405, оп. 530, д. 800, л. 35, 36.

²³⁴ Там же, д. 780, л. 19.

²³⁵ Там же, д. 800, л. 23; д. 830, л. 27.

²³⁶ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 800, л. 12.

²³⁷ Там же, д. 910, л. 12.

²³⁸ Цит. по работе: А. Г. Зима. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции... стр. 94.

²³⁹ С. Х. Генкезен. Статистический обзор Ферганской области за 1914 г. Скобелев, 1917, стр. 115.

²⁴⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 30.

рактер. Народный гнев и негодование переходили нередко в открытое выступление то в одном, то в другом районе Киргизии.

9 марта 1914 г. начались волнения в селении Палено Пржевальского уезда. Они были направлены против земельной политики царского правительства. Восставшие крестьяне «оказали сопротивление властям, не допустив их к реквизиции находившегося у них леса». Это выступление было настолько серьезным, что начальник уезда обратился к военному губернатору Семиречской области с просьбой «выделить пулометчиков для усмирения крестьян»²⁴¹. Выступление было жестоко подавлено, а его наиболее активные участники (85 человек) подверглись репрессиям.

28 марта 1916 г. вспыхнуло восстание в с. Преображенском Пржевальского уезда. Его активными участниками были женщины-крестьянки, возмущенные «повышением цен на промышленные товары». Около 300 человек собралось на базарной площади села. Они потребовали от местных купцов открыть лавки, которые были «заперты из опасения, вызванного поведением крестьянок, приходивших за покупками». Торговцы, опасаясь расправы толпы, бросились за помощью к старосте села. Вслед за ними к дому старости пришли и женщины. «Ввиду угрожающего поведения толпы»²⁴² торговцы заперлись в доме старости. Женщины же, вернувшись на базарную площадь, разгромили лавки и забрали все товары²⁴³. Однако выступление не приняло широкого размаха и потерпело поражение. Царское правительство безжалостно расправилось с женщинами. Не считаясь ни с возрастом, ни с состоянием здоровья их, 27 женщин с 41 ребенком оно посадило за решетку за то, что они предъявили экономические требования и разгромили несколько лавок, принадлежавших торговцам. Подлинное лицо царизма — мучителя и палача народов — характеризует следующий факт: среди арестованных женщин 3 были беременны, 13 больны; 6 детей болели трахомой, 3 — чесоткой, 1 — осипой и 1 — коклюшем. Условия содержания арестованных были ужасными: в тюрьме, рассчитанной на 35 человек, оказалось 163 заключенных²⁴⁴.

В годы революционного подъема под влиянием русского пролетариата и рядовых крестьян-переселенцев коренное население снова поднялось на борьбу. Весной 1910 г. против земельной политики царизма выступила букара — рядовые кир-

²⁴¹ В. Н. Семенков. Указ. работа, стр. 38.

²⁴² ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 521, л. 9.

²⁴³ А. Г. Зима. Указ. работа, стр. 95.

²⁴⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 521, л. 14; д. 1897, л. 25—27.

гизы Каракечинской волости Пржевальского уезда. Ею руководили бедняки Очо и Тёлё Абыкановы. Участники выступления (их было более 100) требовали отвода им земельных участков, пригодных для пахоты. Однако это выступление было жестоко подавлено царским карательным отрядом²⁴⁵.

2 марта 1911 г. выступили дыйкане аила № 4 Кугартской волости. Поводом к выступлению послужила попытка кулаков-переселенцев насилием занять пахотные земли, находившиеся в пользовании коренного населения. Более 150 дыйкан напали на чиновников переселенческого управления. Но безоружным и неорганизованным смелчакам не удалось отстоять свои земельные участки и изгнать насилиников. Асылбек Мирсентов, Кунанбай Кулчаев, Тепей Чабаев и Каип Назаров погибли в неравной борьбе с царскими колонизаторами, а Ботокан Токтоканов, Босун Бекбаев и Орозалы Болумбеков получили тяжелые ранения²⁴⁶. Летом 1912 г. произошло столкновение между коренным населением Чаткала и группой статистиков переселенческого управления. Местное население «в бурной форме заявило, что оно не желает давать никаких сведений о пользовании землею»²⁴⁷. Чаткальцы прогнали царских землемеров, не позволив выявить «излишние земли» для изъятия в пользу переселенческого фонда. В апреле 1914 г. жители киргизского поселка Джангарач Пишипекского уезда «оказали вооруженное сопротивление полиции при сборе податей»²⁴⁸. Но сопротивление было сломлено царскими карательными. Девять наиболее активных участников оказались за решеткой. В октябре того же года против насилия и произвола царских чиновников выступили кочевники аила № 6 Кен-Кольской волости Аулие-Атинского уезда. Однако в столкновении с карательным отрядом они потерпели поражение. Активные участники выступления были взяты под стражу²⁴⁹. Осенью 1915 г. поднялись рядовые киргизы Шаркиратминской волости. Ими руководил Мамат Суранчиев. Выступившие бедняки требовали наделить их землей. Но когда колониальные власти отказались удовлетворить это требование, они убили одного из царских чиновников, за что несколько участников выступления поплатились жизнью. Девять человек были сосланы

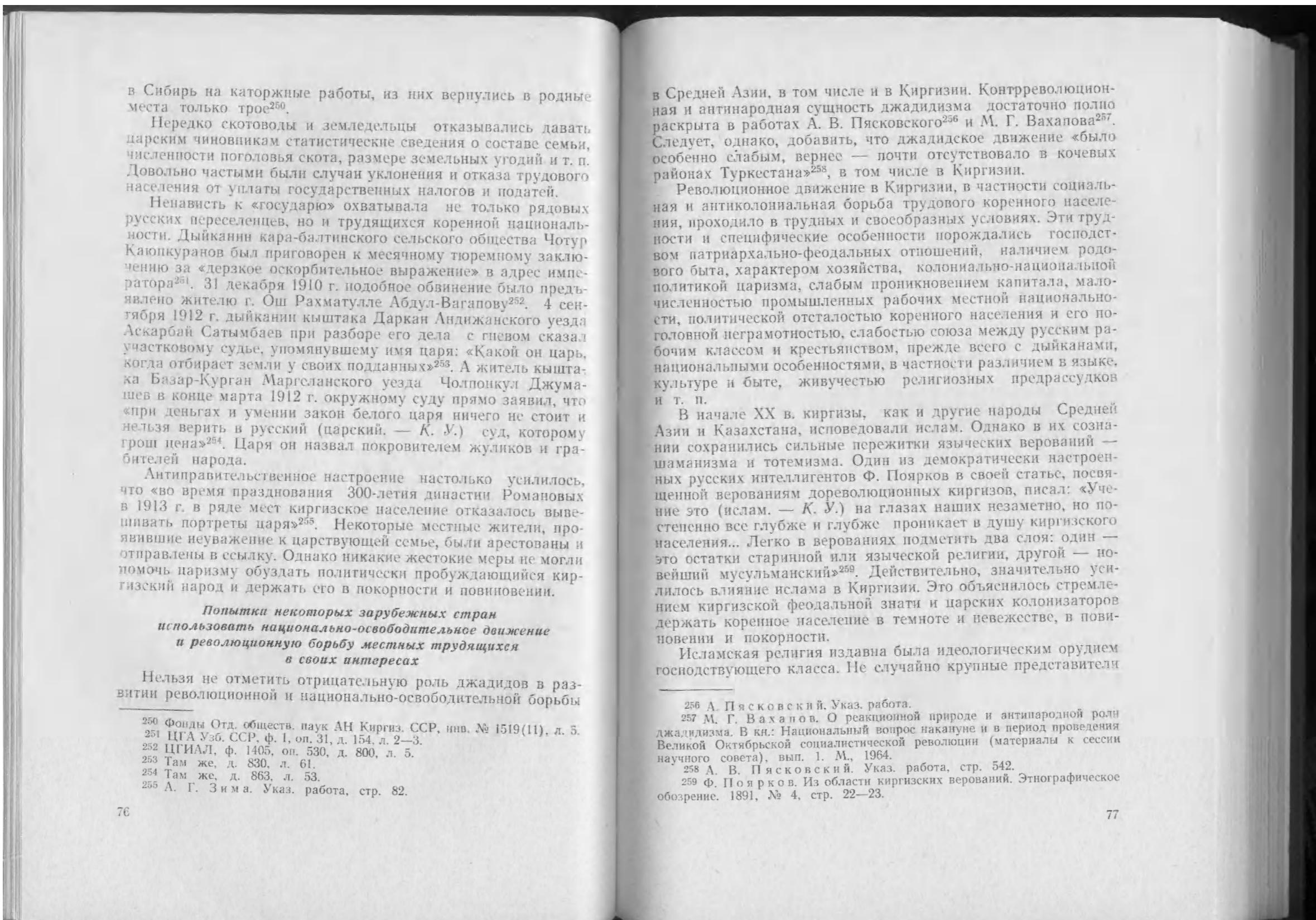
²⁴⁵ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(11), л. 80—81.

²⁴⁶ Там же, инв. № 137, л. 62—63.

²⁴⁷ А. Г. Зима. Указ. работа, стр. 81—82.

²⁴⁸ ЦГА Каз. ССР, ф. 64, д. 2651, л. 55; Рабочие и аграрное движение в Казахстане..., док. № 354.

²⁴⁹ В. Н. Семенков. Указ. работа, стр. 35, 41.

в Сибирь на каторжные работы, из них вернулись в родные места только трое²⁵⁰.

Нередко скотоводы и земледельцы отказывались давать царским чиновникам статистические сведения о составе семьи, численности поголовья скота, размере земельных угодий и т. п. Довольно частыми были случаи уклонения и отказа трудового населения от уплаты государственных налогов и податей.

Ненависть к «государю» охватывала не только рядовых русских переселенцев, но и трудящихся коренной национальности. Дыйканин кара-балтийского сельского общества Чотур Каюкурнов был приговорен к месячному тюремному заключению за «дерзкое оскорбительное выражение» в адрес императора²⁵¹. 31 декабря 1910 г. подобное обвинение было предъявлено жителю г. Ош Раҳматулле Абдул-Вагапову²⁵². 4 сентября 1912 г. дыйканин кыштака Даркан Андижанского уезда Аскарабай Сатымбаев при разборе его дела с гневом сказал участковому судье, упомянувшему имя царя: «Какой он царь, когда отбирает земли у своих подданных»²⁵³. А житель кыштака Базар-Курган Маргеланского уезда Чолпонкул Джумашев в конце марта 1912 г. окружному суду прямо заявил, что «при деньгах и умении закон белого царя ничего не стоит и нельзя верить в русский (царский. — К. У.) суд, которому трошки цена»²⁵⁴. Царя он назвал покровителем жуликов и грабителей народа.

Антиправительственное настроение настолько усилилось, что «во время празднования 300-летия династии Романовых в 1913 г. в ряде мест киргизское население отказалось вывешивать портреты царя»²⁵⁵. Некоторые местные жители, проявившие неуважение к царствующей семье, были арестованы и отправлены в ссылку. Однако никакие жестокие меры не могли помочь царизму обуздать политически пробуждающийся киргизский народ и держать его в покорности и повиновении.

*Попытка некоторых зарубежных стран
использовать национально-освободительное движение
и революционную борьбу местных трудящихся
в своих интересах*

Нельзя не отметить отрицательную роль джадидов в развитии революционной и национально-освободительной борьбы

²⁵⁰ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(11), л. 5.

²⁵¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 154, л. 2—3.

²⁵² ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 800, л. 5.

²⁵³ Там же, д. 830, л. 61.

²⁵⁴ Там же, д. 863, л. 53.

²⁵⁵ А. Г. Зима. Указ. работа, стр. 82.

в Средней Азии, в том числе и в Киргизии. Контрреволюционная и антинародная сущность джадидизма достаточно полно раскрыта в работах А. В. Пясковского²⁵⁶ и М. Г. Вахапова²⁵⁷. Следует, однако, добавить, что джадидское движение «было особенно слабым, вернее — почти отсутствовало в кочевых районах Туркестана»²⁵⁸, в том числе в Киргизии.

Революционное движение в Киргизии, в частности социальная и антиколониальная борьба трудового коренного населения, проходило в трудных и своеобразных условиях. Эти трудности и специфические особенности порождались господством патриархально-феодальных отношений, наличием родового быта, характером хозяйства, колониально-национальной политикой царизма, слабым проникновением капитала, малочисленностью промышленных рабочих местной национальности, политической отсталостью коренного населения и его поголовной неграмотностью, слабостью союза между русским рабочим классом и крестьянством, прежде всего с дыйканами, национальными особенностями, в частности различием в языке, культуре и быте, живучестью религиозных предрассудков и т. п.

В начале XX в. киргизы, как и другие народы Средней Азии и Казахстана, исповедовали ислам. Однако в их сознании сохранились сильные пережитки языческих верований — шаманизма и тотемизма. Один из демократически настроенных русских интеллигентов Ф. Поярков в своей статье, посвященной верованиям дореволюционных киргизов, писал: «Учение это (ислам. — К. У.) на глазах наших незаметно, но постепенно все глубже и глубже проникает в душу киргизского населения... Легко в верованиях подметить два слоя: один — это остатки старинной или языческой религии, другой — но-вейший мусульманский»²⁵⁹. Действительно, значительно усилилось влияние ислама в Киргизии. Это объяснилось стремлением киргизской феодальной знати и царских колонизаторов держать коренное население в темноте и невежестве, в повиновении и покорности.

Исламская религия издавна была идеологическим орудием господствующего класса. Не случайно крупные представители

²⁵⁶ А. Пясковский. Указ. работа.

²⁵⁷ М. Г. Вахапов. О реакционной природе и антинародной роли джадидизма. В кн.: Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции (материалы к сессии научного совета), вып. 1. М., 1964.

²⁵⁸ А. В. Пясковский. Указ. работа, стр. 542.

²⁵⁹ Ф. Поярков. Из области киргизских верований. Этнографическое обозрение. 1891, № 4, стр. 22—23.

местной феодальной знати и зарождавшейся буржуазии, особенно татарской и узбекской, принимали самое деятельное участие в оживлении религиозных чувств мусульманского населения. Некоторые из них приглашали мулл для обучения детей грамоте. Благодаря их усилиям значительно увеличилось число мектебов и мечетей. В 1915 г. в Пржевальском уезде насчитывалось 4 мечети, 55 молитвенных домов, в которых было 59 мулл. В Пишпекском уезде имелось 16 молитвенных домов, обслуживаемых 16 муллами.

В 1915 г. в названных уездах, кроме мечетей и молитвенных домов, имелось 23 мектеба и 1 медресе²⁶⁰. На юге Киргизии число мусульманских школ и мечетей было значительно больше. В 1914 г. в одном только Ошском уезде насчитывалось 88 медресе и 241 мектеб²⁶¹. Следует отметить, что хотя мектебы и медресе в какой-то степени способствовали распространению грамотности среди местного населения, но они готовили верных и покорных слуг ислама, искусственно насаждали и разжигали религиозный фанатизм и нетерпимость к иноверцам.

Исламская религия и ее проповедники, ревниво оберегая все старое и отживающее, с огромным упорством боролись против нового, прогрессивного в быту и жизни коренного населения. Ислам притуплял классовое самосознание трудящихся масс, тормозил развитие революционного движения в Средней Азии.

В конце XIX — начале XX вв., особенно в период первой империалистической войны, заметно усилились панисламистские и пантюркистские настроения среди местной феодальной знати. Участились паломничество состоятельных лиц в Мекку. Так, в 1901 г. из одной только Ферганской области в Мекку съездило 7304 человека, израсходовав 6 000 000 руб.²⁶². За три года — с 1908 по 1910 — число паломников из этой области составило 8817²⁶³, а в 1911 г. — 5 тыс. человек. Из Киргизии в Мекку побывали крупные манапы Шабдан Джантаев, Чолпонкул Тыналин, Дюр Сооронбаев, Канат Абукин и многие другие.

Увеличение числа паломников в Мекку привело к усилению влияния панисламизма и пантюркизма в Средней Азии. Не-

²⁶⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 1925, л. 31, 33, 35.

²⁶¹ Статистический обзор Ферганской области за 1914 г. Скобелев, 1917, приложение № 23. О школах, в том числе медресе и мектебах, подробно рассказывается в книге Д. Айтмамбетова «Дореволюционные школы в Киргизии». Фрунзе, 1961.

²⁶² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 240, л. 7; ЦГВИА, ф. 400, Аз. часть, 1900 г., д. 251, л. 88.

²⁶³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 1717, л. 14—15; д. 1730, л. 3.

которые паломники, недовольные присоединением края к России, стали вести антирусскую агитацию. Они собирали средства с коренного населения в пользу Турции и других государств, враждебных России. «В настоящее время, — говорится в секретном докладе министра внутренних дел от 23 февраля 1914 г., — среди мусульман Туркестанского края распространяется прокламация о необходимости повсеместного сбора мусульманами пожертвований в пользу раненых турецкой армии»²⁶⁴. Летом 1907 г. за сбор средств в этих целях к судебной ответственности был привлечен член мусульманского просветительного и благотворительного общества Пржевальского уезда Султан Мурат Акрам Тюряев²⁶⁵. Как рассказывает житель с. Токмак Н. Миханков, по инициативе некоторых манапов в 1915 г. проводился сбор «добровольных» пожертвований. Деньги, собранные с коренного населения 37 волостей, были высланы через Афганистан в Турцию²⁶⁶.

Правящие круги Турции, пытаясь объединить народы, исповедующие ислам, и отторгнуть Среднюю Азию от России, посыпали сюда своих агентов, которые призывали местное население к газавату — «священной войне» против «неверных», в частности против русских, и проводили сбор всевозможных средств. 18 января 1902 г. в Оше был арестован турецкий подданный Салих Мухаммед Кадыров, который приехал якобы для ознакомления с местными мазарами и «за сбором подаяний». Он выдавал себя за персидского подданного Ходжи-Мухаммеда Мегди Джавад-оглы²⁶⁷. В мае 1903 г. турецкий офицер генерального штаба Хамид Ефенди «распространял идеи об объединении народов, исповедующих ислам»²⁶⁸, среди жителей Ат-Башинского участка Пржевальского уезда. Юсуп Мешуров, Еригапек Единов (он же Ходжи-Ахун Шатипов) и Айт Ахметов были задержаны за «распространение в среде киргизского населения (Пржевальского уезда. — К. У.) мусульманской (антирусской. — К. У.) пропаганды»²⁶⁹. Был арестован и турецкий эмиссар Хамид Ефенди²⁷⁰.

В период первой империалистической войны Турция, Германия, США и некоторые другие страны, стремясь ослабить Россию, создавали экономические и политические затруднения

²⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 863, л. 125.

²⁶⁵ А. В. Пясковский. Указ. работа, стр. 548.

²⁶⁶ А. Н. Зорин. Революционное движение в Киргизии (северная часть), Фрунзе, 1931, стр. 18.

²⁶⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 15239, л. 1, 7—10.

²⁶⁸ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 4429, л. 26.

²⁶⁹ Там же, л. 179.

²⁷⁰ Там же, л. 26.

в глубоком ее тылу, в частности в Средней Азии. С этой целью они засыпали сюда своих агентов. В. И. Ленин подчеркивал, что «генеральные штабы в теперешней войне тщательно стараются использовать всяческое национальное и революционное движение в лагере их противников»²⁷¹.

Афганистан и Персия формально считались нейтральными странами. Однако они относились к России далеко не дружелюбно и явно симпатизировали странам, воюющим с нею. В Афганистане и Персии орудовали агенты Германии и Турции. Эмиссары стран, воюющих с Россией, проникали и в Среднюю Азию. По рассказам старожилов Центрального Тянь-Шаня Карымшака Атабекова, Молдо Джоторкулова, Ибраима Токтосунова и Абдыкалыка Чоробаева, в 1915 г. во время уразы (мусульманский пост) в урочище Сон-Куль появились два турка, которые призывали верующих объединиться вокруг главы младотурков Алавара Ходжи и выступить против России. Но их призыв не находил поддержки у местных жителей. Мало того, вскоре были обнаружены трупы этих турецких агентов, убитых кем-то около р. Нарын²⁷². В некоторых районах Северной Киргизии распространялся слух о том, что на фронтах русские терпят поражение, а турки одерживают победу и вскоре выиграют войну²⁷³. В Пржевальский уезд приезжал американский подданный Исидар Морзе, выдававший себя за путешественника. За ним был установлен негласный полицейский надзор. Но он все же сумел отправить в Кашгар английскому агенту-консулу большой пакет, заплатив за его доставку 10 руб.²⁷⁴ Через некоторое время в Кашгар пробрался и сам Морзе.

Германские империалисты прилагали все усилия к тому, чтобы ослабить Россию. При этом они возлагали особые надежды на мусульманский восток. Директор департамента духовных дел в секретном донесении от 17 марта 1916 г. императору Николаю II сообщает, что немцы стараются «поднять против России и ее союзников, по возможности, весь мусульманский мир, и для сего они искусно пользуются теми успехами пропаганды панисламизма, которая уже давно охватила мусульманскую массу»²⁷⁵. По инициативе германских империалистов в Берлине был созван съезд мусульман, на котором рассматривался вопрос об объединении народов, испове-

²⁷¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 56.

²⁷² Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(10), л. 77—80.

²⁷³ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 87, оп. 1, д. 4, л. 4.

²⁷⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 412, л. 1, 15, 26.

²⁷⁵ ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 133, 1913—1917 гг., д. 471, л. 19.

дующих ислам, и выступлении последних против неверующих, в частности русских. Император Вильгельм II «проводил себя покровителем ислама и даже более — божьим послаником»²⁷⁶. Для достижения своих целей он не жалел ни денег, ни оружия. Немецкие империалисты издавали множество газет и журналов на различных восточных языках и «в огромном количестве распространяли их в мусульманском мире»²⁷⁷. На страницах этих периодических изданий утверждалось, что якобы «Германия — единственная могущественная страна, способная возвратить величие и силу мусульманским государствам... Одна лишь Германия может возродить мусульманскую культуру, могущество и блеск былых (восточных. — К. У.) государств».

Как показывают архивные источники, «постепенно пропаганда немцев внедрялась в мусульманскую среду в России: в поволжские восточные губернии, на Кавказ и в Туркестан с преобладающим мусульманским населением». Там, где слово не действовало, в ход пускались «золото и сказочные обещания». Сотни немецких агентов, снабженных панисламистской литературой и золотом, под видом бродяг и дервишей «снуют по Востоку, пропагандируя величие и могущество Германской империи, распространяя небывалые победы над русской армией»²⁷⁸. Некоторые агенты немецких империалистов пробрались и в Киргизию. Весной 1916 г. в кыштаке Канибадам Кошандского уезда Ферганской области был задержан немецкий агент, явившийся членом общества «Германский экспорт», находившегося в Берлине²⁷⁹. Он выполнял задание общества, пропагандируя антирусские идеи среди коренного населения.

Однако тщетны были попытки империалистов зарубежных стран поднять народы Туркестана против России. Пропаганда панисламистских и пантюркистских идей представителями местной феодально-клерикальной знати, а также агентами некоторых зарубежных стран не имела успеха. Она находила почву лишь среди некоторых элементов феодальной прослойки, недовольной Россией по тем или иным причинам. Что касается народных масс, то они под влиянием русского революционного пролетариата и трудового крестьянства, постепенно освобождаясь от патриархально-родовых пережитков, начали пробуждаться к политической жизни. Все теснее сближаясь с великим русским народом, они учились у него бороться за свое социальное и национальное освобождение.

²⁷⁶ Там же, л. 21.

²⁷⁷ Там же, л. 235.

²⁷⁸ Там же, л. 236.

²⁷⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 95.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ

Колониальная политика царизма и ее усиление в период первой империалистической войны

Национальное угнетение. Произвол и насилие царских чиновников

Туркестан, по словам В. И. Ленина, являлся «колонией чистейшего типа»¹. Киргизский народ, как и все народы национальных окраин царской России, подвергался жесточайшему военно-феодальному и капиталистическому угнетению. По выражению В. И. Ленина, Россия была тюрьмой народов².

В начале мы кратко остановимся на управленческом аппарате, который осуществлял колониальную политику царизма, и административном устройстве Киргизии. А этот вопрос в свою очередь тесно связан с определением территории, занимаемой киргизами, и их численности.

В архивных документах и дореволюционной литературе содержатся противоречивые, иногда взаимоисключающие сведения о численности киргизов дореволюционного периода. Мало того, в исторических источниках киргизов часто путают с казахами, а в некоторых случаях совсем не отличают от последних³.

Все это в значительной степени затрудняет возможность установления точного числа киргизов в то время. Однако в некоторых, особенно статистических, материалах встречаются более или менее достоверные данные, позволяющие судить о численности коренного населения.

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 35.

² Там же, т. 27, стр. 67.

³ К. К. Пален. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края... Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Отд. 1, СПб., 1911, стр. 64—65; С. Х. Генкузен. Статистический обзор Ферганской области за 1914 г. Приложение № 3. Скобелев, 1917.

Согласно статистическим материалам по Семиреченской области, к 1 января 1914 г. в Пишпекском уезде насчитывалось 146035 киргизов, из них 84228 мужчин и 61807 женщин⁴, а в Пржевальском уезде — 101518 мужчин и 76773 женщины, т. е. всего 178291 человек⁵. Данные численности местного населения этих двух уездов за первую половину 1916 г. представлены в табл. 3⁶.

Большое число киргизов насчитывалось в Ферганской области, в частности: в Андижанском — 91578⁷, Наманганском — 79739⁸, Маргеланском — 49559⁹.

Таким образом, основная часть киргизов находилась в Семиреченской и Ферганской областях¹⁰.

После присоединения к России в Киргизии, как и во всей Средней Азии, было введено новое административное устройство, которое, по выражению В. И. Ленина, носило средневековый и казенно-бюрократический характер и отвечало требованиям казны, бюрократии, рутины и помещиков¹¹. Вся политическая власть в Туркестане была сосредоточена в руках царских генералов, дворян, буржуазии и других колонизаторов.

В Средней Азии было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в г. Ташкенте¹². Во главе его стоял генерал-губернатор, имевший почти неограниченную власть,

Уезд	Киргизы			Дунганд			Узбеки	
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.
Пишпекский	101518	76773	178291	4974	4414	9388	3206	2222
Пржевальский	84072	61652	145724	1894	1670	3564	2033	1861
Всего:	185590	138425	324015	6868	6084	12952	5239	4083

⁴ Обзор Семиреченской области за 1913 г. Верный, 1915. Ведомость № 1, о населении Семиреченской области по народностям к 1 января 1914 г.

⁵ Там же.

⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1157, л. 10—13.

⁷ И. И. Зарубин. Список народностей Туркестанского края. Тр. комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, вып. 9. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 38, стр. 112.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ И. И. Зарубин. Указ. работа, инв. № 38, стр. 112.

¹¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 24, стр. 147.

¹² ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16918, л. 112—115.

Генерал-губернаторство делилось на пять областей: Сыр-Дарьинскую, Ферганскую, Закаспийскую, Самаркандскую и Семиреченскую. Во главе каждой области стоял военный генерал-губернатор. Киргизия входила в состав Ферганской, Семиреченской, частично Сыр-Дарьинской и Самаркандской областей. Области в свою очередь делились на уезды, а уезды — на участки и волости. Во главе уездов стояли уездные начальники. Участками и волостями управляли приставы и волостные управители.

Генерал-губернатора края назначал император, а военных генерал-губернаторов областей — генерал-губернатор Туркестанского края. Военные генерал-губернаторы областей назначали уездных начальников, последние в свою очередь — участковых приставов.

Северная Киргизия входила в состав Семиреченской области и делилась на Пишпекский и Пржевальский уезды.

В 1916 г. Пишпекский уезд состоял из трех участков. В Беловодский участок входили Джамсартовская, Багышевская, Момоконовская, Кара-Балтинская, Тулебердинская, Сокулукская, Джангарачевская, Ново-Чуйская, Старо-Чуйская, Джелланкузевская, Сейкимовская, Дулатовская, Кукревская, Балкашевская волости; Пишпекский участок объединял Канаевскую, Байтыковскую, Кунтуевскую, Узунгырскую, Татинскую, Каракинскую, Иссык-Атинскую, Ботпаевскую, Кибраевскую, Калутутинскую, Восточно-Ргайтинскую, Чумичевскую волости; Токмакский участок — Шамсинскую, Буранинскую, Нурмамбетовскую, Байсентовскую, Тынаевскую, Джанышевскую, Кара-Булакскую, Атекинскую, Сарбагышевскую, Кочкорскую, Джумгальскую, Курманкоджинскую, Темир-Булатовскую, Абайльдинскую, Кара-Кечинскую, Сусамырскую, Кочкинскую и Черикчинскую волости¹³. В Пишпекский уезд входили два дунганских селения — Александровское и Николаевское.

Пржевальский уезд подразделялся на два участка. Пржевальский участок объединял Тургенскую, Кенсуйскую, Бирназаровскую, Тюпскую, Курментинскую, Кунгей-Аксуйскую, Бакичинскую, Курткамерчинскую, Семизельскую, Улахольскую, Джаныбековскую, Джаамбаевскую, Торгоевскую, Барекоунскую, Заукинскую, Восточно-Джеты-Огузскую волости; в Ат-Башинский участок входили Шаркратминская, Ала-Арчинская, Нарынская, Шатеновская, Саяковская, Чоринская, Борукчинская, Дуван-Арыкская, Чаш-Тюбинская, Чериковская,

¹³ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16918, л. 112—115.

Таблица 3

всего	Калмыки		Уйгры			Итого	
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.		
5428	—	—	—	131	86	217	193324
3894	1437	1242	2679	173	157	330	156192
9322	1437	1242	2679	304	243	547	349516 ⁶

Исенголовская, Аджинская, Мунагельдинская, Ниязбековская и Бугенековская волости. В уезд входили также киргизские и русские селения Шамыровское, Тенизбаевское, Каменское, Темировское, Тархан, Ак-Кочкор, Урюкты, Чирикское и Высокое, дунганское село Марининское и айл сарткалмаков¹⁴.

Киргизы, населявшие Таласскую долину, образовали Каракольскую, Кен-Кольскую, Таласскую, Бештамскую волости в составе Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области¹⁵.

Южная Киргизия входила в состав Ошского, Андижанского, Наманганского, Скобелевского и Кокандского уездов Ферганской области. Ошский уезд объединял Гульчинскую, Куршабскую, Капчигайскую, Алайскую, Ак-Буриńskую, Булак-Башинскую, Кашгар-Кишлакскую, Минякскую, Наукатскую, Ошскую, Турукскую волости; Андижанский — Кен-Кол-Карагырскую, Майли-Сайскую, Кара-Куль-Сарысуйскую, Узгенскую, Яссинскую, Чанкентскую, Кугартскую и Базар-Курганскую волости; Наманганский — Кара-Кырскую, Сусамырскую, Музторскую и Арымскую, Чаткальскую, Саруйскую, Кырк-Угульскую, Багышевскую, Кутлук-Сентскую, Бостонскую и Нанайскую; Скобелевский (бывший Маргеланский) —

¹⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16918, л. 84—86.

¹⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 9370, л. 491—492; Материалы по киргизскому землепользованию. Аулие-Атинский уезд. Ташкент, 1911, стр. 121—122. По рассказу старожила Нурмамбета Насарова (род. 1877 г.), к 1916 г. в Таласе имелось 11 киргизских волостей: Каракольская, Жетигенская, Конкольская, Беш-Ташская, Урмаральская, Боотерекская, Уч-Курганская, Куркуринская, Кара-Буринская, Донголекская и Шилбилинская (Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (5), л. 1—2). Нам кажется, здесь число волостей значительно преувеличено. Киргизы, населявшие Талас, не могли братьовать 11 волостей. Ибо, как указывалось, в Таласе проживало немногим более 57 тыс. человек. А по существовавшему положению в одну волость входило не менее 1000 дворов. Правда, имелось несколько волостей, состоявших из 500 юрт. Если даже исходить из этой, самой низкой нормы, то и в этом случае в Таласе не могло быть более четырех волостей.

Найманскую, Йчкиликскую, Яукесек-Бостонскую и другие волости; Кокандский уезд — Ляйлякскую, Нойгут-Кипчакскую и другие волости¹⁶. Некоторые районы Южной Киргизии, в том числе и Сулюктинский, входили в состав Ходжентского уезда Самаркандской области.

Следует подчеркнуть, что административное устройство носило сугубо колониальный характер. Киргизия была разбита на мелкие части, что облегчало угнетение народных масс и мешало коренному населению объединиться в борьбе за социальную и национальную свободу.

Маленькая Киргизия входила в состав четырех больших областей и девяти уездов. Во всех областях и многих уездах киргизы были в меньшинстве. Так, в Андижанском уезде они составляли 27% местного населения, в Наманганском — 19, Скобелевском — 14, Кокандском — 4%¹⁷. Только Пишпекский, Пржевальский и Ошский уезды были населены в основном киргизами.

Вся деятельность административно-управленческого аппарата царского правительства в Туркестане, как и на других национальных окраинах, была направлена на то, чтобы держать народные массы в повиновении, подавлять освободительное движение. Не случайно в Средней Азии стояли царские военные гарнизоны, готовые в любую минуту по приказу туркестанского генерал-губернатора, областных военных генерал-губернаторов выступить против безоружного местного населения и «подавить в крови даже робкие попытки защиты национальных свобод»¹⁸. Колониальные интересы царского самодержавия зорко охранялись.

Содержание царского административно-управленческого аппарата обходилось трудящимся очень дорого. Достаточно сказать, что 65% годового бюджета Туркестанского генерал-

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 4, д. 916, л. 30; оп. 5, д. 998, л. 12, 13, 43; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(6), л. 39; инв. № 1695, л. 9, 65; Е. Н. Тейх. Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ, вып. V, Ошский уезд. Скобелев, 1910, стр. 1; К. К. Палей. Отчет по ревизии Туркестанского края... Поземельно-податное дело, стр. 248—249, 252, 254, 257; Материалы по киргизскому землепользованию... Андижанский уезд... Ташкент, 1913, стр. 36; Там же, Наманганский уезд... стр. 1.

¹⁷ Материалы всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской республике, вып. IV. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г. Ташкент, 1924, стр. 51—52.

¹⁸ Т. Ю. Бурмистрова. Ленинская политика пролетарского интернационализма. Л., 1962, стр. 32.

губернаторства приходилось на военно-полицейские и административные ведомства¹⁹.

Проводя колониальную политику, царизм опирался на вооруженную силу и кулаков-переселенцев, с одной стороны, и на местную феодальную знать — с другой. Царские чиновники быстро нашли общий язык с местными угнетателями, привлекали их на службу и назначали на низшие административные должности. Но все же политическое право местной феодальной знати было ограничено. Представители коренного населения, даже эксплуататорской верхушки, не могли претендовать на службу в государственных учреждениях, не говоря о высших и средних должностях, занимаемых привилегированными царскими чиновниками. Царское правительство предоставляло манапам и другим феодалам привилегии и не мешало им угнетать трудящихся. Народные массы же были бесправны. В. И. Ленин неоднократно отмечал бесправное положение народов России, особенно нерусских. Царская монархия, — писал он, — исключает свободу и равноправие национальностей, будучи, кроме того, главным оплотом варварства, зверства и реакций как в Европе, так и в Азии²⁰.

В 1915 г. В. И. Ленин писал о жестоком угнетении народов национальных окраин: «Нигде в мире нет такого угнетения большинства населения страны, как в России: великороссы составляют только 43% населения, т. е. менее половины, и все остальные бесправны, как инородцы. Из 170 миллионов населения России около 100 миллионов угнетены и бесправны»²¹. Царизм, угнетатель и палач русского и ряда других европейских народов, проводил по отношению к населению национальных окраин, в том числе Киргизии, еще более жестокую колониальную политику. Не случайно В. И. Ленин, говоря об экономическом и политическом положении народов национальных окраин, подчеркивал: «И все это громадное население поставлено в условия жизни еще более бесчеловечные, чем условия жизни русского человека»²². В 1916 г. он писал: «Россия и во время мира побила всемирный рекорд угнетения наций на основе империализма, гораздо более грубого, средневекового, экономически отсталого, военно-бюрократического»²³.

Колониальная, в частности национальная, политика цар-

¹⁹ З. Д. Кастельская. Восстание 1916 г. в Узбекистане. Ташкент, 1937, стр. 31.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 316.

²¹ Там же, т. 26, стр. 318.

²² Там же, т. 25, стр. 85.

²³ Там же, т. 30, стр. 58.

ского правительства нашла яркое отражение в секретном циркулярном распоряжении туркестанского генерал-губернатора от 31 октября 1911 г., в котором всем военным губернаторам областей, начальникам уездов и участковым приставам рекомендовалось «быть всегда особо твердым в сношениях с туземцами, помня, что всегда и во всем русское имя и русские интересы должны главенствовать... У нас на первом плане должны быть казаки и с ними крестьяне и мещане, а на втором плане — туземцы»²⁴.

Киргизский народ, как и другие нерусские народы окраин царской России, подвергался жестокому национальному гнету. В. И. Ленин совершенно справедливо отмечал, что «в России больше половины, почти три пятых (точно 57%), населения подвергается национальному угнетению, они не пользуются даже свободой родного языка, их насильственно русифицируют»²⁵. В труде «Рабочий класс и национальный вопрос» (1913 г.) он подчеркивал: «Россия — пестрая в национальном отношении страна. Правительственная политика, политика помещиков, поддерживаемых буржуазией, проникнута вся насквозь черносотенным национализмом. Политика эта направлена своим остирем против большинства народов России, составляющих большинство ее населения»²⁶. Царское правительство, пытаясь вытравить из сознания коренного населения и братских народов этническое название «киргизы» и воспитать у русских ненависть к ним, именовало их «дикокаменными» или «черными киргизами». Царские чиновники совершенно не считались с народными обычаями, нравами и традициями. Они старались нагнать страх на коренное население, чтобы тем самым держать его в покорности и повиновении. В секретном донесении туркестанского генерал-губернатора от 1916 г., адресованном министру внутренних дел России, читаем: «Долгим опытом службы в Туркестане пришел к заключению, что главнейшими начальными деятельности правительственной власти по отношению к туземцам должны служить полная определенность и устойчивость требований, твердость власти... Надо добиваться, чтобы нас боялись и уважали, полюбят после»²⁷. Как свидетельствует один из видных буржуазных исследователей В. Наливкин, из

²⁴ Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг. Сб. документов и материалов... док. № 253.

²⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 323.

²⁶ Там же, т. 23, стр. 149.

²⁷ Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный архив». 1929, № 3(34), стр. 57.

страницах официальной периодической печати часто говорилось «о необходимости держать туземное население в ежовых рукошицах», о необходимости «время от времени, периодически проходить по (Туркестанскому. — К. У.) краю с мечом, дабы производить на полудиких азиатов должное впечатление и держать их непрестанно в клетке такого спасительного панического страха, который они переживали раньше»²⁸.

Всем военным губернаторам областей был разослан приказ, в котором туркестанский генерал-губернатор обязал «в знак преклонения туземного населения перед русской властью предложить всем туземцам всегда почтительно приветствовать офицеров и чиновников всех ведомств вставанием и поклоном»²⁹. В свою очередь военные губернаторы областей дали распоряжение уездным начальникам об исполнении этого приказа³⁰; за малейшее его нарушение предписывалось строго наказывать. В сентябре 1907 г. в здание Ошского казначейства вошел полицейский пристав, но люди, находившиеся в этом помещении, не оказали должного почтения вошедшему. Пристав, прийдя в ярость, «стал громко кричать на публику, чтобы все встали на ноги, говоря: «Вы не видите меня, вы знаете кто я?»³¹. Двое из присутствовавших «не встали по его распоряжению», так как в этот момент сдавали деньги в казначейство. Пристав грубо спросил: «Чьи вы?». Один из них ответил, что он «ошский, а другой был из Пржевальска». В бешенстве за скрежетав зубами, пристав закричал на них: «Я вам дам ошский, пржевальский»³². «Провинившиеся» киргизы были арестованы.

В июне 1912 г. проводились выборы управителя Каракольской волости. Стояли жаркие дни. Но, несмотря на это, участковый пристав «заставил всех киргиз, бывших на выборах, сидеть под открытым небом без шапок». Он даже специально поставил человека, которому «было поручено следить за тем только, чтобы никто не смел надевать шапок»³³. Унижения коренного населения и издевательства над ним носили повсеместный характер и стали системой колониального правления. Они порождались и обусловливались природой колониальной власти. Царские чиновники, пытаясь сломить свободолюбивый дух киргизского и других народов Туркестанского края, не

²⁸ В. П. Наливкин. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913, стр. 136.

²⁹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16934, л. 15.

³⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 96—97.

³¹ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 16532, л. 9.

³² Там же.

³³ Там же, д. 1631, л. 15—17.

останавливались и перед физической расправой. Г. Гинс, побывав во многих районах Семиреченской области, отмечал враждебное отношение русских кулаков к коренному трудовому населению. Он писал, что зажиточные крестьяне «часто относятся к последним (киргизам. — К. У.) с презрением. Это презрение доходит иногда до полного отрицания в киргизах человеческой личности. Бывают на этой почве случаи бесчеловечной и бессмысленной жестокости. Крестьяне (кулаки. — К. У.) безжалостно убивают киргизов и не чувствуют угрызений совести... Бывает и хуже. Мужик (зажиточный крестьянин. — К. У.) работает в саду, видит, что через забор тянется к яблоне киргиз, берет ружье и убивает киргиза наповал... Даже не тронется с места, чтобы подобрать убитого. С таким убийцей мне пришлось однажды встретиться»³⁴. Приведенная выдержка характеризует подлинное лицо мироеда-переселенца.

Указание В. И. Ленина о том, что царизм и его представители «насильственно русифицируют»³⁵ народы и народности национальных окраин имеет прямое отношение и к колониальному Туркестану, ибо русификаторская политика царского правительства проводилась здесь так же активно и настойчиво, как и в Закавказье, Поволжье и других колониях России. Об этом свидетельствует секретное циркулярное письмо туркестанского генерал-губернатора от 31 октября 1911 г., разосланное по всем областям и уездам. В нем в категорической форме дано следующее официальное распоряжение: «В программу вообще нашей всей служебной работы следует положить тот простой взгляд, что мы живем не в Азии, где русский элемент еще слаб и лишь начинает воворяться, в русской области, где временно еще доживаются старые азиатские обычаи и нравы, судьба которых может быть только одна: или слиться с общимперской гражданственностью или исчезнуть. Туземцы нас должны интересовать только как материал, из коего в близком будущем должны выработать обычные русские крестьяне... Поэтому их надо ввести в дух стражайшего уважения ко всему русскому. Те из них, кто вздумает этому не подчиниться, испытают, несомненно, печальную судьбу: они или останутся безземельными нищими и перемрут, или Россия с ними расстанется. Все это надо иметь на уме, но без излишних разговоров на эту тему»³⁶. Это циркулярное указание было при-

³⁴ Г. К. Гинс. В киргизских аулах (Очерки из поездки по Семиречью). «Исторический вестник», 1913, № 10, стр. 331.

³⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 323.

³⁶ ЦГА Каз. ССР, ф. 53/3с, оп. 1, д. 19, л. 64; Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг. Сб. документов и материалов... док. № 253.

нято к руководству всеми должностными лицами, начиная от военных губернаторов областей и кончая участковыми приставами. Русификаторская политика царизма в Туркестане нашла отражение во многих архивных документах и дореволюционной литературе. Так, О. Шкапский писал: «Деятели переселенческой политики взглянули на переселение крестьян не как на акт аграрной политики в целях развития производительных сил окраин, а как на акт стремления сделать Туркестан русским не только по принадлежности его России, но и по составу населения. В обречении края эти деятели считают осуществление задачи прочного присоединения Туркестана к империи»³⁷. Русификаторская политика активно проводилась через русско-туземные школы, гимназии и другие учебные заведения и выражалась в преследовании национального языка, обычаев и нравов, также в ведении делопроизводства и переписки во всех учреждениях на русском языке, не понятном тогда широким народным массам. Даже в волостных и других нижних административных управлениях делопроизводство велось на русском языке.

Царизм, по словам В. И. Ленина, разжигал взаимное недоверие между русским и другими народами России³⁸. Он настраивал русский народ на другие народы «в думе, в школах, в церкви, в казармах, в сотнях и тысячах газет»³⁹.

Стремясь отвести от себя гнев русских трудящихся и не дать объединиться угнетенным народам, царизм сознательно сеял национальную вражду.

Преследуя свои колониальные и социальные интересы, царское правительство распространяло слухи о том, что коренное население якобы собирается напасть на русских и изгнать их. Пользуясь этими слухами, администрация Туркестанского генерал-губернаторства усиленно вооружала русских переселенцев и пытала настроить их против коренных жителей⁴⁰. В 1912 г. на вооружении у русских переселенцев находилось: по Семиреченской области — 15282 винтовки, 1568200 патронов и 1025 шашек, а всего по Туркестанскому краю — 31401 винтова, 2812935 патронов и 6100 шашек⁴¹. Одновременно царское правительство разоружало коренное трудовое население. Туркестанский генерал-губернатор в телеграмме от 25 июня 1916 г.

³⁷ О. Шкапский. Прошлое и настоящее Туркестана. «Вестник Европы», 1915, № 6, стр. 142.

³⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 85—86.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Данный вопрос подробно рассмотрен в работе: П. Г. Галузо. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии (исторический очерк). Ташкент, 1926.

⁴¹ П. Г. Галузо. Указ. работа, стр. 69.

семиреченскому военному губернатору приказал: «Предложить теперь же пересмотреть списки туземцев, коим выдано разрешение на приобретение холодного и огнестрельного оружия. Оружие должно быть немедленно отобрано у всех туземцев кроме должностных лиц»⁴². Подобное распоряжение было получено ферганским и другими областными военными губернаторами.

На таких отдаленных и замкнутых окраинах России, какой была дореволюционная Киргизия, самочинство колонизаторов по существу не имело предела. Коренное трудовое население грабили и разоряли не только «свои» эксплуататоры, но и царские колонизаторы. Злоупотребление служебным положением и притеснение местного населения царскими чиновниками стало обычным явлением. В этом отношении заслуживает внимания анонимная жалоба на чиновника особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области старшего советника Пантусова. Жалоба подписана Байлоочу Калыковым — «сыном плачущего народа». Она датирована 24 марта 1899 г. и адресована военному губернатору Семиреченской области. В ней говорится о том, что Пантусов «причиняет много злоупотреблений и притеснений народу и никогда не обращает внимание на нужды населения... Пантусов в угоду своих приятелей и ради своей выгоды причинял много вреда народу»⁴³. В жалобе коренных жителей Ошского уезда туркестанскому генерал-губернатору от 20 июля 1898 г. сообщается, что «уездный начальник, не желая идти против своего помощника, отдал нас, всех своих подчиненных, в руки бедствия, от которого население никогда не избавится»⁴⁴. Подобно Пантусову пржевальский уездный начальник и его переводчик забирали у коренного населения лучших кобылиц, «не заплатив за них никому ни одной копейки. Таких насилий, — читаем в жалобе киргизов Пржевальского уезда от 15 января 1906 г., — учиненных этими людьми, много. Все их злоупотребления раскроются, если назначить секретное дознание над ними»⁴⁵. Аналогичные злоупотребления допускали и другие уездные начальники и почти все царские чиновники.

Насилие представителей колониальной власти часто ничем не прикрывалось. Так, конный стражник концелярии заведующего полицейской частью Загорных волостей Васильев,

⁴² Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов... док. № 18.

⁴³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 419, л. 17.

⁴⁴ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 5573, л. 4—6.

⁴⁵ Там же, ф. 1, оп. 4, д. 1109, л. 13.

приехав в Черикчинскую волость, велел местным скотоводам освободить их исконную землю — урочище Ичке-Су. Как заявляют жители этой волости в своем прошении от 10 сентября 1913 г., стражник и его джигиты под угрозой поголовного избиения требовали «уплатить им сто рублей», после чего обещали оставить скотоводам их землю. «Видя их настойчивость, — говорится в прошении — мы с большим трудом собрали 50 рублей и отдали им»⁴⁶. Царские чиновники не ограничивались угрозами в адрес трудающихся. Нередко они жестоко избивали рядовых киргизов и трудовых русских переселенцев. Особенно отличились ат-башинский участковый начальник Лутин, помощник пишпекского уездного начальника Фовицкий, беловодский участковый пристав Грибановский, пишпекский городовой Григорьев, заведующий Загорным участком Меньшиков и многие другие. Они «были всех без причин, и русских и туземцев»⁴⁷. Были случаи, когда они избивали людей до смерти. Некоторые из них изобретали различные способы избиения. Лутин, например, рекомендовал сначала смочить руку в воде и затем приступать к делу. За жестокость и систематическое рукоприкладство коренное население прозвало его «Чон кол» — «Большой кулак»⁴⁸. Приведенные фактические материалы подтверждают высказывание В. И. Ленина о том, что «правительственная политика, политика помещиков, поддерживаемых буржуазией, проникнута вся насквозь черносотенным национализмом»⁴⁹.

Местное население терпело и произвол царской полиции. В марте 1898 г. в юрту киргизского бедняка Сооронбая Абылканова, занимавшегося продажей бозо⁵⁰ в Большом Токмаке, зашли полицейские, которые, крича и ругаясь, начали обыск. Как сказано в жалобе пострадавшего, полицейские разбросали все вещи, разбили посуду, жестоко избили хозяйку и детей. Поводом к этому послужила неуплата бедняком базарной пошлины за продажу бозо. Искалеченные дети были надолго прикованы к постели⁵¹, но виновники остались безнаказанными.

⁴⁶ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 12602, л. 2.

⁴⁷ Г. И. Бродо. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. (Показание, данное 3 сентября 1916 г. Г. И. Бродо прокурору Ташкентской судебной палаты о киргизском восстании 1916 гг.), «Новый Восток», 1924, № 6, стр. 423.

⁴⁸ Л. Матвеев. Из истории восстания киргизов и казахов в 1916 г. (вспоминания). «Борьба классов», 1932, № 7(8), стр. 131.

⁴⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 149.

⁵⁰ Бозо — национальный напиток, напоминающий брагу.

⁵¹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 1798, л. 10.

Чинили произвол и лесные объездчики. Даже туркестанский генерал-губернатор вынужден был сообщить царю о том, что «лесная стража является бичом населения»⁵². В своем секретном рапорте от 26 июля 1916 г. он писал: «По всем областям при объезде края мне принесены на лесных объездчиков многочисленные жалобы. Старшие чины лесного ведомства признают наличие этих злоупотреблений... но не имеют возможности прекратить притеснения и поборы, чинимые лесной стражей даже на землях, оставленных в пользовании кочевого населения»⁵³. Лесная стража и лесообъездчики широко пользовались правом штрафовать самовольных порубщиков леса. Они по существу превратили его в средство грабежа как русского, так и киргизского трудового населения. Они составляли фиктивные акты о незаконных порубках и потравах леса киргизами и взыскивали с них большие штрафы. Часто продав тайно лес, они предъявляли обвинение в порубках ни в чем не повинным людям и налагали на них штраф. Под видом борьбы с порубщиками стражники и объездчики притесняли население, вынуждая его делать им разные подарки и подношения. В показании жителя Абаильдинской волости Джайнакова от 20 ноября 1916 г. говорится, что лесные «объездчики — капралы, приезжая в аил, всегда имели возможность составить протокол о незаконном пользовании лесом и преследовать таким образом киргизов... В волости устанавливалось подносить лесникам и объездчикам своего рода подарки. А именно, когда появлялся в волости объездчик, ему собирали 100—200 рублей, и он, не объезжая аилы, уезжал обратно на кардон»⁵⁴.

От произвола и насилия царских мелких чиновников страдало население, жившее как в районах лесного массива, так и в безлесных районах. «В Абаильдинской волости, — говорится в показании Джайнакова, — совсем нет лесов и лес далеко, но все же объездчики приезжали и к нам, так как у нас есть мелкий кустарник. И во избежание протоколов за порубку лесов мы собирали для них деньги, и они уезжали»⁵⁵. Часто скотопрогонная дорога проходила по ущельям, где рос лес. В таких случаях скотоводам опять-таки приходилось платить лесообъездчикам и стражникам. В 1915 г., например, киргизы Темир-Булатовской и Абаильдинской волостей вынуждены

⁵² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1198, л. 7.

⁵³ Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3 (34), стр. 78.

⁵⁴ Л. Матвеев. Указ. работа, стр. 132.

⁵⁵ Там же.

были уплатить за прогон скота чиновникам лесного ведомства более 10000 руб.

Говоря о произволе и насилии царских чиновников над коренным населением, нельзя упускать из виду кулаков-переселенцев, которые по своей жестокости не уступали другим социальным группам колонизаторов. Именно кулаки-переселенцы, явившиеся надежной опорой царского самодержавия, всячески преследовали коренных жителей. Как показывают Джайнаков, И. Туманов, Т. Карабаев и другие старожилы⁵⁶, кулаки-переселенцы нередко предъявляли киргизам ложные обвинения в краже скота и без всякого суда взыскивали с них деньги. «Мне известны, — свидетельствовал Джайнаков, — факты, что крестьяне ложно показывали, что у них пропал скот, и администрация заставляла платить за скот, которого не существовало. Такие случаи бывали часто»⁵⁷. Если у кулаков действительно пропадал скот, то, как правило, заставляли платить за него коренное население.

Кулаки-переселенцы повсеместно брали штрафы с коренного населения за потраву своих посевов. Штраф не имел установленного размера. Пользуясь этим, кулаки взыскивали с местных жителей за каждую голову рогатого скота или лошадь, попавшую в их руки, от 20 коп. до 5 руб. Но не всегда штраф за потраву посевов взыскивался деньгами. Нередко за лошадь или рогатый скот с хозяина брали вместо денег по одному барану. По рассказам старожилов М. Мергенбаева, С. Балбакова, К. Алжанова и других, иногда хозяева посевов вообще не возвращали скот⁵⁸. Имели место случаи убийства пастухов, чабанов и табунщиков, пытавшихся вернуть скот⁵⁹. Без всякого преувеличения можно сказать, что эта форма штрафа стала одним из источников обогащения кулаков за счет трудового, особенно коренного населения. Дело доходило до того, что порой наиболее воинственно настроенные кулаки ночью угнали скот у киргизского населения, а потом требовали штрафа за потраву посевов⁶⁰.

⁵⁶ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1491, л. 2; инв. № 1519(2), л. 62—64, и др.

⁵⁷ Л. Матвеев. Указ. работа, стр. 134.

⁵⁸ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1544, л. 13; инв. № 1519(2), л. 39, 88.

⁵⁹ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов... док. № 249 (стр. 360); Л. Матвеев. Из истории восстания киргизов и казахов в 1916 г... «Борьба классов», 1932, № 7(8), стр. 134; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 62—64.

⁶⁰ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, оп. 1, д. 8, л. 11—13. Записи, произведенные Дж. Меджитовым. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 31; инв. № 1519, л. 1; инв. № 1519 (11), л. 101; Л. Матвеев. Указ. работа, стр. 134.

По существовавшему положению царские чиновники, как мелкие, так и крупные, при исполнении служебных обязанностей имели право остановить любого верхового киргиза, особенно рядового, и взять у него лошадь. Правда, царские чиновники должны были затем вернуть хозяину его лошадь и заплатить ему за прогон, но представители царизма зачастую злоупотребляли этим правом. Они почти никогда не платили за прогон и даже не всегда возвращали лошадь владельцу. Нередко царские чиновники вынуждали простых киргизов, не желавших давать им лошадей, откупаться. В виде откупа местные жители платили от 50 коп. до 3 руб.⁶¹

Все это тяжело отражалось на материальном положении малолошадных и однолошадных хозяйств. Должностные лица «часто загоняли насмерть единственную лошадь бедняков»⁶², — говорится в одном из архивных документов, датированном 8 декабря 1916 г. А в условиях скотоводческого, да и земледельческого, хозяйства это означало разорение и обнищание.

Одной из лучших традиций киргизского народа является гостеприимство. Не случайно известный русский художник Б. В. Смирнов, побывавший в 1903 г. в Киргизии и сдружившийся с коренным населением, с большой теплотой и искренним восторгом зафиксировал, что «у киргизов очень развито гостеприимство, хозяин, завидев знакомого всадника, выезжает к нему навстречу и после обычного приветствия провожает до юрты. К подъезжающему подбегают джигиты или сыновья и помогают слезать с лошади, которую немедленно отводят. Между тем вошедшего в кибитку гостя сажают на почетное место. Жена расспрашивает его о здоровье, как личном, так и всей семьи, после чего идет хлопотать об угощении, тогда как хозяин переходит к новостям дня, которых жаждет услышать от приезжего или не прочь сообщить сам»⁶³. Кстати, не только Б. В. Смирнов, но почти все русские путешественники и исследователи этого края отмечали гостеприимство коренных жителей. По киргизскому народному обычаю хо-

⁶¹ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, оп. 1, д. 8, л. 11—13; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 2049, л. 22; ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1820, л. 410; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1544, л. 36—37; Л. Матвеев. Указ. работа, стр. 133; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы. М., 1937, стр. 153.

⁶² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1820, л. 410.

⁶³ Цит. по ст. В. Я. Галицкий. Рисунки и очерки художника Б. В. Смирнова как историко-этнографический источник сведений о Киргизии начала XX столетия. Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3, 1960, стр. 166.

зяин обязан принимать любого человека с почетом, оказывать ему внимание, проявлять о нем заботу и делиться с ним последним куском хлеба. Тех, кто не придерживался этих обычаяв или нарушал их, всемародно осуждали. Поэтому каждый киргиз старался показать свое гостеприимство приезжему. Этой народной традицией злоупотребляли царские чиновники и местная феодальная знать.

Царские чиновники, как мелкие, так и крупные, довольно часто совершали поездки по подведомственным им районам. Каждой поездке генерал-губернатора и восьмых губернаторов областей предшествовала большая подготовительная работа. Коренное население должно было ровнять и поливать дорогу на всем пути следования ожидаемых гостей. Местных жителей ради такого события заставляли наряжаться, за-пасаться провизией, фуражом на несколько дней, с населения собирали деньги «в 10—20 раз больше того, что действительно требовалось для устройства торжественных встреч с арками, с иллюминациями, фейерверками и поднесением хлеба-соли на дорогих блюдах»⁶⁴. Прием высокопоставленных гостей был связан с большими хлопотами особенно в кочевых и полукочевых районах края, где не было домов для размещения приезжих царских чиновников. В этих районах волостные управлятели и другие должностные лица заставляли кочевников ставить для гостей самые лучшие юрты, заготовлять топливо, собирая деньги и баранов, выделять людей для обслуживания и т. п.⁶⁵

Не говоря об увеселительных прогулках, генерал-губернатора и областных военных губернаторов, даже уездных начальников и других высокопоставленных должностных лиц сопровождала целая свита из джигитов, стражников, а также мелких и средних царских чиновников⁶⁶. Заранее в местах предполагаемых остановок ставились бедоснежные юрты, готовилось обильное угощение. Как указывается в показаниях Г. И. Бродо, «за счет киргизов вся эта компания, (т. е. приезжие царские чиновники и их окружение. — К. У.) пьянистует целую неделю»⁶⁷. Представители колониальной власти всюду

⁶⁴ В. П. Наливкин. Указ. работа, стр. 96—97.

⁶⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1009, л. 12—13; ф. 19, оп. 1, д. 21794, л. 4—5; Г. И. Бродо. Материалы к истории восстания киргизов в 1916 г. «Новый Восток», 1924, № 6, стр. 417—418; Л. Матвеев. Указ. работа, стр. 133; Дж. Меджитов. Восстание киргизов в 1916 г. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 137, л. 79—80.

⁶⁶ Е. Маркбов. Фергана. Путевые очерки Кокандского ханства. Русский вестник, т. IX, 1893, стр. 5.

⁶⁷ Г. И. Бродо. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. «Новый Восток», 1924, № 6, стр. 418.

чувствовали себя хозяевами положения. Так, токмакский участковый пристав Кутуков, гостя у коренного населения Кемина, посыпал киргизов «в Верный за коробкой сардинок, то за пивом и т. п.»⁶⁸.

Следует отметить, что в приеме и угощении царских чиновников были заинтересованы представители местной феодальной знати, в частности волостные управлятели, аильные старшины и бай. Это им давало возможность укрепить свои социальные позиции и заручиться поддержкой высокопоставленных лиц. Киргизские феодалы и в таких случаях извлекали для себя материальную выгоду. «Туземная администрация, — писал один из царских чиновников, — наживается на этих триумфах»⁶⁹. Якобы для покрытия расходов на угощение гостей, волостные управлятели и аильные старшины собирали средства от всего населения, причем больше того, что надо было восстановить.

Приемы и угощения царских чиновников способствовали разорению и обнищанию трудящихся. Об этом свидетельствует жалоба жителей Пржевальского уезда от 15 января 1906 г., в которой говорится: «Не мало мы несем расходов по угощению уездного начальника с его свитой... покупая на свой счет дорогие вина... сладости, какими пытаются высокопоставленные лица»⁷⁰. Подобные жалобы поступали от населения и других уездов, однако они не рассматривались, и царские чиновники продолжали свои увеселительные прогулки по киргизским айлам и русским селам.

Ф. Энгельс, внимательно следивший за политической жизнью России, писал о царской власти и о взяточничестве ее представителей: «Администрация давно развращена до мозга костей; чиновники живут больше воровством, взятками и вымогательством, чем своим жалованьем»⁷¹.

Взятки и подкуп, порождаемые самой природой административно-управленческого устройства колониального Туркестана, были обычным и широко распространенным явлением. Взятки брали все, начиная с военных губернаторов областей и кончая участковыми стражниками и переводчиками уездного управления. Без них не обходились и местные должностные лица: волостные управлятели, аильные старшины и бай. Взятка являлась одним из связующих звеньев между киргизской феодальной знатью и царскими чиновниками.

⁶⁸ Г. И. Бродо. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. «Новый Восток», 1924, № 6, стр. 418.

⁶⁹ В. П. Наливкин. Указ. работа, стр. 96—97.

⁷⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1009, л. 12—13.

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 548.

Местные должностные лица, подкупая высокопоставленных представителей колониальной власти и заручаясь поддержкой последних, творили произвол и бесчинства. Об этом говорится в многочисленных жалобах населения. В одной из них, датированной 17 апреля 1909 г., сообщается: «Полицейские, участковые приставы и уездные начальники берут взятки»⁷². Под давлением фактов даже некоторые царские чиновники признавали действительное положение дел. Сотрудник мирового судьи третьего участка Пржевальского уезда В. Руновский в своем показании от 27 января 1917 г. отмечал: «К причинам бунта (восстание 1916 г. — К. У.) я отношу... систематическое взяточничество местной администрации, начиная с денщика и кончая уездным начальником, на что мне неоднократно жаловались киргизы»⁷³. Туркестанский генерал-губернатор 23 июня 1916 г. в своем дневнике записал: «Низшая администрация берет взятки. Народ в кабале»⁷⁴. Однако он сознательно умалчивает о том, что этим занимались высшие и средние чины царской администрации.

Существовали разные формы и методы получения взяток. Одни брали взятки открыто, другие проявляли определенную осторожность. Пржевальский уездный начальник Иванов, например, через доверенных представителей киргизской феодальной знати «в долг брал у туземцев очень много, сколько именно определить не удалось, но он был должен почти всем влиятельным и богатым манапам»⁷⁵. Иванов никогда не возвращал долг. А если кто-нибудь напоминал ему о долге, то последнему приходилось потом глубоко и долго сожалеть об этом. Как указывают коренные жители Пржевальского уезда в своей жалобе от 15 января 1916 г., Иванов возвращался из каждой поездки по киргизским айлам не менее чем с 20 тыс. руб. в кармане.

Особенно наживались взяточники в период выборов волостных управлятелей и других должностных лиц. Накануне и во время выборов уездные начальники брали «с каждого волостного управлятеля не менее одной тысячи рублей»⁷⁶, но все затраты их потом с лихвой окупались.

Многие царские чиновники брали взятки открыто, причем не только деньгами, но и натурой. Токмакский участковый

⁷² ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 44, л. 199.

⁷³ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, оп. 1, д. 2, л. 58.

⁷⁴ Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3(34), стр. 46.

⁷⁵ Цит. по рукоп. работе: Дж. Меджитов. Восстание киргизов в 1916 г. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 137, л. 80.

⁷⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1009, л. 12.

пристав Ильин, как указывается в жалобе населения Токмакского участка от 12 ноября 1908 г., брал у коренных жителей лошадей, овец, деньги, пушнину, ковры, дрова, сено и т. п. Вот далеко не полный перечень того, что он взял у подвластного ему населения: у Таштунбаева — 100 руб., Сарманбета — 100 руб., Исмаила — 22 ягненка и 100 руб., Андаша Чалова — 100 руб., Кондубая Утегенова — одну лошадь и 100 руб., Мухомедходжи Тугалака Ходжаева — 2000 снопов клевера и 200 снопов курая, у Махмудходжи, Мунузбая, Суфика и Рахимбека — 300 руб., Турумбека — 50 руб., Чалинова — одну корову с теленком и 200 руб., Кадыралы Калкина — 25 ягнят, несколько бричек дров и одну дойную корову с теленком, Калмухамеда Мурзабаева — 150 руб., Султана Далбаева — 6 куниц и 100 руб., Кемеля Шабдана — 500 руб., Сабатара — одну кобылу, жеребенка и 150 руб., Токтосуна Бектенова — 300 руб., Каната Абукина — 150 руб., Тулки — 200 руб., Юнусалы Тегизова — две кобылы с жеребятами и 200 руб., Кокумбая Шилина — 300 руб., Урака Сакина — 200 руб., Курмана Юнусова — 500 руб., Балбака — 100 руб., Саргутла — 200 руб., Туркмена Сарипкина — 1000 руб., Кудайбергенова Рахимбекова — 100 руб., Турусбека Шаркесова — 100 руб. и Мурзабека Дикамбаева — 500 руб. Этот же Ильин от населения Нарынского участка, где он раньше исполнял должность пристава, получил более 5000 руб., свыше 100 лошадей и около 300 шкур барса, волка, куницы и лисицы⁷⁷. Его переводчик заставлял посетителей, приходивших на прием к приставу, платить по 2—3 руб.⁷⁸

Пристав Загорского участка Байгулов, объезжая со своей семьей и джигитами коренное население, заставлял местных жителей преподносить то, что ему нравилось. Он брал в качестве взятки лошадей, коров, овец, одежду и деньги⁷⁹. Подобно Ильину и Байгулову, открыто брал взятки и пристав Меньшиков. Центральный Тянь-Шань, который был вверен ему, он считал своей вотчиной и безжалостно разорял его население⁸⁰. Не уступал им во взяточничестве и беловодский участковый пристав Фавицкий⁸¹. Как указывается в жалобе жителей Карага-Буринской волости от 30 апреля 1910 г., таласский участковый пристав проявлял некоторую осторожность и взятки

⁷⁷ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 6434, л. 5—6, 7.

⁷⁸ Там же, л. 8.

⁷⁹ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 152.

⁸⁰ Л. Матвеев. Указ. работа, стр. 131.

⁸¹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 5748, л. 20.

брал через своего переводчика — «взятка, получаемая с населения, переходит приставу через руки Садыка»⁸².

Взяточничеством занимались и чиновники карательных и следственных органов, особенно судьи. Так, токмакский мировой судья Шустов превратил взятку в один из основных источников дохода. Как известно из жалобы жителя Большого Токмака Кочкорбая Акчалова от 18 декабря 1908 г., этот судья взял у Туркмена и Сарыбека Дыйканбаевых 1000 руб. и один ковер, у Курмана Лепесова — 300 руб., Исманбека Кокумбаева — 150, Акжена Чалова — 100 и Оторбая — 200 руб⁸³. Взятки вручались ему через его сподручных как из числа царских колонизаторов, так и из числа представителей местной феодальной знати. В погоне за взяткой Шустов дошел до того, что обвинял в преступлении невиновных, сажал их в тюрьму, а затем, подержав некоторое время за решеткой, запугивал судом и вымогал взятки.

Царские чиновники областных и краевых переселенческих управлений тоже брали взятки. Обещая оставить земли в прежнем размере в пользовании того или иного айльного общества или сельской общины, они требовали от местного населения взятку; в случае отказа немедленно изымали эти земли и зачисляли их в переселенческий фонд или сокращали размеры земельных угодий⁸⁴. Летом 1915 г. сотрудники Семиреченского переселенческого управления, явившись в Кочкор, пытались получить взятку с местного населения. Но им было отказано, за что жители этой местности лишились Кочкорской долины, которой пользовались раньше. Такая же участь постигла население Абайльдинской и многих других волостей, отказавшееся дать взятку должностным лицам. По той же причине у жителей Абайльдинской волости была изъята вся долинная часть Караколки общей площадью 400 дес.⁸⁵ Наоборот, у той части населения, которая давала взятки чинам переселенческого управления, площадь земельных угодий оставалась прежней, а иногда даже расширялась за счет земель, отобранных у соседей-дыйкан.

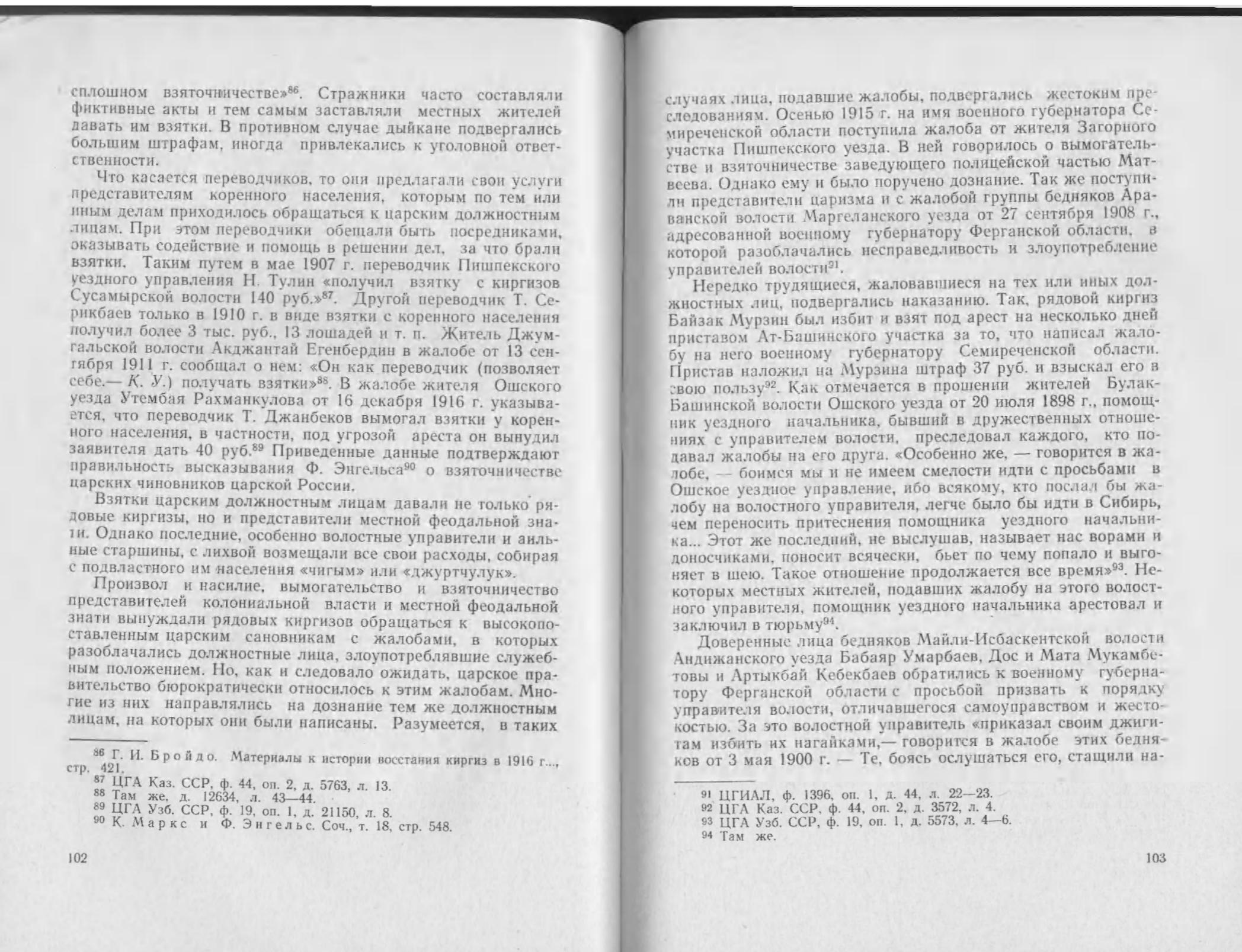
Взятки брали стражники и переводчики. Вот что сказано по этому поводу в показании Г. И. Бродо от 3 сентября 1916 г.: «Самый мелкий чин — стражник, переводчик и т. д. — это все состоятельные люди. Благосостояние это основано на

⁸² ЦГА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 9041, л. 301.

⁸³ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 7505, л. 37.

⁸⁴ Л. Матвеев. Указ. работа, стр. 132—133.

⁸⁵ Там же, стр. 133.

сплошном взяточничестве»⁸⁶. Стражники часто составляли фиктивные акты и тем самым заставляли местных жителей давать им взятки. В противном случае дыйкане подвергались большим штрафам, иногда привлекались к уголовной ответственности.

Что касается переводчиков, то они предлагали свои услуги представителям коренного населения, которым по тем или иным делам приходилось обращаться к царским должностным лицам. При этом переводчики обещали быть посредниками, оказывать содействие и помочь в решении дел, за что брали взятки. Таким путем в мае 1907 г. переводчик Пишпекского уездного управления Н. Тулин «получил взятку с киргизов Сусамырской волости 140 руб.»⁸⁷. Другой переводчик Т. Се-рикбаев только в 1910 г. в виде взятки с коренного населения получил более 3 тыс. руб., 13 лошадей и т. п. Житель Джумгальской волости Акджантай Егенбердин в жалобе от 13 сентября 1911 г. сообщал о нем: «Он как переводчик (позволяет себе.— К. У.) получать взятки»⁸⁸. В жалобе жителя Ошского уезда Утембая Рахманкулова от 16 декабря 1916 г. указывается, что переводчик Т. Джанбеков вымогал взятки у коренного населения, в частности, под угрозой ареста он вынудил заявителя дать 40 руб.⁸⁹ Приведенные данные подтверждают правильность высказывания Ф. Энгельса⁹⁰ о взяточничестве царских чиновников царской России.

Взятки царским должностным лицам давали не только рядовые киргизы, но и представители местной феодальной знати. Однако последние, особенно волостные управители и аильные старшины, с лихвой возмещали все свои расходы, собирая с подвластного им населения «чигым» или «джуртчулук».

Произвол и насилие, вымогательство и взяточничество представителей колониальной власти и местной феодальной знати вынуждали рядовых киргизов обращаться к высокопоставленным царским сановникам с жалобами, в которых разоблачались должностные лица, злоупотреблявшие служебным положением. Но, как и следовало ожидать, царское правительство бюрократически относилось к этим жалобам. Многие из них направлялись на дознание тем же должностным лицам, на которых они были написаны. Разумеется, в таких

случаях лица, подавшие жалобы, подвергались жестоким преследованиям. Осенью 1915 г. на имя военного губернатора Семиреченской области поступила жалоба от жителя Загорного участка Пишпекского уезда. В ней говорилось о вымогательстве и взяточничестве заведующего полицейской частью Матвеева. Однако ему и было поручено дознание. Так же поступили представители царизма и с жалобой группы бедняков Араванской волости Маргеланского уезда от 27 сентября 1908 г., адресованной военному губернатору Ферганской области, в которой разоблачались несправедливость и злоупотребление управителей волости⁹¹.

Нередко трудящиеся, жаловавшиеся на тех или иных должностных лиц, подвергались наказанию. Так, рядовой киргиз Байзак Мурзин был избит и взят под арест на несколько дней приставом Ат-Башинского участка за то, что написал жалобу на него военному губернатору Семиреченской области. Пристав наложил на Мурзина штраф 37 руб. и взыскал его в свою пользу⁹². Как отмечается в прошении жителей Булак-Башинской волости Ошского уезда от 20 июля 1898 г., помощник уездного начальника, бывший в дружественных отношениях с управителем волости, преследовал каждого, кто подавал жалобы на его друга. «Особенно же, — говорится в жалобе, — боимся мы и не имеем смелости идти с просьбами в Ошское уездное управление, ибо вся кому, кто послал бы жалобу на волостного управителя, легче было бы идти в Сибирь, чем переносить притеснения помощника уездного начальника... Этот же последний, не выслушав, называет нас ворами и доносчиками, поносит всячески, бьет по чему попало и выгоняет в шею. Такое отношение продолжается все время»⁹³. Некоторых местных жителей, подавших жалобу на этого волостного управителя, помощник уездного начальника арестовал и заключил в тюрьму⁹⁴.

Доверенные лица бедняков Майли-Исбаскентской волости Андижанского уезда Бабаяр Умарбаев, Дос и Мата Мукамбетовы и Артыкбай Кебекбаев обратились к военному губернатору Ферганской области с просьбой призвать к порядку управителя волости, отличавшегося самоуправством и жестокостью. За это волостной управитель «приказал своим джигитам избить их нагайками, — говорится в жалобе этих бедняков от 3 мая 1900 г. — Те, боясь ослушаться его, стащили на-

⁸⁶ Г. И. Брайдо. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г..., стр. 421.

⁸⁷ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 5763, л. 13.

⁸⁸ Там же, д. 12634, л. 43—44.

⁸⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 21150, л. 8.

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 548.

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 44, л. 22—23.

⁹² ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 3572, л. 4.

⁹³ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 5573, л. 4—6.

⁹⁴ Там же.

ших выборных с лошадей прямо в грязь и били их, порвав одежду»⁹⁵. Но разгневанный волостной управитель этим не ограничился. По его ходатайству участковый пристав избитых людей взял под стражу и выпустил их лишь через пять дней. А управитель Багышевской волости Андижанского уезда угрожал написавшим на него жалобу арестом⁹⁶. По той же причине 10 дней были под арестом жители аиля № 7 Чанкентской волости Андижанского уезда Ишмат и Истамбек Биевы, Садык Джаныбаев и другие⁹⁷. Волостной управитель и бий пытались еще взыскать с них «айып» якобы за ложный донос.

Жалобы трудающихся на произвол и насилие, вымогательство и взяточничество царских чиновников и местных должностных лиц еще больше ожесточали эксплуататоров и тем самым способствовали усилению противоречий между угнетателями и угнетаемыми. Трудовые массы воочию убеждались в тщетности своих попыток найти защиту у высокопоставленных царских сановников в борьбе против феодальной знати и колониальных властей. Они с глубоким разочарованием говорили: «Нет двери, в которую мы бы не толкались с нашими прошениями, но они всегда оказывались запертыми для нас»⁹⁸, «к губернатору нас не допустят, а уездный начальник прогонит»⁹⁹. Теперь свою социальную и национальную свободу киргизский народ связывал с активной борьбой против двойного гнета.

Земельная политика царизма¹⁰⁰

Земля в Киргизии, как и на всех колониальных окраинах царской России, считалась государственной собственностью и находилась в полном распоряжении правительства.

С конца 60-х годов прошлого века царское правительство проводит переселение казаков и крестьян в Киргизию. Оно ста-

⁹⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 444, л. 181.
⁹⁶ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 22004, л. 5—6.

⁹⁷ Там же, д. 17879, л. 3.

⁹⁸ Прошение жителей Ошского уезда, адресованное на имя туркестанского генерал-губернатора от 20 июля 1898 г. ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 5573, л. 4—6.

⁹⁹ Докладная записка коллежского секретаря Стефановича от 5 февраля 1917 г. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 136, л. 65—66.

¹⁰⁰ Земельная политика царизма в Киргизии освещена в работах: А. Г. Зима. Земельная политика царизма в Киргизии. Тр. Киргизоспединститута, т. 2, вып. 2, Фрунзе, 1948; К. Забиров. Переселение и колонизация Северной Киргизии. Уч. зап. ист. фак-та Киргизгосуниверситета, вып. 6, 1958; С. И. Ильясов. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1963.

вил перед собой задачу создать в этом районе надежную социальную прослойку, на которую можно было бы опереться и тем самым закрепить колонизаторские позиции, а также проводить колониальную политику.

В этот период обострился аграрный вопрос в центральных губерниях России, усилилась борьба русских крестьян за землю. В условиях революционного подъема правительство рассматривало переселение как одно из средств предотвращения крестьянских волнений в Центральной России. «Помещики, — писал В. И. Ленин, — усматривали в этих переселениях, так сказать, приоткрытие клапана и «притуление» аграрных противоречий в центре России»¹⁰¹. Он подчеркивал, что «на переселение крестьян правительство и контрреволюционные партии возлагали особенно большие надежды. Оно призвано было, по мысли всех контрреволюционеров, если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос. Вот почему переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России»¹⁰².

Новая аграрная политика царизма, разработанная Столыпином, предусматривала выселение возможно большего числа крестьян из районов «земельной тесноты» для «разрешения» аграрного вопроса и ослабления революционных выступлений крестьянства против помещиков.

В начале XX в. царское правительство, пытаясь «разрядить атмосферу» в центре России, отправляло в Сибирь, Среднюю Азию и на другие отдаленные окраины наиболее «беспокойных элементов», а также состоятельных представителей деревни.

В истории переселенческого движения в Киргизии, как и в Туркестане вообще, прослеживается несколько этапов. Это объясняется тем, что царизм, руководствуясь своими экономическими и политическими интересами, в основном активно поощрял переселенческое движение крестьян, но нередко и препятствовал ему.

За 15 лет, с 1868 по 1883 г., в Семиреченской области возникло 36 русских поселений, в которых расселилось 2500 семейств, прибывших преимущественно из Воронежской губернии и Украины. Кроме того, к городам области было приписано около 190 купеческих и 1400 мещанских семей¹⁰³. Что

¹⁰¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 103.

¹⁰² Там же, т. 21, стр. 325.

¹⁰³ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Переселенческое движение в Киргизии. Ташкент, 1884.

касается Ферганской области, то здесь до 1893 г. колонизация вообще не начиналась.

Число русских крестьян, в частности самовольных переселенцев, резко увеличилось в 1891—1892 гг., когда вследствие неурожая и голода на значительной части европейской территории России, крестьяне устремились на новые земли. В Туркестанском крае около 12 тыс. самовольных переселенцев образовали 23 русских поселка¹⁰⁴. За эти два года в Семиречье прибыло 1769 семей самовольных крестьян, что составляло 85% русского сельского населения данной области¹⁰⁵.

Развитию переселенческого движения на окраины, в частности в Киргизию, препятствовало отсутствие там достаточного количества свободных земель и воды, необходимой для искусственного орошения. Однако царское правительство не могло, да и не хотело заниматься ирригацией Средней Азии.

Боясь возможных осложнений из-за отсутствия пригодных для поселения земель, царское правительство 15 июля 1896 г. запретило переселение в Семиреченскую область¹⁰⁶. В следующем году туркестанский генерал-губернатор издал приказ, запрещавший водворение переселенцев в Ферганской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Закаспийской областях¹⁰⁷. С 1896 по 1905 г. Средняя Азия официально считалась закрытой для переселения¹⁰⁸. Однако вопреки официальному запрещению накануне революции 1905 г. значительный размах приняло самовольное переселенческое движение. Направлялись переселенцы главным образом в Семиреченскую область. В 1902 г. сюда прибыло 2787 семей самовольных переселенцев, из которых 1205 устроились в Пишпекском уезде. Если в 1902 г. в этой области насчитывалось 16 тыс. переселенцев, то к 1905 г. число их возросло до 23 тыс.¹⁰⁹

В связи с революцией 1905 г. средневековое землевладение и царское самодержавие оказались под угрозой уничтоже-

104. П. Шарова. Указ. работа, стр. 90.

105. О. Шкапский. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. «Вопросы колонизации», 1907, № 1, стр. 20—21.

106. К. К. Пален. Указ. работа, стр. 9—10.

107. П. Шарова. Указ. работа, стр. 90.

108. К. К. Пален. Указ. работа, стр. 10; П. П. Румянцев. Условия колонизации Семиречья. Вопр. колонизации, 1911, № 9, стр. 211; Я. Н. о. в. Запретный край. «Новое время», 1910, № 12419.

109. О. Шкапский. Указ. работа, стр. 21; П. Шарова. Указ. работа, стр. 91.

жения, поэтому правительство поставило вопрос об открытии Туркестана для переселения туда крестьян из Центральной России. Казахстан и Киргизия являлись тогда основными районами, куда правительство направляло переселенцев.

В Средней Азии было создано два переселенческих района: Семиреченский и Сыр-Дарьинский. В Семиречье для устройства переселенцев была организована особая переселенческая партия со штатом служащих 115 человек¹¹⁰. В край хлынула мощная волна переселенцев. В 1906 г. в Средней Азии насчитывалось 77174 переселенца, в Семиреченской области — 39751, Сыр-Дарьинской — 27221, Закаспийской — 3829, Ферганской — 3794 и Самаркандской области — 2579¹¹¹. Как показывают приведенные данные, основная часть переселенцев поселилась в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях — главным образом в кочевых и полукочевых районах, населенных казахами и киргизами. Эти переселенцы в большинстве (83%) были выходцами из южных и черноземных районов России и Украины: из Полтавской, Черниговской, Харьковской, Киевской, Екатеринославской, Воронежской, Курской, Саратовской, Самарской губерний и области войска Донского, где крестьяне были ограблены помещиками при «освобождении» в 1861 г.

В 1908 г. из-за земельной тесноты и по ряду других причин царское правительство вновь объявило Туркестан закрытым для колонизации краем¹¹². В целях проведения ревизии в Туркестане, а также проверки работы местных переселенческих учреждений и выявления излишка земель для колонизационного фонда была организована специальная комиссия во главе с сенатором графом К. К. Паленом. Эта комиссия проделала большую работу в интересах царизма. В своем заключении она указала на возможность продолжения колонизации края. На основе ее решения в 1912 г. переселенческое движение в Туркестане снова приобрело официальный характер.

В целях быстрого заселения края русскими крестьянами и образования здесь помещичье-кулацких хозяйств, царское правительство установило большой земельный надел. В 1869 г. туркестанский генерал-губернатор определил земельный надел в 30 дес. на каждую мужскую душу¹¹³. Кроме того, переселенческим хозяйствам в то время предоставляли определенные льготы, давали ссуды, оказывали помощь и

110. П. Шарова. Указ. работа, стр. 91—92.

111. Там же, стр. 91.

112. ЦГВИА СССР, ф. 400. Аз. часть, 1913, д. 211, л. 3.

113. К. К. Пален. Указ. работа, стр. 8.

поддержку, словом, создавали необходимые условия для возникновения крепких переселенческих хозяйств, на которые можно было бы опереться царизму в проведении колониальной политики.

По мере сокращения площадей так называемых излишних земель и увеличения числа переселенцев царское правительство уменьшало размеры земельного надела. В 1876 г. душевой земельный надел составлял 17, затем — 10 дес.¹¹⁴ Накануне восстания душевой земельный надел был уменьшен до 4—6,5 дес.¹¹⁵ Но земли, находившиеся в пользовании русских кулаков и казаков, являвшихся социальной опорой царизма, не сокращались и не урезывались, их земельный надел, как и раньше, оставался 30 дес.¹¹⁶

В казачьих станицах Семиреченской области проживало 17 тыс. казаков. В их распоряжении находилось 409 тыс. дес. пахотной и 176 тыс. дес. выгонно-сенокосной земли. Но казачество претендовало на прирезку ему еще 250 тыс. дес. земли, на которых можно было разместить до 25 тыс. крестьян¹¹⁷. В Пишпекском уезде в пользовании казаков находилось 78357 дес. земли, в Пржевальском — 56669. Семиреченское казачье войско, составлявшее весьма незначительный процент переселенцев, пользовалось большой площадью земельных угодий, что иллюстрируют приведенные в табл. 4 данные о казачьих и крестьянских земельных наделах, расположенных в предгорной полосе Киргизии и Казахстана (в дес.).¹¹⁸

Изложенные фактические материалы земельной политики царизма в Киргизии подтверждают высказывание В. И. Ле-

Таблица 4

Общая площадь наделов	Сенокосы, выгоны и богарные земли	Пахотные орошаемые земли	Всего земли
Казачьих	360510	172978	523011
Крестьянских	146263	85378	164608

¹¹⁴ К. К. Пален. Указ. работа, стр. 8.

¹¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 17, д. 132, л. 422; П. П. Румянцев. Условия колонизации Семиречья. «Вопросы колонизации», 1911, № 9, стр. 213.

¹¹⁶ Велецкий. Положение переселенческого дела в Семиреченской области. «Туркестанские ведомости», 1907, № 133.

¹¹⁷ А. А. Трегубов. Переселенческое дело в Семиреченской области. «Вопросы колонизации», 1910, № 6, стр. 166—167.

¹¹⁸ О. Шкапский. Указ. работа, стр. 28.

нина о том, что «переселенческая политика правительства руководилась лишь одними интересами кучки крепостников-помещиков и, вообще, господствующих классов, угнетающих рабочие массы и трудащееся крестьянство»¹¹⁹.

По словам В. И. Ленина, «совершенно невыносимое положение крестьян таково, что русский мужик готов бежать не только в Сибирь, но и на край света»¹²⁰. Русские и украинские крестьяне, влакившие полуголодное существование, гонимые кулацкой и помещичьей эксплуатацией, стихийно и неудержимым потоком устремились куда глаза глядят. Сотнями и тысячами они уходили в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Эти крестьяне терпели в пути неимоверные страдания. «И эти «слабые» пасынки земельной политики, — писал В. И. Ленин, — объявившие своим девизом «ставку на сильных», целями тучами сплавляются в Сибирь в неприспособленных скотских вагонах, битком набитых стариками, детьми, беременными женщинами. В этих же скотских вагонах (с знаменитой надписью 40 человек, 8 лошадей) переселенцы готовят пищу, стирают белье, здесь же лежат часто заразные больные, которых переселенцы имеют обыкновение скрывать из боязни, что их высадят и они отстанут, таким образом, от партии. На конечных пунктах и на станциях переселенцев высаживают, в лучшем случае, под специально устроенные палатки, в худшем случае, прямо под открытое небо, под солнце и дождь»¹²¹.

Не лучшей была жизнь переселенцев, особенно самовольных, и на местах поселения. Крестьяне-переселенцы в большинстве случаев не могли устроиться на новых местах, где лучшие земли уже были захвачены кулаками и казаками. А царское правительство, оказывавшее всяческую поддержку и помочь последним, не считало нужным заботиться о землеустройстве самовольных переселенцев. Наоборот, нередко местная царская администрация встречала самовольных переселенцев враждебно и вынуждала их покидать подведомственные ей районы. А если представители царского правительства, преследуя свои колониальные интересы, иногда и размещали самовольных переселенцев, то им отводились худшие земли, часто безводные и неплодородные.

Переселенческие организации далеко не всегда были готовы к приему большого числа переселенцев. Прибывшим

¹¹⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 328.

¹²⁰ Там же, стр. 325.

¹²¹ Там же, стр. 333.

часто заявляли об отсутствии свободных участков. Однако самовольные переселенцы, особенно те, которые не имели средств продолжать путь, несмотря на эти заявления, выгружались и требовали водворения. Обычно их требование не выполнялось и рядовые переселенцы долгое время оставались вообще неустроенными. Зачастую, убедившись, что начальство «мало о них заботится», они разбрелись в поисках свободных земель. Многие из них вынуждены были арендовать землю у коренного, особенно полукочевого населения, или работать батраками у кулаков.

Значительной части самовольных переселенцев не удавалось устроиться. Естественно, что при таких условиях «местные власти оказались заваленными целым рядом просьб о предоставлении даровых наделов»¹²². Однако эти просьбы в большинстве случаев не удовлетворялись. Между тем число неустроенных переселенцев продолжало быстро расти. В 1909 г. в Семиреченской области насчитывалось 24896 крестьян, не имевших земельного надела, в том числе по Пишпекскому уезду — 11356 и Пржевальскому — 3570¹²³. В 1913 г. в одном только Пишпекском уезде число семей безземельных переселенцев достигало 3 тыс., или почти 15 тыс. человек¹²⁴.

Приезжавшие на новые земли переселенцы не имели средств для налаживания хозяйства, устройства жилищ и приобретения нужного инвентаря и скота. Даже царские чиновники, как правило, восхвалявшие социальные отношения и материальное положение населения Российской империи, вынуждены были признать горькую правду о рядовых переселенцах. Один из них, побывав в Киргизии и ознакомившись с положением прибывших, писал: «Ни скота, ни зерна, ни капитала не привез с собою этот несчастный труженик в новый край... Одна только тощая лошаденка, на которой он притащился за тысячи верст, стоит около шалаша... У него нет ни земледельческих орудий, ни семян. Поблизости стоят такие же хаты, в которых живут подобные переселенцы»¹²⁵. К. Пален, тщательно проверив состояние переселенческого дела в Туркестанском крае, отмечал, что «экономическое положение многих переселенцев оставалось крайне тяжелым»¹²⁶. Чиновник Семиреченского переселенческого управления О. Шкапский

¹²² К. К. Пален. Указ. работа, стр. 22.

¹²³ Там же, стр. 17—18.

¹²⁴ ЦГВИА СССР. Аз. часть, 1914 г., д. 118, л. 4—5.

¹²⁵ А. Иванов. Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб., 1890, стр. 238—239.

¹²⁶ К. К. Пален. Указ. работа, стр. 22.

писал: «День за днем проходит в борьбе за кусок хлеба, жизнь идет вне общественного уклада, крестьянин все время сидит и чувствует себя чужаком, а впереди полнейшая неизвестность, попадет ли он в число граждан какого-нибудь села, где он, облегченно вздохнув, в состоянии будет приняться за устроение своей жизни»¹²⁷. Тяжелую участь, безрадостную жизнь рядовых крестьян, поселившихся в Киргизии, ярко отражают их многочисленные прошения. В частности, в прошении русских бедняков с. Ново-Покровского Пишпекского уезда от 11 ноября 1908 г. говорится: «В настоящее время проживаем в селении Ново-Покровском Пишпекского уезда, бедствуя от нищеты и безземелья с детьми, женами и престарелыми родителями»¹²⁸. Аналогичный характер носит жалоба группы русских переселенцев, проживавших в Базар-Курганской волости Андиканского уезда, от 20 апреля 1909 г.¹²⁹ Заслуживает также внимания жалоба рядовых переселенцев с. Георгиевского Пишпекского уезда от 12 сентября 1908 г., в которой сообщается: «Будучи вынужденными за неимением на родине земельных угодий и даже средств к существованию, как наибеднейший класс, мы выехали из разных губерний России в Семиреченскую область в надежде, основываясь на распространявшихся слухах об открытии переселенческих участков, причислиться на таковых. По прибытии наше в Пишпекский уезд нам стало известно, что назначенные к расселению участки уже доведены до комплекта душ, а это, вместо ожидавшегося нами улучшения жизни, нужду нашу усугубило. Мы как исключительно все земледельцы, не знающие побочных ремесел, разместившись в с. Георгиевском и частично в г. Пишпеке, попали опять к старожилам в работники, платя им же за квартиру, право пользоваться отоплением и тому подобное вдвое более, нежели получаем за работу. Явление это заставляет задуматься над бездушностью, как не обещающее ничего хорошего, как разве только, убив все последние средства, не позволяющие уже и теперь возвратиться на родину, быть в силу необходимости вечными работниками»¹³⁰. Архивные документы и другие исторические материалы свидетельствуют о том, что большинство крестьян-переселенцев с трудом сводили концы с концами и были бесправными в экономическом и политическом отношении. Они так же, как трудовое коренное население, страдали от

¹²⁷ О. Шкапский. Указ. работа, стр. 22.

¹²⁸ ЦГА Каз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 70, л. 211.

¹²⁹ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 193, л. 39.

¹³⁰ ЦГА Каз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 70, л. 4—5.

безземелья и томились под жестоким гнетом царского самодержавия. Поэтому рядовые переселенцы были вполне солидарны с киргизским народом, поддерживали его освободительную борьбу за социальную и национальную свободу.

Многие обнищавшие и обездоленные переселенцы, не обзаведясь хозяйством на месте поселения, возвращались в родные края, несмотря на то, что при этом они лишались последних средств к существованию. Так, в 1913 г. отправились в Россию из Пишпекского уезда 512 семей бедняков-переселенцев¹³¹. Не всегда и не все переселенцы добирались до родных мест; некоторые из них погибали в пути.

При изучении земельной политики, проводимой царизмом как в центре, так и на национальных окраинах дореволюционной России, мы руководствовались методологическими указаниями В. И. Ленина по данному вопросу. Владимир Ильич подчеркивал, что «вся история самодержавия есть сплошной грабеж местных, областных, национальных земель...»¹³². Он также отмечал, что «переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа «русификации окраин»¹³³. Вопиющее нарушение земельных прав коренного населения и грабеж национальных земель особенно активно проводился царским правительством в Средней Азии, в частности в её кочевых и полукочевых районах.

Царские чиновники старались во что бы то ни стало найти возможно большую площадь «свободной» земли, пригодной для отвода переселенцам, в частности кулакам и казакам. Но опасаясь подъема аграрного и национально-освободительного движения, царское самодержавие вынуждено было временно воздержаться от массовой экспроприации земель оседлого населения Туркестана. Поэтому его взоры обратились на земельные угодья, находившиеся в пользовании кочевников-киргизов и казахов.

Скотоводы-киргизы в поисках лучшего подножного корма часто меняли кочевья, переходя с одного участка пастбища на другой. Значительная часть кочевых угодий временно пустовала. Это давало повод чиновникам переселенческого управления утверждать, что «свободные» земли имеются и приступить к организации переселенческого участка. В действи-

¹³¹ ЦГВИА СССР, Аз. часть, 1914 г., д. 118, л. 4—5.

¹³² В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 314.

¹³³ Там же, т. 21, стр. 330.

тельности же эти земли были составной частью пастбищ скотоводов.

Царское правительство не ограничивалось отчуждением пастбищ. Ссылаясь на то, что основным занятием киргизов является кочевое скотоводство, оно отбирало у коренного населения пахотные земли и сенокосы. Начиная с 1868 г. правительство проводило политику, направленную на экспроприацию киргизских земель. Первое время представители царского самодержавия, стараясь не вызывать недовольства коренного населения, в переселенческий фонд отводили лишь «свободные» земли, т. е. пастбища. Колонизационное освоение края началось с заселения Киргизии казачьими и другими воинскими частями, которые получали большие земельные наделы. Отчуждение киргизских земель приняло особенно широкий размах в 90-х годах прошлого столетия, когда Россия вступила в стадию империалистического развития и резко усилилось переселенческое движение.

В начале XX в., осуществляя аграрную, в частности переселенческую, политику Столыпина, царское правительство приступило к массовому изъятию земель, находившихся в пользовании коренного населения Туркестана. Безжалостному ограблению подвергались киргизы и казахи, занимавшиеся кочевым и полукочевым скотоводством. Скрыть этого не могли даже высокопоставленные царские чиновники, всегда приукрашивавшие положение угнетенных народов. Туркестанский генерал-губернатор в своем рапорте императору от 26 июля 1916 г. писал: «Среди других народностей, населяющих Туркестанский край, киргизское население... является наиболее бесправным относительно пользования землею»¹³⁴.

Нередко царское правительство, не желая тратить средства на ирригацию и освоение новых земель, создавало переселенческие участки путем изъятия угодий, обрабатываемых местными дыйканами с давних времен.

По мере сокращения площади «свободных» земель и объектов переселенческого фонда, царское правительство изыскивало все новые и новые средства ограбления коренного населения. В частности, уменьшались нормы землепользования, организовывались экспедиции и временные комиссии, перед которыми ставились задачи найти во чтобы то ни стало «излишние» земли. В начале XX в. в Семиреченской и Сыр-Дарынской областях с этой целью были созданы переселенческие земельные управления и организации. На них царское самодержавие возлагало большие надежды, которые зачас-

¹³⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1198, л. 7.

тую оправдывались. Достаточно сказать, что одна только Семиреченская переселенческая организация за время существования (1905—1910 гг.) подготовила 181 переселенческий участок¹³⁵, каждый из которых занимал тысячи десятин пригодной земли, отобранный у местных жителей.

Представители царизма организовывали в уездах временные земельные комиссии, по решению которых у коренного населения изымались большие и малые земельные массивы. В переселенческий земельный фонд вошли земли Чуйской долины, Иссык-Кульской котловины, юго-восточной части Ферганы и других плодородных районов Киргизии.

Отчуждались земли у коренного населения Пишпекского и других уездов Семиреченской области. Согласно постановлению временной комиссии в одной только Аламединской волости Пишпекского уезда было отмежевано 21747,5 дес. «излишних» земель. За счет этих земель в 1905 г. было образовано два переселенческих участка общей площадью 8989 дес. Вскоре на этих участках появились села Ново-Покровское и Молдаванское. В следующем году у населения этой волости было изъято еще 2 тыс. дес. земли. В 1905 г. в Талкановской волости того же уезда подлежало отчуждению 34117 дес. земли, из которых 17561 дес. была уже зачислена в переселенческий фонд. Позднее у населения волости было отнято еще 558 дес. земли и образовано 62 хутора. У киргизского населения Булакпаевской волости было изъято 565 дес. земли, предполагалось отнять еще 8044 дес.¹³⁶ В 1907 г. население Джумгальской волости лишилось 20269 дес. земли, которая перешла в распоряжение переселенческого управления и была разделена на восемь переселенческих участков¹³⁷.

Отчуждение земель у коренного населения носило повсеместный характер. Достаточно сказать, что до 1913 г. в Семиречье было экспроприировано 4101873 дес. земли, т. е. больше половины пригодных земельных угодий. В пользовании коренного населения осталось лишь 3398852 дес.¹³⁸

Подобную картину можно было наблюдать и в Пржевальском уезде. В 1907 г. по решению временной комиссии в пользу переселенческого фонда подлежало отчуждению 29708 дес.

¹³⁵ П. П. Румянцев. Условия колонизации Семиречья. «Вопросы колонизации», 1911, № 9, стр. 213; В. А. Васильев. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915, стр. V.

¹³⁶ Велецкий. Указ. работа.

¹³⁷ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 6, д. 863, л. 1.

¹³⁸ П. П. Румянцев. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства... т. 7, вып. 2... стр. 25.

земли, принадлежавшей жителям Джеты-Огузской волости¹³⁹. В 1910 г. в местности Турайгыр и Бурулдай было изъято 27225 дес. земли, обрабатываемой коренным населением¹⁴⁰.

Процесс экспроприации киргизских и казахских земель колониальной властью можно проследить на примере Семиреченской области. В этой области только в 1907 г. было отмежевано 288990 дес. земли, на которых предполагалось организовать 36 переселенческих участков¹⁴¹. К 1914 г. коренное население области лишилось 4193520 дес. удобной земли. По решению переселенческого управления подлежало изъятию еще 4 млн дес. пригодной земли¹⁴².

Земельная политика царизма активно проводилась и в Ферганской области, в частности в ее предгорных и горных районах, населенных киргизами. Как отмечено в постановлении поземельно-податной комиссии этой области от 18 декабря 1906 г., у киргизов Маргеланского уезда подлежало отчуждению 159 тыс. дес. земли. Это отчуждение проводилось в четырех волостях: Ичкилиской — 65 тыс., Найманской — 23 тыс., Араванской — 40 тыс. и Яукесек-Бостонской — 30 тыс. дес.¹⁴³ Только до 1913 г. в семи киргизских волостях Андижанского уезда было изъято 708829 дес. земли¹⁴⁴. В пользовании 11405 киргизских дворов (Узгенская, Яссынская, Чанкентская, Кугартская, Каракол-Сарысуйская, Майли-Сайская и Кенкол-Карагырская волости) осталось лишь 361604 дес. земли¹⁴⁵, т. е. в два с лишним раза меньше, чем до 1913 г.

В 1914 г. группа статистиков, обследовав 8875 киргизских хозяйств Гульчинской, Куршабской, Кипчагайской, Алайской (Ошский уезд), Найманской, Ичкилиской, Яукесек-Бостонской (Скобелевский уезд), Найгут-Кипчакской, Ляйлякской (Кокандский уезд) волостей, вынесла решение об изъятии 1291311 дес. «излишних» земель. Киргизскому населению этих трех уездов предполагалось оставить только 761795 дес. земли, из которых 23963,5 дес. приходилось на высокогорную скалистую местность¹⁴⁶. Такому же ограблению подвергались и киргизы Наманганского уезда. К 1913 г. в Арымской, Қырк-Угульской, Саройской, Сусамырской и Чаткальской волостях

¹³⁹ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 4, д. 916, л. 7.

¹⁴⁰ Там же, д. 106, л. 6.

¹⁴¹ ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, 1907 г., д. 119, л. 61.

¹⁴² В. А. Васильев. Указ. работа, стр. 81.

¹⁴³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 992, л. 2.

¹⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 8, д. 320, л. 4—35; Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд Ферганской области. Ташкент, 1913, стр. 109.

¹⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 8, д. 320, л. 4—35.

¹⁴⁶ Там же, ф. 391, оп. 5, д. 998, л. 51, 74.

этого уезда было отчуждено 821042 дес. земли. А в пользовании коренного населения (7452 двора) осталось лишь 541527 дес. малопригодной земли¹⁴⁷. В Южной Киргизии на отнятых землях разместились 1364 переселенческих двора. Здесь образовалось 28 небольших поселков и 58 хуторов¹⁴⁸.

Коренному населению, переходившему к оседлому образу жизни, колониальные власти отводили определенные земельные участки. Все остальные земли, оказавшиеся якобы свободными, они изымали и передавали в колонизационный фонд. В 1910 г. жители Восточно-Сокулукской волости Пишпекского уезда перешли к оседлости. У них было «обнаружено» и отнято 13 тыс. дес. «свободных» земель¹⁴⁹. Военный губернатор Семиреченской области в отчете за 1910 г. писал: «Столь же значительные, надо думать, земельные излишки должны будут получаться при устройстве на оседлом положении и других киргизских волостей, заявивших желание оставить кочевой образ жизни»¹⁵⁰.

Действительно, царская власть находила «излишки» земель почти у каждого аида, переходившего к оседлому образу жизни. Земли, изъятые в 1912 г. у бывших кочевников-киргизов, составляли 117010 дес.¹⁵¹ Следует отметить, что кочевникам отводилось не только меньше земли, но и худшие участки ее. По признанию туркестанского генерал-губернатора, «при отводе киргизам земель, т. е. при переходе к оседлости, закон разрешал отводить только пашни, а земли для выпаса скота и заготовки сена не отводили»¹⁵². Нередко оседавшим кочевникам выделялись наделы небольшими участками в разных местах, что существенно осложняло ведение земледельческого хозяйства и препятствовало процессу оседания киргизов.

Царское правительство обещало коренному населению возместить стоимость снесенных домов и хозяйственных построек, уничтоженных посевов люцерны, клевера, древесных насаждений и фруктовых садов на изымаемых землях¹⁵³. Но это обещание не выполнялось или выполнялось очень редко. У нас нет сведений о подобном денежном вознаграждении,

¹⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 5, д. 998, л. 12—19; Материалы по киргизскому землепользованию... Наманганский уезд. Ташкент, 1913, стр. IV, 106.

¹⁴⁸ ЦГВИА СССР, ф. 400. Аз. часть, 1914 г., д. 112, л. 3—4.

¹⁴⁹ Там же, 1912 г., д. 65, л. 3—4.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же, 1913, д. 211, л. 5.

¹⁵² Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3 (34), стр. 51.

¹⁵³ ЦГВИА СССР, ф. 400, д. 119, л. 194; ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 4, д. 106, л. 1—35.

если не считать единственного документа, в котором говорится о том, что коренное население, вернес представители местной феодальной знати, местности Турайгыр и Бурулдай Пржевальского уезда в 1910 г. получили 7792 руб. за снос сооружений и насаждений¹⁵⁴. Таким образом, земли изымались у киргизов по существу безвозмездно.

По указанию царского правительства у коренного населения изымались не только «излишне» земли. Отнимались летние и зимние ластбища, луга, сенокосы, пахотные и другие земли, а также оросительные системы и т. п. Сносились зимовки, дома, сооружения, хозяйственные постройки, уничтожались клеверники, сады и искусственные насаждения. В решениях временной земельной комиссии Пржевальского уезда за 1907 г. указывалось, что на отнятых землях находилось «более двух тысяч зимовых стойбищ, с хорошими домами и садами, имелись также пасеки, мельницы, клеверники, могиль предков, иногда мечети...». Кроме того, вся эта площадь земли издавна кровью и потом киргизов орошена, изрезана искусственными арыками, обработана и удобрена»¹⁵⁵. В жалобе жителей Джумгальской волости Пишпекского уезда, написанной в 1908 г., говорится: «Наши отцы, деды и прадеды жили в Джумгальской долине и пользовались землею, водили скот и сеяли хлеб. Мы, их наследники и потомки, также жили все время здесь и продолжали заниматься скотоводством и посевом хлеба. В этой долине наши предки и мы устроили оросительные каналы на сотни верст, которые стоят громадного труда и больших денег, а также построили на этой земле зимовки, мельницы и посадили сады. Так мы продолжали жить до 1907 г. В 1907 г. к нам приехал чиновник Переселенческого ведомства и из нашей земли выделил 8 участков за № 1—8 в количестве 20269 дес. В эти участки отошли наши оросительные каналы, зимовки и сады, а нам предложили перекочевать в горы, на камни и утесы, где не только что сеять хлеб и косить сено нельзя, а даже нет подножного корма для скота летом. Видя свое безвыходное положение, мы обращались с ходатайством к правительству о возвращении отобранных у нас земель. Но эти ходатайства оставались гласом вопиющего в пустыне, а наш скот постепенно уничтожался из-за недостатка корма»¹⁵⁶. В марте 1915 г. было намечено изъять у киргизов Чуйской долины большой массив брошенной земли, на котором размещались

¹⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 4, д. 106, л. 6.

¹⁵⁵ Там же, д. 916, л. 7.

¹⁵⁶ Там же, оп. 6, д. 863, л. 1.

нашня, 4171 хозяйственная постройка, росло 1730611 фруктовых и других деревьев¹⁵⁷, а местные жители (3300 дворов), которые обрабатывали эту землю, подлежали выселению.

Не только в Чуйской долине, но и в других районах Киргизии, особенно кочевых и полукочевых, целые айлы стояли с насыженных мест. В пользовании коренного населения оставались земли, расположенные главным образом в горной местности и непригодные или малопригодные не только для земледелия, но и для ведения скотоводческого хозяйства. В жалобе киргизов Качкинской волости Пишпекского уезда от 12 мая 1913 г. говорится: «В 1910 г. прибыл к нам, производитель работ переселенческого управления г. Мазуренко и в один год расстроил весь наш хозяйственный уклад. Он отобрал у нас все долины с нашими зимовьями и образовал на них семь участков под русское поселение. А нас изгнал на окружающие горы, на которых снег лежал со второй половины сентября до половины мая, а нередко бывает, что горная каприсная непогода наносит снег в июле и августе. На этих горах по их высоте и крутизне никакая жизнь невозможна и только от трех до четырех летних месяцев пастухи карабкаются по ним со скотом»¹⁵⁸. В показании участника восстания 1916 г. Джайнакова, в частности, отмечается, что «под переселенческие участки забирали зимние пастбища с зимовками, нас передвигали на земли неорошаляемые и непригодные для хлебопашства и скотоводства»¹⁵⁹. Подобных примеров можно привести множество.

Киргизские земли, в частности пастбища, отчуждались в пользу казенного фонда или лесного ведомства. Изъятые лучшие зимние и летние кочевья, составляли десятки и сотни тысяч десятин. Только лесное ведомство Киргизии объединяло 2449890 дес. земли. Фактически площадь лесных массивов составляла 1177536 дес., остальные земли были отобраны у кочевников под предлогом «государственной охраны» леса. В Пишпекском и Пржевальском уездах казенному фонду принадлежало 352440 дес. пастбищ, которые сдавались в аренду русским переселенцам и коренному населению. Нередко пастбища, находившиеся в распоряжении казенного фонда, сдавались в аренду тем же айльным и сельским общинам, у которых они были изъяты.

Из земель казенного фонда и лесного ведомства долж-

¹⁵⁷ А. Г. Зима. Указ. работа, стр. 90.

¹⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 5, д. 150, л. 6.

¹⁵⁹ Л. Матвеев. Указ. работа, стр. 132.

ностным царским чиновникам отводились лучшие участки пастбищ и леса. В 1913—1915 гг. в Семиреченской области влиятельным лицам было роздано 1800 тыс. дес. земли. Полицмейстеру г. Верного был отведен участок в 10 тыс. дес.¹⁶⁰ Пастбища, принадлежащие ранее населению Ичкиликской, Яукесек-Бостонской и Найманской волостей Маргеланского уезда, были переданы чиновнику Оттендорфу в качестве дачи — лесного заповедника¹⁶¹.

Как отмечено в секретном рапорте начальника 6-го ополченского корпуса от 4 января 1917 г., при отводе земельных наделов русским переселенцам представители колониальных властей «не приняли даже мер к беспрепятственному прогону скота из летовок на зимовки, и обратно»¹⁶². Переселенцев в ряде случаев расселяли в предгорья — в местностях, лежавших между зимовками и летними выпасами кочевников, что вело к разрушению традиционных скотопрогонных путей и кочевых маршрутов и тем самым наносило большой ущерб скотоводческому хозяйству киргизов. «Все это, — сказано в упомянутом секретном рапорте, — вызывало в конце концов понятное озлобление со стороны киргизов к администрации»¹⁶³. Следует заметить, что недовольство и выступление киргизских дыйкан были вызваны всей земельной политикой царского правительства, а не только разрушением кочевых путей скотоводов.

Накануне восстания изъятие земель у коренного населения приняло такой широкий размах, что даже высокопоставленные царские чиновники начали проявлять беспокойство¹⁶⁴. Их беспокойство вызвано тем, что колонизаторски настроенные переселенцы, особенно казаки и кулаки, самовольно захватывали киргизские земли. Это могло поднять местные трудовые массы не только против тех, кто захватил земли, но и против колониальных властей вообще. Вот что писал об этом туркестанский генерал-губернатор в своем отчете за 1916 г.: «Грабительское отобрание киргизских земель для казачьих станиц, так называемых «неудобных земель», привело к неизбежности земельных столкновений между казаками и киргизами, причем

¹⁶⁰ Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3 (34), стр. 65.

¹⁶¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 5984, л. 5, 10.

¹⁶² Там же. ф. 1, оп. 31, д. 1185, л. 30—31; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16920, л. 162—163.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1138-а, л. 132; д. 1182, л. 7; д. 1185, л. 30—31; д. 1198, л. 7; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16920, л. 1—3.

казаки, поощряемые властями, всячески стесняли киргизов в смысле пользования кочевьями, воспрещая пасти скот даже на совершенно не нужных участках¹⁶⁵. Подобные сведения содержатся и в рапорте военного губернатора Ферганской области от 12 февраля 1907 г.: «Крестьяне сел. Покровского давно занимались насилийским захватом киргизских земель. В 1904 г. местные власти их размеживали. Туземцы, уверенные, что с проведением границ крестьяне не станут ежегодно захватывать их земли, согласились на уступку земель. В следующем, 1905 г. крестьяне, не желая сократить площади своих посевов, стали арендовать киргизские земли по ту сторону проведенной границы, но уже весной 1906 г. крестьяне решили не подчиняться принятому ими новому порядку и возвратились к старому, когда они не вносили арендной платы и сеяли, где хотели и сколько хотели»¹⁶⁶. Колонизаторски настроенные крестьяне, подобно чиновникам переселенческого управления, захватывали у коренного населения призимовочные участки, сенокосы, пахотные земли, особенно с оросительной сетью. В большинстве случаев казаки захватывали киргизские земли под видом «аренды земли». Обычно на землях, арендованных у коренного населения, крестьяне-переселенцы возводили дома, хозяйственные постройки, сажали деревья. Спустя некоторое время они уклонялись от арендной платы, а по окончании срока аренды, вовсе отказывались вернуть участки их бывшим пользователям¹⁶⁷. Представители колониальной власти также не возвращали земли, арендованные у коренного населения. Как сообщалось в жалобе жителей аила № 4 Таласской волости Аулие-Атинского уезда от 21 июля 1907 г., начальник уезда и участковый пристав арендовали у заявителей пахотную землю; по истечении срока аренды они отказались признать право на нее киргизов аила¹⁶⁸. Имел место открытый захват киргизских земель крестьянами, особенно зажиточной их прослойкой. Такие переселенцы, облюбовав участки, самовольно переселялись на них, возводили жилища, возделывали поля. Они считали себя хозяевами этих земельных участков и игнорировали право на них коренных жителей¹⁶⁹.

¹⁶⁵ Копийные архивные материалы, собранные А. Ф. Лочки. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. 54, л. 254—255.

¹⁶⁶ Цит. по рукописи: Дж. Меджитов. Восстание киргизов в 1916 г. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 137, л. 61.

¹⁶⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 1157, л. 1—3; Г. К. Гинс. В киргизских аулах (очерки из поездки по Семиречью). «Исторический вестник», 1913, № 10, стр. 331.

¹⁶⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 1157, л. 1—3.

¹⁶⁹ П. П. Румянцев. Условия колонизации Семиречья. «Вопросы колонизации», 1911, № 9, стр. 212.

Изложенные фактические материалы показывают, что киргизское население лишилось большей части жизненно важных земель, которые оказались в руках переселенцев и царских колонизаторов. Об этом свидетельствуют и данные табл. 5.

Таблица 5

Год	Уезд	Население, %		Пахотная земля, %	
		киргизы	русские	в пользовании киргизов	в пользовании русских переселенцев
1900	Пржевальский	89,0	11,0	76,2	23,8
1916	—»—	75,9	24,1	33,0	67,0
1916	Пишпекский	61,9	38,1	42,7	57,3

В 1915 г. в Пишпекском уезде на долю переселенческого двора в среднем приходилось 8,46, а в Пржевальском — 7,67 дес. обрабатываемой земли. Киргизская же семья в среднем имела соответственно 3,38 и 1,66 дес.

Та же картина наблюдалась и на юге Киргизии. Общая площадь земельных угодий в Семиреченской области составляла 36139535 дес., из них 4786669 дес. были непригодны для земледелия. Из остальных 31342826 дес. больше половины приходилось на пастбища. В пользовании коренного населения находилось 27159346 дес., а в распоряжении русских переселенцев — 4193520 дес. земли¹⁷⁰, причем киргизы владели в основном пастбищами.

Не лучше обстояли дела с землепользованием у коренного населения всего Туркестанского края. К 1916 г. русские переселенцы составляли 6% населения этого края. Они образовали около 950 селений и станиц. В их пользовании находилось 57,6% обрабатываемой земли. А коренные жители, составлявшие 94% населения, владели лишь 42,4% пахотной земли. На одного русского крестьянина в Туркестане приходилось в среднем 3,17, а на одного коренного жителя — только 0,21 дес., т. е. в 15 раз меньше¹⁷¹.

Итак, в результате грабительской земельной политики царского правительства местные народные массы лишились основного, порою единственного, источника существования. О тяжелых последствиях колониальной земельной политики царизма говорится во многих документах, исходивших от народа. Жители аила № 3 Есенгуловской волости Пржевальско-

¹⁷⁰ В. А. Васильев. Указ. работа, стр. 80—92.

¹⁷¹ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы..., стр. 5.

го уезда в своей жалобе от 24 августа 1905 г. писали: «Мы, лишившись недвижимого имущества и земли, прийдем в совершенное разорение»¹⁷². В анонимной жалобе от 20 мая 1907 г. представители киргизского населения указывали, что «отчуждение их земель приведет к окончательному разорению»¹⁷³.

Значительная часть земель, оставленных коренному населению, была сосредоточена в руках имущих. Бывали случаи, когда байи и манапы, согнав бедняков с насиженных земель, захватывали их. Вот что сообщается в жалобе 39 юртovладельцев аила № 5 Узунгырской волости Пишпекского уезда от 20 сентября 1910 г.: «Как мы, так и доверители наши, ходатайствуем о переходе в оседлость на общее положение крестьян. Вследствие чего нас преследуют как должностные лица волостной администрации, так и все почетные киргизы, отбравшие у всех нас пахотные поля, луга и клеверники. В настоящем году мы остались без хлеба и печем кормить скот.. Понятно, что нас разорят, а справедливости дожидать нам нельзя и придется бессильно страдать и разориться»¹⁷⁴. О захвате общинных земель манапами и баями рассказывают многие старожилы¹⁷⁵.

Большой материальный и моральный ущерб рядовым киргизам наносила сдача манапами в аренду земли, принадлежавшей айлу или сельской общине. Поскольку вся земля находилась в распоряжении государства, местная феодальная знать юридически не имела права сдавать общинные земли в аренду¹⁷⁶ и взимать в свою пользу арендную плату. Однако колониальные власти в некоторых случаях разрешали айльным и сельским общинам сдавать земли в аренду русским переселенцам или другим лицам. При этом община или съезд волостных выборных обязаны были выносить решение о сдаче того или иного участка в аренду. Этим часто пользовались местная феодальная знать, особенно должностные лица.

Несмотря на земельную тесноту, земли сдавались в аренду довольно часто, а арендная плата обычно присваивалась манапами и другими влиятельными лицами. О. Шкапский отмечал, что «манапы по-прежнему смотрят на себя как на единственных собственников всего, что принадлежит народу — «букаре». Не исключается из этого и земля.. они самовольно распоряжаются землею. Манапы сдают ее в аренду русским крестьянам и не крестьянам и делят деньги между собою. Они лишают букару земли или воды, необходимой для орошения по-

¹⁷² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 13, д. 571, л. 2—3.

¹⁷³ Там же, оп. 26, д. 1669, л. 1—2.

¹⁷⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 7748, л. 1.

¹⁷⁵ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1544, л. 4, 6—75.

¹⁷⁶ С. И. Ильясов. Земельные отношения..., стр. 318 и 337.

лей»¹⁷⁷. В. Воронков в статье, посвященной земельным отношениям киргизов, писал: «Сдача земель в аренду производится манапами главным образом негласная, не имеющая за собою никакого юридического права и основанная лишь на бесправии киргизской массы, так как бедняки, интересы которых при этом нарушаются, в силу необходимости должны молчать и подчиняться в этом отношении манапам. Не лучше дело обстоит и при сдаче земель в аренду по общественным — волостным приговорам»¹⁷⁸. Даже туркестанский генерал-губернатор в 1916 г. констатировал: «Большинство сделок (арендных, — К. У.) заключалось не от имени обществ, а отдельными богатыми киргизами (баями), которые арендные деньги брали себе»¹⁷⁹.

Сдача общинных земель в аренду стала одним из важных источников обогащения местной феодальной знати. Особенно широко она распространялась на севере Киргизии, в частности в Чуйской долине. В 1896 г. горожане Пишпека арендовали 750 дес. пахотной земли, принадлежавшей жителям Талкановской волости. А арендную плату в сумме 2 тыс. руб. получил влиятельный манап этой волости. По истечении срока аренды он потребовал от арендаторов еще 4 тыс. руб.¹⁸⁰ В 1908 г. срок аренды был продлен на несколько лет, за что манапы получили 4500 руб., которые «разделили между собой». В Аламединской волости Пишпекского уезда два крупных манапа ежегодно сдавали в аренду дунганам и русским крестьянам 1400—1500 дес. земли. Манапы Карабалтинской волости сдавали в долгосрочную аренду переселенцам почти все пахотные и другие удобные земли, «вследствие чего, многие бедные киргизы вынуждены идти в батраки к манапам и крестьянам»¹⁸¹. Несмотря на возмущение и негодование жителей с. Узбекского Пишпекского уезда, известный манап Г. Узбеков, получив арендную плату 800 руб., сдал военному чиновнику Писаревскому в аренду 300 дес. сенокоса, находившегося в общем пользовании¹⁸². Крупный манап Чолпонкул Тыналиев в 1909 г. сдал в аренду крестьянам с. Ново-Троицкого 370 дес. В результате 579 дворов в Сокулукской волости осталось без пахотной

¹⁷⁷ О. А. Шкапский. Киргизы крестьяне (из жизни Семиречья). Изв. Русск. геогр. о-ва XL, 1905, вып. IV, СПб., 1905, стр. 775.

¹⁷⁸ В. Воронков. По вопросу о земельном устройстве туземного киргизского населения в Семиреченской области. «Семиреченские обл. ведомости», 1908, № 34.

¹⁷⁹ Коллекция архивных материалов. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 54, л. 256.

¹⁸⁰ О. А. Шкапский. Указ. работа, стр. 775—776; В. Воронков. Указ. работа.

¹⁸¹ В. Воронков. Указ. работа.

¹⁸² Г. И. Бродо. Указ. работа, стр. 416—417.

земли. А 2 тыс. руб. арендной платы Тыналии присвоил¹⁸³. Сдача земли в аренду манапами в Пишпекском уезде, в частности в Чуйской долине, была распространена повсеместно. Не случайно В. Воронков, говоря об аренде земли в Аламединской, Талкановской и Кара-Балтинской волостях и об ее последствиях для рядовых киргизов, подчеркивает: «В том же положении находятся и киргизы других солтынских (солто — название племени, заселявшего западную половину Чуйской долины. — К. У.) волостей, и привести все те примеры эксплуатации манапами букары ввиду их многочисленности представляется и невозможным и лишним»¹⁸⁴.

Сдача земли в аренду практиковалась и в Пржевальском уезде. В течение 1912 г. в одной только Курментинской волости манапы сдавали в аренду 1099 дес. пригодной земли¹⁸⁵. О тяжелых последствиях сдачи земли в аренду для местного населения рассказывают старожилы Ж. Азылов, А. Абданов, Э. Андашев, М. Абраимов, И. Молдокулов, К. Джолдошев¹⁸⁶, С. Кочкорбаев¹⁸⁷ и многие другие.

Результатом аграрно-колониальной политики царизма, в частности экспроприации пригодных земель, явилось массовое обезземеливание и разорение трудовых дыкан. Обезземеливание коренного населения особенно сильным было на юге Киргизии. Об этом свидетельствуют данные табл. 6, относящиеся к 1907 г.¹⁸⁸

В целом в пяти названных уездах, значительную часть на-

Таблица 6

Уезд	Численность населения		Число безземельных дворов
	киргизы	узбеки и др.	
Ошский	117520	18224	2885
Андижанский	107692	322249	11157
Наманганский	75849	412477	17908
Маргеланский	63626	349003	10843
Кокандский	10933	303419	7054

¹⁸³ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 6981, л. 2.

¹⁸⁴ В. Воронков. Указ. работа.

¹⁸⁵ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 5, д. 1789, л. 23.

¹⁸⁶ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (8), 1519 (9 в).

¹⁸⁷ В. Шундрин. Трудящиеся киргизы накануне восстания 1916 г. «Советская Киргизия», 1936, 27 июля.

¹⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 172, л. 35—46.

селения которых составляли киргизы, насчитывалось 39847 безземельных дворов.

От недостатка земли страдали как земледельцы, так и скотоводы. Один из рядовых киргизов с горечью говорил: «Мы не знаем, будем ли оседлыми или кочевниками и где будем жить через 2—3 года... Земли для всех не хватает. Оставаться в кочевом положении тоже не дело, так как сенокосов мало, да и те не нынче, завтра отберут. Со скотом деться некуда»¹⁸⁹.

Дыкане, лишенные удобной земли, на кабальных условиях арендовали землю у кулаков, казачьих офицеров, колониальных властей, а также у баев и манапов. В большинстве случаев они арендовали те земли, которые были у них отобраны.

Земли арендовали отдельные лица, целые айлы или сельские общины. На юге Киргизии, в частности у оседлого населения, преобладала индивидуальная форма аренды, а на севере — общинная. Как на севере, так и на юге Киргизии пастбища арендовали в основном айльные или сельские общины. Так, скотоводы Джумгальской волости Пишпекского уезда с 1907 г. арендовали 20269 дес. пастбищ, ранее принадлежавших им. Они ежегодно вносили в казну арендную плату 3 тыс. руб. В прошении жителей этой волости говорится: «Наш скот постепенно уничтожался из-за недостатка корма и в конце концов нам пришлось снимать в аренду свою же землю и платить большие деньги»¹⁹⁰. Сельская община № 211 Атекинской волости арендовала пастбища у казаков станицы Самсоновской¹⁹¹. Пастбища раньше принадлежали киргизам этой же общины. У переселенцев с. Новороссийского арендовали земли 618 кибиток кеминских киргизов. Но в 1913 г. им было в этом отказано и они остались без земли¹⁹². Кочевое население Центрального Тянь-Шаня, лишившись пахотных земель, вынуждено было арендовать у кулаков-переселенцев земельные участки, находившиеся от них за несколько десятков и сотен километров, — в Чуйской долине (в местностях Шалашбай, Биркулак и Исык-Ата), а также на Сусамыре по берегам р. Караколки¹⁹³.

Об аренде земли на кабальных условиях у колонизаторов рассказывают многие старожилы Киргизии¹⁹⁴.

К 1916 г. коренное население Семиреченской области арендовало 485770 дес. пригодной земли, русские переселенцы —

¹⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 6, д. 863, л. 1.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ П. П. Румянцев. Указ. работа, стр. 269—270.

¹⁹² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 17, д. 935, л. 103.

¹⁹³ Протокол допроса, произведенного ротмистром Железняковым 20 ноября 1916 г., стр. 133.

¹⁹⁴ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519.

только 84651 дес., дунгане, узбеки и уйгуры — 28238 дес.¹⁹⁵ Иначе говоря, 61% арендуемых земель приходился на долю коренного населения, 33% — русских переселенцев и 6% — на долю дунган, узбеков и уйгуров.

Арендная плата была довольно высокой. Накануне восстания она достигала таких размеров, что маломощные хозяйства не могли платить ее. В жалобе жителей Джумгальской волости читаем: «Так как аренду платить не каждый в состоянии, то многие из моих доверителей были вынуждены продать свой скот, и, таким образом, в последние годы наше скотоводство дошло до минимума»¹⁹⁶. В аналогичном положении находились коренные жители высокогорных районов, занимавшиеся в основном экстенсивным скотоводством. Еще хуже обстояло дело с арендой земли в долинных и равнинных (земледельческих) районах Киргизии. Здесь безземельным дыйканам приходилось настолько тяжело, что некоторые бедняки в надежде получить земельный надел просили зачислить их в казачьи войска и соглашались нести воинскую повинность¹⁹⁷.

Многочисленные достоверные исторические материалы по дореволюционному Туркестану, в частности колониальной Киргизии, подтверждают правильность указания В. И. Ленина о вопиющем нарушении земельных прав нерусских народов и ограблении национальных земель царизмом. В результате аграрно-колониальной политики царского правительства киргизский народ накануне восстания 1916 г. оказался в таком положении, с которым не мог больше мириться.

Налоговый гнет царизма

Туркестан, в том числе и Киргизия, был не только объектом экспроприации земель коренного населения, но и источником финансового дохода, дававшим царскому правительству ежегодно миллионы рублей. Как местные, так и русские трудовые массы были обложены кибиточной податью, государственной оброчной податью, государственным налогом на городское недвижимое имущество, основным промысловым налогом¹⁹⁸. Они обязаны были также нести натуральные повинности по устройству и ремонту дорог, ирригационных систем и т. п.

¹⁹⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 7, оп. 1, д. 5238, л. 16.

¹⁹⁶ ЦГИАЛ. ф. 391, оп. 6, д. 863, л. 1.

¹⁹⁷ Г. И. Бродо. Указ. работа, стр. 425.

¹⁹⁸ Попытка кратко охарактеризовать налоговую политику царизма в Киргизии, установить виды и формы податей и поборов колониальной власти сделана в статье А. А. Сапелкина «Налоговая политика царизма в Киргизии» (в кн.: Материалы по истории и экономике Киргизии. Фрунзе, 1963).

Одним из основных налогов, взимаемых с киргиза-скотовода, была так называемая «кибиточная подать». Ею облагали каждого юртовладельца. При этом не учитывались ни платежная способность, ни материальное положение, ни состояние здоровья, ни возраст налогоплательщика¹⁹⁹.

Размер кибиточной подати быстро увеличивался. В 1865 г. с одного юртовладельца взыскивали 1 руб. 50 коп. кибиточного сбора, в 1868 г. — 3, в 1908 г. — 4 руб.²⁰⁰

К числу основных податей и поборов относится и «государственный поземельный налог», взимавшийся с русских крестьян-переселенцев и коренного населения, которое занималось земледелием. Он составлял 10% годового дохода от земледелия²⁰¹. Этот налог, как и другие, крестьяне и дехкане должны были платить в назначенный срок. За просрочку начислялась пена.

Земский сбор требовалось выплатить вперед за год. В начале XX в. этот сбор составлял 1 руб. 58 коп. с каждого двора и кибитки, 33% оброчной подати, или 25% кибиточного налога²⁰².

С 1902 г. в крае была введена оброчная подать. Ею облагали русских крестьян, отставных и запасных военнослужащих и взыскивали в размере 15—30 коп. с десятины обрабатываемой земли. Горожане платили государственный налог с каждого вида недвижимого имущества в размере 1 руб. 50 коп.²⁰³

С 1905 г. коренное население Туркестана облагалось налогом и за то, что оно не несло воинскую повинность. Этот налог составлял 5% кибиточной подати, 10% государственного поземельного сбора или 15% оброчной подати²⁰⁴. Существовали государственный промысловый налог, акцизный сбор и таможенная пошлина. С населения взимались гербовый сбор и пошлина за безвозмездный переход имущества от одного лица к другому²⁰⁵.

Кроме основных налогов царское правительство и его пред-

¹⁹⁹ ЦГВИА СССР, ф. 400. Аз. часть, 1909 г., д. 51, л. 1; Проблемы по-датной системы. «Туркестанские ведомости», 1890, № 42; Б. Н. Каплун. Положение об управлении Туркестанского края. Ташкент, 1903, стр. 167—169; К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Налоги и пошлины. Органы финансового управления. СПб., 1910, стр. 6, 8—10, 13—14, 16—18, 22—23, 27—28, 30—35.

²⁰⁰ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Налоги и пошлины..., стр. 7—9.

²⁰¹ Б. Н. Каплун. Указ. работа, стр. 162—166.

²⁰² Обзор Семиреченской области за 1905 г. Верный, 1906, стр. 73.

²⁰³ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Налоги и пошлины..., стр. 105, 117—132.

²⁰⁴ ЦГВИА СССР, ф. 400. Аз. часть, 1898 г., д. 265, л. 88—89.

²⁰⁵ К. К. Пален. Указ. работа, стр. 137—154, 258—266.

ставители на местах взимали с трудового населения всевозможные подати и поборы. Часть коренного населения платила налог и за дрова. Этот налог вначале взимался в размере 30 коп. с каждой юрты, затем он повысился до 90 коп., а к 1915 г. — до 3 руб.²⁰⁶ Киргизы называли его «корагай тенге» (налог на топливо).

Денежные средства также собирались на содержание русско-туземных школ и некоторых студентов учебных заведений, на ремонт и охрану дорог, на наем пеших и конных карауличиков, приобретение сельскохозяйственных орудий, на изготовление нагрудных знаков для волостных управителей и биев и на разные случайные расходы. Эти поборы назывались «общественными сборами» и формально носили добровольный характер. «Отличительную особенность необязательных общественных сборов с кочевников коренных областей края, — писал К. Пален, — составляет то, что они... в весьма редких случаях носят характер добровольных складок, устанавливаемых по

Таблица 7

Вид общественного сбора	Уезд					Всего
	Андижан- ский	Ко- канд- ский	Наман- ганский	Ошский	Скобе- лев- ский	
На исправление мостов, арыков, дорог	1415	—	545	3572	18973	24505
На содержание русско-туземных школ	1441	1192	1250	—	4404	8287
На приобретение по- датных квитанций и книг	1130	488	425	369	647	3059
На исправление шлю- зов	1300	—	—	—	—	1300
На покупку медика- ментов	—	—	1245	410	390	2045
На содержание зем- ской почты	2400	—	—	—	859	3259
На охрану верстовых столбов и вывесок	—	—	15	—	—	15
На вознаграждение мирзам-писарям	8800	—	511	4235	7942	21488
На ремонт обществен- ных зданий	—	—	2630	—	—	2630
На постройку волост- ных домов	33434	—	—	—	33434	
На другие расходы	943	—	171	2190	2523	5827
Итого	50863	1680	6792	10776	35738	105849

²⁰⁶ Л. Матвеев. Указ. материалы-воспоминания, стр. 132; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (10-а), л. 4—5.

почину самих обществ, а чаще всего являются результатом давления со стороны чинов уездной администрации²⁰⁷. Уездные детские приюты и конные заводы также содержались на средства, собранные с населения края.

Общественные сборы с коренного населения составляли сотни тысяч рублей. Только за 1905 г. на содержание русско-туземных школ, находившихся в Пишпекском и Пржевальском уездах, было собрано 19246 руб.²⁰⁸ В 1913 г. общая сумма их по Ферганской области составила 106025 руб.²⁰⁹ Данные общественных сборов по уездам этой области за 1913 г. приведены в табл. 7 (в руб.).

Колониальная власть, не желая тратить средства на экономическое и культурное развитие коренного населения, все расходы, с ним связанные, возложила на местных трудящихся. Даже ремонт государственных зданий и постройка помещений волостного управления производились за счет «общественных сборов». Земская почта также содержалась на средства местного населения. Кстати, «общественный сбор» входил в состав земского сбора, который хотя и носил местный характер, но существовал официально и систематически взимался как с коренного, так и с русского населения. По размерам и тяжести земский сбор в ряде случаев не уступал или мало уступал оброчной и кибиточной податям, а также земельному и другим налогам. В начале XX в. только в Ферганской, Сыр-Дарынской и Семиреченской областях Туркестанского края земский сбор ежегодно в среднем составлял 1462728 руб.²¹⁰

Тяжелым бременем на плечи коренного трудового населения ложились подати, взимаемые на содержание местных должностных лиц, в частности волостных управителей, аильных старшин, биев, арык-аксакалов, мирабов и др. Общая сумма этих податей определялась письменными приговорами аильных и сельских сходов, а также волостных съездов²¹¹. Размер жалования волостных управителей, аильных старшин, биев, зависел от общей суммы податей на содержание местных должностных лиц.

Содержание местных должностных лиц коренному населе-

²⁰⁷ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Налоги и пошлины..., стр. 36.

²⁰⁸ Обзор Семиреченской области за 1905 г. Верный, 1906, стр. 77.

²⁰⁹ Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. Скобелев, 1916, стр. 93.

²¹⁰ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Земское хозяйство. СПб., 1910, стр. 148.

²¹¹ Там же, стр. 146; Б. Н. Каплун. Указ. работа, стр. 173—177; ЦГА Каз. ССР, стр. 44, оп. 2, д. 3065, л. 2.

нию обходилось очень дорого²¹². Так, в 1907 г. в Ферганской области в качестве вознаграждения казиям и биям намечалось выплатить 119354 руб., в том числе по Ошскому уезду — 8845 руб. В действительности они получили 33120490 руб., в том числе по Ошскому уезду — 1759600 руб.²¹³

В 1905 г. в Семиреченской области на содержание местных должностных лиц было собрано 186113 руб., а по Пишпекскому и Пржевальскому уездам — 69357 руб.²¹⁴ В Ферганской области за 1913 г. расходы на вознаграждение казиев и биев составили 147655 руб., а на содержание волостных управителей, арык-аксакалов, айлыных и сельских старшин было затрачено 241057 руб., в том числе по Ошскому уезду — 30665 руб. В следующем году на те же цели было израсходовано 250657 руб. В 1913 г. конным караульщикам и стражникам в Ферганской области было выплачено в виде жалования 569657 руб.²¹⁵

Обременительность налогов для коренного и русского населения Киргизии убедительно показывают многочисленные данные. Так, в Семиреченской области, в частности в Пишпекском и Пржевальском уездах, в 1905 г. взимались налоги в следующих (табл. 8, в руб.) размерах²¹⁶.

Таблица 8

	Кибиточная подать	Земские сборы	Оброчная подать
Пишпекский уезд	122634	53840	16065
Пржевальский уезд	128060	54729	12012
Семиреченская область	677922	294460	73568

Через два года общая сумма податей и сборов намного увеличилась (табл. 9, в руб.)²¹⁷.

Таким образом, в 1907 г. по сравнению с 1905 г. наблюдался заметный рост всех видов налогов как по уездам, так и по Семиреченской области в целом.

В 1910 г. на севере Киргизии кибиточная подать составила

²¹² Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. Скобелев, 1916, стр. 117.

²¹³ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края..., Народные суды Туркестанского края..., стр. 86.

²¹⁴ Обзор Семиреченской области за 1905 г. Верный, 1906, стр. 76.

²¹⁵ Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. Скобелев, 1916, стр. 92, 117; за 1914 г. Скобелев, 1917, стр. 98—99.

²¹⁶ Обзор Семиреченской области за 1905..., стр. 70—71, 73.

²¹⁷ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края..., Налоги и пошлины..., стр. 163, 181.

Таблица 9

	Кибиточная подать	Земские сборы	Оброчная подать
Пишпекский уезд	130492	55459	18362
Пржевальский уезд	130988	55669	14693
Семиреченская область	718304	305279	78537

304565 руб., а земские сборы — 97934 руб. В том же году население Семиреченской области выплатило налоги на сумму 1946228 руб., в том числе по Северной Киргизии — 612136 руб.²¹⁸

Об усилении налогового гнета свидетельствуют данные о податях и поборах, взысканных с населения Пишпекского и Пржевальского уездов в 1913 и 1915 гг., приведенные в табл. 10 (в руб.)²¹⁹.

Таблица 10

Уезд	Год	Кибиточная и оброчная подати	Земский сбор
Пишпекский	1913	155892	67437
	1915	322740	71195
Пржевальский	1913	153666	65254
	1915	300904	66735

Размер кибиточной подати в названных уездах с 1913 по 1915 г. (табл. 10) увеличился в два раза, что обусловливалось начавшейся первой империалистической войной, которая требовала больших денежных и материальных затрат.

Налоговый гнет испытывали и трудящиеся Южной Киргизии. Не считая земского сбора, только государственный земельный налог, кибиточная и оброчная подати, уплаченные населением Ошского уезда в 1910 г., составили 126042 руб.²²⁰ А в следующем году с населения этого уезда было взыскано налогов, в том числе и земский сбор, на сумму 381872 руб.²²¹

В 1911 г. население других уездов, в состав которых входила и Южная Киргизия, выплатило налоги в следующих размерах (табл. 11, в руб.)²²²:

²¹⁸ Обзор Семиреченской области за 1910 г. Верный, 1911, стр. 78—81; ЦГВИА СССР, ф. 400. Аз. часть, 1912 г., д. 65, л. 9.

²¹⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 1820, л. 30—31; д. 1925, л. 18, 20—22; д. 1735, л. 16, 25; д. 1624, л. 31; ЦГВИА СССР, ф. 400. Аз. часть, 1914 г., д. 118, л. 9.

²²⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 1624, л. 25.

²²¹ Там же, д. 1735, л. 34—35.

²²² Там же, л. 32—35.

Таблица 11

Уезд	Государственный поземельный налог, кибиточная и оброчная подати	Земский сбор
Скобелевский	623980	285865
Кокандский	558366	237056
Андижанский	780641	118588
Наманганский	501762	223336
Ошский	300405	81467
Итого	2765154	946312

Как видно из данных табл. 11, налоги с населения только Ферганской области в 1911 г. составили 3711466 руб. Сюда, конечно, не входили те средства, которые всячески вымогались у трудящихся царскими чиновниками и местной феодальной знатью. Через два года с населения области было взыскано 7613354 руб., в том числе по Ошскому уезду — 833223 руб.²²³, что почти вдвое больше по сравнению с 1911 г.

С ростом налогов увеличивалось число недоимщиков. К концу 1907 г. в Семиреченской области образовались недоимки в сумме 45967 руб.²²⁴ Недоимки за 1910 г. только по Кунгей-Аксуйской, Курментинской, Сарыбагышской и Атекинской волостям составили 35679 руб.²²⁵ К концу 1915 г. за коренными жителями Пишпекского уезда числилось 93353 руб. недоимок, а за русским населением — 19208 руб.²²⁶ Раскладка налогов и их сбор с коренного населения были возложены на местных должностных лиц. Во время их выборов раз в три года составлялись списки кибитковладельцев, на основе которых исчислялись налоги на новый срок. Списки составляли волостные управители и старшины и проверяли податные инспектора и уездные начальники. Съезд волостных выборных распределял сумму податей между аильными и сельскими обществами. Налоги же по дворам раскладывал аильный или сельский сход. Съездом волостных выборных руководил волостной управитель, а сельским или аильным сходом — аильный старшина. Поэтому не удивительно, что раскладка налогов проводилась под диктовку этих должностных лиц, руководствовавшихся своими интересами.

К. К. Пален по этому поводу писал: «Составление раскла-

²²³ Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. Скобелев, 1916, стр. 84—86.

²²⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 7475, л. 26.

²²⁵ ЦГВИА СССР, ф. 400. Аз. часть, 1913 г., д. 100, л. 11, 16.

²²⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 1925, л. 25—27.

док в большинстве случаев попало фактически не в руки самих обществ и их выборных, а в руки туземной администрации, действующей обыкновенно в интересах наиболее богатых и влиятельных членов общества, державших население в экономической зависимости. Отсюда являлось крайне неравномерное распределение податных тягот между отдельными плательщиками, т. е. низкое обложение состоятельных членов общества и обременение платежами малосостоятельных членов»²²⁷. Подобное сообщение содержится в докладной записке от 22 августа 1912 г.²²⁸ и других архивных документах.

Как указывалось, сбор податей и поборов был поручен местным должностным лицам. В аиле налоги взимал аильный старшина, который полученные деньги передавал волостному управителю, последний сдавал их в уездное казначейство. Представители феодальной знати, находившиеся на службе у царского правительства, злоупотребляли своим положением при распределении и сборе налогов. «Дело раскладки подати,—говорится в упомянутых материалах ревизионной комиссии, которой руководил К. Пален,—открывает полный простор для произвола должностных лиц туземной администрации, в руках которых оно долгое время фактически и находилось»²²⁹. Пользуясь неграмотностью коренного населения, его забытостью и отсталостью, а также слабостью контроля со стороны царского правительства, волостные управители и аильные старшины собирали подати и поборы в размерах, иногда в несколько раз превышавших установленные²³⁰. Излишки они присваивали.

Земский и некоторые другие виды сборов взимались без учета материального положения и платежной способности юртоловладельцев. Тяжело приходилось трудящимся, даже если налоги взимались с учетом их имущественного положения. В связи с этим большой интерес представляет высказывание К. Маркса о налоговой системе в Индии. К. Маркс с возмущением писал: «Позволительно было спросить, можно ли по справедливости ожидать, чтобы человек, зарабатывающий 12 центов в день, платил 1 цент налога с такой же легкостью, с какой другой человек, зарабатывающий 12 долларов в день, уплачивает 1 доллар? Пропорционально оба отдавали бы одинаковую долю своего дохода, но на удовлетворении их потреб-

²²⁷ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Налоги и пошлины... стр. 73.

²²⁸ ЦГВИА СССР, ф. 400. Аз. часть, 1912 г., д. 104, л. 29.

²²⁹ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Налоги и пошлины... стр. 17.

²³⁰ ЦГА Каз. ССР, ф. 13, оп. 2, д. 1, л. 54; ф. 44, оп. 2, д. 3065, л. 2.

ностей этот налог отыгрывался бы в совершенно различной степени»²³¹. Подобно К. Марксу, В. И. Ленин раскрыл социальную сущность налогового обложения в условиях царской России и отметил его обременительность для трудового крестьянства. «Чем состоятельный крестьянин, — писал Владимир Ильин, — тем меньшую долю составляют подати ко всему его расходу. Безлошадный платит сравнительно с своим доходом почти втройе больше, чем многолошадный»²³². Эти высказывания классиков марксизма-ленинизма вполне справедливы и для доколониальной Киргизии.

Для уплаты налогов бедняку киргизу иногда приходилось продавать единственную корову или последнюю лошадь. Некоторые царские чиновники, контролировавшие работу местной администрации, отмечали в своих отчетах тяжелое положение бедноты. Один из податных инспекторов в официальной докладной записке от 6 декабря 1907 г. пишет: «Система взимания с кочевников (имеется в виду кочевое и полукочевое население Южной Киргизии. — К. У.) была выгодна только баям, аульным кулакам и растовщикам... и никак не бичаре (нищий — К. У.), чайрикерам и бедноте, все более попадающей в кабалу к более состоятельному меньшинству»²³³.

Местные феодалы не хотели платить даже тот налог, который приходился на их долю наравне с рядовыми скотоводами и земледельцами. В инвентарных списках занижалась численность поголовья скота у баев и манапов, а у бедняков, наоборот, она завышалась. Нередко бедняка, имевшего лишь несколько баранов и коз, выдавали за владельца сотен голов мелкого скота. Бай, которому принадлежали гурты овец, табуны лошадей и стада коров, в списке фигурировал как середняк, иногда даже как бедняк. Об этом говорится в жалобах трудящихся, пострадавших от несправедливых действий волостных управителей и аильных старшин. В частности, в жалобе бедняков аила № 8 Джиланкузовской волости Пишпекского уезда Батырбека Койчуманова, Бердикбека Джанаева, Садыкбая Батырова, Кожона и Тургубая Джумуровых от 18 марта 1895 г. сообщается, что старшина их аила «скрыл у богатых скот, а у бедных показал скота много». Поэтому многие бедняки будут платить подати наравне с богатыми²³⁴. Такого же содержания жалоба 36 бедных юртовладельцев Западно-Джеты-Огузской волости Пржевальского уезда от 1 марта 1900 г.²³⁵ Значитель-

²³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 529.

²³² В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 148.

²³³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 238, л. 11.

²³⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 761, л. 4.

²³⁵ Там же, д. 3477, л. 5.

ный интерес представляет жалоба жителей аила № 6 Саяковской волости Пишпекского уезда Темирбая и Серкебая Алыкеевых, Джамгырчи и Джумалы Калчиновых и других от 27 октября 1913 г. «Имея ничтожное количество скота, — пишут они, — обложены уплатою податей от 24 руб. 50 коп. до 48 руб. от каждой кибитки. Тогда как сбывать от нас всех весь наш наличный скот, то и тогда не хватит для уплаты. Имущие же, т. е. богачи... имеющие по 1000 и более баранов, при переписи скота скрывали и записали в посемейные списки самое малое количество, а на бедных написали то, что они не имеют»²³⁶. Аналогичное содержание имеют прошения рядовых скотоводов того же уезда от 13 сентября 1913 г. и жалоба жителей аила № 3 Тюпской волости Пржевальского уезда от 3 января 1914 г.²³⁷

Как правило, сумма налогов, взыскиваемых местными должностными лицами с коренного населения, намного превышала установленную. Не случайно рядовые киргизы в своих жалобах разоблачали аильных старшин и волостных управителей, собиравших с них лишние деньги²³⁸. Часто налогоплательщикам не выдавали квитанции, а тех, кто осмеливался требовать их от сборщиков податей, всячески преследовали. Иногда налоги взыскивались дважды, особенно если налогоплательщик не имел квитаний об их уплате²³⁹.

Нередко у недоимщиков конфисковывали имущество и скот, которые немедленно пускали в продажу, а вырученные деньги сдавали в уездное казначейство. В случае абсолютной неплатежеспособности бедняка за него должны были платить его близкие родственники, иногда даже общество, членом которого он состоял²⁴⁰.

Часто сборщики налогов избивали недоимщиков. Так, в жалобе жителя Курбашской волости Ошского уезда Муллы Мунынова от 25 мая 1909 г. сообщается о том, что при сборе податей старшина кара-киргизского общества, требуя с него 23 руб. подати, «привязал к столбу и продержал в таком положении

²³⁶ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 11418, л. 2.

²³⁷ Там же, д. 14036, л. 2.

²³⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1699, л. 116; ф. 19, оп. 1, д. 16217, л. 40—41; д. 16853, л. 4—5; д. 16788, л. 20; д. 19873, л. 5; д. 17453, л. 3; д. 22004, л. 5—6; д. 22419, л. 11; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 653, л. 1; д. 989, л. 2; д. 1026, л. 2; д. 1647, л. 2; д. 2016, л. 3; д. 3063, л. 3; д. 4284, л. 29; д. 10002, л. 7; д. 15651, л. 6—7.

²³⁹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 675, л. 7; д. 989, л. 2; д. 1266, л. 2; д. 1647, л. 2; д. 3065, л. 2; д. 3377, л. 4; д. 1284, л. 29; д. 12594, л. 19; ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 16788, л. 20; д. 19873, л. 5.

²⁴⁰ Б. Н. Каплун. Положение об управлении Туркестанского края. Ташкент, 1903, стр. 169.

жении два дня, причем был нагайкой²⁴¹. Аналогичные сведения содержатся в жалобе группы бедняков аида № 9 Кенкол-Карагырской волости Аулие-Атинского уезда от 11 июля 1910 г.²⁴² Житель аида № 4 Иссык-Атинской волости Пишпекского уезда Кучкача Сарбашев в своей жалобе от 12 января 1914 г. писал, что волостной управитель, приказал своим джигитам наказать его за то, что он не смог уплатить недоимку. «Избив, выгнали меня из юрты»²⁴³. Старожилы Темиралы Мырзакулов, Абдыкальк Чоробаев, Доолеталы Нурманбетов, Ибраи Туманов и другие также рассказывают, что недоимщикам во время сбора податей волостные управители и аильные старшины избивают²⁴⁴.

Наряду с налогами тяжелым грузом на плечи коренного населения ложились натуральные и денежные повинности. Местные жители должны были содержать в исправности оросительную сеть, чистить арыки, строить и ремонтировать дороги, очищать их от снежных заносов и завалов, снабжать проходившие войска юртами, топливом и перевозочными средствами, иногда продовольствием, поставлять прогонных лошадей и проводников царским чиновникам, особенно в тех местностях, где не было почтовых трактов, возмещать расходы по народному здравоохранению, в частности на оспопрививание, проводить мероприятия по предупреждению падежа скота и борьбе с саранчой, а также другими вредителями сельского хозяйства, принимать на себя часть расходов по устройству и содержанию учебных заведений, учреждаемых правительством, отапливать и содержать в исправности казенные помещения, занимаемые уездными начальниками, военными губернаторами, генерал-губернатором и др.²⁴⁵ Из перечисленных наиболее тяжелыми и обременительными для трудового населения были дорожные и оросительные повинности. Только в 1900 г. по Ферганской области на ремонтных дорожных работах было занято 288994 человека, в том числе по Ошскому уезду — 27655. А расходы, связанные с отбыванием этого вида повинности, по данной области за тот же год выразились в сумме 209859 руб. Затраченные

²⁴¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 17019, л. 3.

²⁴² Там же, д. 17889, л. 2.

²⁴³ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 13479, л. 1.

²⁴⁴ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1491, л. 3; инв. № 1519 (6), л. 47—49, 78—79; инв. № 1519 (10-а), л. 42—43.

²⁴⁵ Б. Н. Каплун. Указ. работа, стр. 170; К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Земское хозяйство..., стр. 127; его же. Отчет по ревизии Туркестанского края... Налоги и пошлины... стр. 7; Обзор Семиреченской области за 1905 г. Верный, 1906, стр. 74; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 20, л. 2.

материалы на ремонт дорог в денежном выражении по уездам Ферганской области за 1900 г. составили: по Маргеланскому — 51851 руб., Кокандскому — 46819, Наманганскому — 129589, Андижанскому — 153058, Ошскому — 18148 руб.²⁴⁶

В 1906 г. численность отбывавших дорожную повинность в Ферганской области достигла 299397, в том числе по Ошскому уезду — 29197 человек²⁴⁷. В этой же области за 1913 г. отбывавшие эту повинность отремонтировали дороги общей протяженностью 13958 верст. Стоимость выполненных работ составила 227413 руб., в том числе по Ошскому уезду — 12943 руб.²⁴⁸

Тяжелой была дорожная повинность и для жителей севера Киргизии. Только за 1905 г. на ремонт дорог было затрачено по Пишпекскому уезду 18424 рабочих дней, по Пржевальскому — 36674 и в целом по Семиреченской области — 159247 рабочих дней²⁴⁹. В 1907 г. на ремонте дорог в этих уездах был занят 44121, а в области — 163447 человек, которые в порядке дорожной повинности выполнили работы стоимостью 204308 руб.²⁵⁰

Отбывание дорожной повинности осложнялось местными условиями. Тропинки и грунтовые дороги, проходившие в ущельях между скалистыми горами, часто заносились снегом и галькой. В ремонте нуждались и те почтовые и проселочные дороги, которые пролегали через равнины и долины Киргизии: их размывало поливной и дождевой водой. В этих условиях необходимо было постоянно следить за состоянием горных троп и колесных дорог. Сотни и тысячи людей, вооружившись прimitивными орудиями труда, безвозмездно работали на этих дорогах. Продуктами питания и необходимыми материалами они должны были обеспечивать себя сами. «Население отвлекается, — говорится в статистических материалах, — для сего (на ремонт дорог. — К. У.) массами иногда во время полевых работ»²⁵¹. Отбывая дорожную повинность в очень тяжелых условиях, многие подрывали здоровье, становились калеками, а некоторые умирали.

Нелегко было содержать в исправности и оросительную сеть. В Ферганской области в 1900 г. трудовую повинность на строительстве оросительной сети отбывало 235293 человека, в

²⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 72, л. 184.

²⁴⁷ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Земское хозяйство... СПб., 1910, стр. 130—131.

²⁴⁸ Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. Скобелев, 1916, стр. 91.

²⁴⁹ Обзор Семиреченской области за 1905 г. Верный, 1906, стр. 74.

²⁵⁰ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Земское хозяйство..., стр. 195.

²⁵¹ Обзор Семиреченской области за 1905 г. Верный, 1906, стр. 74.

том числе по Ошскому уезду — 18403. Ими была выполнена работа на 189608 руб. Кроме того, на постройку дамб и других ирригационных сооружений местное население затратило материалов на 48698 руб.²⁵² Через семь лет число людей, отбывавших ирригационную повинность по Ошскому уезду, достигло 23053, а по всей Ферганской области — 286685; они выполнили работы на 272388 руб.²⁵³ В 1913 г. по области были расчищены арыки общей протяженностью 9184 версты, в том числе по Ошскому уезду — 526 верст. Стоимость выполненных работ составила 704990 руб.²⁵⁴

Существовала и так называемая повинность по борьбе с саранчой. В Туркестанском крае она была введена в 1879 г. и «поглощала ежегодно в среднем 1442340 рабочих дней»²⁵⁵. Только в Ферганской области борьба с саранчой ежегодно занимала 229784 рабочих дня. Эта повинность была особенно тяжелой для кочевого и полукочевого населения. Дело в том, что борьба с саранчой и другими вредителями сельского хозяйства велась обычно летом, т. е. в то время, когда кочевники находились на высокогорных пастбищах. Для отправления этой повинности им приходилось оставлять скот и преодолевать труднодоступные перевалы, проходить десятки, иногда сотни километров. Не случайно в материалах ревизионной комиссии, подготовленных под руководством графа К. Палена, указывается: «В орошенные оазисы, для защиты посевов оседлого населения, нередко вызываются кочевники-киргизы... Они шли на работу со слезами в глазах»²⁵⁶. Следует отметить, что число натуральных и денежных повинностей увеличивалось из года в год. Непосильные налоги и повинности приводили трудовое население к разорению и обнищанию. Бедняки-недоимщики нередко вынуждены были обращаться к ростовщикам и к «своим» сородичам-баям с просьбой выручить их. Так они попадали в кабалу к местным феодалам и представителям зарождающейся буржуазии.

Жестокий двойной гнет и, в частности, обременительная налоговая политика царского правительства поставили народные массы в чрезвычайно трудные экономические и политические условия.

²⁵² ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 72, л. 184.

²⁵³ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Земское хозяйство..., стр. 134—135.

²⁵⁴ Статистический обзор Ферганской области за 1913 г..., стр. 90.

²⁵⁵ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Земское хозяйство..., стр. 138.

²⁵⁶ Там же, стр. 142.

Усиление двойного гнета и ухудшение условий жизни трудящихся Киргизии в годы первой империалистической войны

В августе 1914 г. началась первая мировая война. Царское правительство, вступая в войну, рассчитывало на скорую и легкую победу. Однако кратковременные успехи царских войск на фронтах сменились поражением. Геройство и отвага русских солдат не могли изменить положение.

Война уносила миллионы человеческих жизней. Она подрывала экономическую жизнь страны и разрушала производительные силы. Началась хозяйственная разруха. Закрывались заводы и фабрики, а действующим промышленным предприятиям не хватало сырья и рабочих рук. Из-за отсутствия угля и горючего с перебоями работали железные дороги, постепенно был парализован весь транспорт. Резко сократились посевные площади, не хватало хлеба, цены на продовольствие и промышленные товары быстро росли. Война принесла трудящимся голод, разорение. Капиталисты же и помещики наживались на народной нужде и военных поставках.

Резко возросла ненависть народных масс к царскому самодержавию. До пределов обострились социальные противоречия, усилилась классовая борьба русских трудящихся и национально-освободительное движение угнетенных народов России. Война вызывала возмущение, негодование и волнения рабочих и трудовых крестьян. Она ускорила революционный кризис в стране. Началось революционное брожение и среди трудящихся национальных окраин царской России.

В. И. Ленин писал: «Поражение России (в империалистической войне — К. У.) оказалось наименьшим злом, ибо оно двинуло вперед революционный кризис в величайшем масштабе, расшевелило миллионы, десятки и сотни миллионов»²⁵⁷. Он подчеркивал, что «империалистическая война помогала революции, буржуазия вырвала из колоний, из отсталых стран, из заброшенности солдат для участия в этой империалистической войне... Империалистическая война втянула зависимые народы в мировую историю»²⁵⁸.

В годы войны в Киргизии значительно усилился двойной гнет. Произвол и насилие царских чиновников и местной феодальной знати достигли предела. Размер налогов увеличился вдвое. Если в 1913 г. с каждого юртovладельца взималось

²⁵⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 30.

²⁵⁸ Там же, т. 31, стр. 233—234.

4 руб. кибиточной подати, то в 1915 г. — 8 руб.²⁵⁹ В январе 1915 г. царское правительство ввело в Туркестане взамен воинской повинности военный налог, который взимался с коренного населения в размере 21% существующих сборов: государственной оброчной подати, государственного поземельного налога, кибиточной подати, государственных налогов на городское недвижимое имущество и промыслового. Коренное население Киргизии, и без того стонавшее под тяжестью царских поборов и податей, должно было платить военный налог в размере 1 руб. 84 коп. с каждого двора²⁶⁰. Об усилении налогового гнета в годы первой мировой войны свидетельствуют архивные документы.

Коренное население Туркестана, в том числе и Киргизии, должно было нести и натуральную повинность. В годы войны на полях русских солдаток посыпали местных жителей, особенно батраков. Эта натуральная повинность формально считалась добровольной. «Добровольцы»-работники обязаны были выполнять все виды земледельческих работ, начиная от распашки и кончая уборкой и обмолотом урожая. Кое-кто из «добровольцев» откупался, платя хозяине, которой он должен был помогать, от 18 до 35 руб. Солдатки-кулачки жестоко обращались с батраками-киргизами, не считали нужным даже кормить их²⁶¹.

В целях поддержания «моши» царского оружия в стране проводился сбор «пожертвований» на нужды войны. В Киргизии реквизировались лучшие лошади, верблюды, повозки и другие транспортные средства. У коренного населения забирали все, что можно было взять: юрты, кошмы, капы (мешки), арканы (веревки), седла, попоны, уздечки, одежду, шапки, перчатки и т. д. Собирались эти «добровольные» пожертвования в принудительном порядке²⁶². «Пожертвования» на нужды войны становились не чем иным, как открытой колониальной данью государству — метрополии. И эта дань выколачивалась с коренного населения в больших размерах.

В Пишпекском уезде только за последние два месяца 1914 г. было собрано несколько сотен юрт, около 1000 тулупов,

²⁵⁹ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 263/916, д. 153, 1915 г., л. 124.

²⁶⁰ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, собранные Л. В. Лесной, стр. 155; Протокол допроса, произведенного ротмистром Железняковым 4 ноября 1916 г.; А. Зорин. Из истории восстания киргизов и казахов в 1916 г. «Борьба классов», 1932, № 7 (8), стр. 135.

²⁶¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 8; Г. И. Брайдо. Материалы к истории восстания киргизов в 1916 г..., стр. 425.

²⁶² ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 21126, л. 5.

10000 пар байпаков и т. д.²⁶³ В следующем году жители Тынавской, Узунгырской, Старо-Чуйской, Сейкимовской, Дулатовской, Темир-Булатовской и Буранинской волостей по требованию колониальной власти отправили фронтовикам теплую одежду и другие вещи, стоимость которых составила 4814 руб.²⁶⁴ Только за шесть первых месяцев войны из Семиреченской области было вывезено скота и продуктов животноводства на сумму 33 833 000 руб. В целом из Туркестанского края за два с половиной года было отправлено на нужды армии 40 899 044 пуда хлопка, 109 000 пудов хлопкового масла, 50 000 пудов клемешини, 473,923 пуда рыбы, 229 000 пудов мыла, 360 000 пудов мяса, 2 925 000 пудов шерсти, 70 000 лошадей, 12 737 верблюдов, 270 повозок, 13 441 юрта и 38 004 квадратных аршина кошмы²⁶⁵. Лошади, верблюды, скот и животноводческие продукты вывозились главным образом из Киргизии и Казахстана.

Общество Красного креста проводило сбор денежных средств. В 1916 г. население Туркестанского края внесло в кассу Красного креста 2 400 000 руб.²⁶⁶

Следует заметить, что с местного населения собиралось значительно больше «пожертвований», чем указывалось в официальных отчетах должностных лиц. Как показывают архивные документы и другие исторические источники, значительная часть собранных с коренного населения средств оставалась в руках айльных старшин, волостных управителей и царских чиновников²⁶⁷.

В Киргизии, как и во всей стране, тяжелые последствия войны сказывались на каждом шагу. Хозяйство разрушалось, сокращались посевные площади и поголовье скота. Резко снизился урожай хлебов. В табл. 12 приведены данные сбора пшеницы и других зерновых культур на севере Киргизии за 1914 и 1916 гг.²⁶⁸

Сбор хлеба в Пишпекском уезде и Семиреченской области за 1916 г. по сравнению с 1914 г. снизился почти вдвое. На севере Киргизии резко уменьшилось поголовье скота.

²⁶³ Г. И. Брайдо. Указ. работа, стр. 424—425.

²⁶⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 1925, л. 25—27.

²⁶⁵ «Красный архив», 1929, № 34, стр. 54; Д. Меджитов. Восстание 1916 г. в Киргизии. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР. № 1043, л. 2—3; В. Н. Семенков. Указ. работа, стр. 48; «Народное хозяйство Туркестана», 1918, 30 марта, 18 мая; Х. Иноятов. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962, стр. 25.

²⁶⁶ «Красный архив», 1929, № 3 (34), стр. 54.

²⁶⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 33; ф. 19, оп. 1, д. 21176, л. 3; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 15651, л. 7; ЦГИАЛ, ф. 396, оп. 7, д. 764, л. 63.

²⁶⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 31, оп. 3, д. 61, л. 2—3.

Таблица 12

	Год	Урожай пшеницы и других зерновых культур, в пудах
Пишпекский уезд	1914	9074734
	1916	5839815
Пржевальский уезд	1914	4874746
	1916	818891
Семиреченская область	1914	38744585
	1916	21947269

Сильно сократился ввоз товаров, особенно из Центральной России. Не хватало предметов первой необходимости, соли, мыла, сахара, керосина, спичек и др. В связи с этим быстро увеличивалось число спекулянтов. Неудержимо росли цены на товары.

В первые два года войны цены на мануфактуру поднялись на 270%, на обувь — на 300, на хлеб — на 600%²⁶⁹. Уже в феврале 1916 г. сукно, спички, керосин и другие необходимые товары стали в два раза дороже²⁷⁰.

Итак, накануне восстания 1916 г. киргизский народ томился под гнетом «своих» феодалов и царских колонизаторов. Его уделом оставалось бесправие, унижение и нищета. В результате отсутствия элементарных санитарных условий здесь свирепствовали эпидемии оспы, тифа и других болезней; трахома, туберкулез, ревматизм уносили сотни и тысячи человеческих жизней. Тяжелое положение коренного населения усугублялось стихийными бедствиями, такими, как засуха и джунг (гололедица).

В этот период появился царский указ о мобилизации коренного мужского населения Туркестана на военно-тыловые работы. Этот указ был той каплей, которая переполнила чашу народного терпения. Народы Средней Азии и Казахстана перешли к решительным действиям.

Царский указ о мобилизации коренного населения на военно-тыловые работы — одна из причин и повод к восстанию

Затянувшаяся истребительная война требовала все новых пополнений действующей армии. На третьем году войны царское правительство вынуждено было снимать рабочих с фабрик, заводов, железных дорог, даже с промышленных пред-

²⁶⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 33.

²⁷⁰ Там же, оп. 4, д. 1784, л. 4.

приятий, снабжавших армию оружием, боеприпасами, обмундированием и т. п. Но это создавало катастрофическое положение в тылу, парализовало действующую армию, лишая ее всего необходимого для ведения войны. В этих условиях царское правительство обратило свои взоры на народы колониальных окраин, где молодежь еще не привлекалась к отбыванию воинской повинности. Однако царское самодержавие не без основания боялось вооружать угнетенные народы, которые могли повернуть это оружие против него самого. Не случайно вопрос о мобилизации в армию коренных жителей восточных колоний долго обсуждался в высших кругах царской администрации. М. И. Калинин совершенно справедливо подчеркивал: «При царском строе азербайджанцы и народы Средней Азии: туркмены, узбеки, казахи, киргизы и другие — не воевали, их в армию не призывали. Царское правительство не доверяло им и не хотело обучать их военному делу»²⁷¹. Однако в связи с создавшимся положением оно сочло возможным использовать последних на военно-тыловых работах, с тем, чтобы русских рабочих и крестьян направить непосредственно на фронт.

В этих целях 25 июня 1916 г. был издан царский указ о мобилизации мужского коренного населения Поволжья, Восточной Сибири, Туркестана и Казахстана в возрасте от 19 до 43 лет²⁷². В нем говорилось, что «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ привлечь в течение настоящей войны нижепоименованное мужское инородное население империи»²⁷³. Как и следовало ожидать. IV Государственная дума, являвшаяся послушным оружием в руках царского самодержавия, не только полностью поддержала данный указ, но даже настаивала на введении всеобщей повинности в этих колониальных окраинах. Не случайно в выступлениях некоторых ее депутатов говорится: «Государственная дума неоднократно указывала правительству на ненормальность того положения, при котором целые большие категории российских граждан, преимущественно инородцев Средней Азии и Кавказа, не несут воинской повинности.. Государственная дума требовала, чтобы в этой войне и инородцы, на-

²⁷¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1947, стр. 176.

²⁷² Восстание в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. М., 1960, док. № 1 (стр. 25).

²⁷³ Там же.

равне со всеми гражданами русского государства, должны нести тяжелую и почетную повинность — своею грудью защищать благосостояние и целость отечества. Однако оно (правительство. — К. У.) привлекало инородцев не к несению воинской повинности, а только к работам по государственной обороне (тыловым. — К. У.), при которых инородцы ставятся в относительно безопасное положение по сравнению с теми, кто призывается под ружье на фронте, и ни на одного человека не увеличивают количество борцов, свою жизнью защищающих пределы общего отечества»²⁷⁴. Царский указ о наборе рабочих на военно-тыловые работы был издан поспешно. В нем не учитывались местные специфические особенности, условия хозяйственной жизни коренного населения. Царское правительство не задумывалось над тем, как будет определяться возраст призываемых при отсутствии у коренного населения метрических свидетельств и где оно возьмет достаточно большое количество грамотных людей для составления списков за такой короткий срок, какой был установлен указом.

Но несмотря на это, представители колониальной власти поспешили исполнить царское распоряжение. 8 июля 1916 г. исполняющий обязанности туркестанского генерал-губернатора подписал приказ, обязывавший областных военных губернаторов немедленно приступить к мобилизации коренного населения на военно-тыловые работы. Хорошо зная настроение народных масс и не рассчитывая на «патриотическое чувство» местных жителей, а также не надеясь на мирный исход дела, он рекомендовал им «производить военные прогулки по туземным городам и селениям с целью ознакомления с ними... на случай применения карательных и понудительных мер, также для благоприятного воздействия на умы туземцев, не подчиняющихся распоряжениям правительства»²⁷⁵. Военные губернаторы областей в свою очередь направили начальникам уездов строгое распоряжение проводить набор рабочих под страхом применения силы. Так, военный губернатор Семиреченской области в своей телеграмме от 14 июля 1916 г. уездным начальникам писал: «Предъявив волостям число подлежащих наряду рабочих, действуйте через почетных лиц... и задерживайте на военных гауптвахтах сопротивляющихся... Наши киргизы, таранчицы, дунгане и наши сарты не должны рисковать своей судьбой, ибо в случае противодействия беспощадно будут наказаны по законам военного времени»²⁷⁶.

²⁷⁴ ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 5, д. 1069, л. 7.

²⁷⁵ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. док. № 437 (стр. 643—644); ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 46, л. 75.

²⁷⁶ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16602, л. 31—32.

Аналогичен приказ, подписанный военным губернатором Ферганской области и разосланный по уездам.

В начале и середине июля во всех уездах проводились совещания местных должностных лиц, в которых участвовали и влиятельные манапы. На этих совещаниях давались установочные указания, связанные с набором рабочих, намечалось число призывников по волостям и т. п. Как правило, на совещании выступал уездный начальник или участковый пристав, который приказывал волостным управляющим и манапам «немедленно приступить к составлению списков лиц, подлежащих призыву»²⁷⁷. На составление списков обычно давались очень маленькие сроки.

На военно-тыловые работы из Пишпекского и Пржевальского уездов намечалось направить 34042 коренных жителя. Это количество людей распределялось по волостям уездов следующим образом (табл. 13)²⁷⁸:

Таблица 13

1	Число юрт и дворов	Число лиц, подлежащих набору
		3

Пржевальский уезд
Пржевальский участок

Тургейская волость	2338	889
Кенсуйская »	972	372
Бирназарская »	878	339
Курментинская »	1476	566
Кунгей-Аксуйская »	1225	470
Бакачинская »	1078	416
Курткамергенская »	488	191
Семизельская »	1178	451
Улахольская »	1033	248
Джаныбековская »	1080	415
Джамбаевская »	993	381
Торгоевская »	1164	447
Барекоунская »	705	273
Заукинская »	1128	284
Восточно-Джеты-Огузская »	1014	390

²⁷⁷ Там же,

²⁷⁸ Там же, ф. 44, оп. 2, д. 16918, л. 84—86, 112—115.

Продолжение таблицы 13

1	2	3
---	---	---

Западно-Джеты- Огузская	»	1347	516
Селения			
Шамыровское		138	44
Тенизбаевское		48	32
Каменское		62	14
Темировское		407	153
Дархан		103	39
Ак-Кочкор		120	45
Урюкты		130	46
Чиракское		92	35
Высокое		58	23
Маринская волость		515	300
Айл сарт-калмаков		483	225
Всего по участку		21521	9944

Ат-Башинский участок

Шаркратминская волость		1314	504
Он-Арчинская	»	1831	699
Нарынская	»	831	321
Шатеновская	»	801	310
Саяковская	»	1126	434
Чоринская	»	1139	438
Барукчинская	»	730	284
Джуван-Арыкская	»	1224	471
Чаш-Тюбинская	»	1083	417
Чериковская	»	1078	415
Исенгуловская	»	856	330
Аджинская	»	720	278
Мунагельдинская	»	648	248
Ниязбековская	»	534	204
Бугенековская	»	607	233
Всего по участку		7522	5576
Всего по уезду		29043	15520

Пишпекский уезд
Беловодский участок

Джамансартовская волость		741	343
Багышевская	»	477	247
Момоконовская	»	408	186
Кара-Балтинская	»	1320	617
Тулебердинская	»	1206	554
Сокулукская	»	523	242
Джангарачевская	»	576	268
Ново-Чуйская	»	662	309
Старо-Чуйская	»	1195	558
Джеланкузовская	»	1014	474
Сейкимовская	»	1087	515

Продолжение таблицы 13

1	2	3
---	---	---

Дулатовская	»	815	379
Куркурекская	»	674	315
Балхашевская	»	657	354
Село Александровское		448	225
Всего по участку		11954	5622

Пишпекский участок

Гор. Пишпек		280	199
Канаевская волость		924	423
Байтиковская	»	268	124
Кунтуевская	»	976	443
Узунгырская	»	1090	516
Татинская	»	187	89
Каракинская	»	1202	557
Иссык-Атинская	»	1006	463
Ботлаевская	»	382	179
Кыбраевская	»	522	245
Калгутенская	»	1059	472
Восточно-Ргайтин- ская	»	585	276
Чумичевская	»	776	365
Всего по участку		9217	4351

Токмакский участок

Гор. Токмак		303	215
Село Николаевское		953	540
Шамсинская волость		1443	677
Буранинская	»	342	159
Нурмамбетовская (б. Бу- лекпаевская)	»	1043	480
Байсентовская	»	405	190
Тынаевская	»	1756	813
Джанышевская	»	688	327
Кара-Булакская	»	534	249
Атекинская	»	973	458
Сарбагышевская	»	1546	728
Кочкорская	»	1121	523
Джумгальская	»	902	424
Курманждинская	»	996	458
Темир-Булатовская	»	1201	569
Абайльдинская	»	940	438
Кара-Кечинская	»	1026	478
Сусамырская	»	746	343
Качкинская	»	595	282
Черакчинская	»	415	198
Всего по участку		17388	8549
Всего по уезду		38559	18522
Итого по двум уездам		67602	34042

Как показывает табл. 13, каждые две семьи были обязаны послать одного человека, причем снабдить его всем необходимым для прохождения службы в рядах трудовой армии.

Указ царского правительства о мобилизации вызвал такую реакцию корсунского населения, что колониальные власти забеспокоились. Вообще очень скоро выяснилась нереальность и нежизненность «высочайшего повеления». Не случайно уже через несколько дней после того, как стало известно об указе, высокопоставленные чины ходатайствовали перед вершителями судьбы страны о перенесении срока мобилизации на более позднее время, об изменении порядка и условий набора рабочих на военно- тыловые работы, а также уточнении числа призываемых. Это предложение нашло поддержку в верхах, ибо царское правительство в столь критический для него момент не хотело осложнять политическое положение в глубоком тылу. Оно опасалось выступления угнетенных народов против колониального гнезда и поэтому вынуждено было сделать коренному населению, особенно зажиточной его части, ряд уступок в наборе рабочих на тыловые работы.

В конце июля 1916 г. император дал согласие военному министру «предоставить (туркестанскому генерал-губернатору — К. У.) право при осуществлении в Туркестанском военном округе высочайшего повеления 25 июня 1916 г. определять порядок и сроки привлечения инородского населения к работам в районе действующей армии, допуская для некоторых местностей по своему усмотрению как полное освобождение от привлечения, так и замену его, где это по местным условиям признано будет необходимым, денежными взносами инородцев, либо добровольным поступлением их на военную службу»²⁷⁹.

В приказе туркестанского генерал-губернатора от 23 августа 1916 г. были изменены сроки, условия и порядок мобилизации, определено число людей, подлежащих набору, и предоставлены льготы местным феодалам. Согласно данному приказу, «реквизиция» (мобилизация людей в трудовую армию) была отложена до 15 сентября²⁸⁰. Всего по Туркестанскому краю намечалось набрать 200470 рабочих, в том числе по Семиреченской области — 43000 (вместо 60000)²⁸¹ и по Ферганской — 51233²⁸².

Приказ преследовал цель «освободить для службы (в действующей армии — К. У.) нижних чинов, а также рабочих,

еще не призванных в войска, но на которых воинская повинность распространена»²⁸³. Этую цель намечалось достичь путем «реквизиции».

Мобилизованным предстояло охранять железнодорожные линии, строить и ремонтировать прифронтовые дороги, укрепления, заготавливать лес, дрова, корм для скота, работать на промышленных предприятиях, пасти казенный скот и т. п. Подлежащим набору царское правительство обещало платить по полтора рубля в день со дня отправки в трудовую армию. Однако они обязаны были обеспечить себя всем необходимым, «запастись за свой счет теплой одеждой и обувью»²⁸⁴. Правда, не имевшим средств на приобретение одежды, обуви и других необходимых вещей обещали выдать аванс в размере до 30 руб. в счет заработной платы.

Как видно из изложенного, царское правительство пошло на некоторые уступки коренным жителям Туркестана, «чтобы не подливать масла в огонь»²⁸⁵. Однако «высочайшее повеление» не было отменено. Вопрос о мобилизации коренного населения в трудовую армию по-прежнему стоял на повестке дня. Над тысячами бедных, маломощных семей нависла угроза потерять единственного кормильца. В приказе туркестанского генерал-губернатора от 23 августа по существу предоставились льготы лишь баям, манапам и другим местным эксплуататорам.

Говоря о социальной сущности царского указа, следует прежде всего отметить его ярко выраженный классовый характер. Нельзя считать случайным освобождение от мобилизации волостных управителей, айльных и сельских старшин, джигитов, мулл, «почетных граждан» и др. Имущим разрешалось посыпать кого-либо в трудовую армию вместо себя²⁸⁶. Словом, основная тяжесть воинской повинности легла на плечи трудящихся.

Мобилизация населения на военно- тыловые работы в какой-то мере затрагивала интересы и местных эксплуататоров. Во-первых, не все феодалы освобождались от воинской повинности; определенной их части пришлось тратить средства на найм людей для отправки их в трудовую армию вместо себя или своих сыновей. Во-вторых, бая, манапы, ростовщики и другие местные эксплуататоры лишились дешевых рабочих рук, а

²⁷⁹ Там же, л. 1.

²⁸⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 25, д. 171, л. 1.

²⁸¹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16918, л. 159.

²⁸² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 25, д. 171, л. 3—4; ЦГВИА, ф. 400, 1916, оп. 263/916, д. 42, ч. III, л. 19; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 31 (стр. 52—54); ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 3, д. 549, л. 294, 576—578.

в ряде случаев терпели убытки и из-за того, что призывались задолжавшие им бедняки. Но при всем этом мероприятия царского правительства, связанные с набором рабочих, особенно не ущемляли основные интересы местных феодалов и не могли поднять последних на освободительную борьбу против колонизаторов.

Большая часть местных угнетателей с готовностью предложила свои услуги царскому правительству. В обращении военного губернатора Семиреченской области от 5 июля 1916 г. говорится: «Те киргизские, таранчинские и другие волостные управители, которым я лично объявил 1 июля волю монарха, приняли мое приказание молодцами и, обсудив подробности предстоящего набора, восхлинули в честь обожаемого монарха такое громкое и дружное «ура», что зазвенели стекла в окнах губернаторского дома, где я с ними беседовал». Волостные управители, среди которых были и представители киргизской феодальной знати, заявили военному губернатору, что «мусульмане с богом, дружно, как один человек, хотя и с лопатою в руках — поедем в Россию на помощь солдатам, одолевать врага»²⁸⁷.

По свидетельству Ибрая Туманова и других очевидцев восстания, в начале июля по вызову уездного начальника в Пржевальск съехались волостные управители и крупные манапы Иссык-Кульской котловины. После оглашения «высочайшего повеления» перед собравшимися выступили крупные манапы, такие, как Чои Кыдыр, Батыркан, Талкайбай Исакаалы, Сооронбек, Сарыбай, Кыдыр и Байгазы. Они с жаром говорили о необходимости помочь действующей армии, идти в трудовую армию, призывать народ быть покорным слугой «белого царя»²⁸⁸.

Крупные манапы Пишпекского уезда Чолпонкул, Сулайман, Рысбек, Ашыр, Джантай, Альмбек, Абдулла, Айылчи и другие официально заявили, что якобы «все киргизское население охотно готово выполнить свой долг перед родиной»²⁸⁹. В показании дунганского волостного управителя Булара Могуева от 27 июля 1916 г. подчеркивается, что волостные управители Токмакского участка Пишпекского уезда высушали «высочайшее повеление все стоя и прокричали «ура». Никто, ни я, не возражали против распоряжения о призывае»²⁹⁰. Не возражали волостные управители и других участков. Кстати, не только

²⁸⁷ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16928, л. 27.

²⁸⁸ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1491, л. 4; инв. № 1519.

²⁸⁹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16928, л. 106—108.

²⁹⁰ Там же, ф. 77, оп. 1, д. 25, л. 101.

местные должностные лица, но и большинство киргизских феодалов, а также дунганские, узбекские, уйгурские эксплуататоры, проживавшие в Киргизии, поддерживали «высочайшее повеление»²⁹¹.

Еще задолго до появления указа некоторые манапы изъявили желание служить в рядах действующей армии. Так, в октябре 1914 г. управитель Абаильдинской волости сын крупнейшего манапа Каната Абукина Карапбай, собрав отряд из 25 джигитов, обратился к колониальным властям с просьбой отправить его во главе отряда на фронт. По словам военного губернатора Семиреченской области, добровольцы выразили «готовность положить свою жизнь за обожаемого царя». Они заявили, что «сумеют оправдать высочайшее доверие и не посрамят родного Семиречья»²⁹². Такой «патриотический порыв» представителей феодальной знати не был подхвачен рядовыми киргизами. Наоборот, он вызвал возмущение местных тружеников. Царское самодержавие, имевшее в начале войны некоторые людские резервы, не поддержало инициативу этих воинственно настроенных киргизских феодалов, опасаясь недовольства местного населения. Генерал-губернатор Туркестанского края ответил Карапбай, что «солдаты, не знающие русского языка, на войне не нужны»²⁹³. Однако такой пренебрежительный ответ не охладил пыла манапа, всячески заносчивавшего перед колониальными властями. Карапбай и его отец внесли 1000 руб. в пользу лазарета имени туркестанского генерал-губернатора. Все это в известной степени способствовало усилению доверия и симпатий царского правительства к местным феодалам.

Царское самодержавие, собираясь проводить рискованное мероприятие, связанное с насильственным набором людей на военно-тыловые работы, как всегда, рассчитывало на местную феодальную знать и зарождавшиеся элементы национальной буржуазии. В обращении военного губернатора Семиреченской области говорится: «Весь этот набор рабочих должен произойти в полном спокойствии и порядке. Волостным управителям предлагаю помнить, что государь император возлагает на них всю ответственность за успешность набора. Аульные старшины, пятидесятники, а также все почетные лица, в особенности муллы, должны не щадя сил помогать волостным управителям в выполнении этой задачи»²⁹⁴. Возлагая обязанности по набору

²⁹¹ Там же, ф. 76, оп. 1, д. 2140-а, л. 373—374.

²⁹² ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 1, д. 4394, л. 3.

²⁹³ Там же, ф. 76, оп. 1, д. 565, л. 63.

²⁹⁴ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 23 (стр. 44).

рабочих на местных феодалов, в частности на должностных лиц, царская власть рассчитывала на то, что первый удар возмущившихся людей будет направлен против тех, кто непосредственно займется набором рабочих: волостных управителей, аильных и сельских старшин, за спиной которых стояли участковые приставы, уездные начальники и другие царские чиновники. Вся ответственность за проведение мобилизации лежала на местной администрации²⁹⁵.

Для оказания содействия и помощи местной администрации в волостях, участках, уездах и городах создавались комитеты по набору рабочих. Их члены избирались волостным съездом пятидесятников из местных эксплуататоров. Эти комитеты должны были заниматься делами по мобилизации коренного населения, в частности заботиться о снаряжении и отправлении призывников, об установлении связи между рабочими-тыловиками и их семьями и т. п.²⁹⁶ Были также организованы областные комитеты по освобождению от набора. Во главе их стояли военные губернаторы, а членами являлись начальники уездов, советники областного правления, представители военного министерства и министерства земледелия. Деятельность этих комитетов в основном сводилась к рассмотрению ходатайств и заявлений, поступавших от различных учреждений, организаций, обществ и частных лиц об освобождении от наряда на военно-тыловые работы²⁹⁷. Однако по существу их функции выполняла местная администрация. Она же могла освобождать тех или иных людей от воинской повинности.

«Порядок организации рабочих партий», разработанный и предложенный колониальными властями, на первый взгляд носил «демократический» характер. Согласно ему аильные и сельские общества должны были решать (путем обсуждения на сходе и принятия приговоров), кого направить на военно-тыловые работы и кого освободить от них²⁹⁸. В действительности вопрос о наборе рабочих не рассматривался аильными и сельскими сходами. Как правило, он решался лишь должностными лицами, что способствовало процветанию взяточничества. Появились новые возможности для усиления произвола и насилий должностных лиц над коренным населением. В связи

²⁹⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 25, д. 171, л. 2.

²⁹⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 25, д. 171, л. 2—3; «Туркестанский голос», 1916, 1 сентября; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 32 (стр. 54).

²⁹⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 25, д. 171, л. 3; ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 263/916, д. 42, л. 19; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 31 (стр. 52).

²⁹⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 25, д. 171, л. 2.

с этим даже туркестанский генерал-губернатор проявил некоторую озабоченность. В приказе за его подписью от 19 сентября 1916 г. говорится: «Из личного ознакомления во время моих поездок с положением дел по наряду на работу туземцев в областях... выяснилось весьма большое число злоупотреблений лиц туземной администрации... Волостные управители, сельские старшины и действующие по их указаниям пятидесятники... позволили себе вымогать с населения взятки и прибегать в некоторых случаях к насильственным мерам воздействия вплоть до арестов отдельных туземцев, не пожелавших подносить им требуемую сумму, собираемую без всякого контроля и ведения чинов администрации»²⁹⁹. Аналогичные сведения содержатся и в других документах³⁰⁰, рассказывающих о резком усилении взяточничества и вымогательства во время набора на военно-тыловые работы.

Составление списков, призываемых в трудовую армию, царское правительство поручило волостным управителям, аильным и сельским старшинам. При отсутствии метрических свидетельств, паспортов, книг записи о рождении и строгого учета численности населения возраст призываемых определялся местной администрацией произвольно. А это создавало большие возможности для взяточников и вымогателей. Составители списков за взятки уменьшали или увеличивали возраст призываемых: байских сыновей они выдавали за подростков, а нередко за глубоких стариков, и наоборот, подростков из семей бедняков они вносили в списки как вполне взрослых, а стариков — как молодых. Один из представителей колониальных властей в своем публичном выступлении отмечал: «Ведь вы имеите в виду, что посемейных списков там (в Туркестанском крае. — К. У.) нет, воинская повинность в Туркестане не ведется и поэтому установить, кому 19, а кому 18, кому 33, а кому 43, кому 53 или 45, или 30, кому 48, невозможно. Это нужно было делать на взгляд. Вы понимаете, что значит, когда вся местная администрация начала по взгляду представлять, кому сколько лет? Сколько они получали в карманы от этого определения и как пострадало местное население, которое старалось тщетно доказать, что этому 60-летнему старику, которого я сам видел, на самом деле по списку оказывалось 30 лет потому, что он не мог заплатить 300 руб., а мальчишке в 25—30 лет оказывалось 50,

²⁹⁹ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 34 (стр. 55).

³⁰⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 151, 161; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16920, л. 140—146; д. 16927, л. 28—29; д. 16921, л. 25; д. 72, л. 169.

потому что он богатый человек»³⁰¹. Положение народных масс осложнялось еще и тем, что совершенно отсутствовала медицинская комиссия, которая бы осматривала людей, подлежащих набору, устанавливала их возраст и определяла состояние здоровья, а значит пригодность или непригодность для прохождения службы в трудовой армии.

По словам туркестанского генерал-губернатора, жалобы на составителей списков призывников поступали «со всех сторон»³⁰². Однако они оставались без внимания. Поэтому взяточники и вымогатели все больше наглея и в открытую обирали бедняков. Помощник начальника Туркестанского охранного отделения в секретном рапорте от 20 июля 1916 г. отмечает, что «чины сельской администрации, привыкшие в обычное время брать взятки, и в настоящее время не прекращают подобную деятельность»³⁰³. Общую сумму взяток, которую получили местные должностные лица «с призывающихся, нельзя измерить иначе, как миллионами рублей»³⁰⁴. Только старшина Араванской волости Кокандского уезда взял у коренного населения около 2 тыс. руб.³⁰⁵ От него не отставали и другие местные должностные лица, превратившие призывающие списки в источник наживы.

Таким образом, вся тяжесть мобилизации в трудовую армию легла на плечи трудового народа. Тот факт, что сыновья богатеев, не скупившихся на взятки, оставались дома, а бедняки должны были идти на военно-тыловые работы, не мог не усилить ненависть трудящихся к местным и царским эксплуататорам. Туркестанский генерал-губернатор признает, что должностные лица «занимались вымогательством, откупная система возбудила вражду между богачами и бедняками, почему начались волнения»³⁰⁶.

Мобилизация в трудовую армию крайне неблагоприятно отразилась на состоянии сельского хозяйства. Набор намечалось провести в период сенокоса, накануне жатвы хлеба чхлопкоуборочной кампании, когда батраки могли кое-что заработать, чтобы прокормить семьи. Уход из села многих людей в горячую летнюю пору привел бы к гибели годового уро-

³⁰¹ Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сб. документов. Ташкент, 1932, стр. 114.

³⁰² Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный архив», 1929, № 3 (34), стр. 51.

³⁰³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 161.

³⁰⁴ Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный архив», 1929, № 3 (34), стр. 51.

³⁰⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 161.

³⁰⁶ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 72, л. 169.

жая, значительной части скота и тем самым нанес бы коренному населению большой ущерб.

По расчетам А. Г. Зимы, сбор и отправка каждого мобилизованного на военно-тыловые работы обходились в среднем в 400 руб.³⁰⁷ Если учесть, что в трудовую армию должны были ехать в основном бедняки, то становится очевидным критическое положение мобилизуемых.

Недовольство народных масс набором рабочих обусловливалось также и тем, что царское правительство нарушило обещание, данное народам Средней Азии и Казахстана в период их присоединения к России, об освобождении от воинской повинности. Положение усугублялось и тем, что у народов Туркестана и Казахстана сложилось не совсем правильное представление о военно-тыловых работах. Широко распространился слух о том, что людей берут не на работу, а в солдаты³⁰⁸. Почти никто не верил, что набор идет на военно-тыловые работы. Кстати, сама царская власть своими противоречивыми распоряжениями и игнорированием разъяснительной работы способствовала появлению у населения неверного представления о службе в трудовой армии. Говорили, что если мобилизованные и будут выполнять обязанности рабочих, их заставят рыть окопы под огнем неприятеля. Такие слухи зачастую распространяли некоторые царские чиновники и кулаки-переселенцы, пытавшиеся спровоцировать коренное население на выступление, чтобы затем предъявить ему политическое обвинение и изъять его земли в свою пользу. Этого не мог скрыть военный губернатор Семиреченской области. В его телеграмме от 9 августа 1916 г. говорится: «Имею, однако, сведения, к великому прискорбию, что были и злостные провокаторы, полагавшие, что бунт киргизов принесет выгоды русским, как при подавлении мятежа, так и после возможной конфискации земель. Один подобный провокатор мною даже арестован»³⁰⁹.

В Пржевальском уезде кулаки-переселенцы убеждали местных жителей в том, что «начальство их обманывает и что посыпают их на фронт для того, чтобы их там перебить»³¹⁰. А некоторые полицейские описывали киргизам предстоящие военно-тыловые работы следующим образом: «Вот, дескать, лежат в окопах «наши», а через поле немцы. Друг

³⁰⁷ А. Г. Зима. Указ. работа, стр. 91.

³⁰⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 8—9.

³⁰⁹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16921, л. 25.

³¹⁰ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 265 (стр. 396).

в друга стреляют, а вы между ними должны рыть канавы»³¹¹.

Провокационные действия отдельных реакционно настроенных лиц хотя и не могли оказать существенного влияния на политическое настроение трудового населения, но все же способствовали усилению общего недовольства набором рабочих.

Можно полагать, что возмущение коренного населения вызывал и сам термин «реквизиция», применяемый царским правительством вместо слова «мобилизация». Дело в том, что в нем нашло свое выражение то оскорбительное отношение правящих кругов к «инородцам», которое усиленно культивировалось царским правительством. На это не могли не реагировать народы Средней Азии, особенно их передовые представители.

Наконец, недовольство коренного населения «высочайшим повелением» объясняется тем, что трудящиеся киргизы не желали быть солдатами царской армии, рисковать жизнью ради своих поработителей. Народы национальных окраин не хотели принимать участия в грабительской войне и проливать кровь за царское самодержавие — душителя и палача трудящихся масс. Именно в этом можно видеть одну из существенных причин отказа коренного населения от мобилизации на военно- тыловые работы.

Как отмечалось, царский указ от 25 июня 1916 г. о наборе рабочих явился той каплей, которая переполнила чашу народного терпения и послужила толчком к восстанию 1916 г. в Киргизии. Однако причины этого восстания³¹² обусловливались глубокими социально-экономическими факторами и крепились в двойном гнете, жестокой колониальной политике царизма.

³¹¹ Г. И. Бродо. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г... «Новый Восток», 1924, № 6, стр. 425.

³¹² А. Керенский причины восстания 1916 г. видел только в царском указе от 25 июня 1916 г. Выступая на заседании IV Государственной думы, он заявил: «Каждый, кто знает историю событий в Туркестане, должен категорически признать, что никаких других причин, кроме самого указа и формы и способа его исполнения на месте, не было» (Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сб. документов. Ташкент, 1932, стр. 115). В свете приведенных выше фактических данных несостоительность и ошибочность такого утверждения совершенно очевидна и не нуждается в доказательствах. Подобное утверждение преследует цель оправдать колониальную политику царизма.

ВОССТАНИЕ 1916 г. В КИРГИЗИИ И ЕГО ХАРАКТЕР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ХОД И ПОРАЖЕНИЕ ВОССТАНИЯ

Движение народных масс на юге Киргизии

Как известно, восстание 1916 г. охватило Среднюю Азию, Казахстан и некоторые другие национальные окраины. В нем принимали активное участие узбеки, таджики, туркмены, казахи, киргизы, каракалпаки и другие народности. Нередко они сражались плечом к плечу. В бывшей Ферганской области совместным было выступление узбеков и киргизов¹, что объясняется не только единством их политической и социальной цели, общностью судьбы, но и тем, что они были объединены административно. Узбеки и киргизы входили в состав всех пяти уездов области, и все официальные мероприятия по осуществлению царского указа от 25 июня о наборе рабочих оказывали на них одинаковое воздействие. Поэтому, не пытаясь искусственно разделить совместные выступления узбеков и киргизов по национальному признаку, остановимся на них в хронологической последовательности и по уездам.

В начале июля возмущение трудовых масс, вызванное набором рабочих, вылилось в открытое выступление, выразившее

¹ Б. Аминов (род. 1885 г.) из местности Базар-Курган Андижанского уезда, С. Доолоталиев (род. 1888 г.) из Джанги-Джола Наманганского уезда и другие старожилы Ферганской долины рассказывают о совместном выступлении киргизов и узбеков в Наманганском, Андижанском, Скобелевском, Ошском и Кокандском уездах (Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(6), л. 24—25; инв. № 1519(7), л. 20, 21 и 23—69). Об этом же говорится в прошении Иманкула Исабиева из Ошского уезда от 20 декабря 1916 г. (ЦГА Узб. ССР, ф. I, оп. 31, д. 1094, л. 279—283), рапорте Избаскентского участкового пристава от 14 июля 1916 г. (ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 2, д. 149, л. 68—69) и многих других архивных документах.

шееся в неповиновении местным властям и царским колонизаторам, активном сопротивлении правительенным меро-приятиям по осуществлению царского указа о мобилизации на военно-тыловые работы, уничтожении посемейных списков, избиении и убийстве волостных управителей, старшин и других должностных лиц, столкновении коренного населения с представителями колониальной власти и карательными отрядами, откочевках в труднодоступные районы и т. п.

Сигналом к восстанию 1916 г. в Туркестане послужило выступление трудящихся г. Ходжента. 4 июля 1916 г. возбужденные городские низы, среди которых было немало женщин, подошли к дому участкового пристава. Они потребовали отложить мобилизацию до окончания полевых работ и разъяснить им правила набора рабочих. Не получив ответа на свои требования, участники выступления перешли к решительным действиям. Они начали теснить полицию и бросать в нее камни. Полиция вынуждена была отступить, восставшие же преследовали ее до самых ворот крепости, где столкнулись с вооруженными часовыми, преградившими им дорогу. Толпа набросилась на часовых и полицейских, пытаясь силой завладеть их оружием. По безоружным восставшим был открыт огонь. Два человека было убито и 30 ранено². Это ожесточило коренное население. Трудящиеся Ходжента твердо решили: «Ни под каким предлогом не давать рабочих, лучше всем умереть на родной земле»³.

Слух о смелом выступлении и решении жителей Ходжента быстро разнесся по всему Туркестанскому краю. Он достиг Ферганской долины.

Первыми в Ферганской области выступили трудящиеся г. Андижана. Поводом к выступлению, как и в Ходженте, послужило «высочайшее повеление» о мобилизации в трудовую армию⁴. 9 июля начальник Андижанского уезда огласил царский указ о наборе рабочих и призвал горожан поддержать его. Однако в толпе собравшихся раздались голоса: «Не пойдем на работы!». Опасаясь гнева участников манифестации, уездный начальник бежал. Его преследовало около 500 человек. Но вскоре прибыл карательный отряд, посланный на помочь уездному начальнику. Не решаясь применить военную силу против участников выступления, число которых все уве-

² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 124.

³ Там же, л. 162.

⁴ Как отмечает начальник уезда, местные должностные лица уверяли, что выступление в Андижане 9 июля возникло под влиянием выступления в Ходженте 4 июля (ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 15).

личивалось, уездный начальник стал призывать к благоразумию, спокойствию, предлагал им разойтись. Однако народ заявил, что «готов жертвовать всем состоянием на нужды войны, но от помохи людьми в каком-либо виде категорически отказывается». Участники выступления требовали, чтобы уездный начальник дал расписку в том, что распоряжение о наборе рабочих будет отменено. В противном случае восставшие грозили «сейчас же перерезать всех пятидесятиков и должностных лиц и разгромить их имущество»⁵. По указанию уездного начальника карательный отряд пытался разогнать толпу, но безуспешно. Восставшие кидали в полицию и казаков камни, кетмени, палки. С криком «Бей их!» они набросились на уездного начальника и окружавших его царских чиновников. В результате столкновения были жертвы как среди карателей, так и среди восставших. Повстанцами, в частности, был убит сын волостного управителя, который «пытался уговорами успокоить толпу и не допустить до учинения беспорядков»⁶. Выступление было подавлено. Однако волнение народных масс продолжало усиливаться. Не случайно уездный начальник подписал приказ, в котором говорилось, что в уезде «необходимо усилить местный гарнизон казачьими частями»⁷.

По рассказам старожилов Айдыралы Рассакова (родж. 1868 г.) и Алматая Якубова (родж. 1869 г.) часть восставших, особенно киргизы, после подавления выступления вынуждена была скрываться в горах. Многие молодые люди призывающего возраста покинули родные айлы и кыщтаки. Находя убежища в горах, они собирались в группы и совершали неожиданные налеты на волостных управителей и старшин, грабили их имущество, уводили скот, принадлежавший должностным лицам⁸.

Восстание быстрошилось. Во второй и третьей декадах июля вся Ферганская долина была охвачена восстанием. 10 июля выступили жители Алтын-Кульской волости Андижанского уезда. Они до смерти избили волостного управителя и двух его джигитов. Вечером следующего дня в десяти верстах от Андижана были обнаружены тела нескольких джигитов и волостного управителя, также убитых повстанцами⁹. 11 июля восстали жители Базар-Курганской волости. Их гнев, как и всюду, был направлен против местных должностных лиц. По-

⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 2, д. 149, л. 1—2.

⁶ Там же, ф. 1 оп. 31, д. 1132, л. 148—149.

⁷ Там же, л. 15.

⁸ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(3), л. 25—40.

⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 11, 12, 14, 48.

встанцы разгромили дом старшины кыштака Чаяма, сожгли его векселя и другие бумаги, перебили посуду и попортили вещи, а самого старшину задушили. Восставшие нападали и на царских чиновников, занимавшихся описью хозяйства и скота населения Базар-Курганской волости¹⁰. Колониальные власти вынуждены были приостановить опись. Начальник Андиканского уезда, опасаясь усиления восстания, обратился за помощью к высокопоставленным должностным лицам. В его телеграмме командующему войсками Туркестанского края от 11 июля 1916 г. говорится: «Ввиду разбросанности кишлаков уезда прошу командировать по меньшей мере сотню казаков»¹¹. Число карателей было значительно увеличено, однако усмирить восставших им не удалось.

12 июля выступило население Балыкчинской волости Андиканского уезда. Повстанцы убили пятидесятиника кыштака Халмурад-Курган и избили джигита волостного управителя. В тот же день поднялось и население Нарынской волости, где сельскому старшине едва удалось спастись от преследовавшей его толпы. 12 июля жители кыштака Бек-Абад Ярбашинской волости напали на сельского старшину, однако ему удалось скрыться. На следующий день восстали трудящиеся узбеки и киргизы Султан-Абадского участка Джад-Кудукской волости. Они убили старшину Кызыл-Аякско-го сельского общества и его писаря. Сюда был направлен карательный отряд, который открыл огонь по безоружной толпе. Троекуровцы были убиты и 31 попал в руки карателей. Одновременно с балыкчинцами выступили жители Алтын-Кульской волости, которые хотели убить сельского старшину, но не найдя его, разгромили его дом. Большая группа восставших из кыштака Мир-Абад Алтын-Кульской волости «требовала от туземной администрации выдачи списков рабочих, обвиняя последнюю в предательстве и угрожая разгромом». Так же поступили жители кыштака Кутарма Джад-Кудукской волости. Колониальные власти жестоко наказали население Избаскентского участка Нарынской волости за попытку убить местного сельского старшину. 13 и 14 июля жители Массанской, Майсырской и других волостей напали на местных должностных лиц, уничтожили их дома и имущество. Восставшие жители кыштака Ходжа-Абад «предъявили старшинам требование о выдаче составляемых посемейных списков»¹². Получив отказ, повстанцы напали на должностных

¹⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 58—59.

¹¹ Там же, л. 14.

¹² Там же, л. 151.

джигитов и избили их. Они отобрали и уничтожили списки призывающихся. Сельские старшины, боясь народного мщения, бежали¹³. Подобные волнения имели место в кыштаке Урманбек. Старшина этого кыштака бежал. Его преследовали восставшие бедняки.

По рассказам многих старожилов, восстанием были охвачены Сузак и другие горные районы Андиканского уезда, населенные киргизами. Рядовые скотоводы этих кочевых и полукочевых районов избивали и убивали волостных управителей и аильных старшин, отбирали и уничтожали посемейные списки, нападали на представителей царского правительства. Нередко семьи бедняков, особенно те, в которых были призывающие в трудовую армию, откочевывали в отдаленные районы Тянь-Шаня¹⁴.

Не менее бурными были волнения узбекского и киргизского трудового населения Кокандского уезда. 8 июля выступили жители кыштака Найман. Поводом к выступлению, как и всюду, послужил царский указ о мобилизации в трудовую армию. На следующий день восстали трудящиеся Араванской волости. У канцелярии волостного управления в кыштаке Газы-Яглык рано утром собралась толпа, в которой было немало женщин и детей. В канцелярии находились волостной управитель, его писарь, джигиты и сельский старшина. Восставшие обвинили волостного управителя в том, что он переписывает все мужское население и по его вине всех призовут в действующую армию. Толпа потребовала выдать ей эти списки. Волостной управитель вынужден был передать списки призывающихся в руки восставших, которые, однако, этим не удовлетворились. Они потребовали от волостного управителя заверить эти списки своей подписью и печатью, чтобы они стали документом, гарантирующим их детям освобождение от воинской повинности. Получив отказ волостного управителя, толпа набросилась на него и окружавших его людей. В результате столкновения волостной управитель, его писарь и джигиты были убиты, а списки уничтожены. Но сельскому старшине и некоторым другим должностным лицам удалось спастись. Как указывается в архивном документе, датированном 25 июля 1916 г., «убийство араванского волостного управителя произошло ввиду сильных поборов, чинимых последним»¹⁵.

¹³ Там же, л. 48, 147—149, 172—173.

¹⁴ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(7), л. 1—69.

¹⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 95.

Против восставших был направлен карательный отряд из 25 вооруженных солдат и нескольких полицейских, которым удалось сломить сопротивление араванцев и взять под арест 316 человек, в том числе 29 несовершеннолетних¹⁶.

В ночь с 9 на 10 июля выступили жители Яны-Курганской волости Кокандского уезда. Восставшие разграбили имущество сельского старшины, подожгли его дом. Они разыскали посемейные списки и разорвали их в клочья. 11 июля поднялось население Ганджирванской волости. Повстанцы окружили канцелярию волостного управления и потребовали выдать списки призывающихся, однако волостной управитель сумел уйти через черный ход. Ожесточившиеся повстанцы принялись громить его дом. Прибывшему карательному отряду из 42 человек восставшие твердо заявили: «Мы вас не признаем и никого не дадим на военную службу». Начальник Кокандского уезда, возглавлявший карательный отряд, сначала решил уговорить восставших. Он обратился к толпе со словами: «Садитесь, выслушайте меня». В ответ восставшие гневно заявили: «Мы тебя не признаем, убьем всех вас и никого не дадим»¹⁷. Некоторые из них, вооружившись палками, смело напали на карателей, однако победу одержать не смогли и потеряли много людей, 134 человека было арестовано.

12 июля население кыштака Рыштан выгнало качкирского участкового пристава, прибывшего сюда с целью оказать содействие местной администрации в наборе людей на военно-тыловые работы. Организаторами волнения были молодые люди призывного возраста, которые «стали кричать и подстрекать народ к неповиновению властям». Население кыштака «стала наступать на пристава»¹⁸. Пристав бежал. На следующий день большая группа бедняков Кудашевской волости «окружила дом волостного управителя с целью убить последнего»¹⁹, однако волостной управитель сумел бежать и нашел убежище у начальника Кокандского уезда. Его дом был разгромлен. Участники выступления избили также двух пятидесятников, но и это выступление не увенчалось успехом; 18 его участников было взято под стражу.

Восстание вспыхнуло и в Скобелевском (бывшем Маргеланском) уезде. «В общем население высказывает неповиновение и нежелание выполнить высочайшее повеление о призы-

ве в рабочие команды»²⁰, — говорится в секретном рапорте начальника уезда, адресованном туркестанскому генерал-губернатору.

10 июля выступили трудящиеся Старого Маргелана. Они заполнили «урду» — центральную площадь города — и все прилегающие к ней улицы. Их число достигало 20—25 тыс. человек. Среди них было немало женщин. Еще до прибытия царских чиновников собравшиеся стали «изъявлять свое недовольство по поводу призыва в рабочие команды и кричать, что они рабочих не дадут»²¹. Вскоре явились представители колониальных властей, которые объявили о предстоящей мобилизации в трудовую армию. Это вызвало гнев и возмущение присутствовавших. В толпе раздавались крики: «Не дадим», «Бей их!». Вот что пишет по этому поводу полицмейстер Маргелана в своем рапорте от 10 июля 1916 г.: «Никакими способами нельзя было успокоить толпу, и она не дала мне возможности произнести ни одного слова, продолжая неистово кричать и размахивать руками. Так длилось минут десять, когда толпа стала обтекать меня кругом, подломив подо мною помост; в то же время я получил несколько ударов в спину и бока. С обнаженным револьвером мне удалось прорваться через кольцо толпы и выйти через заднюю стену чайханы. Там я вскочил на лошадь и бросился в объезд базара»²² по направлению к уездному управлению. После бегства полицмейстера один из четырех городских аксакалов пытался успокоить собравшихся, но восставшие «стали наступать на него, бросая палками и камнями»²³. Он был буквально смят восставшими. Участники выступления убили еще одного аксакала, старшего городового и трех полицейских. Затем они разошлись. Многие из них скрылись в узбекских кишлаках и киргизских аплах. К прибытию карательного отряда, состоявшего из сотни казаков, городская площадь, еще недавно заполненная народом, была пуста. В первый же день было арестовано 63 человека.

На следующий день восстание началось в Файзабадской волости Скобелевского уезда. Во дворе мечети повстанцы зарезали местного казия. Они пытались «расправиться и с волостным управителем»²⁴, но тот спасся бегством и вскоре привел карательный отряд. Участники выступления оказали

¹⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 2, д. 146, л. 13—14.

¹⁷ Там же, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 52.

¹⁸ Там же, л. 152.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, л. 155.

²¹ Там же, л. 153.

²² Там же, ф. 19, оп. 2, д. 152, л. 16.

²³ Там же, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 153.

²⁴ Там же, л. 154.

сильное сопротивление карательным, забрасывали их камнями.

В тот же день восстали жители Якотутской волости. Они собрались у дома волостного управителя, который, однако, бежал и скрылся в городе в уездном управлении. Повстанцы избили его сына и разграбили дом. Они вступили в бой с прибывшим карательным отрядом, но потерпели поражение. 11 человек было убито.

12 июля серьезное волнение произошло в Язинской и Якотутской волостях Кокандского уезда. Трудовые дыйкане этих волостей «стали производить беспорядки». Восставшими был сожжен дом управителя Язинской волости, «убит пятидесятник и разграблен его дом»²⁵. Более 650 повстанцев собирались напасть и на участкового пристава, находившегося в тот момент в волости. Но его предупредил об этом один из местных феодалов, и он заблаговременно скрылся. Феодал, предавший интересы восставших, был убит участниками выступления.

13 июля восставшие жители Авальской волости заявили, что они ни за что не пойдут в трудовую армию и никакой власти не признают. Против них была направлена рота пехотинцев, вооруженных пулеметом. Повстанцы не испугались и не разбежались. Они продолжали гневно кричать: «Ур! (Бей!)», «Рабочих не дадим!», «Лучше в доме умрем!». Однако восставшие не могли долго выдержать натиск вооруженных карательных и стали расходиться. Из них 70 человек было арестовано. На другой день выступили трудовые дыйкане кыштака Марихан. Они требовали выдать им списки призываемых, в противном случае угрожали местным должностным лицам расправой. Жители кыштака заявили, что «они ни на какую работу и в солдаты не пойдут»²⁶. Однако и это выступление закончилось поражением.

Вскоре восстание перекинулось в Наманганский уезд. Утром 11 июля трудающиеся Намангана стали собираться на центральной площади старого города. Их число быстро увеличивалось и достигло нескольких тысяч человек. Среди них было много женщин. Местная полиция пыталась разогнать толпу, но безуспешно. Собравшиеся требовали «прекращения работы по составлению посемейных списков и выдачи им на руки уже составленных списков» и заявляли, что «будут убиты старшины, аксакалы, народные судьи, чины полиции, чиновники и вообще все лица, причастные к составлению посе-

²⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 154.

²⁶ Там же, л. 155.

мейных списков и наряду рабочих»²⁷. «Во главе толпы находилось много женщин, которые говорили, что не пустят своих мужей и братьев на войну и что лучше всем умереть дома, чем на войне»²⁸. Местная полиция и царские чиновники не могли справиться с восставшими горожанами и вызвали карательный отряд, вооруженный пулеметом и винтовками. Между карательным отрядом и безоружными восставшими произошло столкновение; в течение трех часов карательным «приходилось то отступать, то вновь теснить толпу и занимать прежние места»²⁹. Толпа с криками «Ур!» напирала на солдат и полицию, все сильнее тесня последних и пытаясь отнять у них оружие. По повстанцам был открыт огонь, но они продолжали сопротивляться. Восставшие потеряли более 50 человек, из них 12 были сражены пулами царских карателей³⁰.

Одновременно с трудающимися Намангана выступили дыйкане Кепинской волости. Они пришли к волостному управителю и потребовали выдать им посемейные списки. Управитель отказался выполнить это требование, за что повстанцы избили его до смерти. Членам комиссии по переписи скота и хозяйства местного населения «тоже несколько досталось»³¹ от участников выступления. Повстанцы разыскали посемейные списки и материалы комиссии, сложили их в кучу и сожгли во дворе конторы волостного управления. Прибывший карательный отряд арестовал 120 человек. На следующий день восстали жители Киргиз-Курганской волости. «Посемейные списки были отобраны»³² повстанцами. Волостной управитель спасся бегством. Толпа из нескольких сотен человек напала на сельского старшину, подожгла его дом, а имущество разграбила. 14 июля восставшие жители кыштака Чиндаул потребовали от янги-курганского участкового пристава «прекратить составление посемейных списков». Они также потребовали «выдачи уже составленных посемейных списков». Участковый пристав, «видя, что толпа огромная, страсти разгораются»³³, вынужден был исполнить требование повстанцев. Он отдал им первоначальный вариант посемейных списков, а новый оставил у себя. Возмущенная толпа все теснее окружала двор волостного управителя, где находился участковый пристав с семьью стражниками. Их жизнь висела на волоске,

²⁷ Там же, ф. 19, оп. 2, д. 153, л. 7, 8.

²⁸ Там же, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 157.

²⁹ Там же, л. 156.

³⁰ Там же, ф. 19, оп. 2, д. 153, л. 8.

³¹ Там же, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 157.

³² Там же, л. 158.

³³ Там же.

но, отстреливаясь, они сумели выйти из окружения и бежать в Наманган. Вместе с ними бежали и местные должностные лица. Их долго преследовали жители кыштака и присоединившиеся к ним дыйкане соседних кыштаков. Однако выступление было вскоре подавлено, 80 человек заключено под стражу. На следующий день восставшие жители Чадайской волости убили волостного управителя и разгромили его дом. Они взяли списки призывающихся и сожгли их. Подобное выступление произошло и в Понской волости, где повстанцы также уничтожили списки призывающихся. В тот же день дыйкане напали на управителя Варзикской волости, но ему удалось бежать. Посемейные списки участники выступления разорвали в клочки. Так же поступили и жители Ханавадской волости³⁴.

Как рассказывают очевидцы восстания 1916 г. Темиралы Мирзакулов, Сатыбай Соолоталиев, Кожумурат Шириалиев, Тазабек Осмоналиев, Исмаил Наркулов, Солпы Турдалиев и многие другие, в выступлениях наряду с узбеками активно участвовали и оседлые киргизы, жившие по соседству или вместе с узбекским населением³⁵.

В горных районах Наманганского и других уездов Ферганской области, населенных киргизами, восстание имело наиболее затяжной характер. Здесь оно началось во второй декаде июля и продолжалось до глубокой осени. Этому в значительной мере способствовали местные условия. В горной местности кочевники и полукочевники могли сравнительно легко скрываться от карательных отрядов и откочевывать со своим основным богатством — скотом — высоко в горы, служившие им естественным укрытием. В этих кочевых и полукочевых районах восстание приобрело своеобразную, несколько пассивную форму. Как правило, сыновья бедняков, подлежавшие призыву, собираясь в группы, уходили в горы, где оставались до тех пор, пока в их аилах не заканчивали составление посемейных списков. Нередко они нападали на аильных старшин, волостных управителей и отнимали у них списки призывающихся.

По рассказу старожила Темиралы Мырзакурова (род. 1887 г.), рядовые скотоводы Найманской волости Наманганского уезда, поднявшись на борьбу против угнетателей, с возмущением говорили: «Лучше умереть в борьбе с должностными лицами, составившими посемейные списки, чем идти в трудовую армию». Их сыновья во главе с бедным джигитом

³⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 159.

³⁵ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(6), л. 2—17, 23—28, 33, 65—84.

Токтоналы Бекболотовым, уклоняясь от набора на военно-тыловые работы, ушли в горы. Волостной управитель неоднократно пытался вернуть их в волость. Только в конце октября, когда уже нельзя было оставаться в горах, получив сведения о разгроме выступления оседлых киргизов и узбеков Наманганского и других уездов, они спустились вниз и разошлись по домам³⁶.

Как свидетельствуют участники и очевидцы восстания Исмаил Наркулов (род. 1866 г.), Солпы Турдалиев (род. 1872 г.), Темиралы Мырзакулов (род. 1887 г.), Тазабек Осмоналиев (род. 1893 г.), Кожумурат Шириалиев (род. 1869 г.) и Сатыбай Доолоталиев (род. 1888 г.), против набора рабочих в частности и двойного гната вообще выступили жители Кызыл-Джарской, Ак-Джольской, Тегенской и других киргизских волостей Наманганского уезда. Рядовые скотоводы твердо заявили, что не пойдут на военно-тыловые работы. Бедняк Таласбай Алыбаев из аила Чины Кызыл-Джарской волости призывал трудовое население к открытому выступлению. Вместе с другими неимущими он перекочевал в труднодоступное урочище Сарой, расположенное в высокогорной местности Турдук. Сюда стали стекаться сыновья бедняков из этих волостей. Наиболее активными его помощниками были Чыныкбай и Саркул. Вместе со своими товарищами Таласбай нападал на волостных управителей и других должностных лиц, избивал их. Однако зимой положение Таласбая и его джигитов резко ухудшилось. Этим воспользовались царские чиновники и местные должностные лица. Таласбай и многие восставшие были взяты в плен карательным отрядом и жестоко наказаны как «бунтовщики». Таласбай, Чыныкбай и некоторые другие были избиты до смерти³⁷.

Бедняки призывающего возраста Ак-Джольской волости, уклоняясь от мобилизации, скрывались в горах. Их возглавлял бедняк Сасыке Тыналиев. К ним присоединились сыновья бедняков Каравана³⁸.

Восстание охватило также области Кетмень-Тюбе, Чаткал, Тогуз-Торо и другие горные районы Наманганского уезда. Выступления жителей этих местностей приняли настолько широкий размах, что военный губернатор Ферганской области вынужден был обратиться за помощью к туркестанскому

³⁶ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(6), л. 82—84.

³⁷ Там же, л. 23—28, 33.

³⁸ Там же, л. 2—8, 10—17, 65—84.

генерал-губернатору. В его телеграмме от 18 августа 1916 г., говорится: «Киргизы Наманганского и части Андижанского уездов, кочующие в районе гор, между перевалом Курумес, что западнее Кугарта и рекой Нарыном, находятся в соприкосновении с бунтовщиками на обоих пастбищах... Сусамырская волость Наманганского уезда волнуется. Чаткальская волость Наманганского уезда тоже неспокойна. Очевидно, волна бунта распространяется по правому берегу Нарына из Пишпекского уезда. Прибывшая на Тогуз-Горо сотня должна уже произвести воздействие. Для утверждения спокойствия в двух волостях (Сусамырской и Чаткальской.—К. У.) Наманганского уезда необходимо выслать полсотни казаков, в всякий случай с одним или двумя пулеметами в Кетмень-Тюбе»³⁹. Аналогичные сведения содержатся в воспоминаниях старожилов Токтосуна Уста (рожд. 1855 г.), Коргола Досуева (рожд. 1855 г.), Доолоталы Нурмамбетова (рожд. 1880 г.), Сасыке Боталиева (рожд. 1900 г.) и Мусульманкула Умарова (рожд. 1895 г.)⁴⁰. По их рассказам, рядовые киргизы, наставившие Кетмень-Тюбе, выступили против мобилизации на военно-тыловые работы. Они нападали на айльных старшин, волостных управителей, отбирали у них посемейные списки и уничтожали их. В возникновении этого выступления определенную роль сыграл акын-демократ Токтогул Сатылганов. Как утверждал его друг Коргоол Досуев, Токтогул призывал местных трудящихся к активной борьбе против баев и манапов. Наиболее активно действовала группа приблизительно из 150 бедняков. Ими руководил Жаныш Какиев, ближайшими помощниками его были Борулдай Джакыпов и Молдоналы Шоруков. Эти бедняки, вооружившись самодельными фитильными винтовками, копьями, дубинками, совершили внезапные налеты на местных должностных лиц, угоняли их скот и уничтожали списки призывающих. Скрываясь в лесах Джолубек в высокогорном уроцище Сары-Добо, они действовали продолжительное время. Карательным отрядам не удалось разыскать и уничтожить их. Только в начале зимы, когда уже нельзя было оставаться в горах, бедняки-повстанцы, ставшие грозой местных феодалов, вынуждены были вернуться на свои зимовки. Волостные управители жестоко избили их и наложили большой штраф, который взыскивали деньгами и скотом в свою пользу⁴¹.

³⁹ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1133, л. 190—191.

⁴⁰ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(6), л. 34—64.

⁴¹ Там же.

Население Ошского уезда, состоявшее в основном из киргизов, также выступило против двойного гнета. Трудовые массы этого уезда, как и все трудящиеся Ферганской области, открыто выражали недовольство набором рабочих. Повстанцы прежде всего старались свести счеты с волостными управителями, айльными и сельскими старшинами. Таким образом, здесь, как и всюду, восстание было направлено против местных феодалов и, в частности, должностных лиц.

В начале июля серьезные волнения произошли в г. Ош. После того как стало известно об указе, за городом, у подножья Сулайман-горы, собралось около 10 тыс. горожан и жителей ряда кыштаков и аилов Ошского уезда. Вскоре сюда явились уездный начальник, участковые приставы и другие царские чиновники. Присутствовали также крупные бай и муллы, выслуживавшиеся перед царским правительством. Перед собравшимися выступил начальник уезда. Он призывал народ откликнуться на указ царя и добровольно отправиться на тыловые работы. Затем выступили бай и муллы. Бай призывали присутствовавших честно служить «белому царю». Муллы обещали «своим» единоверцам за помощь «белому царю» милость аллаха⁴². Однако их горячие «патриотические» призывы вызывали у слушателей лишь гнев. В толпе раздавались крики: «Воевать не будем!», «Сыновей не дадим!». В царских чиновников, басев и мулл полетели камни. Представители царских властей и их приспешники с позором бежали. Вскоре прибыл карательный отряд, которому удалось разогнать толпу и арестовать наиболее активных участников выступления.

Как рассказывают участники этих событий Т. Раимходжаев и К. Мирзаев, перед собравшимися выступали также представители трудящихся. Народ слушал их, затаяв дыхание. Они говорили о том, что главные враги коренного населения — это царские чиновники и их лакеи: бай, муллы, волостные управители, пятидесятники, сельские и айльные старшины, а русские трудовые переселенцы — друзья местных трудящихся. Они призывали коренное население поддерживать с ними тесную связь⁴³. Можно полагать, что такие при-

⁴² Воспоминания старожилов Кемельджана Мирзаева (рожд. 1899 г.), Ширифа Алимова (рожд. 1892 г., чл. КПСС с 1920 г.), Ахмедалы Розакуниева (рожд. 1889 г.), Т. Раимходжаева (рожд. 1897 г.). Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(4), л. 1—6, 27—30, 35—37; инв. № 1519(3), л. 1—10; ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1094, л. 279, 283.

⁴³ Воспоминания Т. Раимходжаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(3), л. 8—10; Воспоминания К. Мирзаева. Указ. фонды, инв. № 1519(4), л. 36—37.

зывы способствовали усилению венависти повстанцев к местным эксплуататорам.

В Ошском уезде первыми выступили трудовые дыйкане кыштаков Ходжа-Абад и Чакар Булак-Башинской волости. Утром 11 июля они явились к волостному управителю и «потребовали от него именные списки мужского населения»⁴⁴. Волостной управитель отказался выполнить это требование, что побудило повстанцев к более решительным действиям. Они стали наступать на волостного управителя, угрожая убить его. Волостной управитель и сельские старшины «растерялись и перепугались создавшегося настроения и бежали, оставив волость и сельское общество на произвол судьбы»⁴⁵. Их преследовали восставшие. Повстанцы обыскали дом волостного управителя, но списки призывают не нашли. В течение четырех дней в Булак-Башинской волости бушевали гнев и возмущение трудящихся, направленные против местных должностных лиц. 12 июля часть повстанцев пришла к дому брата волостного управителя, но не найдя там ни волостного, ни его брата, побила, в доме окна и посуду, разбросала вещи и домашнюю утварь. Вечером следующего дня толпа в 200 человек «напала на пятидесятников»⁴⁶. Восставшие, схватив их, стали наносить им побои, требуя выдать им списки, но пятидесятникам удалось бежать. 14 июля утром группа восставших громила их дома. Ночью несколько сотен повстанцев пришло к дому старшины Чакарского общества и потребовало выдать им посемейные списки. Они гневно кричали: «Убьем старшину!»⁴⁷. Старшина бежал в г. Ош. 13 июня восставшие напали на пятидесятников соседнего общества, скрывавшихся в чайхане, «схватили их и стали наносить им побои с требованием выдать толпе вновь составленные списки мужского населения»⁴⁸. С трудом им удалось вырваться из рук разъяренной толпы и бежать. 14 и 15 июля несколько раз нападали повстанцы на пятидесятников и сельских старшин.

Выступлением жителей Булак-Башинской волости руководили Джура Исманкулов, Ширмат и Халмат Ходжиевы, Ти-лебай Мамасалиев, Джолдош Сулайманов и Осмон Ташалиев⁴⁹.

⁴⁴ ЦГВИА, ф. 400, оп. 263/916, д. 4, л. 124.

⁴⁵ Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сб. документов. Ташкент, 1932, стр. 59—60.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. 400, оп. 263/916, д. 4, л. 124.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 276, оп. 1, д. 151, л. 64.

⁴⁹ Там же.

27 июля снова начались волнения в Булак-Башинской волости. Участники выступления напали на должностных лиц, разгромили их дома и уничтожили списки призывают. Несколько раньше, 24 июля, восстали дыйкане кыштака Уч-Куртган. Они окружили дом волостного управителя, но управитель успел скрыться. Его дом был разгромлен восставшими. На следующий день повстанцы разгромили несколько магазинов, принадлежавших местным баям. Однако в столкновении с карательным отрядом, прибывшим из Оша, восставшие потерпели поражение. Трое из них было убито и 15 арестовано⁵⁰.

25 июля выступили жители Узгена. Бедняки, вооружившиеся пиками, вилами, кетменями и палками, напали на волостного управителя и царских чиновников, угрожали убить сельских старшин и требовали выдать посемейные списки. Волнения трудящихся Узгена продолжались пять дней, они приняли настолько широкий размах, что прибывшие 15 полицейских и карательный отряд не осмелились вступить в бой с повстанцами и вынуждены были запереться в канцелярии волостного управления, где отсиживались значительное время. Имущая часть населения, боясь расправы, спешно направила своих представителей к уездному начальнику в г. Ош с просьбой прислать войска⁵¹.

Народные волнения происходили в Аджарской, Ясинской, Гульчинской, Алайской, Наукатской и Куршабской волостях Ошского уезда. Трудовые массы избивали волостных управителей, сельских старшин, пятидесятников, громили их дома и уничтожали списки призывают. Однако повстанцы не могли выдержать натиск карательного отряда. Многие из них, особенно подлежащие призыву, бежали в труднодоступные горы, где оставались до наступления зимы. Некоторые участники этих выступлений были взяты под стражу⁵².

Как видно из изложенного, вся Ферганская область, в том

⁵⁰ Д. Ж. Меджитов. Восстание киргизов в 1916 г. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 137, л. 120—121.

⁵¹ Там же.

⁵² Воспоминания Джурабека Абдрасурова (род. 1899 г., чл. КПСС с 1920 г.), Рустама Турсунова (род. 1898 г.), Михаила Ивановича (фамилия не указана) (род. 1896 г.), Степана Яковлевича Мельнейчука (род. 1896 г.), Дениса Макаровича Задорожного (род. 1900 г.), Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз ССР, инв. № 1519(4), л. 11—15, 17—21, 22—25, 26—27; Воспоминания Абдыкапара Тагаева (род. 1900 г.), Абдыкадыра Абдырахманова (род. 1869 г.), Сентбека Маматкулова (1884 г.), Тагая Таштапова (род. 1883 г.) и Акматалы Анарабаева (род. 1892 г.), Указ. фонды, инв. № 1519 (3), л. 11—18, 19—25, 40—58; ЦГВИА, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 263; ЦГВИА, ф. 400, оп. IV, д. 40, л. 337; ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 147—163, 260.

числе и Южная Киргизия, была охвачена восстанием. Выступление трудящихся приняло особенно широкий размах во второй и третьей декадах июля. В нем принимали участие самые различные слои коренного населения. Трудно назвать кыштак или айл, до которого не докатились бы волны восстания. Однако стихийное выступление трудящихся закончилось поражением. Царское правительство жестоко расправилось с его участниками. Каратели не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. Вот что говорится по этому поводу в секретном рапорте помощника начальника туркестанского районного охранного отделения от 20 июля 1916 г.: «Участники беспорядков арестовываются сотнями, причем переполнены все арестные дома и тюрьмы»⁵³. Однако ни тюрьмы, ни жестокость карателей не могли сломить свободолюбивый дух киргизских и узбекских трудящихся Ферганской области. В горных районах Южной Киргизии волнение народных масс продолжалось до конца октября.

После подавления выступления трудящихся в Южной Киргизии колониальные власти начали мобилизацию коренного мужского населения на военно- тыловые работы. Царское правительство наметило отправить в трудовую армию несколько тысяч киргизских бедняков. Это вызвало новую волну народного гнева и возмущения. Как правило, набор рабочих сопровождался волнениями народных масс и открытым столкновением мобилизованных с царскими чиновниками и местными эксплуататорами, с полицией и войсками. При отправке на военно-тыловые работы в толпе уезжавших и их близких раздавались крики: «Зачем воевать?», «Ради кого умирать?», «Зачем мы будем защищать русского царя, именем которого нас угнетают бай, кулаки и муллы?», «Пусть сами минбаши и их сыновья идут рыть окопы, ведь они получают от царя большие награды и высокие посты»⁵⁴ и т. п. Опасаясь открытых столкновений, колониальные власти нередко откладывали отправление рабочих на некоторое, а иногда и на значительное время. Так, в Узгене произошло серьезное столкновение мобилизованных с полицией, вследствие чего их отправление было отложено на несколько дней. А в Куршабе мобилизованные и их провожавшие вступили в драку с полицейскими. Представителям местной администрации пришлось срочно вызывать роту солдат из Андижана. Подобные столкновения

происходили и в других районах Южной Киргизии⁵⁵. В связи с усилением сопротивления трудящихся мобилизации и учащением случаев столкновения с полицией и военными частями колониальные власти стали отправлять людей на военно- тыловые работы в ночное время и небольшими партиями. Однако и это не дало желаемых результатов.

Особую силу и размах имели выступления широких слоев коренного населения в Семиреченской области, в частности на севере Киргизии.

Ход восстания на севере Киргизии

В начале августа восстание вспыхнуло и в Северной Киргизии. Непосредственным поводом к нему, как и на юге, послужил царский указ о мобилизации коренного населения на военно-тыловые работы. Трудовые массы встретили его всеобщим возмущением, которое вскоре вылилось в открытое выступление. Иную позицию занимали манапы, бай и другие местные эксплуататоры. Большинство из них поспешило поддержать указ, чтобы тем самым еще раз подчеркнуть свою преданность царскому правительству. Определенная часть местной феодальной знати занимала выжидательную позицию. Некоторые же манапы, бай и муллы, решив использовать недовольство трудящихся против царского правительства в своих интересах, пытались пробраться к руководству восстанием и придать ему антирусский характер.

В начале июля слух о мобилизации в трудовую армию облетел Семиреченскую область, в том числе и Северную Киргизию, и привел в движение коренное население. Волнения трудового населения, как и всюду, возникали на почве злоупотреблений волостных управителей и айльных старшин служебным положением при составлении списков призываемых. Это не мог отрицать даже военный губернатор Семиреченской области. В его рапорте на имя императора от 4 марта 1917 г. говорится: «Многие волости представили приговоры о назначении рабочих в тыл армии, но составление списков при-

⁵³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 154—155.
⁵⁴ Воспоминания Ахмедалы Розахунова (род. 1889 г.). Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (4), л. 3—6.

55 Воспоминания Т. Раймходжаева, Абдыкапара Тагаева, Акматалы Анараева, Сентбека Маматкулова, Тагая Таштанова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (3), л. 1—10, 11—18, 40—58; Воспоминания Ахмедалы Розахунова, Шарифа Алимова, Джурабека Абдрасулова, Рустама Турсунова, Дениса Макаровича Задорожного, Степана Яковлевича Мельнейчука. Указ. фонды, инв. № 1519 (4), л. 1—6, 11—21, 25—30; Воспоминания Тазабека Осмоналиева, Сатыбая Долотолиева, Темиралы Мырзакулова, Исмаила Наркулова, Соллы Турдалиева, Токтосуна (фамилия не указана). Указ. фонды, инв. № 1519 (6), л. 9—17, 23—28, 43—44, 65—84.

зываемых почти везде вызывало ссоры и распри, так как масса во многих случаях, особенно под влиянием женщин, противилась, прибегая даже к угрозам тем лицам туземной администрации, которые настаивали на составлении списков. Общее впечатление... было таково, что тревога и боязнь перед неизвестным будущим являлись основным настроением киргизской массы, среди которой образовались два течения—«за» и «против» реквизиции рабочих⁵⁶. Трудовые массы были не просто против «реквизиции» в трудовую армию, они готовились к открытому выступлению. Во многих айлах и волостях они давали «бата» — клятву не посыпать людей на военно-тыловые работы и бороться против местных должностных лиц и царских колонизаторов. Рядовые киргизы начали вооружаться. Кузнецы ковали пики и подковы, изготавливали самодельные фитильные ружья и кинжалы, отливали пули. Но основная часть населения вооружалась дубинками, палками, вилами, плетьми. Кочевники чинили конскую сбрую, седла, ковали лошадей, заготавливали продукты, особенно толокно, резали скот, сушили мясо, запасались чаем, солью, спичками и другими предметами первой необходимости.

Услышав о наборе рабочих, сотни батраков-киргизов, отбывавших трудовую повинность в хозяйствах солдаток, бросали работы и уходили в родные айлы. Они заявляли своим хозяевам, что «теперь они тоже солдаты и им самим надо справиться перед отъездом на своих полях»⁵⁷. Так же поступали киргизские батраки, работавшие у кулаков-переселенцев, бедняки, занятые на строительстве ирригационных сооружений, дорог, кустарно-промышленных предприятий, и извозчики, служившие на почтово-телефрафной линии⁵⁸.

В течение июля в Семиреченской области бушевал народный гнев, вызванный «высочайшим повелением» о наборе рабочих. Не случайно военный губернатор области в своем рапорте с большой тревогой отмечает: «...необъяснимая паника охватила все уезды. Одни волости пытались с места бросаться (в Восточный Туркестан.—К. У.), другие стремились уйти в пески к Балхашу, трети — со стадами и всем своим добром забирались в труднодоступные ущелья гор. Брожение среди туземцев продолжалось весь июль. Постоянно

⁵⁶ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов... док. № 268 (стр. 408).

⁵⁷ Г. И. Бродо. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. (Показание, данное 3 сентября 1916 г. Г. И. Бродо прокурору Ташкентской судебной палаты, о киргизском восстании 1916 г.). «Новый Восток», 1924, № 6, стр. 425.

⁵⁸ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 28, л. 1—2.

поступали сведения об отказе призывных выйти на работы... о бегстве рабочих от русских хозяев, но все эти факты в первое время носили характер только ослушания или пассивного неповиновения, а всего больше — паники перед неизвестным будущим⁵⁹. Кстати, даже в июле дело не ограничивалось «только ослушанием или пассивным неповиновением». В ряде случаев между возмущившимся коренным населением и составителями списков происходили столкновения. Особенно активно действовали джигиты-призывники. Во многих волостях они собирались в группы, категорически отказывались идти на военно-тыловые работы. Нередко молодежь призывного возраста нападала на волостных управителей и айльных старшин, избивала их и отбирала у них списки призываемых и печати⁶⁰. Но чаще призывники, уклоняясь от набора, уходили в труднодоступные горы или скрывались в безлюдных ущельях и горных лесах⁶¹.

В некоторых волостях должностные лица и волостные управители, напуганные волнениями местных жителей, прекращали составление списков призываемых и официально отказывались заниматься набором рабочих. Так, на совещании, созванном начальником Пишипекского уезда, волостные управители Атекинской, Сарбагышевской, Ново-Николаевской (дунганская) и некоторых Загорных волостей сообщили о повсеместном и категорическом отказе молодежи идти на военно-тыловые работы, о возмущении народных масс. Они рассказали, «что за составление списков им угрожают смертью». У многих из них и у пятидесятиников отняли печати. Волостные управители заявили, что пока не прибудут к ним на помощь войска и полиция, они не приступят к составлению списков⁶². Начальник Пишипекского уезда, возмущенный поведением этих управителей, тут же распорядился «заковать в кандалы (тех из них, которые, по его мнению, вели себя вызывающее.—К. У.) и доставить в г. Верный»⁶³. Такие меры царского чиновника пронзили соответствующее впечатление на волостных управителей. Многие из них поспешили заверить

⁵⁹ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 268 (стр. 408).

⁶⁰ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы. М., 1937, стр. 155—156.

⁶¹ Г. И. Бродо. Указ. работа, стр. 427.

⁶² Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 155—156; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, д. 15, л. 11—12; Г. И. Бродо. Указ. работа, стр. 427—428.

⁶³ Г. И. Бродо. Указ. работа, стр. 428.

власти в том, что они скоро закончат составление списков призываемых, и разъехались по своим волостям.

В июле же в ряде районов Северной Киргизии состоялись неофициальные совещания, которые проводились тайно от колониальных властей⁶⁴. Активное участие в этих совещаниях принимали представители местной феодальной знати, некоторые крупные манапы, решившие использовать восстание в своих интересах. 7 и 8 июля в местности Иссык-Ата состоялось совещание киргизов некоторых волостей Пишпекского уезда. На нем обсуждался вопрос о предстоящем наборе рабочих⁶⁵. На совещании, проходившем в местности Кегеты, было решено не посыпать людей в трудовую армию и приступить к изготовлению оружия⁶⁶. 8 июля проходили совещания в Джайлмышской и Чемалганской волостях. Их участники договорились «рабочих не давать, а в случае призыва силой оказать вооруженное сопротивление»⁶⁷. Такое же решение было принято на совещании представителей Ботлаевской, Байдалинской, Куртинской, Восточно- и Западно-Кастекской, Карагалинской, Тайтской, Узунагачской и Ргайтинской волостей⁶⁸. С 11 по 13 июля проходило совещание в г. Пишпеке. В нем участвовали влиятельные манапы соседних волостей. Опасаясь возмущения трудящихся, его участники вынесли решение не отправлять людей на военно-тыловые работы. Жители Джумгальской, Курман-Ходжинской, Кара-Кечинской, Джуван-Арыкской, Бурукчинской, Ниязбековской, Джаманбаевской и Джанибековской волостей на своем совещании также «решили людей не давать, а в случае необходимости оказать вооруженное сопротивление» тем, кто попытается набирать рабочих насилием⁶⁹.

В конце июля — начале августа состоялось новое совещание в г. Пишпеке. Как рассказывает его участник Ырсала Солтонбеков, оно проходило строго секретно. В нем участвовали крупные манапы многих волостей Пишпекского уезда. На совещании обсуждался вопрос о наборе рабочих. Большинство манапов во главе с Дюром считало необходимым помочь царскому правительству в проведении мобилизации в трудовую армию. Иного мнения придерживались Мокуш, Курман и некоторые другие влиятельные манапы. Ссылаясь

⁶⁴ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, д. 15, л. 11—12.

⁶⁵ Там же, ф. 75, д. 35, л. 1—2.

⁶⁶ Там же, ф. 77, д. 26, л. 32—38.

⁶⁷ Там же, л. 1—2.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 68.

на усиливающееся народное волнение, они говорили о невозможности проведения мобилизации на военно-тыловые работы. Участники совещания хотя и заседали в течение нескольких дней, однако не могли прийти к единому мнению и принять определенное решение⁷⁰.

Эти совещания, организаторами которых были крупные манапы, не оказали существенного влияния на возникновение, ход и характер изучаемого восстания, ибо представители феодальной знати выносили решения, отвечающие их социальным интересам, не имевшим ничего общего с интересами восставших трудящихся.

В то время как манапы заседали, волнение народных масс, направленное против царских колонизаторов и их приспешников — местной феодальной знати, все больше нарастало, ширилось, охватывая новые и новые районы и различные слои коренного населения. По сведениям активного участника восстания Темирбека Мадиярова и других, записанным 19 октября 1916 г., возмущавшиеся трудящиеся гневно кричали: «Не будем давать своих братьев!», «Лучше умрем на месте!», «Поведем войну, а рабочих не дадим!»⁷¹. Эти призывы звучали во многих волостях Киргизии.

В начале августа гнев и волнения трудящихся повсеместно вылились в открытое выступление. 3 августа выступили жители Кызыл-Бурковской волости Верненского уезда, возмущенные несправедливыми действиями волостного управителя, составляющего списки призываемых. В урочище Ассы восставшие напали на помощника уездного начальника, которого сопровождали конвой из нескольких вооруженных солдат и местные должностные лица. В схватке было убито и ранено несколько человек с той и с другой стороны, а царский чиновник спасся бегством. Однако повстанцы не смогли устоять против казачьей сотни, присланной из Верного.

В тот же день выступили рядовые скотоводы, кочевавшие недалеко от станции Зайцовской. Они требовали прекратить составление списков призываемых, в противном случае угрожали местным должностным лицам поголовным истреблением. Против повстанцев был направлен карательный отряд под начальством участкового пристава. Участники выступления, оказав ему сильное сопротивление, убили двоих и ранили несколько казаков, но одержать победу не смогли⁷².

4—6 августа восстание перекинулось в Кастек, Каскелен,

⁷⁰ Воспоминания старожила Ырсалы Солтонбекова (род. 1880 г.). Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 30—31.

⁷¹ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, д. 15, л. 11—12.

⁷² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 10; д. 1136, л. 69.

Курдай и другие районы Казахстана, граничащие с Киргизией. Оно было направлено против местной феодальной знати, особенно должностных лиц. Здесь в одной из волостей «на почве составления списков призываемых был убит волостной управитель»⁷³. Восставшие жители Восточно-Кастекской и Западно-Кастекской волостей «на всякий случай для побега запаслись хорошими лошадьми, захватив их у более зажиточных и богатых киргизов»⁷⁴. Повстанцы напали на почтовые станции (Самсы, Торгап, Отар) и на некоторое время прервали почтово-телефонную связь между городами Верный и Пишпек⁷⁵. Они избили царских чиновников, угнали лошадей, принадлежавших владельцам почты, но не тронули рядовых переселенцев. В этом отношении заслуживает внимания следующий случай. Инженер Пугаченко был взят в плен восставшими, которые приняли его за исполнявшего обязанности начальника Пишпекского уезда ротмистра Железнякова, так как внешне он был похож на него. Повстанцы хотели его зарезать, «к чему уже совершенно приготовились, и лишь подтверждение одного из киргизов, что он не жандарм, а инженер, спасло ему жизнь»⁷⁶. Пугаченко был отпущен. Восставшие нападали на переселенческие селения, в частности на Сергиевское, Вильямовское, Кастекское, Пригорное, и угнали скот, принадлежавший кулакам-переселенцам. Однако это не значит, что выступление коренного населения приобрело антирусский характер. В секретном донесении начальника туркестанского районного охранных отделений от 13 октября подчеркивается, что «убийства русских почти не было»⁷⁷. Были убиты лишь наиболее ненавистные кулаки-переселенцы.

В ночь с 6 на 7 августа для подавления восставших из Верного в Пишпек выехал карательный отряд, состоявший из сотни казаков, роты солдат и дружины добровольцев. В Курдае, недалеко от станции Отар, начальник карательного отряда приказал расстрелять казахов-ямщиков, принимавших участие в выступлении⁷⁸. Повстанцы, продолжая оказывать сопротивление преследовавшим их царским карателям, бежали в направлении Токмакского участка, оттуда повернули на запад, дошли до Мерке и спустились к р. Чу⁷⁹.

⁷³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 10; д. 1136, л. 69; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 42, л. 1—2.

⁷⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 69.

⁷⁵ Там же, д. 1182, л. 10—11; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 42, л. 5—6.

⁷⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 70.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Г. И. Бродо. Материалы к истории восстания... стр. 427.

⁷⁹ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 147.

7 августа выступили жители Атекинской волости Пишпекского уезда. Одним из организаторов был рядовой киргиз Алымкул Табалдин. Как подчеркивает начальник Пишпекского уезда в рапорте от 28 ноября 1916 г., Алымкул Табалдин «первым подстрекал атекинцев не повиноваться распоряжению власти о призывае на работу в тыл действующей армии киргизов»⁸⁰. В начале августа по его инициативе около ста человек дали клятву «на войну не идти, лучше умереть в борьбе». Затем они начали вооружаться. Их число быстро росло. К ним присоединились многие бедняки, особенно подлежащие набору. Среди них Алымкул «вел яростную агитацию... что их призывают не на работу, а прямо на передовые позиции»⁸¹. Трудовые массы гневно заявляли: «Мы не можем больше терпеть царских колонизаторов», «Пора положить конец насилиям», «Колонизаторы у нас отобрали земли и скот, а теперь хотят отобрать наших сыновей», «Чем отдавать своих сыновей, лучше умереть в борьбе с насильниками»⁸². Вскоре возмущение трудящихся волости вылилось в открытое выступление. Повстанцы угнали лошадей, принадлежавших кулакам-переселенцам, и убивали наиболее жестоких колонизаторов. Так, батраки Болоткан, Сулайман, Жапар, Атай, Боронбай, Бердыбек, Абдылда и другие убили одного из стражников, обиравшего население, и кулака, державшего мельницу⁸³.

Борьба рядовых скотоводов Малого и Большого Кемина приняла серьезный характер. Она могла быть направлена против местной феодальной знати, в частности волостных управителей и айльных старшин. Это хорошо понимали местные должностные лица. Не случайно в начале августа управитель Атекинской волости Белек Солтоноев поспешил сообщить токмакскому участковому приставу о назревавшем выступлении подвластной ему букары⁸⁴. А управитель Сарбагышевской волости Кемель Шабданов пытался предотвратить восстание. Он «стал убеждать толпу в бесплодности этого выступле-

⁸⁰ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 261 (стр. 387).

⁸¹ Там же.

⁸² Воспоминания участников восстания Ж. Солтобаева, Т. Карабасева, Ж. Каракореева, К. Кошоева, А. Серкебаева и Т. Арзыматова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 53—54, 60—61, 62—67, 74—75, 85—86, 90—91.

⁸³ Там же, л. 61—63, 75—76, 80—82.

⁸⁴ Воспоминания участников восстания Ж. Солтобаева, Т. Карабасева, Ж. Каракореева, К. Кошоева, А. Серкебаева и Т. Арзыматова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 64—66, 74—76.

ния»⁸⁵, в могуществе царского самодержавия⁸⁶. Но ни Кемелю, ни Белеку, ни другим манапам не удалось удержать народные массы от выступления. Волнение и возмущение трудящихся усиливались с каждым часом. Теперь, убедившись в невозможности держать народные массы в повиновении и покорности, представители феодальной знати решили использовать их недовольство в своих интересах. Вскоре они присоединились к восставшим и, пользуясь их темнотой и отсталостью, пытались захватить руководство восстанием. Они провозгласили ханом Мокуша, сына крупнейшего манапа Шабдана, и позднее выдавали его за руководителя восстания на севере Киргизии. Чтобы отвестить от себя народный гнев, эти манапы старались придать восстанию антирусский характер. Так, управитель Атекинской волости Белек Солтоноев, который несолько раньше принимал все меры к тому, чтобы предотвратить восстание, выступая перед повстанцами, говорил: «Надо русских грабить, прогнать их до Ташкента, лучше умереть на позициях» и т. п. Его поддерживал местный мулла. Убеждая повстанцев не идти в трудовую армию, он призывал коренное население к борьбе с русскими: «Не бойтесь умирать здесь. Эта смерть есть священная, таких людей ожидает рай»⁸⁷. Однако эти призывы не находили поддержки у рядовых киргизов, которые продолжали вести борьбу против колониального гнета.

9 августа у восточного выхода из Боомского ущелья, недалеко от Кётмалды (ныне Рыбачье), группа повстанцев Сарыбагышевской волости во главе с Ибраимом Тёлёевым захватила обоз с оружием — 178 винтовок и свыше 30 тыс. патронов⁸⁸, следовавший из Верного в Пржевальск. Вместе с оружием повстанцы захватили почту и 875 руб. денег⁸⁹.

⁸⁵ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 261 (стр. 387).

⁸⁶ Воспоминания активного участника восстания, члена КПСС с 1920 г. Кудайбергена Кошоева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 75—77.

⁸⁷ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 261 (стр. 387).

⁸⁸ ЦГВИА ССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 321; ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 208; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 165; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 261 (стр. 387). Особую ценность представляют воспоминания Узака Мергена, Кулунбая (их фамилии не указаны), Нургазы Кыдыралиева и Джунуша Карабороева, принимавших непосредственное участие в захвате обоза с оружием (см. фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1487, л. 5—6; инв. № 1519(1), л. 9—10; инв. № 1519(2), л. 71—72).

⁸⁹ ЦГВИА ССР, ф. 400, Аз. часть, т. IV, д. 40, л. 321.

Обоз заметил повстанец Кыдыралы и сообщил об этом Ибраиму Тёлёеву. Группа повстанцев из 25 человек догнала обоз в 10—12 верстах от Кок-Мойнока, но завладеть им сразу не смогла и устроила засаду в караван-сарае. Когда обоз поравнялся с караван-сараем, восставшие открыли огонь. В перестрелке были убиты два солдата и один ранен. Но солдаты, сидевшие на повозках, погнали лошадей и ушли из засады. Восставшие неотступно преследовали их. Ибраим Тёлёев и Джунуш Карабороев, далеко обхехав обоз, вновь устроили засаду. Когда обоз поравнялся с ними, Джунуш Карабороев (по некоторым данным, Ибраим Тёлёев) метким выстрелом убил лошадь, запряженную в первую повозку. Остальные повозки остановились.

Часть захваченного оружия позже была передана восставшим жителям Пишпекского и Пржевальского уездов. Это событие сыграло определенную роль в развитии народного движения не только в Сарыбагышевской волости, но и в других районах Северной Киргизии, так как, захватив обоз, повстанцы в известной степени вооружились. Слух о их победе облетел всю Семиреченскую область, вдохновляя коренное население на более решительные действия. Кстати, этот эпизод составляет одну из ярких страниц истории восстания 1916 г.

8 августа недалеко от станции Джал-Арык группа повстанцев напала на здание почты⁹⁰.

Значительная часть восставших жителей Сарыбагышевской и Атакенской волостей с 9 по 12 августа пыталась занять с. Новороссийское и казацкую станицу Самсоновку. Осада велась только днем, причем неорганизованно. Воспользовавшись этим, осажденные послали двух представителей в Токмак к участковому приставу с просьбой оказать им помощь. Вскоре прибыл вооруженный конный отряд под начальством самого участкового пристава, который обеспечил оборону станицы. Повстанцы направили к осажденным парламентера с требованием: «Воевать с вами мы не желаем, но хотим, чтобы вы покинули нашу исконную землю». При этом они обещали не трогать осажденных, если последние выполнят их требование⁹¹. Ответа, однако, они не получили. Поэтому восставшие решили взять станицу приступом. Но и эта попытка не увенчалась успехом. Между тем на помощь осажденным был направлен вооруженный отряд в составе 26 солдат. Их

⁹⁰ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16920, л. 16—18.

⁹¹ Воспоминания Абдрамана Серкебаева. Фонды Отд. обществ. наук Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 82—84.

возглавлял исполняющий обязанности начальника Пишпекского уезда, а проводником был крупный манап Дюр. Между карательным отрядом и восставшими произошло столкновение, причем повстанцы, несмотря на то, что не имели оружия, проявили смелость и упорство. Начальник карательного отряда писал об этом: «Не доехая верст пять до станицы, я увидел на склонах Малого Кемина громадные скопища киргизов, которые, завидев меня издали, начали быстро спускаться вниз, и не успел я проехать версты, как банда человек в 200 кинулась на меня, имея в руках деревянные палки»⁹². В этом бою отличился рядовой кочевник Болоткан Бердебеков. Несколько карателей он выбил из седла, а затем направил свое копье на исполняющего обязанности начальника Пишпекского уезда, но Болоткана сразила вражеская пуля. В столкновении босставшие потеряли 16 человек убитыми и несколько ранеными. Потери имелись и у карателей, которые прорвались в Самсоновку, но не смогли преследовать повстанцев. Ночью они вынуждены были покинуть станицу и вернуться в Токмак⁹³.

На следующий день восставшие снова окружили станицу. Но вскоре соотношение сил изменилось в пользу осажденных. К ним на помощь подоспел новый карательный отряд, посланный из Верного. Восставшие вступили в бой и с ним, но не выдержали натиска и отступили в сторону Чон-Кемина. Они разделились на три группы и заняли удобные позиции у горных троп Джол-Булак, Кара-Кыя и Кашка-Джол, по которым должны были пройти каратели. Утром 12 августа завязался бой между повстанцами и казачьим отрядом у подножия горы Кара-Кыя. Восставшие, спрятавшись за кустарником и скалами, начали стрелять по карателям, как только те появились, и вынудили их остановиться. Перестрелка длилась недолго. Повстанец Ибраим Ажимудин убил начальника карательного отряда⁹⁴. Каратели, потеряв семь человек убитыми, в том

⁹² Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 261 (стр. 384).

⁹³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 12; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, си. 2, д. 16920, л. 71—75; Воспоминания участников восстания 1916 г. Джамбула Солтобаева, Токтоналы Карабаева, Джунуша Карабочорова, Кудайбергена Кошоева, Абдрама Серкебаева и Тынналы Арзыматова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (2), л. 55—58, 61—64, 69—72, 76—77, 80—84, 92—95.

⁹⁴ По рассказам ряда участников данного выступления, у начальника карательного отряда сотника Величкина, убитого повстанцами, было обнаружено предписание военного губернатора Семиреченской области о поголовном истреблении всего мужского населения Атекинской и Сарыбагышской волостей (см. фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 68—70, 83—84, 94—95; инв. № 1494, л. 21—22 и др.).

числе сотника и прaporщика, обратились в бегство. Они больше не решались возвращаться в бой с повстанцами и отступили в Самсоновку. Об этом случае военный губернатор Семиреченской области в своем отчете за 1916 г. писал: «К сожалению, в новой стычке с бунтовщиками 12 августа сотник Величкин и командовавший чинами конского запаса прaporщик Киселев пали смертью храбрых. Оставшийся отряд не решился продолжать преследование мятежников в горах и должен был ограничиться защитой станицы от новых атак осаждавших ее шаек»⁹⁵. Повстанцы, одержав победу над карательным отрядом, больше не предпринимали наступления на станицу. Вместе с семьями они ушли на высокогорные пастбища и со средоточились в местностях Уч-Кайынды и Калмак-Ашуу. Есикею сюда прибыл карательный отряд, который жестоко расправился с участниками восстания. Многие атекинцы и сарыбагышевцы бежали на Иссык-Куль и дальше на сырты.

Почти одновременно с атекинцами и сарыбагышевцами, кочевавшими в Кичи-Кемине и Чон-Кемине, выступили киргизы, населявшие Чуйскую долину, Иссык-Кульскую котловину и Центральный Тянь-Шань. Необходимо отметить, что хотя восстание с самого начала и было стихийным, разрозненным и не имело единого руководства, тем не менее оно быстроширилось и пронеслось ураганом по всему краю. Уже 9 августа им была охвачена вся Семиреченская область. В течение одного—двух дней поднялось все коренное население Пишпекского и Пржевальского уездов. В отчете военного губернатора Семиреченской области от 4 марта 1917 г. говорится, что «9 августа пожар восстания охватил всю территорию, занятую кара-киргизами в бассейнах р. Чу и оз. Иссык-Куль»⁹⁶, а также Центрального Тянь-Шаня и Таласа. Восстание началось одновременно во всех районах Северной Киргизии словно по единому сигналу.

9 августа все телеграфные и почтовые связи между городами и селами Северной Киргизии были прерваны. Дороги, связывавшие Пишпек с Пржевальском и Нарынским укреплением, также оказались в руках повстанцев. Восставшие разрушали телеграфные линии, захватывали почтовые станции, уничтожали мосты. Многие должностные лица не осмелились выступить против восставших и отсиживались в уездных городах, крупных и хорошо укрепленных селах. Тем временем восстание все ширилось, создавая существенную угрозу для колониальных властей.

⁹⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 12.

⁹⁶ Там же, л. 11—12.

В восстании участвовало почти все население Токмакского участка, в частности Тынаевской, Нурмамбетовской, Байсентовской, Джанышевской, Шамсинской, Буранинской, Иссык-Атинской, Темир-Булатовской и других волостей. Только жители Николаевской (дунганская) и Кара-Булакской волостей не принимали активного участия в выступлении.

В Токмакском участке подверглись нападению Быстрорецкое, Белопикетское, Орловское, Юрьевское, Покровское, Ивановское, Ново-Александровское, Дмитриевское, Краснореченское и другие села⁹⁷.

Далеко не во всех селениях повстанцы нападали на русских переселенцев, в частности трудовых крестьян. Они старались свести счеты прежде всего с ненавистными им кулаками-переселенцами и царскими чиновниками, а не с рядовыми русскими, которые имели одинаковую социальную судьбу с коренным трудовым населением и находились с ним в дружественных отношениях. Восставшие пытались захватить главным образом те города и села, в которых укрывались высокопоставленные должностные лица или мироеды-кулаки, являвшиеся опорой царских колонизаторов.

Представители царской власти, стремясь разжечь национальную вражду и притупить классовую борьбу в крае, усиленно распространяли слухи о том, что киргизы — «бунтовщики» режут всех русских⁹⁸, громят русские села и поголовно истребляют их жителей. В действительности ничего подобного не происходило. Так, в начале августа начальник Пишпекского уезда распространял слух о разгроме восставшими селений Краснореченского и Арасан. Очевидец восстания Г. И. Брайдо писал в связи с этим: «Оригинально то, что сел. Краснореченское, покинутое жителями, не имевшее баррикад и дружины, не подверглось даже разграблению со стороны киргизов». Подобные ложные слухи распространялись и о Токмаке. Вот что сообщал об этом Г. И. Брайдо: «Когда я 16 (августа) — К. У.) выехал из Пишпека, то было в Пишпеке официально сообщено о том, что Токмак окружен и осажден 10 тыс. киргизов. На утро мы приехали в Токмак. Нигде ни души, ни осады, ни киргизов»⁹⁹. Таких примеров можно привести немало. Однако и приведенные свидетельствуют о стремлении представителей царского самодержавия поднять русских переселенцев против коренного трудового населения.

⁹⁷ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 34, л. 8—18; д. 42, л. 3—6; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16920, л. 17—18.

⁹⁸ Г. И. Брайдо. Материалы к истории восстания... стр. 427.

⁹⁹ Там же, стр. 429—430.

В местностях Онбир-Джылга, Чон-Арык, Талды-Булак, Кегеты, Сынташ, Шамши, Иссык-Ата коренные жители твердо заявили: «Не дадим своих сыновей в трудовую армию! Убьем волостных управителей! Чем умереть вдали от родной земли, лучше умереть здесь в борьбе с насильниками»¹⁰⁰ и т. п. Отдельными группами повстанцев руководили выходцы из народа — Остемир Тулоокабылов, Атамкул Майылдаев, Аалы Турдубаев, Акын Кудайбергенов, Бегалы Султанов, Иманбай Осмонов, Айдаркул Абыкеев и др.¹⁰¹ Манапы, особенно волостные управители, пытаясь удержать трудовое население от открытого выступления, говорили: «Разве не грешно выступать против белого царя? Разве вы в состоянии бороться против царской власти? Разве вы не знаете, как сильна и могущественна царская армия, вооруженная пушками, пулеметами и бомбами? Выкиньте из головы дурные мысли, иначе вы погибнете в неравной борьбе и от вас следа не останется»¹⁰². Вначале восставшим сопутствовал успех. На это не могли не обратить внимание манапы и бани. Некоторые из них, намереваясь в случае победы восстания использовать его результаты в своих интересах, перешли на сторону повстанцев.

Восстание жителей указанных местностей, в частности Тынаевской, Нурмамбетовской, Байсентовской, Джанышевской, Иссык-Атинской и других волостей Токмакского участка, «продолжалось с 9 августа до конца сентября»¹⁰³. Число повстанцев здесь достигало 20 тыс.¹⁰⁴. Между восставшими и карательными отрядами произошел ряд столкновений, в которых повстанцы понесли большие потери; хотя иногда они одерживали победу. Восставшие взяли с. Юрьевку, но его жителей

¹⁰⁰ Воспоминания Кочкорбаева, Тентиева, Баялинова и Адикова (имена не указаны), Джаналы Оторбаева, Медера Мергенбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 2—3, 39—41; инв. № 1519(9-в), л. 22—23.

¹⁰¹ Воспоминания Шыйкынбая Чокобаева, Медера Мергенбаева, Абылды Конурбаева, Бекбо Мирзалиева, Исы Шамбетова, Бектемира Даулата, Джамапкара Калыбаева, Султанбая Мирзалиева, Каракаша Тыналниева, Чортолбая Токубаева, Чыдырбая Дуйшебаева и Шаршенбая Токтомушева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 11—12, 42—45; инв. № 1519(9-в), л. 25—27.

¹⁰² Воспоминания Абдурахмана Кенжебаева и Медера Мергенбаева, Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 14—16, 39—41.

¹⁰³ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 34, л. 16—17.

¹⁰⁴ ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 261; ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 2139, л. 85—86; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 87, оп. 1, л. 4, л. 2.

не тронули¹⁰⁵. Бедняки Омуралы Айылчиев, Иманкул Мукамилов из Иссык-Атинской волости и другие убили царского чиновника¹⁰⁶.

Восстало и население Кунтуйской, Узунгырской, Канайской и других волостей, расположенных к югу и юго-западу от Пишпека. В начале августа возмущенные жители этих волостей пытались отобрать у волостных управителей списки призывников и печати. Они заявили, что их сыновья не поедут в трудовую армию вместо байских и манапских сыновков. Повстанцы намеревались убить некоторых аильных старшин и волостных управителей¹⁰⁷. Восставшими жителями Кунтуйской волости руководил батыр Ашыrbай Нуралиев, который и раньше вел борьбу против манапов. Он убил волостного управителя, отличавшегося алчностью и жестокостью¹⁰⁸.

Напуганные восстанием царские чиновники принялись укреплять оборону Пишпека, в котором находились канцелярии уездного управителя, участкового пристава и управленческий аппарат колониальной власти. В городе была сформирована рота из девяти дружин, все улицы забаррикадированы. В центре города появилась крепость. По утверждению уездного начальника, «с принятыми мерами город может отсидеться не менее двух месяцев»¹⁰⁹. Однако осады Пишпека и нападений на него не было.

Выступление трудящихся Кунтуйской, Узунгырской и Канайской волостей носило ярко выраженный антифеодальный и антиколониальный характер. Оно было направлено против аильных старшин и волостных управителей. В нем не принимали участия представители местной феодальной знати, как и в ряде других районов Северной Киргизии. Наоборот,

¹⁰⁵ Воспоминания Джаналы Оторбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 2—3.

¹⁰⁶ Воспоминания Шыйкынбая Чокобаева, Абдрахмана Кенжебаева, Абылды Конурбаева, Бекбоо Мырсалиева, Исы Шымбетова, Бектемира Даулата, Джамынкара Калыбаева, Султанбая Калыбаева, Каракана Тыныбаева, Чортолбая Тогубаева, Абылды Дуйшобаева, Шаршенбая Токтомушева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (2), л. 12—13, 26—27.

¹⁰⁷ Воспоминания О. Джакенова, К. Майлыбаева, М. Дарбекова, Т. Тагеева, С. Бекболотова, Т. Дооронбекова, Дж. Токсобаева, С. Тойгебаева, Дж. Айманбаева, И. Чокуева и др. Указ. фонды, инв. № 1519(9), л. 1—3, 4—7, 20—22, 23—26.

¹⁰⁸ Воспоминания С. Бекболотова, Т. Дооронбекова, Дж. Токсобаева и др. Указ. фонды, инв. № 1519(9), л. 5—7.

¹⁰⁹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16922. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 60, л. 110. Подобные сведения содержатся в указанных материалах Г. И. Бродо, стр. 432.

такие крупные манапы, как Ашыр и Сыдык Узбековы, Бапа Байтиков, пытались предотвратить восстание¹¹⁰.

Такой же ярко выраженный антифеодальный и антиколониальный характер носило выступление трудящихся Тулебердинской волости, в частности Сокулука. Поводом к нему также послужил царский указ о наборе рабочих. Жители волости, собравшись в садах Орозалы и Мантобота и в урочище Кашка-Су, говорили о росте произвола и насилия манапов, баев, особенно местных должностных лиц и царских чиновников, о несправедливости волостных управителей и аильных старшин при составлении посемейных списков и о намерении последних отправить на военно-тыловые работы только сыновей бедняков. Собравшиеся решили не давать людей в трудовую армию, вооружаться и быть готовыми к открытому выступлению¹¹¹.

Утром 10 августа в сел. Белогорка, расположеннном в верховьях р. Сокулук, прибыли управитель волости, его писарь и конный полицейский, которые собирались произвести реквизицию лошадей для действующей армии. Этому воспротивились коренные жители Сокулука, в частности кыштаков Токто и Чины. Участники выступления (их насчитывалось около 300) были вооружены в основном палками, шашками и лишь некоторые — ружьями. Ими руководил бедняк батыр Егенберди Сарыков. Восставшие гневно кричали: «Почему в список призываются занесены только бедняки и их сыновья?», «Это несправедливо и возмутительно!», «Убьем всех вас и подобных вам тиранов!»¹¹². Они набросились на прибывших представителей местной и царской власти. Последние обратились в бегство. Участник выступления Есеналы Абаданов дрогнул писаря волостного управителя и ударом шашки по голове сшиб его с коня. Жена Очокбая (к сожалению, ее имя и фамилия не упоминаются) стащила с него сапоги, которые передала повстанцу Рыскулу¹¹³. Пистолет писаря достался Аманалы Суванову. Однако волостного управителя и страж-

¹¹⁰ Воспоминания О. Джакенова, К. Майлыбаева М. Дарбекова и Т. Тагеева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(9), л. 2—4.

¹¹¹ Воспоминания Бейшеналы Борбина, Мамбеталы Джаманбаева, Монотокуна Эстебесова, Суйора Джаманкараева, Сапата Джаманалиева, Эрмата Субанова и Джамансарта Сулайманова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(9-а), л. 7—8.

¹¹² Воспоминания Осмонкула Алымбекова, Бообека Табалдиева, Усубалы Кашкабаева и Абыша Казакова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (9-а), л. 3—5; инв. № 1519 (9-б), л. 1—3.

¹¹³ Воспоминания Бообека Табалдиева, Усубалы Кашкабаева, Абыша Казакова, Бейшеналы Борбина, Мамбеталы Джаманбаева, Монотокуна

ника восставшие догнать не смогли. Зато им удалось задержать «пять джигитов, посланных поодиночке в разные стороны (аильным — К. У.) старшиною и стражником к участковому приставу с донесением о случившемся»¹¹⁴. Задержанные джигиты были заперты в сарае, а донесения уничтожены.

Отец управителя Тулебердинской волости крупнейший манап Чолпонкул Тыналин, получив сведения о выступлении трудящихся кыштаков Токто и Чины и о бегстве сына, поспешил на место происшествия с намерением помешать восстанию. Он надеялся повлиять на местных жителей, особенно баев и манапов. Однако его надежды не оправдались. В ночь с 10 на 11 августа повстанцы пришли в кыштак Татыбек, где в мечети остановился Чолпонкул с сыном Суеркулом и сопровождавшим манапом Джантаем Кенесарином. Окружив мечеть, восставшие гневно кричали: «Давайте сюда Чолпонкула и Джантая, мы их убьем, они виноваты в составлении приговоров по сдаче нас и детей наших в солдаты, убьем их и никого не отдадим в солдаты»¹¹⁵. Об этом же говорится и в показании Суеркула: «Вечером 10 августа мы приехали в сел. Татыбековское, где остановились в мечети. Тут нас окружили толпы киргизов Тулебердинской волости и стали требовать выдачи моего отца и Джантая Кенесарина, говоря, что они главные сторонники составления приговоров»¹¹⁶ о наборе рабочих. Мечеть, в которой расположились представители феодальной знати, была окружена высоким забором. Повстанцы бросали через забор камни. Они осаждали мечеть всю ночь, только утром ушли в горы и остановились в урочище Кашка-Су.

В этом выступлении против представителей феодальной знати и колониальной власти активное участие принимали Мамыке Момондоров, Сармольдо Артыкбаев, Алыбай Тирегелдин, Караке Джолбин, Байгара Курамин, Саркан Калбатов, Байбосун Чобукин, Сыдыгали Момондоров, Джандыралы Сатылганов, Байджигит Таштанов, Карагул Джамангарин, Есеналы Абаданов, Таласбай Чагылов, Алыш Мойноков, Байзак Саркин, Тулеген Уйбанов, Курманалы Бекмурзин, Рыскул Малдыбаев, Суюналы Бекмурзин, Дербишалы Кур-

Эстебесова, Суйора Джаманкараева, Сопата Джаманалиева, Эрмата Субанова, Джамансарта Сулайманова, Осмонкула Алымбекова и Петра Васильевича Романюка. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(9-а), л. 3—12; инв. № 1519(9-б), л. 1—5.

¹¹⁴ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 250 (стр. 366).

¹¹⁵ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 19, л. 4; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане..., док № 260 (стр. 383).

¹¹⁶ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 19, л. 16.

маналин, Дыйканбай Майчик, Сары Баймурзин, Молдокерим Табалдин, Койкобай Сарыков, Кочкынбай Чыбыков и другие¹¹⁷.

Волостной управитель, его отец, стражник и должностные лица явились к беловодскому участковому приставу и рассказали ему о случившемся. Последний, опасаясь столкновений с повстанцами, решил пойти на обман. 11 августа участковый пристав с карательным отрядом из 12 солдат приехал в Белогорку. Вместе с ним прибыли стражник и некоторые представители местной феодальной знати. Кроме того, на сторону карателей было привлечено около 50 кулаков-переселенцев, живших в этом селении. Пристав участка, возглавлявший карательный отряд, послал к восставшим в Кашка-Су своего представителя Найзабека Байгазиева, который от имени царских чиновников и местной феодальной знати вел переговоры с повстанцами. Он сообщил им, что якобы набор рабочих прекращен и никто не собирается наказывать участников выступления за их «проступки». Всем, кто явится в Белогорку, он обещал выдать обелительные знаки. Как только повстанцы собрались, каратели окружили их и разоружили. По рассказам участников выступления, одних только палок и пик, изъятых у восставших, набралось четыре охапки.

Повстанцев под конвоем повели к сел. Беловодскому. Среди них была и та женщина, которая отобрала сапоги у писаря волостного управителя. Ее растерзали жены кулаков-переселенцев, натравленные представителями колониальной власти. По дороге начальник карательного отряда, указывая на людей, взятых под стражу, сказал манапу Чолпонкулу Тыналину: «Все они, без единого исключения будут убиты. Если среди них имеются люди, находившиеся с вами в дружественных и близких отношениях, я могу их освободить и спасти им жизнь». На это манап совершенно равнодушно и цинично ответил: «Они мятежники и ваши враги. Раз ваши враги, значит и мои враги. Среди наших врагов нет и не могут быть мои близкие и друзья. Делайте с ними, что хотите»¹¹⁸.

Представители царской власти зверски расправились с восставшими. К вечеру их пригнали в сел. Беловодское, где поместили в очень тесном подвале. За ночь от недостатка воздуха задохнулось 30 человек. Утром 12 августа повстанцев вы-

¹¹⁷ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, док. № 250 (стр. 365—366).

¹¹⁸ Воспоминания Осмонкула Алымбекова и Османалы (фамилия не указана). Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(9-б), л. 2—4.

вели во двор. Царские палачи прежде всего расправились с батыром Егенберди Сарыковым. Ему отрубили руки и ноги. Егенберди-батыр умер как герой. Царские колонизаторы зверски замучили и убили 154 участника выступления. Из 167 арестованных только 13 удалось бежать¹¹⁹.

Не менее зверски расправились царские каратели и с другой группой повстанцев из Тулебердинской волости. 13 августа по распоряжению беловодского участкового пристава под конвоем вооруженного отряда 138 повстанцев были отправлены в Пишпек «для заключения в тюрьму по обвинению их в явном против властей восстания»¹²⁰. Без всякого преувеличения можно сказать, что дорога от Беловодска до Пишпека была усеяна трупами арестантов. В уездное управление привели только 35 повстанцев, а 103 человека были убиты по дороге якобы «за попытку к побегу»¹²¹. Приведенных арестантов заставили лечь на церковной площади и по приказу уездного начальника «на глазах начальства, под звуки кинематографа»¹²² закололи штыками. Некоторые из казненных были еще живые, но их вместе с трупами вывезли за город и закопали.

Кровавая расправа ожесточила коренное население и вызвала новые, более мощные волны народного гнева. В начале августа поднялись на борьбу жители Джамансартовской, Кара-Балтинской, Булекбаевской и других волостей, расположенных в западной части Пишпекского уезда. Поводом к выступлению, как и всюду, явился царский указ о наборе рабочих. «Манапство,— говорится в жалобе вдов повстанцев Джамансартовской волости, зверски убитых царскими палачами,— допустило открытое злоупотребления при составлении приговоров относительно рабочих... Манапы в рабочие записали только бедный люд, а сыновья манапов и влиятельных

¹¹⁹ Воспоминания Осмонкула Алымбекова, П. В. Романюка, Усубалы Кашкабаева, Баобека Табалдиева, Абыша Казакова, Бейшеналы Борбуевы, Мамбеталы Джаманбаева, Монотокуна Эстебесова, Субора Джаманкараева, Сапата Джаманалиева, Эрмата Субаирова, Джамансарта Сулайманова и других. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(9-а), л. 3—12; инв. № 1519(9-б), л. 1—5; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 18, л. 39—40; д. 19, л. 4, 16; д. 45, л. 94, 110, 120—121, 135; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16920, л. 140—146; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане..., док. № 264 (стр. 393); ЦГВИА СССР. ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 341.

¹²⁰ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, док. № 261 (стр. 385—386).

¹²¹ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, док. № 261 (стр. 385—386); Г. И. Бродо. Материалы к истории восстания. стр. 431—432.

¹²² ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 72, л. 169.

людей в списки не попали. Простой люд выразил протест против злоупотреблений при составлении приговоров»¹²³. Это выступление было направлено не только против местной феодальной знати, но и против царских колонизаторов. Оно возникло под непосредственным влиянием восставших Тулебердинской волости.

10 августа житель Тулебердинской волости Мырзакан Бекбоев прискакал на лошади в местность Темен-Су Джамансартовской волости. В его руках был окровавленный кинжал. Показывая на кинжал, он сказал местным жителям: «Вот этим кинжалом я зарезал беловодского участкового пристава и стражника»¹²⁴. Мырзакан Бекбоев призвал коренное население к активной борьбе против местных угнетателей и царских колонизаторов. Джамансартовцы живо откликнулись на его призыв. Часть их, руководимая скотоводами Сатылганом Борбуевым, Джунушалы Джумабаевым и Борджу Тыналиевым, напала на двух русских кулаков и убила их. Кроме кулаков, «никто из русских не пострадал»¹²⁵. После этого жители волости, опасаясь преследований карательного отряда, откочевали в горы Бултике, где готовились к более решительному выступлению. С таким же намерением ушли в горы трудовые дыйкане Кара-Балтинской и Булекпаевской волостей. Они расположились в урочищах Минтокум и Кёк-Дебё¹²⁶. Во главе повстанцев, которые стояли в урочище Кёк-Дебё, был бедняк Аден Ысмаилов¹²⁷.

В рядах восставших этих волостей насчитывалось несколько тысяч человек. Они представляли серьезную угрозу для царских колонизаторов. Поэтому последние не решались открыто выступить против них. В связи с этим был распространен слух, что живым останется только тот, кто имеет удосто-

¹²³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1128, л. 211—212.

¹²⁴ Воспоминания Кадыркула Чокоева, Шопока Акылбекова, Саадабан Джоруева, Сыдыгали Елебаева, Мырзакана Джумабаева, Айдара Бердибаева, Асанбая Чонмурунова, Орозкула Сейтмуратова, Дүйшеке Көкөнова, Джаманкула Кыдыраева и Еркебека Джунушалыева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (9-б), л. 19—28.

¹²⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1186, л. 24.

¹²⁶ Воспоминания Джумаша Асылова, Абдыкасима Бейшебаева, Тыныбека Сарбагышева, Кыдыралы Кылтообаева, Умета Сатылганова, Аманкула Абышева, Сыдыгали Багышбаева, Кадыркула Кулукеева, Туркмена Сокубашева, Ешимкана Сандыбаева, Джаманкула Беймырзаева, Чортонбая Манапова, Токтогельди Тилекматова, Алдаке Назарбекова, Боке Артыкбасова и Уметбека Алыбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(8), л. 1—10; инв. № 1519(9-б), л. 13—23.

¹²⁷ Воспоминания Аманкула Абышева, Сыдыгали Багышбаева, Кадыркула Кулукеева, Туркмена Сокубашева и Ешимкана Сандыбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(9-б), л. 17—18, 21—23.

верение с надписью «мирный», выдаваемое якобы беловодским участковым приставом¹²⁸. Этот слух дошел и до восставших. Некоторые из них решили, что нужно добровольно явиться к беловодскому участковому приставу, чтобы получить удостоверение. Большинство же было за то, чтобы оставаться на местах и продолжать подготовку к решительному выступлению. Часть восставших колебалась. Именно в это время к ним прибыли царские чиновники, которым удалось уговорить повстанцев спуститься с гор в долину, к зимовкам. В подавлении выступления немалую роль сыграл крупнейший манап Абдылда Узбеков¹²⁹.

Восставшие, спустившись в долину в надежде получить обелительный документ, отправили своих представителей к беловодскому участковому приставу, но они сразу же были арестованы царским карательным отрядом, которым командовал сам пристав. Карательный отряд состоял из 10 солдат, одного стражника и около 30 кулаков-переселенцев. По дороге в с. Беловодское каратели убивали арестованных за малейшее неповиновение. Один из руководителей выступления Аден Бысмайлов, назвав начальника карательного отряда обманщиком и негодяем, кинулся на него, но тут же был пристрелен.

Вечером 12 августа под конвоем карательного отряда около четырехсот арестованных было доставлено в с. Беловодское, где их заперли в сарае¹³⁰. Однако население Кара-Балтинской и Булекпаевской волостей не знало об аресте своих представителей. Об этом не знали и жители Джамансартовской волости. Поэтому на следующий день — 13 августа — последние послали в с. Беловодское к участковому приставу за удостоверениями 83 делегата, которые были также арестованы по распоряжению участкового пристава и заперты в большом сарае, принадлежавшем узбекскому баю. Сюда же привели повстанцев, пригнанных 12 августа. Теперь в сарае собралось 517 человек¹³¹. Участковый пристав, приказав «покончить с арестованными», уехал.

Перед расправой стражник сказал арестантам: «Вы сеяли смуту и ослушались белого царя, а теперь увидите, что такое

¹²⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1128, л. 211—213, 215—216; оп. 31, д. 1186, л. 24.

¹²⁹ Воспоминания Қадыркула Чокоева, Садабая Джоруева, Сыдыгали Елебаева, Миңзакапа Джумабаева и Еркебека Джунушалиева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(9-6), л. 26—29.

¹³⁰ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, ч. 34, л. 17—18.

¹³¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1186, л. 24.

белый царь»¹³². Кулакам-колонизаторам и карательному отряду была дана команда быстрее покончить с арестованными, и они немедленно приступили к выполнению команды. У дверей сарая поставили стол якобы для того, чтобы составить списки арестованных. Затем их стали выводить по два-три человека. Вооруженные палачи тут же у выхода из сарая расправлялись с восставшими. Некоторые повстанцы сопротивлялись. Так, Макебай (его фамилия не упоминается) вырвал из рук кулака-переселенца палку и убил его ею¹³³. Но безоружные арестанты не могли устоять против карателей. Все они были зверски перебиты. В жалобе жен убитых повстанцев говорится, что «стон стоял в тот день в селе Беловодском и кровавое море образовалось на месте побоища»¹³⁴. Только некоторым заключенным, в частности Мураталы Токсобаеву, Алымкулу Манапову, Рысману Боронбаеву, Тыныбеку Сарбагышеву, Бердибаю Бадачиеву, Джумашу Асылову, Мамыру Отунчиеву и Асылу Сурандиеву, чудом удалось спастись. Преодолевая боль и истекая кровью, они перепрыгнули через дувалы и скрылись в зарослях¹³⁵.

После варварской расправы с повстанцами была организована настоящая охота за людьми. Каратели расстреливали киргизов-бедняков, где бы они ни встретились: на полях и пастбищах, в домах и во дворах. Они не щадили ни детей, ни стариков, ни женщин. Всего в трех волостях было убито более 1100 человек¹³⁶. Коренное население было разорено, оно лишилось значительной части скота.

Но жестокость царских карателей не сломила свободолюбивый дух киргизского народа. Восстание продолжало усиливаться. Им были охвачены районы Каинды, Чалдовара, Мерке и Луговой. Население нападало на представителей колониальных властей и кулаков-переселенцев, угоняло их скот,

¹³² Воспоминания Джумаша Асылова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(8), л. 9—10.

¹³³ Воспоминания Айдара Бердибаева, Шопока Акылбекова, Асанбая Чонмурунова, Орозкула Сейтмуратова, Дүйшеке Кёкёнова и Джаманкула Қыдырбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(9-6), л. 24—25.

¹³⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1128, л. 212—213.

¹³⁵ Воспоминания Джумаша Асылова, Абдыкасыма Бейшебаева, Тыныбека Сарбагышева, Қыдыралы Қыштообаева, Үмота Сатылганова, Джумагула Баймурзаева, Чортонбая Манапова, Токтогельди Тилекматова, Алдаек Назарбекова, Баки Артықбаева, Үмтбека Алыбаева; Аманкула Абышева, Сыдыгали Багышбаева, Қадыркула Кулукеева, Туркмена Сокушбаева и Ешнімкана Сандыбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(8), л. 9—10; инв. № 1519(9-6), л. 14, 16, 18.

¹³⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1128, л. 213; оп. 31, д. 1186, л. 24; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 147.

нарушило почтово-телеграфные связи между Пишпекским и Аулие-Атинским уездами и др.¹³⁷

Вскоре восстание перекинулось в Талас. Местные жители, готовясь к открытому выступлению, усиленно вооружалось. Они попытались установить связь с восставшими жителями Чуйской долины. С этой целью туда было послано три человека. Из Чуйской долины, в частности из Джамансартовской волости, в Талас приезжали активные участники выступления в Беловодске — Шолоп Акылбеков и Джусуп Наматбаев. Группа бедняков, возглавляемая дыйканином Шамырраталы (его фамилия не указана)¹³⁸, убила кулака-переселенца — брата акчайского волостного управляющего. Однако восстание в Таласе широкого размаха не получило, хотя возмущением и негодованием было охвачено почти все коренное население. Не случайно туркестанский генерал-губернатор в своей телеграмме от 16 августа 1916 г. с явным беспокойством отмечает: «В настоящее время главным очагом восстания, по-видимому, являются Сусамырская и Таласская долины»¹³⁹. Представители местной феодальной знати и царского правительства приняли все меры к тому, чтобы предотвратить выступление трудающихся Таласа. Из г. Аулие-Ата были вызваны войска. Они расположились в четырех волостях Таласа и оставались здесь значительное время.

9 августа выступили киргизы, населявшие Центральный Тянь-Шань, в частности Темир-Булатовскую, Абайльдинскую, Сусамырскую, Качкинскую, Кара-Кечинскую, Нурманбетовскую, Джумгальскую, Курмакоджинскую, Кочкорскую, Шаркиратминскую, Бугенскую, Черикчинскую, Джуван-Арыкскую, Ниязбековскую, Бурукчинскую, Он-Арчинскую, Аджинскую, Шатеновскую и Моногельдинскую волости. Как и в других районах Киргизии, они выступали против двойного гнета, в частности против колониальной политики царского правительства. По словам активного участника Ибрая Джандоолотова, киргизы поднялись на борьбу потому, что царские колонизаторы «хотели собрать наших детей в армию, задавили нас налогами, поборами, отобрали наши земли, отобрали лоша-

¹³⁷ ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 285, 289, 291; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16920, л. 70—77.

¹³⁸ Воспоминания Нурмамбета Назарова, Иманбека Шыгаева, Кожумбата Байкончкова, Джаманкула Тынышташева, Абдыша Чокобекова, Саке Турдалиева, Нурманбая Джумабаева, Шатманалы Арыкова, Семена Тихоновича Белоусова и др. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(5), л. 1—39.

¹³⁹ ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 255. Подобные же сведения содержатся в рапорте туркестанского генерал-губернатора от 22 февраля 1917 г. (ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1197, л. 2).

дей, особенно надоели джигиты («кызыл-чоки»), которые отбирали лучших лошадей»¹⁴⁰. Подобные сведения приводятся всеми участниками и очевидцами восстания 1916 г., а также в многочисленных архивных документах.

В названных выше волостях волнения трудящихся начались сразу же после того, как стало известно о царском указе. Как отмечается в показаниях активного участника восстания Джайнакова, в «каждой волости почти ежедневно были сбираша молодежи», подлежащей призыву на военные работы, и на этих сбирашах выяснилось, что молодежь не согласна идти. Она категорически отказалась дать свое согласие¹⁴¹. Совещание, которое созывал заведующий полицейской частью Загорных волостей с целью решить вопрос о наборе рабочих, по существу было сорвано. На него не явился ряд волостных управителей и аильных старшин. Это объяснялось тем, что молодежь не отпустила на совещание многих пятидесятников и волостных управителей, а у некоторых отобрали «печати, говоря, что должностные лица хотят их сдать в солдаты»¹⁴².

В конце июля сыновья бедняков Абайльдинской волости категорически отказались выполнить «высочайшее повеление» о наборе рабочих. На совещании, проводимом крупнейшим манапом волостным управителем Канатом Абукиным, призывники открыто заявили, что они не намерены идти в трудовую армию вместо байских и манапских сыновей. Манап, прийдя в ярость, кричал, что он отрежет им языки и вызовет карательный отряд, который жестоко накажет их за ослушание «белого» царя. Однако эта угроза не подействовала. Возмущившиеся призывники направились к дому брата волостного управителя, чтобы отобрать у него списки призываемых и уничтожить их. Вскоре к ним присоединились другие недобольные, численность их достигла 300 человек. Аильный старшина, присланный Канатом, пытался предотвратить волнения, но ему это не удалось¹⁴³. Участники выступления решительно заявили: «Пусть отрубят нам голову, но мы не пойдем в трудовую армию»¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Записи воспоминаний участников и очевидцев восстания, сделанные Дж. Меджитовым. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 32.

¹⁴¹ Л. Матвеев. Из истории восстания киргизов и казахов в 1916 г. (воспоминания). «Борьба классов», 1932, № 7—8, стр. 136.

¹⁴² Л. Матвеев. Указ. работа, стр. 136.

¹⁴³ Воспоминания Садыка Есеналиева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(10), л. 62—63.

¹⁴⁴ Воспоминания Тыныкула Маасымыкова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(10), л. 1—3.

Серьезное волнение произошло в Джумгеле, где призывники волостным управляющим и другим должностным лицам гневно заявили: «Если хотите, идите сами, а мы не пойдем в трудовую армию»¹⁴⁵. То же происходило и в других волостях Центрального Тянь-Шаня.

Волнение, начавшееся среди молодежи, быстро охватило широкие слои народных масс Загорных волостей и Нарынского участка. Кочевники местности Джоон-Арык, руководимые бедняком Ибраем Соксабаевым и батыром Самаком Торогельдиевым, пытались убить волостного управляющего и аильных старшин за то, что они включили в список призываемых только сыновей букары¹⁴⁶.

Подобное выступление произошло и в Ниязбековской волости. Группа бедняков более чем в 30 человек, возглавляемая рядовым кочевником Ысманлом Турсуновым¹⁴⁷, угрожала волостному управляющему убийством. Последний бежал в Кочкор.

Значительное выступление отмечалось в Кара-Кечинской волости. Более 200 бедняков напали на волостного управляющего, который направлялся к заведующему полицейской частью Загорных волостей, чтобы сообщить ему о начавшемся восстании. Повстанцы, «отобрав у него шашку, погнали его с джигитами в айл № 3, где... стали угрожать лишить его жизни, если он доведет до сведения начальства все слышанное и виденное»¹⁴⁸. Они отпустили волостного управляющего лишь после того, как он поклялся не чинить им препятствий.

Против набора рабочих и двойного гнета выступили и трудающиеся Черикчинской волости. Узнав о том, что в список призываемых внесены только бедняки и их сыновья, они решили убить волостного управляющего, которому, однако, удалось бежать. Писарь волостного управляющего был убит группой бедняков, косивших сено в местностях Кабак и Арал. Во главе восставших косарей (их было более 40 человек) стоял бедняк Нусупалы Байбосунов. К ним присоединилось около 140 дыйкан Качикенской волости. В подавлении этого выступления немалую роль сыграл манап Қазым-

¹⁴⁵ Воспоминания Конайтты Улакова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (10), л. 65—67.

¹⁴⁶ Воспоминания Садыбакаса Кобочонова, Самака Торогельдиева и Османа Тунтеева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (11), л. 50—66.

¹⁴⁷ Воспоминания Мамыкула Деркенбаева (чл. КПСС с 1930 г.). Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (11), л. 72—74.

¹⁴⁸ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 261 (стр. 388). Об этом же говорится и в воспоминаниях одного из руководителей выступления Шералы Ешимбекова. См. фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (11), л. 83—96.

бек, который донес колониальной власти о начавшемся восстании и позже стал проводником царского карательного отряда¹⁴⁹. Активные участники выступления Сыдык Айылчиев, Макий Шалпыков, Абдракманов (имя не указано) и некоторые другие были повешены.

Не меньшую опасность для местных должностных лиц и царских чиновников представляло выступление трудового населения Аджинской волости. В нем принимало участие около 700 человек, под руководством бедняка Чокубая Мандаева. Участники выступления были вооружены пиками, палками, дубинками, трое из них имели ружья. Несмотря на это они храбро сражались с царскими карательными и местными должностными лицами¹⁵⁰. Рядовые скотоводы (приблизительно 300 человек), кочевавшие в урочище Сон-Куль, руководимые Чокубаем Кедейбаевым, грозили убить волостного управляющего, внесшего в список призываемых только бедняков¹⁵¹.

Восставшие в Бурукчинской волости отобрали именные печати у аильных старшин и намеревались уничтожить список призываемых, который находился у волостного управляющего. Они с гневом говорили: «Мы сами не пойдем в трудовую армию и своих сыновей не дадим»¹⁵². Руководил ими рядовой киргиз Кокумбай Дозоев.

Особенно бурными были выступления киргизов, кочевавших в долине Нарына. Как и в других местностях, здесь первыми выступили сыновья бедняков, подлежащие призыву. Они нападали на аильных старшин, избивали местных должностных лиц, отбирали у них списки призываемых и уходили в труднодоступные районы. Джигиты, возглавляемые смелым молодым охотником Едибаем (его фамилия не указана), совершили ряд дерзких нападений на местных должностных лиц и царских колонизаторов¹⁵³, а волостной управляющий, опасаясь расправы, постоянно менял место ночевки. Однако руководитель восставших Едибай-мерген, как его прозвали в народе, был убит за Нарыном при столкновении с карательным отрядом. Его семья и друзья-повстанцы ушли в горы.

¹⁴⁹ Воспоминания Нусупалы Байбосунова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (11), л. 110—112.

¹⁵⁰ Воспоминания Мамбетжана Карабчева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (11), л. 22—32.

¹⁵¹ Воспоминания Кулы Байбостонова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (11), л. 36—38.

¹⁵² Воспоминания Алыкула Токобаева, Абдрахмана Надырбекова и Турдубая Джангельдиева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (11), л. 67—71.

¹⁵³ Воспоминания Абдылды Аралбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (10-а), л. 15—25.

На борьбу против местной феодальной знати и царских колонизаторов поднялись рядовые скотоводы, кочевавшие в местности Он-Арча. Вначале выступило около 100 человек. Но число восставших быстро росло и вскоре превысило 1000, а затем и 2000 человек. Ими руководили бедняки Кулмат и Мамыркан (их фамилии не указаны). Гнев и ненависть участников этого выступления были направлены прежде всего против местной феодальной знати, в частности должностных лиц. Аильные старшины и волостные управители спешно бежали¹⁵⁴.

Подобное выступление молодежи имело место и в Куланаке. Группа призывников, в частности Абдрам Байзабаев, Сарбаш Бокчиев, Мамыт Кулжугачев, Ибраим Сармашаев и другие, напала на аильного старшину и двух стражников, которые по поручению волостного управителя со списком призываемых направлялись к нарынскому участковому приставу. Список был уничтожен, а должностные лица убиты¹⁵⁵. Не менее успешно действовала в Куланаке и другая группа молодежи, возглавляемая Томо-мергеном. Томо и его друзья стали грозой для местных должностных лиц. Но вскоре Томо был убит человеком, подосланым волостным управителем¹⁵⁶, однако и после этого антифеодальные и антиколониальные выступления призывников в этой местности не прекратились.

Значительное выступление имело место в районах Ак-Тала, Ат-Баши, Тогуз-Торо и Сусамыра.

Весь Центральный Тянь-Шань охватило пламя народного восстания. В движении участвовали самые различные слои трудового населения Загорных волостей и Нарынского участка. В этих районах восстание приняло широкий размах. Вскоре к повстанцам примкнули такие крупные манапы, как Канат Абукин, Кокумбай Чыныев, Курман Лепесов, Балбак Телекенов, Тезекбай Толкуев, Чолук Курманкоджоев и другие. Эти манапы, за исключением Курмана Лепесова и Чолука Курманкоджоева, провозгласили себя ханами отдельных волостей¹⁵⁷ и пытались направить восстание по антирусскому руслу.

¹⁵⁴ Воспоминания Джунуша Борсунбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(11), л. 3—6.

¹⁵⁵ Воспоминания Джаныша Джаныбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(10-а), л. 65—72.

¹⁵⁶ Воспоминания Мендеша Мамырова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(10), л. 59—63.

¹⁵⁷ Воспоминания Рысалы Солтонбекова, Тынымкула Масымакунова, Конайты Улакова, Мамбетжана Каракева и Мамыкула Деркенбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 25—38; инв. № 1519 (10), л. 1—13, 65—71; инв. № 1519 (11), л. 22—33, 72—75.

Некоторые из них вытащили запылившиеся знамена своих предков и под ними стремились повести повстанцев против всех русских. По их инициативе 9 августа повстанцы напали на русские села и хутора, находившиеся в Загорных волостях и Нарынском участке (Центральный Тянь-Шань). Как отмечает пристав Загорных волостей в рапорте от 22 ноября 1916 г., нападение повстанцев на переселенческие поселки «выразилось в избиении всех чиновников, работавших по той или другой специальности в этих волостях»¹⁵⁸. Подобные сведения содержатся и в воспоминаниях активных участников восстания Джаныша Джаныбаева и Мамбетжана Каракева¹⁵⁹. Повстанцы Загорных волостей и Нарынского участка убили заведующего полицейской частью, конного полицейского и четырех писарей волостного управления¹⁶⁰.

Около полутора тысяч восставших во главе с рядовыми киргизами Тойматом, Сатылганом, Кудайбергеном и Кулманбетом овладели казацкой станицей Белоцарской, расположенной в Джумгальской долине, в которой скрывались чиновники. Прежде всего они расправились с представителями колониальных властей, а затем сожгли станицу. Часть жителей станицы, особенно казацкая верхушка, была перебита. Во взятии станицы участвовали жители Джумгальской, Кара-Кечинской, Курманкоджинской, Кочкорской и Абайльдинской волостей¹⁶¹.

На следующий день, 10 августа, восставшие Ниязбековской, Бурукчинской, Джоон-Арыкской, Кочкорской, Абайльдинской и других волостей Центрального Тянь-Шаня окружили с. Столыпино, расположенное в Кочкорской долине. Повстанцами, численность которых достигала 5 тыс. человек, руководили Канат Абукин, Дооткул Шыгаев и другие манапы. В Столыпине в это время находился небольшой отряд, состоявший из 18 казаков и нескольких солдат. Вечером 10 августа на помощь осажденным прибыл ат-башинский участковый начальник с 20 казаками. Это значительно укрепило оборону села. Ночью повстанцы прекратили осаду, но утром следующе-

¹⁵⁸ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 34, л. 22.

¹⁵⁹ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(10-а), л. 65—73; инв. № 1519(11), л. 22—27.

¹⁶⁰ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 34, л. 16—18.

¹⁶¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 13; ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 253; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 34, л. 22—23; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 261 (стр. 388); Воспоминания Рысалы Солтонбекова и Ногойбая Назымканова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 25—34; инв. № 1519(11), л. 103—108.

го дня възобновили ее с новой силой. Между осажденными и восставшими произошел ряд серьезных столкновений, в результате обе стороны понесли потери¹⁶². Было убито более ста повстанцев, один унтер-офицер, четыре казака и около 30 переселенцев.

Осажденные сосредоточились в караван-сарае, забаррикадировав его спутанной проволокой и телегами. Ат-башинский участковый начальник, руководивший обороной с. Столыпино, решил вступить в переговоры с повстанцами и напомнить им о «могуществе и непобедимости» царского самодержавия, чтобы «тем самым заставить восставших подумать о завтрашнем дне». С этой целью он направил своего представителя к восставшим с ультимативным предложением, которое было записано на двух кусках белой материи. Вот что говорилось в нем: «Если вы, проклятые изменники, сегодня до вечера не сдадите главарей и разграбленное имущество у крестьян, а также пленных, то вы будете разбиты, у нас силы хватят. Вы же, подданные (белого царя). — К. У.), подумайте сами, имена главарей восстания до одного мне известны, если это будет исполнено, то вы останетесь на месте»¹⁶³. Это предложение царского чиновника вызвало у повстанцев только гнев и ненависть. В своем ответе они писали: «Проклятые, вы сначала отобрали землю, а скотины не жалко. Когда вы [решили] взять в солдаты от 19 до 43 лет [последние учили] беспорядки. Эти, подлежащие призыву, восстали и готовы к смерти. Все мусульмане восстали и города разбиты. Оружия для аскеров достаточно. Теперь подумайте, чтобы [нас] не взяли в солдаты»¹⁶⁴. Ни угрозы, ни ультимативное требование не пугали повстанцев. Они соглашались снять осаду при условии, если колониальные власти прекратят набор рабочих.

Теперь восставшие резко усилили наступление на осажденных. Последние (около 500 человек) ночью покинули село и бежали по направлению к Токмаку, куда часть их прибыла лишь 13 августа. Другая часть осажденных

¹⁶² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 13—14; ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 21406, л. 20; ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 253; ЦГИАЛ, ф. 396, оп. 7, д. 764, л. 60; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 15, л. 43—44; д. 34, л. 22—23; д. 92, л. 247—249; ф. 77, д. 15, л. 43; Воспоминания Ибрая Джандоолотова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 32; Воспоминания Садыбакаса Кобогонова и Мамыкула Деркенбаева (чл. КПСС с 1930 г.). Указ. фонды, инв. № 1519 (11), л. 50—58, 72—74.

¹⁶³ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 15, л. 43; ф. 77, д. 15, л. 43; ф. 75, д. 92, л. 247—248.

¹⁶⁴ Там же, ф. 75, д. 15, л. 44; д. 92, л. 248—249; ф. 77, д. 15, л. 44.

направилась в Верненский уезд. Повстанцы сожгли Столыпино, но не стали преследовать беженцев. Они двинулись к укреплению Нарын. К ним присоединились жители аилов, расположенных на их пути. Однако восставшим не удалось овладеть укреплением. На подступах к Нарыну, в местности Каан-Курт, произошло столкновение между повстанцами и карательным отрядом, в котором участвовало более 4 тыс. жителей Бурукчинской, Джон-Арыкской, Кочкорской, Абаильдинской, Темир-Булатовской и других волостей. Хотя восставшие численно во много раз превосходили карателей, они все же потерпели неудачу и отступили от Нарына. Отступая, они разграбили и подожгли станции Джил-Арык и Кок-Мойнок¹⁶⁵.

Нападению восставших подверглись и небольшие села Атайка, Титовка и Бочина, находившиеся в Ат-Башинском участке¹⁶⁶. В селе Атайка повстанцы сожгли канцелярию сельского старосты, уничтожили служебную переписку и другие документы, разрушили молитвенный дом, разграбили имущество кулаков-переселенцев и угнали их скот в горы¹⁶⁷. Следует отметить, что если манапы, руководившие выступлением, жестоко расправлялись с каждым русским, попавшим к ним в руки, и стремились перебить всех жителей захваченных ими сел, то совершенно иначе относились к трудовым русским переселенцам рядовые повстанцы. Известно немало случаев, когда они помогали русским крестьянам бежать от неминуемой расправы или прятали их у себя. Как рассказывают активные участники восстания Джаныш Джаныбаев (чл. КПСС с 1918 г.) и Мамбетжан Каракеев, рядовые кочевники предупредили жителей селений Атайка, Титовка и Бочина о том, что манапы собираются напасть на русских. Благодаря этому переселенцы вовремя покинули селения. Если некоторые из русских крестьян не успевали бежать, их выручали рядовые скотоводы, принимавшие участие в выступлении¹⁶⁸. Так, в урочище Сусамыр 11 августа часть восставших напала на трех русских техников, работавших на строитель-

¹⁶⁵ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 92, л. 248—249; Воспоминания Ибрая Джандоолотова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 32—33.

¹⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 396, оп. 7, д. 764, л. 60; ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 296; Воспоминания Абдыкалыка Чоробаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 16—17; Воспоминания Токо Алтынбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (10-а), л. 91—93.

¹⁶⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1138а, л. 170.

¹⁶⁸ Воспоминания Джаныша Джаныбаева и Мамбетжана Каракеева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(10-а), л. 65—69; инв. № 1519(11), л. 22—27.

стве водохранилища. Один из них был убит, а двое остались в живых только благодаря вмешательству одного из местных жителей, который и скрывал пострадавших у себя в доме¹⁶⁹.

В конце первой—начале второй декад августа восстание приняло особенно широкий размах, что вызвало панику в высших кругах царских колониальных властей. В телеграмме туркестанского генерал-губернатора от 17 августа 1916 г., адресованной военному губернатору Семиреченской области, говорится, что «в Токмакском участке и Каркаре положение остается тяжелым». В другой его телеграмме указывается, что число восставших в некоторых районах Токмакского участка колебалось от 10 до 20 тыс.¹⁷⁰

В связи с тем, что в Пишпекском уезде и, частности в Токмакском участке, восстание нарастало, царское правительство вынуждено было принять срочные меры. Оно направило сюда из Верного карательный отряд из 100 казаков и 70 солдат. 11 августа отряд прибыл в Токмак. Здесь к нему присоединилось 350 дружинников, составивших две пеших и одну конную дружины¹⁷¹. На следующий день за Токмаком, в десяти верстах от гор, произошло столкновение карательного отряда с восставшими, возглавляемыми Маасымом, Коджо, Мамбеталы и Бакатай-батыром. Около полутора тысяч повстанцев смело вступило в бой с вооруженными царскими карательными. «Они производили атаку,— пишет по этому поводу в документе, датированном 13 декабря 1916 г., прокурор Верненского окружного суда,— на отряд Бакуревича, причем им удалось прорваться к автомобилю, на котором был помещен пулемет, часть казаков была окружена киргизами и один из них был убит»¹⁷². Особую отвагу проявил повстанец Аалы (его фамилия не упоминается). Он направил своего коня на автомобиль, в котором сидели казаки, и выбил одного из них пикой. Его не испугали ни пулемет, которого он не видел раньше, ни град пуль. Конь Аалы был убит, и вместе с ним он упал на землю. Каратели послешили отрубить смертнику голову¹⁷³. Храбро сражались и другие участники выступления. В результате пулемет карателей был выведен из строя, а сами они бросили поле боя и бежали в Токмак. Заведующий Токмакской полицейской частью писал об этом поражении

¹⁶⁹ ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 284.

¹⁷⁰ Там же, л. 257, 261.

¹⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 934, л. 20; ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 12—13.

¹⁷² ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 934, л. 20—21.

¹⁷³ Воспоминания Медера Мергенбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 39—50.

карательного отряда: «Киргизы дали казакам бой, и казаки были принуждены вернуться со степи в Токмак, не очистив окрестностей Токмака от засевших там киргизов»¹⁷⁴.

На следующий день по следам карательного отряда повстанцы подошли к Токмаку, в котором скрывались начальник Пишпекского уезда, участковый пристав и ряд других царских чиновников¹⁷⁵. Началась осада села. Она продолжалась десять дней — с 13 по 22 августа. Царский карательный отряд, насчитывавший вместе с дружинниками 520 человек, ограничился лишь обороной¹⁷⁶. Восставшие неоднократно пытались взять село приступом. Осажденным с трудом удавалось отбивать атаки. Вот что пишет по этому поводу начальник Пишпекского уезда: «С 14 по 22 августа ежедневно с 9 утра до 7 часов вечера приходилось сдерживать атаки киргизов в разных пунктах»¹⁷⁷. 20 августа особенно трудно пришлось осажденным. «В этот день атаки восставших были настолько яростны,— подчеркивает военный губернатор Семиреченской области в отчете от 4 марта 1917 г.,— что, несмотря на огонь пулемета, сметавшего целые ряды, они три раза бросались на приступ»¹⁷⁸, однако взять Токмак не смогли.

Решительный наланс повстанцев вызвал панику среди осажденных и растерянность царских чиновников, руководивших обороной села. Заведующий Токмакской полицейской частью в своем показании от 22 февраля 1917 г. отмечает: «В самом деле воцарилась такая паника, что все время были заняты возвращением порядка. С помощью полицейских кое-как организовались отряды крестьян... 11 августа прибыла сотня казаков Бакуревича, и паника несколько улеглась. Однако на другой день тревога опять усилилась»¹⁷⁹. Кстати, между осажденными не было сплоченности и единства. Классовый антагонизм и социальные противоречия с особой силой проявились в дни осады. Гнев трудовых крестьян был направлен не только против осаждавших, но, в известной степени, и против царских чиновников. Последние в свою очередь пытались убедить русских переселенцев в том, что якобы во всем виноваты киргизы, поднявшие «мятеж», и тем самым направить гнев русских трудящихся против восставших киргизов. Но не все осажденные отвечали на призывы царских чинов-

¹⁷⁴ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 26, л. 9.

¹⁷⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 70.

¹⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 934, л. 20—21.

¹⁷⁷ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 261 (стр. 385).

¹⁷⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 13—14.

¹⁷⁹ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 26, л. 9.

ников и далеко не все крестьяне принимали активное участие в обороне села.

17 августа повстанцы направили письмо организаторам обороны села. В нем говорилось: «Приказываем всем побросать орудия и покориться... Если не послушаете, то будете уничтожены»¹⁸⁰. Письмо подписали манапы Кокумбай, Мамбеталы, Султан, Мокуш, Мырзабек, Токтосун и Сонунбек. Хотя среди подписей не было имени Каната, однако письмо было написано по его инициативе. Письмо не попало по назначению, оно было перехвачено казаками, а несший его восьмидесятилетний старик Суван Джантаев был убит¹⁸¹. Следовательно, это письмо не сыграло какой-либо роли в ходе восстания вообще, во взаимоотношениях осаждавших с осажденными в частности.

В осаде Токмака принимали участие жители Иссык-Атинской, Шамшинской, Буранинской, Тынаевской, Темир-Булатовской, Нурмамбетовской, Байсентовской, Шамурсинской, Кочкорской, Абаильдинской, Джумгальской и Курманкоджинской волостей¹⁸². Трудно назвать хотя бы приблизительно число осаждавших, ибо в источниках приводятся разные сведения. В показании одного из активных участников осады Беки Табанбекова, записанном 17 сентября 1916 г., говорится: «Сколько (было осаждавших Токмак.—К. У.) не знаю, но отовсюду стекалось много людей»¹⁸³. В некоторых официальных документах их численность определена в 5 тыс.¹⁸⁴, а по мнению руководителей выступления, их было около 20—40 тыс. человек¹⁸⁵.

При осаде Токмака восставшие, как и раньше, не имели единого руководства. Правда, Канат Абукин пытался взять в свои руки руководство восстанием, но это ему не удалось. Под его влиянием были лишь восставшие Загорных волостей и то не все¹⁸⁶. Фактически в каждой волости повстанцы имели своих руководителей. Так, во главе восставших в Иссык-Атинской волости стояли Исекак и Мамут, в Нурмамбетовской—

¹⁸⁰ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, д. 27, л. 1.

¹⁸¹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 934, л. 20—21.

¹⁸² ЦГА Киргиз. ССР, ф. 87, оп. 1, д. 4, л. 2; ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 934, л. 22; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Материалы и документы, стр. 162—163.

¹⁸³ ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 2139, л. 85—86.

¹⁸⁴ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 261 (стр. 385); ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 2139, л. 86.

¹⁸⁵ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 934, л. 22; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 1, д. 16920, л. 74.

¹⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 934, л. 21, 22; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 162.

Чал, в Байсентовской—Сулайман и Исманл, в Шамшинской—Мамбеталы, Максымкоджо, Мундусбай и Мыктыбек, в Буранинской—Суванбек и Балбык, в Тынаевской—Бексултан, Табай и Олджобай, в Темир-Булатовской—Токтосун, Мураталы, Мамбеталы и Суванбек, в Шамурзинской—Османалы, Мураталы, в Кочкорской волости—Сарбай, Карабай и др.¹⁸⁷. Следует отметить, что восставшие каждой волости имели не только своих руководителей, но и свои флаги, под которыми выступали. У повстанцев Шамшинской волости был белый флаг, Темир-Булатовской—синий с белыми пятью четырехугольной формы, Булекбаевской—белый с желтыми полосками, Абаильдинской—красный флаг и т. д. По данным источников, у восставших насчитывалось 24 флага¹⁸⁸.

Среди руководителей восстания были такие известные манапы, как Канат Абукин, Токтосун Бектенов, Карыпбай Канатов, Кокумбай Чинин, Курман Лепесов и Мырзабек Дыканбаев¹⁸⁹.

Некоторые из этих манапов, стремясь захватить Токмак и расправиться не только с представителями царской власти, но и с русскими переселенцами, «разослали послания и гонцов во все кара-киргизские волости Пржевальского и Пишпекского уездов. Значительные группы их гонцов не только вели агитацию, но и применяли меры энергичного воздействия на колеблющихся и трусивых»¹⁹⁰. Однако призывы этих манапов не находили поддержки у местного, особенно трудового населения. Не помогли им и «энергичные меры»¹⁹¹. По их указке действовали и муллы. Обращаясь к восставшим, они говорили: «Если умрете в борьбе с неверными, найдете место в раю, а если останетесь живыми, то станете „казы“»¹⁹².

Восставшие трудовые массы хотели расправиться лишь с представителями царского правительства, укрывавшимися в Токмаке. На наш взгляд, нерешительностью повстанцев в значительной степени объясняется безуспешность их действий. К этому следует добавить неорганизованность выступления и

¹⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 934, л. 22; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, л. 29, л. 4—7; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Материалы и документы, стр. 162—163.

¹⁸⁸ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 162—163.

¹⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 943, л. 20—21.

¹⁹⁰ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16920, л. 2; Фонды Отд. обществ.

наук АН Киргиз. ССР, инв. № 60, л. 55—56.

¹⁹¹ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 162; Воспоминания Толегена Кененбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(10), л. 28—29.

¹⁹² Указ. фонды, инв. № 1519(10), л. 29.

безоружность восставших. Участники выступления «были вооружены пиками с железными наконечниками, топорами, насаженными на длинные палки»¹⁹³, дубинками и палками, лишь у некоторых были берданки, кремневые и фитильные ружья.

22 августа осажденные в Токмаке получили серьезное подкрепление. На рассвете из Ташкента прибыл карательный отряд из четырех рот, одной сотни казаков и полузвезда саперов. Отряд имел четыре пулемета и одну батарею¹⁹⁴. Утром повстанцы предприняли последнюю попытку взять Токмак. Как отмечает военный губернатор Семиреченской области в рапорте от 4 марта 1917 г., «около 9 часов утра мятежники собрались с силами и снова бросились на приступ со всех сторон, но, встреченныеми сильным оружием, пулеметным и артиллерийским огнем, были отброшены и рассеяны». Повстанцы не могли устоять против хорошо вооруженных царских карательей и сняли осаду. «Они отступили с боем, понеся громадный урон»¹⁹⁵, а затем ушли в Центральный Тянь-Шань, в частности Кочкор, Джумгал, Нарын и Тогуз-Торо.

В начале августа восстание вспыхнуло и в Пржевальском уезде. Поводом к нему также послужил царский указ о наборе рабочих. 13 июля начальник уезда, пригласив волостных управителей и некоторых влиятельных феодалов, объявил им «высочайшее повеление» о мобилизации коренного мужского населения на военно-тыловые работы. Манапы, особенно должностные лица, выражая свое согласие, обещали вскоре приступить к составлению списков призывающихся. Но среди собравшихся нашлись и смельчаки, которые открыто высказывались против набора рабочих. Так, молодой киргиз по имени Илтай, владевший русским языком, решительно заявил уездному начальнику: «Киргизы — темный и отсталый народ, не служивший раньше в регулярной армии и не имеющий даже элементарного представления о военном деле. Если киргизов отправите в трудовую армию, то они там погибнут. В таком случае киргизы предпочитают умереть в доме, чем вдали от родной земли»¹⁹⁶. Его поддержали Джамаке, Узак и некоторые другие присутствовавшие. Это привело уездного начальника в ярость. Он решил немедленно проучить «ослушни-

ков». По его указанию названные лица были тут же взяты под стражу, а затем наказаны.

Известие о произошедшем облетело весь уезд и вызвало всеобщее негодование коренного населения. Волнением были охвачены Аджинская, Восточно-Джеты-Огузская, Джуван-Арыкская, Западно-Джеты-Огузская, Исенголовская, Кенсуйская, Курментинская, Курткомергенская, Семизельская, Тонская, Тургенская, Тюпская, Улахольская, Чаштюбинская волости¹⁹⁷. Возмущенные трудовые массы гневно заявили: «Царь — обманщик», — и категорически отказались выполнить данный указ¹⁹⁸. Как и в других районах, недовольство и волнение трудящихся Пржевальского уезда были вызваны прежде всего тем, что местные эксплуататоры не подлежали мобилизации. Когда стало известно о том, что сыновья баев и манапов по существу освобождаются от набора, резко усилилось негодование бедняков. Волнение охватило не только рядовых скотоводов и трудовых земледельцев, но и батраков, работавших у русских кулаков. Получив сведения о наборе рабочих, батраки стали бросать работу и уходить от «своих» хозяев¹⁹⁹. Открыто выражали недовольство ямщики, занятые на почтовых линиях. В показании почтового солдата поселка Рыбачье от 27 октября 1916 г. сообщается: «Уже месяцев пять, как мои ямщики стали вести себя далеко не так, как раньше, сделались гораздо требовательнее и вместе с тем стали небрежны к работе, неаккуратно ее исполняли или даже вовсе не исполняли, проявляли невиданную до того с их стороны грубость, даже дерзость»²⁰⁰. Они бросали работу и уходили в родные айлы, где присоединялись к восставшим.

Во всех волостях Пржевальского уезда местные жители готовились к решительным действиям. Они заготавливали продовольствие, ковали оружие, косы и серпы переделывали в пики, закупали лошадей и ковали их. В связи с этим невероятно повысились цены на лошадей. Один из очевидцев восстания рассказывает: «Условия жизни в Пржевальске задолго до мятежа были крайне необычными: цены на лошадей на рынке поднялись в 3—5 раз, кузнецы были загружены ковкой лошадей, за ковку лошади кузнецы повысили плату с 50 коп. до 4 руб. и т. д.»²⁰¹.

К открытому выступлению готовились и дунгане. Они за-

¹⁹³ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 162.
¹⁹⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 13; ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 289.

¹⁹⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 13.

¹⁹⁶ Воспоминания Саякбая Карапаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1487, л. 4—5.

¹⁹⁷ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1488а, л. 1—2.
¹⁹⁸ Воспоминания очевидца П. И. Ливатова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 1—2, 3.

¹⁹⁹ Там же, л. 1—2.

²⁰⁰ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 28, л. 1.

²⁰¹ ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 2, д. 2113, л. 225.

бирали свой скот, находившийся на выпасе у киргизов, сарт-калмаков, и продавали его на базаре в Пржевальске²⁰².

Гнев и возмущение трудящихся масс росли с каждым днем. В конце июля обстановка в Пржевальском уезде настолько накалилась, что начальник уезда забеспокоился. В телеграмме от 26 июля, адресованной военному губернатору Семиреченской области, он сообщает: «Несмотря на присутствие казаков, киргизы держат себя вызывающе. Арест без участия достаточной военной силы считаю невозможным»²⁰³. Народные массы стали действовать более решительно. 5 августа киргизы и дунганды подошли к зданию уездного управления и потребовали отмены указа о наборе рабочих. Но их требование не было выполнено. Карателей отряд разогнал участников волнения²⁰⁴. Это послужило сигналом к открытому всеобщему выступлению 9 августа.

Коренное население уезда нападало на царских чиновников и кулаков-переселенцев, угоняло скот, принадлежавший жителям русских сел, привело в негодность телеграфную линию. Вскоре нападению подверглись почти все села, расположенные в Иссык-Кульской котловине и Нарынско-Чарынском участке. В ряде случаев нападение сопровождалось убийством русских переселенцев, прежде всего кулаков, и представителей колониальных властей; подстрекаемые манапами восставшие уводили в горы женщин и детей, грабили и сжигали переселенческие села. Спасаясь от повстанцев, многие русские переселенцы покидали родные места. Они собирались в более крупных селах и в Пржевальске. В частности, в Пржевальске сосредоточились жители селений Покровского, Светлой Поляны, Иваницкого, Высокого, Богатырского, Липского, Рыбачьего, Таврического, Владиславского, Мещанского, Красноярского, Ново-Киевского, Ново-Афонского и казачьей станицы Охотничьей. Жители селений Лизогубовского, Соколовского, Отрадного, Раздольного, Валерианского, Бобрикова, а также с. Палено собирались в с. Теплоключенском. В с. Преображенском концентрировались сазановцы, семеновцы, григорьевцы и каменевцы²⁰⁵. На помощь селам, где сосредоточивались переселенцы-крестьяне, а также кулаки, было послано несколько военных отрядов. Но они не могли

²⁰² Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. док. № 247 (стр. 354—355).

²⁰³ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 35, л. 2.

²⁰⁴ Там же, д. 2, л. 30—31.

²⁰⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 14—15; д. 1138-а, л. 52; ЦГВИА ССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 308—309; ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 442, д. 2767, л. 87—88.

сломить натиск многочисленных повстанцев и с трудом обеспечивали оборону сел. Села оставались на осадном положении до середины последней декады августа.

10 августа часть восставших напала на помощника начальника Пржевальского уезда, который в это время находился в с. Кольцовке, расположенным на южном берегу Иссык-Куля. Этот царский чиновник, имевший охрану из 10 солдат, пытался дать отпор нападавшим, но безуспешно. Тогда он решил действовать хитростью и вступил с восставшими в переговоры, которые не увенчались успехом, и ему пришлось бежать. Однако он «был настигнут шайкою мятежников и убит»²⁰⁶. Из 10 конвоиров пять спаслись и добрались до Пржевальска.

Восставшие нападали на владельцев почты и других представителей царской власти, живших в поселке Рыбачье. Как отмечает один из очевидцев, участников выступления «было очень много»²⁰⁷. Между ними и жителями Рыбачьего произошло столкновение. Рыбачинцы на лодках переправились в Пржевальск. Поселок, особенно дома содержателей почты, были разграблены. Активное участие в грабеже принимали извозчики, работавшие на почтовых линиях.

Несколько тысяч восставших осаждали с. Преображенское. Осада продолжалась с 10 по 29 августа. В селе находился небольшой карательный отряд. 28 августа рано утром между осаждавшими и осажденными завязался бой, который продолжался до позднего вечера. Во второй половине дня на помощь осажденным прибыл карательный отряд. Это изменило соотношение сил в пользу осажденных, которые перешли от обороны к наступлению. Но «киргизы защищались упорно»²⁰⁸. Потеряв около 800 человек убитыми и несколько сот ранеными, они отступили в горы. Карательный отряд «отбил (у повстанцев.—К. У.) огромное количество скота и баранов»²⁰⁹. Значительные потери понесли и каратели.

Не менее серьезное столкновение восставших с царским карательным отрядом произошло 25 августа в местности Галды-Булак, за Тюпом. Сражение длилось весь день. Участник сражения рядовой киргиз Исмаил Коконбаев убил царского офицера. Забрав его ружье, Исмаил меткой стрельбой пристановил на некоторое время наступление карателей²¹⁰. Од-

²⁰⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 14—15; д. 1138-а, л. 52; ЦГВИА ССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 308—309.

²⁰⁷ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 28, л. 1.

²⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 442, д. 2767, л. 87—88.

²⁰⁹ ЦГВИА ССР, ф. 400, Аз. часть, оп. 40, л. 308—309.

²¹⁰ Воспоминания Шаршенбая Галиева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(1), л. 18—19.

нако восставшие не могли одержать победу над вооруженным отрядом и потерпели поражение. Как отмечает начальник карательного отряда в своем рапорте от 28 августа 1916 г., «имущество (восставших.—К. У.) вместе с юртами (штук 200—300) сожжено, а скот весь у них захвачен и угнан наими»²¹¹.

Совместное выступление киргизов и казахов в Каркаре увенчалось успехом. На рассвете 12 августа около 5 тыс. восставших напали на Каркаринскую ярмарку. В течение дня несколько раз повторялись атаки. Положение осажденных с каждым часом становилось все более критическим. Военный отряд, находившийся на территории ярмарки, не мог обеспечить оборону. С наступлением ночи осажденные покинули Каркару и бежали по направлению к Пржевальску²¹². Вместе с ними ушли жители Нарынско-Чарынского участка, в частности селений Таврического, Ново-Киевского, Ново-Афонского, Владиславского, Красноярского, Мещанского и станицы Охотничьей²¹³. Повстанцы заняли эти села.

10 августа несколько десятков тысяч восставших подошли к Пржевальску и окружили его. Осада города продолжалась в течение 20 дней. Жители многих волостей Иссык-Кульской котловины, участвовавшие в этом выступлении, имели свои знамена и своих руководителей. Более или менее крупными руководителями восставших при осаде Пржевальска считались манапы Кыдыр и Батыркан. Однако им не удалось взять в свои руки общее руководство восстанием²¹⁴.

Утром 11 августа к восставшим киргизам присоединились дунгане Марининской волости. Они напали на русских переселенцев, шедших из с. Иваницкого в Пржевальск, и перебили их²¹⁵. С присоединением дунган заметно усилился написк осаждавших город. «Пожар мятежа окружал нас все теснее и теснее»²¹⁶. Упорные действия осаждавших вызывали у осажденных растерянность и панику.

В отчете за 1916 г. военный губернатор Семиреченской области писал: «Горожане были охвачены паническим страхом»²¹⁷. Об этом же сообщает в своем показании от 21 сен-

211 ЦГА Киргиз. ССР, ф. 7, д. 34, л. 41—42.

212 Воспоминания П. И. Ливатова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 8—9.

213 ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 309.

214 Воспоминания К. Мадылбекова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 24—25.

215 ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1138-а, л. 50; д. 1136, л. 204—205, 206—207; д. 1182, л. 15.

216 Там же, д. 1136, л. 204.

217 Там же, д. 1182, л. 15.

тября 1916 г. И. А. Поцелуев: «10 августа с наступлением темноты начались страшные дни для пржевальских обитателей. Всякий шум, всякий конский топот вызывали тревогу и заставляли хвататься за оружие... Была полная неразбериха. В толпе царilo возбуждение и хаос»²¹⁸. Паникой и растерянностью были охвачены прежде всего состоятельные слои горожан, кулаки и представители царского правительства, против которых было направлено выступление. Уездный начальник и другие царские чиновники поспешили принять ряд мер, направленных на укрепление обороны города.

Начальник Пржевальского уезда в первую очередь пытался поднять боевой дух осажденных, призывая их к активной обороне. Он говорил: «Повстанцы хотя и многочисленны, но слабо вооружены, еще слабее организованы. Поэтому опасность для города совершенно ничтожна... Киргиз ловок и подвижен только верхом, спешенный же не представляет абсолютно никакой опасности и поэтому нужно, не теряя дорогостоящего времени, поскорее создать на улицах такие преграды, которые не позволили бы киргизам войти в город верхом»²¹⁹. Он уверял осажденных «в самой скорой военной помощи извне», «и из Ферганы, и из Ташкента, и из Верного, и из Каркары». Другие царские чиновники также призывали осажденных к решительной борьбе против повстанцев, но «голоса их звучали далеко не уверенно и не спокойно»²²⁰.

Следует отметить, что на призывы представителей царского правительства не откликнулись ни городские низы, ни трудовые крестьяне, переселившиеся сюда из сел. Родло возмущение и негодование даже осажденных русских против высокопоставленных царских чиновников, особенно против уездного начальника.

Как указывается в воспоминаниях П. И. Ливатова, находившегося среди осажденных, уездный начальник «доверием у жителей города не пользовался»²²¹. По утверждению И. А. Поцелуева, «в толпе все чаще и чаще стали называть виновником всех бед уездного начальника Иванова. Обвинения против полк. Иванова сыпались как из рога изобилия»²²². Опасаясь гнева и ненависти горожан и крестьян, этот царский чиновник некоторое время скрывался²²³.

218 Там же, д. 1136, л. 204—205.

219 Там же.

220 Там же.

221 Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 12.

222 ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 205.

223 Воспоминания П. И. Ливатова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 12.

Положение осажденного города осложнялось и тем, что на второй день осады (12 августа) восстали заключенные киргизы, казахи и дунгане. Согласно рапорту начальника городской тюрьмы, утром того дня «главари и агитаторы киргизского движения»²²⁴, находившиеся под арестом, настойчиво требовали выпустить их на прогулку. При этом они грозили в случае отказа выломать двери. Получив отказ, заключенные перешли к решительным действиям. Они выломали дверь одной из камер. Первым из тюрьмы выбежал Закир Сеитов. За ним последовали и другие. Надзиратели открыли по ним огонь. Однако это не могло остановить заключенных. К сожалению, им не всем суждено было спастись и присоединиться к участникам выступления. Представители царской власти решили воспользоваться случаем. Они натравили осажденных на убегавших заключенных. Почти все заключенные (59 человек) были перебиты. Активное участие в расправе приняли городская верхушка и кулаки-мироеды, которые проявили исключительную жестокость. По их инициативе арестантов «были чем попало... палками и камнями, кололи вилами, потрошили серпами и косами. Через 15—20 минут на площади были приготовлены форменные битки»²²⁵.

На следующий день, 13 августа, «избиения и бесчинства над туземцами распространялись»²²⁶ по всему городу. Избивали и грабили почти всех коренных жителей города. Царские чиновники и другие колонизаторы всячески поощряли тех, кто отличался жестокостью по отношению к узбекам, дунганам и киргизам. По словам И. А. Потцелуева, «рассказ, что я убил столько-то сартов или дунган, считался доблестью и рассказчик становился героем... Убийство [Мусульман] приняло массовый характер»²²⁷. Киргизов, узбеков и дунган «без всякого суда и следствия уводили в казармы и там убивали»²²⁸, «из трупов убитых туземцев сложены призмы не в одну сажень протяжением»²²⁹. Имущество убитых было «свалено на площади в огромную кучу, безо всякого порядка, под открытым небом»²³⁰. Здесь были самовары, сундуки, экипажи, посуда, меха, одежда, ткани, разная домашняя утварь и т. п. В ряде

²²⁴ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 52—53.

²²⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 206.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 58—59.

²²⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 206.

²³⁰ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 58—59.

случаев царские военные отряды делали вылазки. «Отряды, производя набеги на киргизов, доставляли в город массу отбитого скота и разного рода добра мятежников, как то: ковры, одеяла, шелковые одежды, сбрую, экипаж, посуду и многое другое»²³¹.

Расправа осажденных над коренным населением не могла не ожесточить восставших. Повстанцы возобновили попытки овладеть Пржевальском. Представители царского правительства, стремясь укрепить оборону города, 13 августа организовали военный совет, в который вошли два отставных генерала, несколько офицеров и отдельные царские чиновники. Этот совет руководил обороной города, создавал карательные отряды, занимался снабжением населения продовольствием и боеприпасами. Руководителем совета и командующим обороной города был назначен генерал Корельков²³². Но впоследствии он был обвинен в медлительности и нерешительных действиях²³³. На его место назначили урядника Овчинникова, отличившегося жестокостью и беспощадностью к повстанцам и мирному населению²³⁴.

По указанию военного совета все улицы, имевшие стратегическое значение, были забаррикадированы сваленными деревьями и заградительными рогатками. Особое внимание уделялось району казарм, где сконцентрировались все осажденные. Начальник Пржевальского уезда в рапорте от 26 сентября 1916 г. подчеркивал, что из-за малочисленности солдат «было невозможно защищать такую большую площадь, как весь город. Укрепив же казарменный район проволочными заграждениями и баррикадами из телег, мы могли продержаться в нем до прихода подкрепления и защитить там все население»²³⁵. Осажденный город охранял военный отряд, состоявший из 80 солдат, вооруженных 42 берданками. К защите города было привлечено 200—250 солдат и офицеров, находившихся в отставке. Из отставных кавалеристов и добровольцев сформировался конный отряд, вооруженный 73 охотничими ружьями, изъятыми у населения, и 13 берданками, а также несколькими револьверами, взятыми в архиве уездного управления²³⁶. В распоряжении отряда имелась и самодельная

²³¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 209.

²³² Там же, д. 1138-а, л. 56—57.

²³³ Там же, л. 1136, л. 207.

²³⁴ Воспоминания П. И. Ливатова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 12.

²³⁵ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 34, л. 3—4.

²³⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 15; д. 1136, л. 20; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 34, л. 3—4.

пушка, сделанная из чугунной трубы. Снарядами для нее служили осколки битых казанов. Осажденные пытались изгото- вить порох²³⁷.

Число защитников осажденного города не превышало 1000 человек²³⁸. Многие переселенцы, особенно городские низы и трудовые крестьяне, не желая выступать против повстанцев, уклонялись от мобилизации. Правда, это объяснялось не только солидарностью русских трудящихся с восставшим коренным населением, но и страхом, который испытывали кулаки-переселенцы и городская верхушка перед многочисленными восставшими, упорно и настойчиво осаждавшими город. «Часть мужчин,— пишет И. А. Поцелуев,— сильно трусила и пряталась от несения охранной службы. К стыду нашему и среди интеллигенции нашлось немало подлых трусов»²³⁹. Даже уездный начальник некоторое время скрывался на чердаке.

Положение осажденных оставалось тяжелым. Вечером 15 августа из Каркары прибыл карательный отряд, состоявший из одной роты солдат и 30 казаков. Через несколько дней подошла еще одна казачья сотня²⁴⁰. Однако этого было недостаточно, и город оставался на осадном положении. Карательные отряды предприняли ряд вылазок, которые не увенчались успехом.

Выступление коренного населения Северной Киргизии, в частности длительная осада пограничного города Пржевальска, создавало серьезную угрозу в глубоком колониальном тылу царского самодержавия. Не случайно в конце августа сюда были посланы карательные отряды из Ферганы, Ташкента, Верного, Оренбурга и других городов Российской империи. С 27 августа по 2 сентября один за другим в Пржевальск вступали карательные отряды²⁴¹. Между карательными и восставшими произошел ряд серьезных столкновений. Невооруженные и неорганизованные повстанцы вынуждены были снять осаду и отступить по направлению к сыртам.

Однако волнения коренного населения Пишпекского и Пржевальского уездов продолжались до середины ноября²⁴². В целом же восстание шло на убыль. Большая часть корен-

²³⁷ Воспоминания П. И. Ливатова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 12.

²³⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 207.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Там же, д. 1138-а, л. 52; д. 1182, л. 15; ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 309.

²⁴¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 15; д. 1138-а, л. 55; д. 1136, л. 209.

²⁴² ЦГИАЛ, ф. 396, оп. 7, д. 764, л. 61; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16920, л. 2.

ного населения Северной Киргизии, покинув родные места, бежала, преследуемая царскими карателями²⁴³.

Поражение восстания и его причины

Восстание 1916 г., охватившее весь Туркестанский край, Казахстан и другие восточные колониальные окраины Российской империи, вызвало у колониальных властей, да и в высших кругах царского правительства, серьезное беспокойство, растерянность и даже панику. Вопросом подавления восстания занялся сам император. Посоветовавшись с военным министром и министром внутренних дел, он решил начать с укрепления колониальной власти, в частности администрации Туркестанского генерал-губернаторства. Император считал необходимым поставить во главе этого генерал-губернаторства крайне шовинистически настроенного человека, ревностного колонизатора, способного быстро «смирить мятежников» и установить надлежащий порядок в глубоком тылу империи. На эту должность больше других подходил генерал-адъютант А. Н. Куропаткин, который в то время командовал северо-западным фронтом. Он имел большие заслуги в завоевании Туркестана, считался одним из знатоков «азиатских дел». Еще в 70-х годах прошлого века, будучи полковником, он проявил жестокость при покорении коренного населения Средней Азии. Впоследствии А. Н. Куропаткин стал одним из виднейших и активных проводников колониальной политики царской власти в Туркестане и ярым защитником интересов царского самодержавия. Вот почему на него пал выбор царя и его министров. Несмотря на тяжелое положение русской армии на фронтах, Куропаткин был отозван и назначен генерал-губернатором Туркестанского края. На него возложили также обязанности главнокомандующего войсками Туркестанского военного округа²⁴⁴. Куропаткин был наделен широкими полномочиями и огромной властью. Ему подчинялся весь гражданский и военный аппарат генерал-губернаторства. Коренное население дало ему очень подходящее прозвище — «жарым паша» (полудержавный, полуцарь). Император Николай II, санкционируя новое весьма ответственное назначение генерал-адъютанта Куропаткина, указал последнему на необходимость навести порядок в вверенном ему крае, что было край-

²⁴³ Всеподданнейший отчет военного губернатора Семиреченской области Фольбаума за 1916 г. (машинописная копия). Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 60, л. 61.

²⁴⁴ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 20 (стр. 42).

не важно для обеспечения действующей армии продовольствием, а промышленности — сырьем, наладить использование богатейших ресурсов края, организовать по собственному усмотрению новую мобилизацию коренного населения на военно- тыловые работы²⁴⁵. В начале августа новый генерал-губернатор прибыл на место назначения и сразу приступил к исполнению служебных обязанностей.

Прежде всего Куропаткин пригласил к себе военных губернаторов всех пяти областей и заслушал их отчеты о политическом положении в крае. Выступая перед собравшимися, он подчеркнул, что принятые меры по «смирению мятежников» и установлению необходимого порядка в Туркестане неудовлетворительны. По этой причине военные губернаторы всех областей, за исключением Закаспийской, были отстранены от занимаемых должностей²⁴⁶, а на их места назначены новые военные чиновники. Всем военным губернаторам было приказано принять необходимые меры к подавлению движения и объявить области на военном положении. 17 июля 1916 г. были объявлены на военном положении Ферганская и Семиреченская области²⁴⁷, затем — Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Закаспийская²⁴⁸.

Как отмечено в приказе военного губернатора Семиреченской области от 17 июля 1916 г., с «объявлением области на военном положении почти все проступки уже судятся не гражданским, а военным судом и притом по законам военного времени»²⁴⁹. А это означало, что казни и ссылке на каторжные работы в Сибирь подвергались тысячи невинных людей. Запрещалось собираться в общественных местах группами, говорить на политические темы и т. д.²⁵⁰ Согласно приказу командующего Туркестанским военным округом, «всякие сбираща, сходки и толпы разгонялись военной силой»²⁵¹.

Чтобы убить все живое, что еще осталось у народов Средней Азии и Казахстана, держать их в повиновении, командующий этим округом специальным приказом обязал корен-

²⁴⁵ П. А. Ковалев. Кризис колониального режима и «реформы» Куропаткина в Туркестане в 1916 г. Тр. САГУ. Новая серия, вып. 57, ист. науки, кн. 7, 1954, стр. 33—34.

²⁴⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1198, л. 6.

²⁴⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 54—55; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16934, л. 11.

²⁴⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1143, л. 32—35.

²⁴⁹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16934, л. 11; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 134, л. 48.

²⁵⁰ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 40, л. 1; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16934, л. 12.

²⁵¹ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 40, л. 1.

ных жителей снимать шапки и кланяться царским чиновникам и военнослужащим.

С 17 июля колониальные власти запретили представителям коренного населения проезд по железным дорогам²⁵², тем самым они пытались помешать общению местных жителей, изолировать их друг от друга, ослабить размах восстания.

Царское правительство не могло не использовать в целях подавления восстания национальное недоверие, которое имело место в дореволюционном Туркестане, и родо-племенную вражду, проявлявшуюся время от времени в кочевых районах Средней Азии и Казахстана. Не случайно туркестанский генерал-губернатор рекомендовал военным губернаторам областей использовать при подавлении восстания национальную вражду, натравливать один народ на другой, разжигать междоусобицы и развязывать войны между родами и племенами кочевых народов. Военному губернатору Семиреченской области в своей телеграмме от 11 августа он советовал: «Примите все меры воспользоваться родовою или племенною рознью туземного населения области для борьбы с возмущившимися... Несомненно, имеются киргизы и киргизские общества нам преданные, направьте их против бунтующих»²⁵³. В свою очередь военный губернатор Семиреченской области начальникам уездов и лицам, стоявшим во главе карательных отрядов, говорил: «Используйте энергично раздвоенные партии, привлекайте на свою сторону туземцев [не имеющих отношения к мятежу] и обещайте им широкие милости... Не налагайте на составление приговоров, но сейте вражду и поддерживайте наших приверженцев»²⁵⁴. Однако попытки колониальных властей разжечь вражду между братскими народами Средней Азии и родо-племенную войну в кочевых и полукочевых районах края оказались тщетными и не привели к желаемым результатам.

Царские чиновники рассчитывали легко подавить восстание. В этих целях они прибегали к обману, шантажу и т. п. Так, военный генерал-губернатор Ферганской области Гиппиус 23 июля в сопровождении своей свиты прибыл в г. Наманган. Переодевшись в национальную одежду, он явился в местную мечеть, где выступил перед возмущившимися горожанами с речью: «Я не мусульманин, — сказал он, — но знаю турецкий язык, знаю арабский и читаю на этих языках. Я много читал

²⁵² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 96—97, 159—160.

²⁵³ Там же, д. 1205, л. 12—13.

²⁵⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. 67, д. 2140-а, л. 117; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1488-а, л. 5.

коран и люблю эту божественную книгу и сейчас буду читать его на арабском языке. Пусть ко мне подойдут два мудариса (преподаватель высшего мусульманского учебного заведения.— К. У.) и пусть удостоверят вас, что я читаю правильно». С этими словами Гиппиус взял коран и нараспев начал читать его, а мударисы подтвердили присутствовавшим правильность чтения. Якобы в знак искренности и уважения к религии ислама он «два раза поцеловал коран». Затем он спросил: «Верите ли теперь мне?»²⁵⁵ Собравшиеся, в частности муллы, ответили положительно. Довольный своей находчивостью царский чиновник обратился к ним с такими словами: «Дети мои! Пожалейте себя, не доходите до крайности... будьте благородны». Однако весь этот маскарад не помог ему. Присутствовавшие (их было около 700—800) с презрением прогнали его.

Представители колониальных властей, убедившись в том, что подавить восстание обманным путем невозможно, прибегли к угрозам и запугиванию повстанцев. В обращении военного губернатора Семиреченской области к коренному населению говорится: «Вместо того, чтобы исполнить волю царя, вы, послушав подговор злых людей, совершили неслыханное дело... Многие из вас со злыми мыслями, с оружием в руках, последовали за бунтовщиками. Неужели думаете, что у русского царя не хватит войска, чтобы наказать виновных? Войска пришли и придут... Опомнитесь, безумцы, пока не поздно, немедленно исполняйте требования начальства... Сейчас же проявите покорность, выдайте всех действительных зачинщиков, подстрекателей и участников нападений, скочуйте с гор и возвратитесь к мирному труду... представьте приговоры о назначении рабочих»²⁵⁶ на военно-тыловые работы. Однако угрозы еще больше ожесточили повстанцев и усилили их решимость борьбы за свою независимость.

В первые же дни восстания колониальные власти ощутили острый недостаток в войсках. Поэтому представители царского правительства поспешили приступить к формированию так называемых «добровольческих дружин». В телеграмме туркестанского генерал-губернатора на имя военного губернатора Семиреченской области от 11 августа 1916 г. ясно сказано: «Вооружите имеющимся огнестрельным и холодным оружием, считая и топоры, все способное носить оружие русское население и организуйте его в десятки, сотни дружин... В городах и во всех селениях организуйте ближнюю и дальнюю охрану

²⁵⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 96—97.

²⁵⁶ «Семиреченская жизнь», 1916, 8 сентября; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1525, л. 21—22.

днем и ночью. Не довольствуйтесь обороною, где можно, переходите к наступательным действиям»²⁵⁷. Получив эти указания, военные губернаторы областей и начальники уездов немедленно приступили к организации вооруженных дружин. Угрожая военно-полевым судом, они пытались привлечь все русское население к подавлению восстания. Так, начальник Пишпекского уезда на собрании представителей русских сел и поселков уезда говорил: «Вы все с этого момента (13 августа.— К. У.) мобилизованы, за критику действий властей будете подлежать военно-полевому суду. Из вас организуются дружины, имеющие целью навести ужас на все туземное население. Каждый из вас обязан явиться вооруженным... Положение серьезное. Все должны явиться на лошадях. Нет лошади, возьмите у соседа. Если не дает, сообщите его фамилию мне, он будет подлежать военному суду». По распоряжению уездного начальника «обходили дома и объявляли всеобщую мобилизацию»²⁵⁸. Таким путем в Туркестанском крае были сформированы и направлены против восставших сотни вооруженных дружин. Основу этих дружин составляли офицеры запаса, отпускные солдаты, кулаки-переселенцы, шовинистически настроенные крестьяне и представители городского эксплуататорского слоя.

Однако таких дружин оказалось явно недостаточно для подавления восстания. Вот почему местные власти, в частности военный губернатор Семиреченской области, просили туркестанского генерал-губернатора о помощи²⁵⁹. Последний, в свою очередь, обратился к военному министру с просьбой прислать в край военные части, необходимые для подавления движения. Военный министр, обеспокоенный серьезным политическим положением на восточных колониальных окраинах Российской империи, не оставил без внимания просьбу туркестанского генерал-губернатора. По его распоряжению в Туркестан были направлены значительные военные силы — 14,5 батальона и 33 казачьих сотни, имевшие на вооружении 42 орудия и 69 пулеметов²⁶⁰. Большая часть этих войск направлялась в Семиреченскую область, особенно в Северную Киргизию. Здесь восстание приняло настолько широкий раз-

²⁵⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1205, л. 12—13.

²⁵⁸ Г. И. Брайдо. Материалы к истории восстания..., стр. 430—431.

²⁵⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1782, л. 10.

²⁶⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 21, д. 1197, л. 10; Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный архив», 1929, № 3 (34), стр. 85; ЦГВИА, Аз. часть, оп. 263/916, 1916, д. 42, ч. 3, л. 2—8; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 49 (стр. 97); Х. Турсунов. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане..., стр. 402.

мах, что царское правительство, несмотря на тяжелое положение на фронтах, направило из действующей армии два казачьих полка с двумя пулеметами и одной конной батареей легких горных пушек²⁶¹. Из других областей и Центральной России в Семиречье было брошено 35 рот, 24 казачьих сотни, 240 конных разведчиков, располагавших 16 орудиями и 47 пулеметами.

Во второй половине августа и в начале сентября в Северную Киргию прибыли десятки карательных отрядов. Наиболее крупными из них были следующие: отряд, возглавляемый подполковником Гейцигом, в состав которого входили две роты, 737 дружинников, две батареи, одна сотня казаков, команда саперов, телеграфистов и телефонистов, и вооруженный четырьмя пулеметами; отряд подполковника Алатырцева, состоявший из четырех стрелковых рот, трех сотен казаков, 160 конных разведчиков, 100 добровольцев, одной батареи, команды саперов и имевший восемь пулеметов; отряд капитана фон Бурзи, объединявший три стрелковые роты, 80 конных разведчиков, одну казачью сотню, команду саперов и вооруженный шестью пулеметами и двумя орудиями; отряд полковника Виноградова, состоявший из четырех рот, 28 конных разведчиков, 546 дружинников и имевший восемь пулеметов; отряд войскового старшины Бычкова, объединявший 150 казаков, 170 нижних чинов, 50 конных добровольцев, вооруженных одним пулеметом; отряд полковника Городецкого в составе двух рот, казачьей сотни, одной дружины, имевших восемь пулеметов; отряд полковника Силенко, объединявший одну роту, 200 конных разведчиков, казачью сотню, одну пешую батарею; отряд полковника Боброва в составе трех с половиной рот²⁶².

В состав войск царских карателей входил и дунганский отряд, сформированный из зажиточных жителей сел. Александровки старшим унтер-офицером запаса Матанью Люлюзой. Благословляя отряд, состоявший из 200 человек, местный мулла сказал: «Хотя идете бить мусульман, но этим творите волю государя, идите и помогите водворить порядок»²⁶³. По словам начальника Пишпекского уезда, участники этого отряда «горят желанием уничтожить нарушителей мира и покоя»²⁶⁴.

²⁶¹ Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный архив», 1929, № 3 (34), стр. 70; Восстание 1916 г. в Киргизстане. М., 1937.

²⁶² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1138, л. 124; д. 1138-а, л. 124—125; д. 1140, л. 110, 125; д. 1205, л. 14; ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 289—291, 306, 331, 341; ф. 1396, оп. 1, д. 234, л. 40; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 34, л. 4—5; ф. 77, д. 41, л. 53—54.

²⁶³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1133, л. 243—246.

²⁶⁴ Там же, л. 251—253.

Царское правительство рекомендовало карательным отрядам жестоко наказывать повстанцев, беспощадно уничтожать коренное население, грабить их имущество, угонять скот, сжигать айлы и кыштаки. Вот что говорится в телеграмме туркестанского генерал-губернатора от 11 августа 1916 г., адресованной военному губернатору Семиреченской области: «При действиях карательных отрядов истребляйте сопротивляющихся и нападающих... Весь отбитый скот, лошадей, имущество строго охраняйте и обращайтесь в достояние казны»²⁶⁵. В другой его телеграмме, от 31 августа, говорится: «Прошу предупредить всех уездных начальников и начальников отрядов и всех офицеров о необходимости самоотверженной деятельности против бунтующего вооруженного киргизского населения, необходимости самого строгого наказания зачинщиков, главных виновников»²⁶⁶. Военный губернатор Семиреченской области немедленно направил всем уездным начальникам и офицерам, возглавлявшим карательные отряды, следующее распоряжение: «Считайте малейшую группировку киргиз кучами уже за мятеж, подавляйте таковой, наводите на эти волости панику. При первом признаке волнения арестуйте хотя бы второстепенных главарей, передайте полевому суду и немедленно повесьте. Не гонитесь за сохранением мелочей. Но наносите сильные удары сами, где возникает опасность. Ну, поймайте кого-нибудь из подозрительных и для примера повесьте»²⁶⁷.

Чтобы придать законную форму истреблению сотен и тысяч безвинных людей и оправдать кровавые действия карательных отрядов, царское правительство учредило военно-полевые суды. В Семиреченской области такие суды были созданы при каждом карательном отряде и во всех уездных городах. В их состав входили царские офицеры, отличавшиеся жестокостью и беспощадностью к восставшим²⁶⁸. Вся деятельность военно-полевых судов сводилась к вынесению приговоров — «расстрелять» или «повесить». Другие виды наказания не применялись.

Как видно из изложенного, карательным отрядам были предоставлены неограниченные права в подавлении восстания и наказании беззащитных коренных жителей. Царские кара-

²⁶⁵ Там же, д. 1205, л. 12—13.

²⁶⁶ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 41, л. 29; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 159; инв. № 135, л. 304.

²⁶⁷ ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 2140-б, л. 160.

²⁶⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1205, л. 13; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, д. 29, л. 7—8; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 149—150.

тели широко пользовались этими правами, о чём свидетельствуют их действия на территории Киргизии, особенно в ее северной части. Здесь, по словам помощника туркестанского генерал-губернатора, карательные «отряды истребляли планомерно и систематично женщин и детей»²⁶⁹. Особой жестокостью отличались карательные отряды, которые возглавляли царские чиновники, состоявшие на службе в местном административно-управленческом аппарате. Так, казачий отряд, возглавляемый приставом Токмакского участка Бакуревичем, истреблял почти всех жителей коренной национальности, независимо от того, принимали ли они участие в восстании или не имели к нему прямого отношения. При этом Бакуревич не пренебрегал обманом и коварством. Так, в Кара-Булакской волости он взял несколько человек в качестве заложников, обещая сохранить им жизнь, однако их убили. А когда к нему пришли родственники убитых, он им совершенно равнодушно сказал: «Мои шутники потопили их по ошибке»²⁷⁰. По его же приказу были зверски убиты 16 мирных жителей Токмака. Он не жалел ни детей, ни стариков, ни женщин. Один из очевидцев рассказывал о том, как по приказу Бакуревича страшно пытали старика-киргиза, работавшего сторожем Токмакской библиотеки, и его сына-гимназиста. Измученный гимназист, не выдержав пыток, умолял царских палачей, «чтобы его не резали, а расстреляли». Издевательства и произволов царских карательных, руководимых этим участковым приставом, не имели границ. Обесчещенные «киргизские девушки... бросались со скал вниз головой на глазах у казаков»²⁷¹. По далеко не полным данным, карательным отрядом Бакуревича было замучено и убито 300 человек.

Не менее жестоко действовал карательный отряд, которым командовал помощник начальника Пишпекского уезда Рымшевич. Получив известие о назначении начальником карательного отряда, этот палач снял фуражку, перекрестился и сказал: «Наконец мне дали поручение любимое, я же им (воставшим. — К. У.) покажу»²⁷². И он сдержал свое слово, пройдя Чуйскую долину и Центральный Тянь-Шань огнем и мечом. Позже он заявил, что «блестяще выполнил приказ начальника Пишпекского уезда об «уничтожении всех киргизских айлов и всего населения» ряда волостей. Один из карательных отрядов, действовавший в западной части Пишпек-

²⁶⁹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 72, л. 169; Фонды Отд. общественных наук АН Киргиз. ССР, инв. № 135, л. 383—384.

²⁷⁰ П. И. Брайло. Материалы к истории восстания... стр. 429.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Там же, стр. 432—433.

ского уезда, «оцепил толпу киргиз, погнал безоружных выстрелами, нагайками к утесу, внизу которого была река, и сбросил их туда»²⁷³.

Такой же жестокостью отличались и другие царские карательные. Этого не могли отрицать даже высокопоставленные колониальные чиновники. Помощник туркестанского генерал-губернатора в телеграмме от 8 января 1917 г. сообщает, что «войсками перебито много тысяч киргиз, все мятежники загнаны в горные районы»²⁷⁴. Подобные сведения содержатся в отчете исполняющего обязанности военного губернатора Семиреченской области за 1916 г., в котором говорится: «Явилась жажда мести и самосуда, при которой, конечно, не учитывалось, причастно ли данное лицо к мятежу или нет»²⁷⁵. Приведенные сообщения подтверждаются донесением консула России в Кашгаре от 1 декабря 1916 г. В нем сказано, что «в Пржевальском уезде собиралась значительная масса разного рода оружия, войск, и они настолько начали энергично преследовать мятежников, что часто не отличали их от мирных жителей»²⁷⁶. То же самое находим в дневнике Куропаткина²⁷⁷.

IV Государственная дума, защищавшая интересы царского самодержавия, также вынуждена была обратить внимание на «поголовное истребление карательными отрядами» коренного населения Семиречья, когда «киргизы уничтожались тысячами»²⁷⁸. По приблизительным, но далеко не полным подсчетам А. Н. Зорина, только в Пишпекском и Пржевальском уездах карательными отрядами было убито 3 тыс. человек²⁷⁹.

Массовое истребление коренного населения сопровождалось насилиями и неприкрытым произволом, грабежом и угоном скота, разрушением десятков и сотен айлов²⁸⁰.

Начальник Ошского уезда в секретном рапорте от 4 сентября 1916 г., адресованном военному губернатору Ферганской области, сообщил, что киргизам Алайской волости «жить

²⁷³ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 72, л. 169; Фонды Отд. общественных наук АН Киргиз. ССР, инв. № 135, л. 383—384.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 17.

²⁷⁶ Там же, д. 1136, л. 194.

²⁷⁷ Восстание в Средней Азии. «Красный архив», 1929, № 3 (34), стр. 50.

²⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 5, д. 1069, л. 9.

²⁷⁹ А. Н. Зорин. Революционное движение Киргизии. Фрунзе, 1931, стр. 20.

²⁸⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1846, л. 59; оп. 31, д. 1136, л. 98, 135—137; д. 1138-а, л. 179—181; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16219, л. 25; д. 1438, л. 24—25; ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 406.

положительно невозможно в своем аиле... Начальник Иркештамского гарнизона вместе со своими казаками разъезжает по аилу, отнимает у киргиз масло, сено и баранов, а в случае отказа наносит киргизам побои, причем жаловаться не приказывает, угрожая убить, ссылаясь на военное положение. Казаки распущены и расправляются с киргизами по своему усмотрению»²⁸¹.

На юге Киргизии, как и в северных волостях, грабеж местных жителей царскими войсками нередко сопровождался жестокими избиениями и убийствами. В жалобе жителей Джадал-Абада от 17 октября 1916 г. сообщается, что 22 сентября на них напали солдаты, возглавляемые офицерами, и ограбили их. Некоторые из пострадавших пытались оказать сопротивление, но они были тут же расстреляны. Многие жители получили тяжелые ранения. «Против подобного возмутительного и внезапного нападения солдат с целью грабежа, насилия и убийства,— говорится в жалобе,— нам, жившим в аиле, решительно не было никакой возможности защищаться»²⁸².

Повсеместно грабили и истребляли коренное, особенно трудовое население кулаки-переселенцы. Этому в значительной степени способствовало учреждение царским правительством областных, уездных и участковых комитетов по возмещению за счет коренного населения убытков, понесенных русскими переселенцами в период «мятежа»²⁸³. В состав комитетов входили царские чиновники и колонизаторы настроенные кулаки. Комитеты имели право конфисковать скот, движимое и недвижимое имущество участников восстания, продавать его на рынке, а вырученные деньги раздавать пострадавшим переселенцам. Заявления о понесенных убытках принимались не только в письменной, но и в устной форме, причем без предварительной проверки. Этим очень широко пользовались кулаки-переселенцы, обиравшие коренное население. В адрес комитетов поступали многочисленные заявления, в которых невероятно преувеличивался размер убытков. Значительная часть этих заявлений принадлежала колонизаторам, которые вообще материально никак не пострадали. Однако комитеты, как правило, всем заявителям разрешали возмещать свои убытки за счет «мятежников». Это развязывало руки шовинистически настроенным переселенцам и открывало перед ними широкие возможности для грабежа. Комитеты бы-

²⁸¹ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. док. № 142 (стр. 230—231).

²⁸² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1846, л. 59.

²⁸³ Там же, оп. 31, д. 1097, л. 79; д. 1136, л. 130—131; д. 1201, л. 8—9—15.

ли не в силах справиться с конфискацией имущества и скота у восставших. Поэтому не случайно очень скоро это дело было передано в руки самих пострадавших. Кулаки-переселенцы приступили к открытому грабежу коренного населения. Старший гидротехник, служивший в Пишпекском уезде, в рапорте от 2 января 1917 г. справедливо подчеркивает, что «после усмирения мятежа начался грабеж туземного имущества, которое открыто вывозится на Пишпекский базар и продается»²⁸⁴.

Кулаки и другие представители царских колонизаторов часто собирались в группы или отряды и, вооружившись, выезжали в киргизские аилы, откуда возвращались с огромным количеством скота и награбленного имущества. Один из таких отрядов в районе Кочкора отобрал у кочевников и увез «целый склад железа, кошм, самоваров, швейных машин, обуви»²⁸⁵ и других вещей. Они угнали несколько десятков верблюдов, сотни лошадей, много крупного рогатого скота, 10 тыс. баранов, которых открыто продавали на базаре, а вырученные деньги присваивали. Другая группа кулаков-переселенцев разграбила киргизский кыштак Утеген Пишпекского уезда. Отсюда увезли 826 одеял, 59 подушек, 251 национальный мешок, 183 шт. веревок, 96 ковров, 8 швейных машин, 141 тулун, 29 шуб, 263 национальных халата, 13 тыс. пудов пшеницы и 27 тыс. руб. денег²⁸⁶. Жители этого кыштака в своей жалобе от 10 октября 1916 г. заявили, что у них отнято буквально все. «Не оставили нам даже хлеба,— писали они,— наступают холода, а у нас нет даже одеял и кошм, которыми можно было бы укрыться от холода. Наступят скоро морозы, а вдовы и дети уведенных дружиною мужчин будут сидеть голодные в пустых ограбленных юртах. Самое главное — нет у нас хлеба... У нас ничего нет и неоткуда ждать помощи»²⁸⁷. Как видно из приведенной выдержки, царские каратели отнимали последний кусок хлеба у вдов и сирот, оставляя их на произвол судьбы.

Обогащались за счет «мятежников» и представители киргизской феодальной знати, особенно занимавшие должности волостных управителей и аильных старшин. Угрожая доносом, они вынуждали рядовых киргизов преподносить им подарки и давать взятки. У тех семей, члены которых участвова-

²⁸⁴ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 54, д. 80, л. 2—3; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 167.

²⁸⁵ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 52.

²⁸⁶ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, д. 17, л. 2—3; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 161—163.

²⁸⁷ Там же.

ли в восстании, отбирали все. В письме, адресованном туркестанскому генерал-губернатору от 2 ноября 1916 г., сообщается, что «волостные управители с писарями обирают население... Они собрали и свезли последнюю оставшуюся в поле пшеницу в свои амбары в то время, когда у вдов и сирот ничего не осталось. Жаловаться на волостных управителей эти вдовы также боятся, так как пристав Грибановский, как передавали в поселке (Беловодском.—К. У.) бедные киргизы и киргизки, покровительствует волостным управителям и жалобы бедняков оставляет без внимания»²⁸⁸.

Жестоко ограблено и разорено было население Кара-Кечинской, Курманкоджинской, Абаильдинской, Саяковской, Сусамырской и других волостей. Крупные манапы Сарбат Байзаков, Кудайберген Раимбеков, Курман Лепесов, Исак Курманов, Касымбек Байгатаев и многие другие «начали пугать (трудящихся киргизов.—К. У.) смертной казнью, предупреждая, что таковая может миновать их, если ими будут преподнесены подарки более или менее значительные»²⁸⁹. Как заявили жители этих волостей в своей жалобе от 20 января 1917 г., трудящиеся «киргизы, испугавшись смертной казни, согласно их требованию, собрали 45000 рублей деньгами, 1200 лошадей и 200 верблюдов»²⁹⁰ и отдали манапам. Нередко манапы выдавали себя за представителей царской власти. Они объясняли, что сбор средств производится якобы для того, чтобы преподнести подарки начальникам карательных отрядов.

Царские каратели, кулаки-переселенцы и их прихвостни—манапы не ограничивались грабежом восставших. Их самоуправство не имело границ. Как и военные отряды, они замутили и зверски убили сотни беспомощных стариков, женщин и детей²⁹¹. Они не жалели даже тех киргизов, которые в надежде найти защиту у русских переселенцев приходили к ним в село. Так, 10 августа бедняк из аиля № 12 Шамшинской волости Джайчубак со своей семьей, состоявшей из девяти человек, поселился в с. Покровке. Однако группа кулаков-переселенцев во главе с сельским старостой перебила всех членов этой семьи²⁹². Джайчубак был ранен. Затаив лютую ненависть

к палачам-колонизаторам, он вернулся в родной айл и присоединился к народным мстителям.

Жестокость царских карательных отрядов, грабеж и самоуправство кулаков-переселенцев не могли не вызвать сопротивления восставших. 28 августа на берегу р. Тюп между повстанцами и отрядом карателей под руководством фон Берга произошло столкновение. Заметив приближение отряда, восставшие выстроились развернутым фронтом и смело двинулись навстречу вооруженным врагам, а их стрелки залегли и открыли меткий огонь по карателям. Вскоре между восставшими и карателями завязался рукопашный бой. Повстанцы отступили, потеряв 80 человек убитыми и 12 ранеными²⁹³. Подобное сопротивление царские каратели встретили на перевале Санташ и в ущелье Джеты-Огуз. Число киргизов и дунган, выступивших против отряда фон Берга, достигло 4 тыс. 23 августа, по сообщению начальника отряда, дунгане «открыли по нас стрельбу.., повели на нас атаку, во время которой из с. Марининского на наш левый фланг пошли в атаку киргизы»²⁹⁴. Сражение восставших с карательным отрядом продолжалось несколько часов. Однако повстанцы не смогли одержать победу над организованными и хорошо вооруженными карателями и отступили в горы. На месте боя оставались сотни убитых и раненых. Более сильное сопротивление этому отряду оказали повстанцы 27 августа на северном берегу Иссык-Куля, к востоку от поселка Рыбачье. Здесь несколько тысяч восставших, жители четырех волостей, двинулись ему навстречу. Каратели не смогли устоять против натиска восставших и обратились в бегство²⁹⁵. Отступая, они заняли старые глиняные постройки, находившиеся недалеко от места боя, и начали обороняться. В этой стычке восставшие понесли большие потери и вынуждены были отступить. Значительные потери имели и каратели.

Смело сражались восставшие киргизы и казахи, численность которых составляла около 5 тыс. человек, с этим же карательным отрядом в урочище Каркары. Повстанцы «то наступали, то отступали»²⁹⁶. Но исход сражения был решен в пользу карателей. Подобное столкновение восставших киргизов с карателями произошло на правом берегу р. Джергалиан²⁹⁷.

²⁸⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1128, л. 214.

²⁸⁹ ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 515, л. 11.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 173; д. 1185; л. 31; ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 57, л. 2; Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3(34), стр. 59; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 159.

²⁹² ЦГА Киргиз. ССР, ф. 89, оп. 2, д. 4, л. 28.

²⁹³ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 448 (стр. 652—653).

²⁹⁴ Там же, док. № 448 (стр. 656).

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 11, л. 32—33; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 135, л. 276—280.

²⁹⁷ Там же.

Жестокой была борьба повстанцев Курментинской и ряда других волостей Пржевальского уезда с карательным отрядом, которым командовал капитан Чадов. Первое сражение произошло 19 августа недалеко от урочища Мерке в районе Джыламыш. Вначале восставшие ограничивались обороной, но вскоре перешли в наступление. А карательному отряду «пришлось отступить на более удобное место»²⁹⁸ и провести ночь в ущелье. На следующий день повстанцы попытались перейти в наступление, но безуспешно. Потеряв 85 человек, они отступили в горы. С 21 августа по 5 сентября между карательным отрядом и повстанцами произошел ряд серьезных столкновений.

Нелегко было преодолеть сопротивление повстанцев другому карательному отряду, во главе которого стоял сотник Волков. 25 августа в верховьях р. Тюп восставшие дали этому отряду бой, продолжавшийся семь часов. Потеряв около 100 человек, повстанцы покинули поле боя²⁹⁹.

Не менее сильное сопротивление карательным отрядам оказали жители Центрального Тянь-Шаня. 30—31 августа в местности Тогуз-Торо около 500 повстанцев во главе с Чулакбатыром выступили против карательного отряда, которым командовал офицер Носаев. В течение суток отряд не мог перевалиться через р. Нарын³⁰⁰.

О сопротивлении и борьбе населения Центрального Тянь-Шаня, в частности Загорных волостей, Нарынского и Ат-Башинского участков, против царских карателей сообщается в рапорте начальника Пржевальского уезда Иванова и начальника карательного отряда Бычкова от 3 сентября 1916 г. Умоляя о помощи, они писали военному губернатору Семиреченской области: «По тщательно собранным сведениям, оказывается, что киргизы в количестве 60—70 тыс. человек, со скотом сосредоточились на сыртах... Имеющийся в наличии отряд в 500 человек является недостаточным для окончательного подавления восстания и может лишь ограничить свою деятельность отобранием скота, нанеся сравнительно легкий удар противнику... необходимо увеличить состав отряда, хотя бы придать к нему одну батарею, одну роту, если возможно с пулеметом, и две сотни семиреченских казаков»³⁰¹. Военный гу-

²⁹⁸ ЦГА Каз. ССР, ф. «Войсковое правление Семиреченского казачьего войска», оп. 1, д. 2774-а, л. 194—195; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 146, л. 47—48.

²⁹⁹ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 34, л. 41—42; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 135; л. 291—292.

³⁰⁰ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 233.

³⁰¹ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 41, л. 34(84); Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 135, л. 315.

бернатор Семиреченской области, сознавая серьезность положения на Ат-Башинском и Нарынском участках, прислал значительную военную силу. Царские каратели, получив подкрепление, резко усилили атаки против повстанцев, которые продолжали сопротивляться. Военный губернатор Семиреченской области докладывал туркестанскому генерал-губернатору: «К началу сентября во всех уездах области, за исключением Пржевальского и южных частей Джаркентского и Пишлекского, наступило заметное успокоение... Пржевальские и загорные пишпекские кара-киргизы, а также киргизы рода «атабан» (возможно, «абдан».—К. У.) Джаркентского уезда не покорялись, причем кара-киргизы продолжали оказывать упорное сопротивление посланным против них как со стороны Пишпека, так и со стороны Андижана и Нарына войсковым отрядам»³⁰². 2 сентября в урочище Кара-Куджур восставшие попытались разгромить карательный отряд, но безуспешно³⁰³.

На южном берегу Иссык-Куля 27 августа более 4 тыс. восставших под руководством Мурзака выступили против карательного отряда. Повстанцы весь день сдерживали натиск карателей. Они потеряли 300 человек убитыми, в том числе своего руководителя Мурзака, и отступили.

Храбро сражались восставшие с карательным отрядом 28 августа в ущелье Чичкан, недалеко от урочища Барскаун. На месте боя осталось 400 убитых повстанцев. Отряд отбил около миллиона баранов, принадлежавших коренному населению³⁰⁴.

В начале сентября в районе Ак-Терека, Малого и Большого Джаргылчака произошел ряд серьезных столкновений повстанцев с карателями. Потери имела как та, так и другая сторона. Жестким было сражение повстанцев с карательным отрядом войскового старшины Бычкова 18 сентября в ущелье Тон. Оно длилось более 7 часов³⁰⁵. Сопротивление карателям оказывали киргизы и казахи, населявшие западную часть Чуйской долины. 17 сентября в районе Мерке они выступили против карательного отряда. В результате столкновения 150 повстанцев было убито³⁰⁶. Некоторый урон был нанесен и карателям.

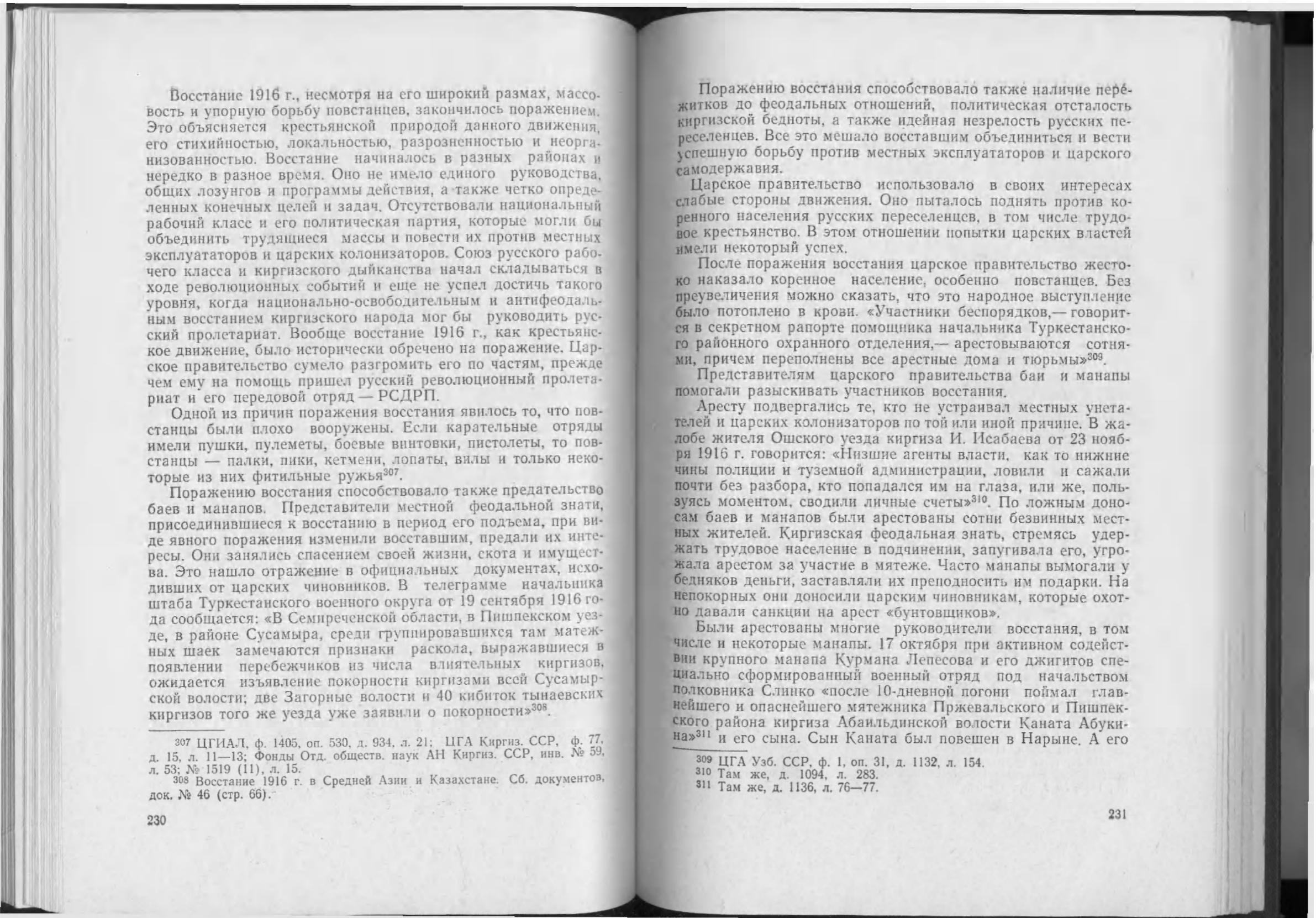
³⁰² ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16920, л. 22—23; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 135, л. 218.

³⁰³ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 41, л. 99; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 135, л. 327.

³⁰⁴ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 11, л. 40—41; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 135, л. 41—42, 251—253.

³⁰⁵ ЦГА Каз. ССР, ф. 314, оп. 1, д. 3-а, л. 1—5.

³⁰⁶ ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 341.

Восстание 1916 г., несмотря на его широкий размах, массовость и упорную борьбу повстанцев, закончилось поражением. Это объясняется крестьянской природой данного движения, его стихийностью, локальностью, разрозненностью и неорганизованностью. Восстание начиналось в разных районах и нередко в разное время. Оно не имело единого руководства, общих лозунгов и программы действия, а также четко определенных конечных целей и задач. Отсутствовали национальный рабочий класс и его политическая партия, которые могли бы объединить трудящиеся массы и повести их против местных эксплуататоров и царских колонизаторов. Союз русского рабочего класса и киргизского дыкканства начал складываться в ходе революционных событий и еще не успел достичь такого уровня, когда национально-освободительным и антифеодальным восстанием киргизского народа мог бы руководить русский пролетариат. Вообще восстание 1916 г., как крестьянское движение, было исторически обречено на поражение. Царское правительство сумело разгромить его по частям, прежде чем ему на помощь пришел русский революционный пролетариат и его передовой отряд — РСДРП.

Одной из причин поражения восстания явилось то, что повстанцы были плохо вооружены. Если карательные отряды имели пушки, пулеметы, боевые винтовки, пистолеты, то повстанцы — палки, пики, кетмени, лопаты, вилы и только некоторые из них фитильные ружья³⁰⁷.

Поражению восстания способствовало также предательство баев и манапов. Представители местной феодальной знати, присоединившиеся к восстанию в период его подъема, при виде явного поражения изменили восставшим, предали их интересы. Они занялись спасением своей жизни, скота и имущества. Это нашло отражение в официальных документах, исходивших от царских чиновников. В телеграмме начальника штаба Туркестанского военного округа от 19 сентября 1916 года сообщается: «В Семиреченской области, в Пишлекском уезде, в районе Сусамыра, среди группировавшихся там мятежных шаек замечаются признаки раскола, выражавшиеся в появлении перебежчиков из числа влиятельных киргизов, ожидается изъявление покорности киргизами всей Сусамырской волости; две Загорные волости и 40 кибиток тынаевских киргизов того же уезда уже заявили о покорности»³⁰⁸.

³⁰⁷ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 934, л. 21; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, д. 15, л. 11—13; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 53; № 1519 (11), л. 15.

³⁰⁸ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 46 (стр. 66).

Поражению восстания способствовало также наличие пережитков до феодальных отношений, политическая отсталость киргизской бедноты, а также идеальная незрелость русских переселенцев. Все это мешало восставшим объединиться и вести успешную борьбу против местных эксплуататоров и царского самодержавия.

Царское правительство использовало в своих интересах слабые стороны движения. Оно пыталось поднять против коренного населения русских переселенцев, в том числе трудовое крестьянство. В этом отношении попытки царских властей имели некоторый успех.

После поражения восстания царское правительство жестоко наказало коренное население, особенно повстанцев. Без преувеличения можно сказать, что это народное выступление было потоплено в крови. «Участники беспорядков,— говорится в секретном рапорте помощника начальника Туркестанского районного охранного отделения,— арестовываются сотнями, причем переполнены все арестные дома и тюрьмы»³⁰⁹.

Представителям царского правительства баи и манапы помогали разыскивать участников восстания.

Аресту подвергались те, кто не устраивал местных унитетов и царских колонизаторов по той или иной причине. В жалобе жителя Ошского уезда киргиза И. Исабаева от 23 ноября 1916 г. говорится: «Низшие агенты власти, как то нижние чины полиции и туземной администрации, ловили и сажали почти без разбора, кто попадался им на глаза, или же, пользуясь моментом, сводили личные счеты»³¹⁰. По ложным доносам баев и манапов были арестованы сотни безвинных местных жителей. Киргизская феодальная знать, стремясь удержать трудовое население в подчинении, запугивала его, угрожала арестом за участие в мятеже. Часто манапы вымогали у бедняков деньги, заставляли их преподносить им подарки. На непокорных они доносили царским чиновникам, которые охотно давали санкции на арест «бунтовщиков».

Были арестованы многие руководители восстания, в том числе и некоторые манапы. 17 октября при активном содействии крупного манапа Курмана Лепесова и его джигитов специально сформированный военный отряд под начальством полковника Слинко «после 10-дневной погони поймал главнейшего и опаснейшего мятежника Пржевальского и Пишлекского района киргиза Абаильдинской волости Каната Абукина»³¹¹ и его сына. Сын Каната был повешен в Нарыне. А его

³⁰⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 154.

³¹⁰ Там же, д. 1094, л. 283.

³¹¹ Там же, д. 1136, л. 76—77.

самого под усиленным конвоем отправили в Верный, где военный суд приговорил его к смертной казни. Жена Каната в своем прощении от 9 ноября 1916 г., ссылаясь на преклонный возраст и былые заслуги мужа перед царским правительством, просила заменить смертную казнь каторжными работами³¹², но ее просьба не была удовлетворена. Зато было удовлетворено ходатайство начальника карательного отряда о награждении манапа Курмана Лепесова и его сына за «большие и ценные заслуги» в поимке Каната Абукина³¹³.

Колониальные власти арестовывали не только мужчин, но и женщин. Положение арестантов было ужасным. П. Коршунова, посетившая царскую тюрьму в Ташкенте, где содержались узбеки и киргизы из Ферганской области, обвиняемые в участии в мятеже, рассказывает: «Во дворе мы увидели много арб (телег), нагруженных голыми трупами умерших от голода ферганцев. Мы спустились в подвал к полуживым (арестантам). — К. У.). В этом «жилище» по обе стороны лежали замученные умирающие люди. Они настолько скучено лежали, что проход между ними был очень труден, и, чтобы поставить ногу, с трудом можно было найти свободное место. Нас поразил вид этих людей: худые, грязные мужчины, женщины с распущенными волосами, с горящими от голода глазами, пугливо и с презрением встречавшие таких зевак, как мы.. Одна пожилая женщина схватила мои ноги, стала глядеть в лицо большими черными, полными слез и скорби глазами, что-то говоря... Я не понимала торопливого, рыдающего ее говора, ее языка. Кто-то из идущих впереди потянул меня за за руку, и я отошла от этого места. Только тогда разглядела я тысячи ползающих по женщине насекомых. Я взглянула на ее соседа и там тоже, если не больше, издали насекомые имели вид ползущей тонкой живой силошной массы... Картина была страшная. Я увидела человека огромного роста, который вырвал вату из лохмотьев и грыз ее. Другой грыз сухое ухо какого-то животного... Многие лежали почти без дыхания, по всей вероятности доживая последние свои мучительные минуты. Некоторые грызли себе руки. Многие как-то странно себя вели, по-видимому, они уже потеряли рассудок, другие глядели на нас огромными черными голодными глазами...»³¹⁴.

Судебные органы Туркестанского генерал-губернаторства были буквально завалены делами участников «мятежа». Тысячи

³¹² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1098, л. 298.

³¹³ Там же, д. 1136, л. 76—77.

³¹⁴ П. Коршунова. Зверская расправа царского правительства с повстанцами Ферганы (воспоминания очевидца). «Советское краеведение», М., 1936, № 9, стр. 57—58.

из повстанцев были расстреляны по приговору временных военно-полевых судов, более 3 тыс. привлечено участковыми, городскими и уездными судами. К 1 февраля 1917 года к смертной казни было приговорено 347 человек, к каторжным работам — 168, к содержанию в исправительных отделениях — 228 и тюремному заключению — 129 человек³¹⁵. Остальные дела лежали без судебного разбирательства до самой Февральской революции.

По приговорам царских карательных органов у «бунтовщиков», привлеченных к уголовной и политической ответственности, конфисковалось имущество. Многие трудащиеся остались без крова, без скота и средств к существованию. Для киргизов, особенно северных, из всех видов наказания самым тяжелым и разорительным было выселение с насиженных мест. Туркестанский генерал-губернатор дал распоряжение военным губернаторам областей, в котором говорилось: «Небходимо, чтобы туземное население твердо усвоило, что пролитая русская кровь карается не только казнью непосредственных виновников, но и изъятием земель у туземцев, оказавшихся недостойными владеть ею... этот принцип, твердо проводимый в жизнь при каждой вспышке туземного населения, имевшей в результате пролитие русской крови, должен заставить благоразумную часть населения удерживать неблагоразумную от попыток бороться против русской власти силой оружия»³¹⁶. Выселяя коренное население с насиженных мест, колониальные власти преследовали цель удержать народы Средней Азии, в частности киргизов, от дальнейших выступлений против царского самодержавия.

После поражения восстания десятки тысяч киргизских семей, откочевавших высоко в горы, где невозможно было зимовать, обратились к представителям царской власти с просьбой разрешить им возвратиться в родные места. Как и следовало ожидать, им было отказано. Туркестанский генерал-губернатор, побывав в Северной Киргизии, 12 октября 1916 года записал в своем дневнике: «Вид (киргизов, — К. У.) приниженный, подавленный... они просят разрешить тем волостям, которые не участвовали ни в каких беспорядках, возвратиться на их места. Их жены и дети спрятались в горах и там голодают»³¹⁷. Правда, царское правительство, в частности военный

³¹⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1197, л. 10; Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3(34), стр. 87.

³¹⁶ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 49 (стр. 97).

³¹⁷ Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3 (34), стр. 59.

губернатор Семиреченской области, обещало киргизам отвести специальный район для поселения, если они будут проявлять полную покорность, немедленно выдадут «главарей мятежа» и все оружие представителям царской власти и выделят от каждой волости по двести лошадей для действующей армии. Восставшие, ограбленные и разоренные царскими карательными отрядами и кулаками-переселенцами, не могли выполнить эти условия. Но и тем, кто выполнял их, не разрешили занимать прежние места и лишь обещали расселить в горных районах. «Только с исполнением всех перечисленных условий,— сказано в телеграмме военного губернатора Семиреченской области от 24 сентября 1916 года,— я разрешаю киргизам переходить на мирное положение, но опять-таки уже на новых горных местах, а не на прежних их стойбищах»³¹⁸.

Под видом наказания «мятежников» царское правительство собиралось отнять у киргизов всю Чуйскую долину, за исключением ее западной части, Малый и Большой Кемин, Иссык-Кульскую котловину, районы Кочкора и Джумгала. Таким образом, коренное население лишилось бы всей Северной Киргизии, за исключением ее высокогорных районов. Эту территорию царское правительство предполагало передать в пользование русским переселенцам, а коренных жителей выселить в высокогорные районы, где невозможно было заниматься не только земледелием, но и скотоводством. По указанию военного губернатора Семиреченской области даже в этих высокогорных районах должны были «устраиваться только волости, изъявившие безусловную покорность; колеблющиеся, непокорные волости подлежат дальнейшему разгрому. Наиболее виновные волости, Сарбагышевская, Атекинская, будут устроены совсем особо в другом уезде»³¹⁹, в Нарынском.

Нарынский уезд намечалось образовать в бесплодных высокогорных пограничных районах с центром в укреплении Нарын. Отдельные русские селения и казачьи станицы, находившиеся на территории предполагаемого Нарынского уезда, планировалось перенести на побережье Иссык-Куля и создать новый уезд из русских переселенцев. Колониальные власти собирались разместить на небольшой территории Нарынского уезда 37355 киргизских семей, проживавших раньше на берегах Иссык-Куля, в Кемине, Чуйской долине и других районах Киргизии. Туда же предполагалось поселить часть казахов Джаркентского уезда. Коренное население не имело права селиться в тех районах новообразуемого уезда, где росли естественные леса, занимавшие 135600 дес. Эти лесные массивы находились в непосредственном ведении казны³²⁰. Таким образом, в пользовании будущих жителей Нарынского уезда оставались только высокогорные пастбища, где можно было заниматься скотоводством, причем лишь в летнее время. Пахотных земель и сенокосов им иметь не полагалось. Иначе говоря, киргизы, поселяемые в этом уезде, были обречены на вымирание и неминуемую гибель.

В середине октября туркестанский генерал-губернатор подписал приказ об образовании Нарынского уезда и утвердил его административно-управленческий аппарат. Уезд делился на четыре участка: Охотничий, Столыпинский, Джумгальский и Атайский. Приставами участков назначались царские офицеры. Все административные должности занимали военные чиновники. В новом уезде началось образование и размещение волостей. В телеграмме от 22 октября, адресованной туркестанскому генерал-губернатору, сообщается: «Из остатков волостей Пишпекского уезда и Ат-Башинского участка сформированы новые волости, которые разместили в районе Нарына. Таким образом, преднаречтания вашего высокопревосходительства об образовании киргизского Нарынского уезда уже осуществляются»³²¹. Однако завершению образования данного уезда помешала победа Февральской революции.

Киргизы, которые должны были поселиться в Нарынском уезде, получив известие о свержении царского самодержавия, обратились к Временному правительству с просьбой оставить их на старых местах. Коренные жители Шамурзинской, Иссык-Атинской, Шамшинской, Тынаевской, Темир-Булатовской, Кочкорской, Курманкоджинской, Кара-Кечинской, Качекинской, Черикинской, Сусамырской, Буранинской, Абаильдинской, Джанышевской и Джумгальской волостей Пишпекского уезда в телеграмме от 12 марта 1917 г. председателю Совета Министров Временного правительства сообщали: «По усмирению беспорядков населения Семиреченской области военный губернатор составил проект об образовании нового Нарынского уезда и о выселении туда пятнадцати волостей из Пишпекского уезда. Это выселение являлось наказанием киргизов за мятеж. Нарынский уезд — это местность совершенно бесплодная, непригодная для земледелия и скотоводства. Там киргизам грозит медленное вымирание. В Пишпекском уезде разве-

³¹⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 214.

³¹⁹ Там же; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16924, л. 15.

³²⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1196, л. 34; д. 1197, л. 13—14; д. 1212, л. 6; Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3(34), стр. 60, 93; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 83—87.

³²¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 88.

ли сады, имеем клеверники, сенокос, зимовые стойбища, дома, мечети, мельницы, школы и другие постройки, созданные долголетним трудом. Все это у нас хотят отнять и выселить в бесплодную местность... Взываю к человеколюбию нового правительства, просим отменить... насилие и не высылать нас с наших земель, оставив нас в Пишпекском уезде, на коих мы живем с незапамятных времен»³²². 17 марта киргизы этих волостей обратились с той же просьбой к главе Туркестанского комитета Временного правительства. Однако их просьба не была удовлетворена. Вопрос о выселении коренного населения в Нарынский уезд продолжал оставаться на повестке дня. Он был решен в пользу трудящихся лишь после победы Октябрьской революции.

В конце сентября — первой половине октября значительная часть повстанцев Семиречья, спасаясь от карателей, бежала в Восточный Туркестан. Сюда направилось 45 тыс. семей из 39 волостей, т. е. почти все коренные жители Пржевальского уезда, многие киргизы Пишпекского уезда и часть казахов Джаркентского, Копальского и Верненского уездов. По далеко не полным статистическим данным, общее число беженцев составило 164 тыс. человек³²³, из них около 130 тыс. — киргизов.

Беженцы-повстанцы шли через перевал Бедель и другие. Около 70 тыс. киргизов с южного берега Иссык-Куля, из Центрального Тянь-Шаня, частично Кемина и Чуйской долины направилось в Уч-Турфанский и Ак-Суйский оазисы. Они шли по Тянь-Шанским сыртам через перевалы. Их путь был тяжелым, но сравнительно безопасным — здесь они почти не встречали карателей, да и скот их был обеспечен подножным кормом. Другая группа беженцев, жители двух волостей Ат-Башинского участка, направлялась в Как-Шаал. Их путь проходил мимо укрепления Нарын, где стоял царский военный гарнизон. Им приходилось идти по глубокому снегу, преодолевать труднодоступные перевалы, здесь почти не было подножного корма. Киргизы, населявшие северную часть Иссык-Кульской котловины, и казахи названных трех уездов шли в Кульджу через Қарқару³²⁴.

Трудности, которые испытывали беженцы на пути в Восточный Туркестан, не поддаются описанию. Многие из них были очень плохо одеты, им не хватало продуктов, и голод был их постоянным спутником. Среди беженцев было много стари-

³²² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1196, л. 49—50.

³²³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 57, л. 13.

³²⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 191—193; д. 1182, л. 16—17; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, д. 41, л. 84.

ков, детей, женщин. В довершение всего их неотступно преследовали каратели, которые безжалостно расстреливали всех, кого настигали. Особенно трудно пришлось беднякам, не имевшим лошадей, теплой одежды, продуктов. Они шли пешком, неся на себе свой скарб, многие из них погибли от голода и холода. Их настигали и истребляли каратели. Сравнительно легко переносили трудности перехода бай и манапы. Имея хороших верховых лошадей, они шли впереди и поэтому меньше страдали от преследователей.

Из-за отсутствия подножного корма, трудностей перехода по глубокому снегу и сильных морозов начался массовый падеж скота. «Скот у беглецов, — говорится в рапорте начальника одного из карательных отрядов от 22 декабря 1916 г., — падал тысячами голов в день»³²⁵. В том же рапорте сообщается, что все пути следования беженцев «сплошь завалены бывшими трупами павших животных. Пройдя еще некоторое расстояние, мы убедились, что и впереди путь наши завален падалью. Переочевав на этом посту, мы рано утром... двинулись уже в Уч-Турфан. Путь наш тут был усеян падалью. Падаль эта начала попадаться с перевала Акбель. Сначала редко, а потом все больше, и, наконец, с ключа Истык путь совершенно завален ею. Особенно большие кучи падали лежат на р. Келек-Тайгак и на подъеме Бедель»³²⁶. Значительная часть скота была отбита карателями. Беженцы по существу лишились скота. Когда они добрались до границы у них осталось 10% лошадей, 25% баранов³²⁷.

Особенно тяжело приходилось повстанцам-беженцам при переходе через труднодоступные перевалы. Один из них, Б. Исакеев, рассказывает: «Нам пришлось переходить перевал Бедель. Тропинка обледенелая, скользкая, чуть засыпанная снегом, проходила по склону ледяной горы. Внизу зиял глубокий, в несколько саженей, обрыв. Один неудачный шаг по тропинке и гибель неизбежна... Мы увидели, что обрыв был уже наполнен сорвавшимися сверху и сползшими с тропинки высоными и невысочными верблюдами, лошадьми, быками и, частично вместе с ними, людьми; и уже люди с высоными верблюдами проходят через этих, упавших в ледяные ямы, животных и людей, опасаясь пройти через тропинку. Это была ужасная невыносимо тяжелая картина. Рев обезумевших животных,

³²⁵ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16920, л. 192—193; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 136, л. 37.

³²⁶ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 137, л. 186—187.

³²⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 17; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 103.

крики, плач и стоны людей слились в одно. Те плачут, другие зовут по именам может быть уже погибших или заблудившихся, но беженцы не обращают на это внимания... и все проходят, проходят дальше. Ибо малейшая остановка или замедление грозит смертью им самим»³²⁸. К. Баялинов, в числе других испытавший все тяготы, связанные с бегством, о гибели людей и скота на первом Ак-Угиз рассказывает: «Утро встало пасмурное, перевал окутался туманом, пошел снег, поднялся северный ветер, который усиливаясь с каждой минутой, заметая дорогу снегом. Люди и скот скользили по обледенелой дороге, падали в пропасть. Среди голых камней не виднелось ни одной травинки. Голодные овцы и козы щипали свою собственную шерсть, лошади грызли стремена, верблюды опустились на колени и не могли больше подняться, быки сбрасывали навьюченную на них кладь, люди отморозили руки и ноги. Перевал гудел от стонов людей, ржания и блеяния животных. А снег все шел. Скоро наступила ночь, но и она не принесла успокоения. Люди и животные сбились в одну кучу. Холод пробирал всех до костей. Когда робкий свет зимнего утра осветил перевал, он оказался пустым. И люди и животные — все было засыпано снегом, все замерло и только по редкому трепыханию овец можно было понять, что под снегом лежали не камни, а живые существа. За ночь умерло множество людей»³²⁹.

Большая группа повстанцев подошла к речке Музарт, на границе Восточного Туркестана³³⁰. Здесь её настиг карательный отряд. Беженцы, не имея оружия, не могли оказать сопротивления преследователям, многие бросились в бурную горную речку. Но на другом берегу этой речки стояли китайские пограничники, которые также обстреливали идущих им на встречу людей. Не считая убитых пограничниками, только царскими карательными за все время преследования было истреблено более 12 тыс. человек³³¹. Многие беженцы, особенно дети, женщины и старики, утонули в реке. Эта переправа правдиво описана участником перехода М. Элебаевым. «Утро было мрачное, туманное, тянуло холодом. В бескрайней степи столпился прикочевавший народ. Неожиданно позади грохнули один за другим два пушечных выстрела. Люди хлынули вперед, но тут пограничники открыли огонь и заставили огромное море народа отступить... Люди сгрудились между двух

³²⁸ Б. Исаев. Киргизское восстание 1916 г. Киргизгосиздат, 1932, стр. 38—39.

³²⁹ К. Баялинов. Ажар. В кн.: Счастье. М., 1948, стр. 179.

³³⁰ Этую же речку называли Кызарт, а также Ак-Кыяз.

³³¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 57, л. 13.

огней. Постояли они, постояли, затем опять двинулись к границе. Рыдания, вопли висели над толпой. Пушка грохнула еще раз, другой — теперь поближе. Народ решился: «Погибать, так погибать!» — и пошел прямо на огонь пограничников... Несмотря ни на что, народ пошел вперед. Вот дорогу преградили бурные воды Музарта. Что тут делалось, сколько народу погибло! В одном месте плывет женщина, придерживая колыбель, в другом — лошадь тонет вместе с щенками, в третьем — мертвого вынесло на берег, в четвертом — старик с криком бросается к тонущему ребенку, в пятом — кто-то рыдает над погибшим... Разве перескажешь все»³³². О невероятных трудностях и огромных потерях беженцев при переправе рассказывают активные участники восстания И. Туманов, Т. Джумабаев и М. Джамбаев³³³. Переправившись через Музарт, беженцы устремились вперед. Местные правители заставили их преподнести им большие подарки — лошадей, деньги, оип, ценные вещи и т. п. У тех, кто не хотел делать подарки и подношения, они все отбирали, а сопротивлявшихся убивали. Не успели беженцы отойти от границы, как на них напали калмыки, кочевавшие в этих районах. Воспользовавшись беззащитностью киргизов, они отбили у них часть скота, отобрали немало имущества и женщин³³⁴.

Без разрешения местных властей киргизы из 32 волостей Пржевальского и Пишлекского уездов расселились в Кашгарской провинции в оазисах Уч-Турфан и Ак-Су, а выходцы из 7 волостей Джаркентского и Пржевальского уездов устроились в Кульджинской провинции в районе Текеса³³⁵.

Представители китайских властей враждебно относились к беженцам и всячески преследовали их, так как опасались влияния беженцев-мятежников на население Восточного Туркестана.

Для того, чтобы не допустить беженцев в пределы Восточного Туркестана, вдоль границы, особенно на перевалах, были поставлены усиленные отряды и стража. Во всех пограничных городах и селах появились многочисленные объявления в которых говорилось, что «переход мятежников не разрешает-

³³² М. Элебаев. Долгий путь. Фрунзе, 1959, стр. 59.

³³³ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1491, л. 5; инв. № 1519 (10-а), л. 97—98; инв. № 1519 (13), л. 13—14.

³³⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 184—195; Воспоминания И. Туманова, С. Балбакова, Т. Джумабаева и М. Джамбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1491, л. 5; инв. № 1519(2), л. 89; инв. № 1519(10-а), л. 97—98; инв. № 1519(13), л. 13—14.

³³⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 132.

ся»³³⁶. Принимались все меры к выселению беженцев за пределы этого края.

Такое отношение к беженцам объяснялось нежеланием местного правительства осложнить взаимоотношения с Россией, которая требовала вернуть беженцев-киргизов, казахов и дунган, а также тем, что беженцы находились в крайне тяжелом положении и нуждались в помощи. К тому же не исключалась возможность занесения эпидемических заболеваний.

Китайские чиновники смотрели на беженцев как на источник эксплуатации³³⁷. Как отмечает в отчете за 1916 г. военный губернатор Семиреченской области, представители местной власти «обрадовались легкой наживе, отобрали у беглецов скот, имущество и даже женщин, а затем начали гнать их обратно в наши пределы»³³⁸. Жаловаться же на произвол местных угнетателей было некому и некуда³³⁹.

Иначе относилось к беженцам местное трудовое население. Оно оказывало им материальную помощь и моральную поддержку, нередко делилось с ними последним куском хлеба, давало им приют³⁴⁰.

Баи и манапы, сохранившие часть имущества и скота, делая разные подарки и приношения местным чиновникам, быстро нашли с ними общий язык. Они заручились их поддержкой и покровительством. Правитель Кашгарии, получив богатые подарки от Мокуша и Самудина Шабдановых и других манапов, взял их под свою защиту. Когда к нему прибыл представитель царского правительства Бычков и потребовал выдать этих манапов, он ответил, что Шабдановы являются «такими же гостями... как и Бычков со своим отрядом», поэтому они имеют «право рассчитывать на гостеприимство, как и сам войсковой страшна Бычков»³⁴¹. Покровительствовал представителям киргизской феодальной знати, бежавшим в Восточный Туркестан, и другой чиновник — правитель Куль-

³³⁶ Там же, л. 193.

³³⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1138-а, л. 177; д. 1136, л. 88; д. 1182, л. 17—18; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 120—121.

³³⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 17—18.

³³⁹ Воспоминания Абакира Монолбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(10), л. 48—49.

³⁴⁰ Воспоминания Т. Джумабаева. Там же, инв. № 1519(10-а), л. 98—99.

³⁴¹ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 121.

джи, который получал от баев и манапов «в подарки лошадей, скот, деньги и очень много опиума»³⁴².

Основная же масса беженцев бедствовала, многие умирали от голода. В телеграмме от 17 ноября 1916 г. сообщается: «Почти весь скот их погиб, беглецы умирали от голода и холода»³⁴³. Об этом говорится в архивном документе, датированном 3 ноября 1916 г.³⁴⁴ Царский чиновник, приезжавший в Восточный Туркестан, чтобы вернуть беженцев, в своем рапорте от 9 декабря 1916 г. подчеркивает: «Встречая в базарные дни наших киргизов в Уч-Турфане, приходится удивляться их бедности: все они полураздеты и босы. Одежду их составляет халат из дабы, а подошвы из сырой животной шкуры»³⁴⁵. Опухшие от голода обездоленные беженцы в поисках куска хлеба и в надежде найти какую-нибудь работу бродили по селам и городам Восточного Туркестана. Но их встречали враждебно, отовсюду гнали. И они стали искать помощи у официальных представителей русского государства в Восточном Туркестане. Об этом свидетельствует, в частности, прошение киргизов-повстанцев, адресованное русскому консулу в Кульдже.

Чтобы не умереть от голода, беженцы продавали все, что можно было вынести на рынок. Войсковой страшна Бычков, побывавший в Кашгарии по делу беженцев, отмечает, что киргизы «продают последнюю свою одежду; весь уч-турфандский базар завален киргизскими вещами, как то: войлоками с юрт, казанами, арканами, седлами и остальными домашними вещами»³⁴⁶.

В связи с наплывом людей на базарах Восточного Туркестана цены на одежду, обувь и предметы домашнего обихода намного снизились, а на продукты питания повысились в 5—6 раз³⁴⁷. Это не могло не ухудшить и без того тяжелое положение беженцев. Нередко они обращались к коренному населению с просьбой усыновить их детей, которые умирали от голода. В ряде случаев местные угнетатели вынуждали бедняков-беженцев отдавать им несовершеннолетних девушек и жен за гроши или горсть зерна³⁴⁸. Согласно заявлению бежен-

³⁴² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 88.

³⁴³ Там же, д. 1136, л. 132.

³⁴⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16924, л. 5—6.

³⁴⁵ Там же, л. 184—193; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 136, л. 37—38.

³⁴⁶ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16920, л. 184—193; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 106, л. 103.

³⁴⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 195.

³⁴⁸ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 103, 115.

Местные Советы старались обеспечить киргизов-беженцев хлебом, улучшить взаимоотношения коренного трудового населения с переселенцами, сплотить вокруг себя русских и киргизских трудящихся, повести их на борьбу против двойного гнёта за социальную и национальную свободу.

Временное правительство, рассматривая Туркестан лишь как источник сырья и рынок сбыта русской промышленности, а коренное население — как объект эксплуатации, почти полностью сохранило административно-управленческий аппарат. К власти пробрались эсеры, меньшевики и буржуазные националисты. Во главе волостей, аилов и кыштаков по-прежнему стояли местные эксплуататоры. Бывшие уездные начальники, приставы назначались на высокие должности и даже комиссарами уездов и областей. Например, комиссарами Временного правительства по Семиреченской области были назначены бывший крупный царский чиновник О. Шкапский и националист М. Тынышбаев.

Временное правительство сохранило и активно поддерживало старые аграрные отношения. В Туркестане, в том числе в Киргизии, земля и вода оставались в пользовании русских кулаков, казачьей верхушки и других колонизаторов, а также баев и манапов. Словом, политика, проводимая Временным правительством, ничем не отличалась от политики царской власти. По существу, вся перемена после Февральской революции в Туркестане свелась к переходу власти из рук ставленников царя в руки представителей буржуазии, которая ни за что не хотела предоставить свободу и независимость народам национальных окраин. Как в Туркестане, так и во всей России, Временное правительство не давало народам ни хлеба, ни земли, ни свободы, ни мира. Оно защищало интересы эксплуататоров и колонизаторов.

Временное правительство всячески препятствовало возвращению беженцев в Россию. В начале мая Туркестанский комитет Временного правительства принял специальное постановление, в котором говорилось о нежелательности появления беженцев в крае. Была объявлена амнистия всем, кто был арестован еще царскими властями за жестокость при усмирении мятежа. Из Пишпекской и других тюрем были выпущены начальники карательных отрядов, отличившиеся жестокостью при подавлении выступления местных жителей в 1916 г. Выйдя на свободу, они вступали в военные и кулацкие отряды, действовавшие против киргизов, возвращающихся из Восточного Туркестана. Дело в том, что Временное правительство, пытаясь сдержать поток беженцев, ни перед чем не останавливалось. В ход было пущено даже оружие. К границам двига-

лись войска и казачьи полки. В горных проходах выставлялись охрана и сторожевые заставы³⁶¹. Однако ничем нельзя было остановить движение беженцев в родные места.

Возвращавшиеся киргизы находили свои жилища и зимовки разоренными. Оставленные ими посевы и запасы кормов были полностью уничтожены, сады вырублены, юрты и имущество расхищены или сожжены, скот угнан карателями, а земля занята кулаками-колонизаторами. Беженцы остались без крова и без средств к существованию.

Не лучше было положение и тех участников восстания, которые, спасаясь от преследования карателей, укрывались в труднодоступных горах. Они потеряли большую часть скота и имущества. Многие умерли от голода.

В телеграмме киргизов, возвратившихся из Восточного Туркестана, сообщается: «Все живем в горах, умираем от голода, хлеба не дают, ничего не имеем... Двигаться не имеем сил, не доберемся, в пути погибнем. Просим обратить внимание на нашу участь во имя свободы, справедливости и равноправия, спасите, защитите нас»³⁶². Временное правительство отказалось вернуть им отобранные земли и защитить их от произвола и насилия колонизаторов и местных эксплуататоров.

Председатель Туркестанского комитета Временного правительства в телеграмме от 23 апреля дал официальное указание Пишпекскому исполнительному комитету Советов не вмешиваться в земельные дела местного населения. Он писал: «Временное правительство обязалось до учредительного собрания никаких участков киргизских не занимать, никому не отводить. Туркестанский комитет предлагает вам во избежание серьезных последствий совершенно не вмешиваться в земельные дела» местного населения³⁶³. Этим указанием руководствовались представители Временного правительства. Так, когда группа киргизов, возвратившихся из Восточного Туркестана, обратилась к комиссару Семиреченской области с просьбой помочь устроиться на земле, он сухо ответил: «Сейчас уже нужно думать не об этом, а об учредительном собрании... не я заставил вас поднимать восстание и не мое дело теперь заниматься землеустройством»³⁶⁴.

³⁶¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1196, л. 52; Доклад пржевальской группы делегатов краевому Совету РИСД. «Наша газета», 1917, 20—22 июня; Эсеры во главе расправы с национально-освободительным восстанием. «Борьба классов», 1932, № 5, стр. 97—98.

³⁶² Цит. по указ. работе С. Н. Покровского (стр. 64—65).

³⁶³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1760, д. 5, л. 24; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 62, л. 113.

³⁶⁴ Ю. Абдрахманов. О восстании киргиз в 1916 г. Фрунзе, 1933, стр. 61—62.

Таким образом, Временное правительство и не думало помогать безземельной бедноте, это не могло не вызвать недовольства и возмущения трудящихся. Чтобы отвести от себя гнев трудового населения, оно передало вопрос о землеустройстве вернувшихся киргизов на рассмотрение местной власти. В постановлении Временного правительства от 10 апреля 1917 г. говорится: «Вопрос об устройстве в земельном отношении ушедших со своих мест во время прошлогодних беспорядков киргизов Пржевальского, Пишпекского и Джаркентского уездов Семиреченской области передать для уложения на место, где он мог бы быть подробно обсужден представителями местных общественных организаций»³⁶⁵. Теперь прошения участников восстания о возвращении им отобранных царизмом земель рассматривали представители Временного правительства, находившиеся у власти в Пржевальском и Пишпекском уездах.

Как и следовало ожидать, этот вопрос решался в пользу русских кулаков и местной феодальной знати, а просители по-прежнему оставались без земли. Мало того, Временное правительство приняло срочные меры к осуществлению реакционного плана царской власти о выселении коренных жителей из Чуйской долины, Кемина и Иссык-Кульской котловины в бесплодные и высокогорные районы Нарына. На специальном совещании, состоявшемся в Пишпеке было решено заселить районы Нарына «мятежниками», особенно киргизами, возвращавшимися из Восточного Туркестана. Это решение вызвало резкий протест и возмущение киргизских трудящихся. Они настойчиво требовали вернуть им земли, отнятые царизмом и занятые кулаками-переселенцами. В телеграмме киргизов и казахов 17 волостей Пржевальского, Пишпекского, Джаркентского уездов говорится: «Слышали, что хотят выселить в Верненский и Нарынский уезды... Убедительно просим не выселять нас и оставить в своем уезде». В телеграмме Туркестанскому краевому Совету рабочих и солдатских депутатов киргизы и казахи сообщали, что «комиссары Временного правительства Шкацкий и Шендриков решили послать киргизов-беженцев в Нарынский участок. В Нарыне хлеба совсем нет, жители (коренные.—К. У.) сами голодают. Если сверх этого поселят пржевальских киргизов-беженцев, то, безусловно, обязательно погибнут. Просим этот вопрос скорее обсудить, отменить решение вышеупомянутых лиц и разрешить занять нам прежние места»³⁶⁶. Однако ни Временное правительство

ни его меньшевистско-эсеровские Советы не удовлетворили просьбу местных трудящихся. Ничего не сделали и не хотели делать представители Туркестанского комитета Временного правительства О. Шкацкий и М. Тынышбаев, специально присланные в Семиреченскую область для решения дел киргизов и казахов, в частности беженцев.

Кулаки-переселенцы, казачья верхушка и другие колонизаторы настороженные лица под предлогом «возмещения убытков» при активной поддержке Временного правительства и его местных представителейчили произвол над коренным трудовым населением, особенно над участниками восстания. Они не останавливались перед открытым грабежом и даже истреблением коренных жителей. Об этом свидетельствуют многочисленные телеграммы и прошения киргизского и казахского населения, адресованные правительству. Так, в телеграмме доверенных киргизов Шамшинской волости Пишпекского уезда Б. Тулекабылова и М. Кулова от 5 апреля 1917 г. говорится, что русские кулаки «отбирают нашу киргизскую землю и захватывают ее, рубят лес, разрушают постройки, уничтожают сады и клеверники, угрожают перебить киргизов, никакой власти в уезде нет и защищать нас некому»³⁶⁷. В телеграмме населения Буранинской, Шамшинской и Джанышевской волостей этого же уезда подчеркивается, что «местная администрация продолжает приводить в исполнение меры несправедливости и жестокости»³⁶⁸. В телеграмме от 28 августа 1917 г. сообщается: «В Семиречье до сих пор еще крестьянское (кулакское.—К. У.) население производит насилия, грабежи и убийства. Принятые краевыми и местными властями меры не дали никаких результатов. Случаи убийства бывают почти ежедневно». В другой телеграмме от 13 августа отмечено: «В Семиречье, в особенности в Пржевальском уезде, грабежи, убийства киргизов... продолжаются. Киргизы умирают десятками от рук крестьян (кулаков.—К. У.) и голода.. Просим принять самые экстренные меры для прекращения избиения беззащитных голодных киргизов»³⁶⁹. Подобные же сведения содержатся и в телеграмме доверенных киргизов Пржевальского уезда Келдербаева, Тумебаева и Чимжиева от 15 августа 1917 г. В ней говорится: «В Пржевальском уезде усиленно продолжается истребление киргизов крестьянами.. Ежедневно совершаются грабежи и убийства. Киргизы не имеют возможности занять свои прежние места.. Никаких

³⁶⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1196, л. 54—55, 60.

³⁶⁶ Цит. по указ. работе С. Н. Покровского (стр. 64—65).

³⁶⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1196, л. 59.

³⁶⁸ Цит. по указ. работе С. Н. Покровского (стр. 63).

³⁶⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1196, л. 65—66.

средств и юрт не имеют, умирают, голодают и почти всем грозит голодная смерть. Просим избавить киргизов от истребления»³⁷⁰.

Кулацкий террор принял широкий размах. Недалеко от с. Валерьяновского Пржевальского уезда озвевшие кулаки-переселенцы, руководимые бывшим начальником карательного отряда Гейцигом и поддерживаемые местным комиссаром Временного правительства Шабалиным, зверски перебили группу беженцев, возвратившихся из Восточного Туркестана³⁷¹. Такую же кровавую расправу над участниками восстания учинили кулаки в местности Ичтык, где было убито 42 и ранено 15 человек³⁷². В западной части Пржевальского уезда кулаки-переселенцы, организовав специальный отряд, напали на группу беженцев из 200 человек и всех уничтожили³⁷³. В апреле кулаки из с. Покровка и Кольцовка Пржевальского уезда и их сыновья, вернувшиеся из армии, зверски расправились с девятью участниками восстания. Они завернули их в кошмы, облили керосином и сожгли. На севере Иссык-Куля, в одном из ущелий, кулацкий отряд, состоявший из 40 человек, напал на киргизов, вернувшихся из Восточного Туркестана³⁷⁴. Жестоким грабежам, издевательству и истреблению подвергалось коренное население Загорного и других участков Пишпекского уезда³⁷⁵.

Нередко обездоленным и обнищавшим киргизам предлагали работу в хозяйствах состоятельных переселенцев. Киргизы-батраки, гонимые голодом и нуждой, не могли отказаться от предложенной работы. Однако лишь некоторым из них удавалось вернуться домой. По окончании работы хозяева не хотели рассчитываться с батраками. Как правило, они зверски убивали их под предлогом наказания за участие в «мятеже»³⁷⁶. Достаточно сказать что только в Пржевальском уезде так было убито около 2 тыс. человек³⁷⁷. А общее число участ-

³⁷⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1196, л. 65—66.

³⁷¹ С. Н. Покровский. Указ. работа, стр. 64—65.

³⁷² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1196, л. 67.

³⁷³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 57, л. 5.

³⁷⁴ Доклад Пржевальской группы делегатов краевому Совету РИСД. «Наша газета», 1917, 20—22 июня; Эсеры во главе расправы с национально-освободительным восстанием. «Борьба классов», 1932, № 5, стр. 96—98.

³⁷⁵ Д. Ж. Меджитов. Восстание киргизов в 1916 г. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 137, л. 177—180.

³⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 57, л. 5; Воспоминания Е. М. Дриго, Д. Мухтарова, И. Абдрахманова. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1494, л. 24—25; инв. № 1519, л. 2; Эсеры во главе расправы с национально-освободительным восстанием. «Борьба классов», 1932, № 5, стр. 96.

³⁷⁷ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 57, л. 5.

ников восстания, убитых колонизаторами и погибших от голода и эпидемии в период деятельности Временного правительства, достигло 20 тыс. человек³⁷⁸. В результате жестокого подавления восстания и враждебного отношения правительства к повстанцам численность коренного населения Северной Киргизии уменьшилась на 119215 человек, или 41,4%, а по Семиреченской области — на 25%³⁷⁹. Коренное трудовое население Северной Киргизии, особенно Пржевальского и в значительной степени Пишпекского уездов, находилось под угрозой поголовного истребления и вымирания.

Только Великая Октябрьская революция, давшая угнетенным народам социальную и национальную свободу, спасла участников восстания от гибели. С установлением власти рабочих и крестьян, ликвидацией эксплуатации человека человеком и колониального режима прекратилось преследование тружеников за участие в восстании, были созданы условия для устранения национального недоверия, имевшего место в дореволюционной Киргизии, улучшения дружественных взаимоотношений киргизов с русскими и украинскими переселенцами. Коммунистическая партия и Советское правительство приняли срочные меры по оказанию помощи бедствовавшим и голодавшим киргизам, устройству их на земле и возвращению беженцев, оставшихся в Восточном Туркестане, на Родину.

Для оказания материальной помощи киргизам, возвращавшимся с чужбины, уже в начале 1918 г. были организованы специальные комитеты, получившие название «комбэж», открыт ряд пунктов по снабжению хлебом голодавших киргизов. Комитеты беженцев проводили сбор хлопка, продовольствия, скота, одежды, обуви, кошм, частей юрт и пр. Коренное и русское трудовое население охотно помогало своим братьям. Большую помощь голодавшим киргизам, особенно беженцам, оказывали «питательные пункты», организованные Советской властью на путях следования беженцев. Такие питательные пункты были созданы в Пржевальске, Пишпеке, Кольцовке, Нарыне, Токмаке, местностях Каркара, Тон, Кутемалды³⁸⁰.

³⁷⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 17, д. 285, л. 9; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 62, л. 131.

³⁷⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 18; ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 57, л. 13; Статистический ежегодник 1917—1924 гг., т. 1. Ташкент, 1924, стр. 40—41; Родословная таблица (кара)киргиз, проживающих в Джетысуйской области, и краткая их история. Алма-Ата, 1923, стр. 2; И. Чеканинский. Восстание киргиз, казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле—сентябре 1916 г. Кызыл-Орда, 1926, стр. 42 (116)—45 (119).

³⁸⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 17, д. 285, л. 248; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 62, л. 120—121; Воспоминания Р. П. Маречека,

Благодаря этому были спасены от голодной смерти тысячи обессилевших беженцев.

Советская власть, несмотря на огромные финансовые и экономические трудности в стране, выделила для беженцев 100 млн руб.³⁸¹ Тысячам возвратившихся беженцев были выданы денежные пособия. Только в Пишпекском участке пособия получило более 250 киргизских семей³⁸².

В экономической и политической жизни участников восстания, в частности киргизов-беженцев, большую роль играла особая комиссия, учрежденная специальным приказом ЦИК Туркестанской ССР от 3 февраля 1920 г.³⁸³ Советское правительство обязало ее:

1) принять меры к тому, чтобы все мусульмане Семиреченской области, которые вынуждены были скрываться от царских карателей вследствие национальной вражды в пределах Восточного Туркестана либо в других местностях, могли вернуться в родные края и пользоваться своими землями;

2) всеми имеющимися в распоряжении рабоче-крестьянского правительства средствами прекратить всякие действия как целых национальных или классовых групп, так и отдельных эксплуататоров, направленные к продолжению прежних насилий над киргизским народом, в особенности над возвращавшимися беженцами-киргизами³⁸⁴;

3) выселить из домов, с усадебных участков и земельных владений, принадлежавших возвращавшимся беженцам или насильно выдворенным с таковых царскими властями, всех незаконных владельцев и передать их прежним владельцам;

4) оказать беженцам первую помощь деньгами, средствами передвижения, продовольствием, одеждой, обувью и т. п.;

5) выкупить за счет государства всех, находившихся за пределами края в кабале у местных эксплуататоров;

6) принимать соответствующие меры к устраниению существующей между киргизами, с одной стороны, и крестьянами и казахами — с другой, непримиримой вражды;

7) организовать на местах союзы дыйкан, коммунистичес-

П. Л. Гречко и О. Масадыкова. В кн.: Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии. Фрунзе, 1957, стр. 42, 92, 95—97.

³⁸¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 17, д. 485, л. 3; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 62, л. 119.

³⁸² ЦГА Узб. ССР, ф. 17, д. 285; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 62, л. 120—121.

³⁸³ ЦГА Узб. ССР, ф. 17, д. 485, л. 3; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 62, л. 119.

³⁸⁴ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, д. 43, л. 19—20; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 171—172.

кие ячейки, группируя возвращавшихся беженцев в отдельные айлы и волости, учреждать айльные и волостные исполнкомы³⁸⁵.

В связи с усилением сопротивления бывших колонизаторов и местных угнетателей мероприятиям Советской власти особой комиссии ЦИК Туркестанской ССР были предоставлены широкие полномочия. Она имела право арестовывать кулаков-переселенцев, представителей местной феодальной знати и других эксплуататоров в случае, если они будут препятствовать выполнению перечисленных задач. Лица, пытавшиеся уклоняться от выполнения распоряжений особой комиссии или не считавшиеся с ее решением, попадали под суд революционного трибунала. Областные, уездные, городские, станичные, волостные, сельские и айльные ревкомы и исполнкомы, а также армейские части обязаны были оказывать помощь этой комиссии³⁸⁶. Только благодаря всесторонней поддержке и содействию киргизских и русских тружеников, а также местных органов Советской власти комиссия ЦИК Туркестанской ССР с честью выполнила возложенные на нее обязанности.

Вести об установлении власти рабочих и крестьян, уничтожении колониального режима и эксплуататорского строя были встречены беженцами-киргизами, оставшимися в Восточном Туркестане, с огромной радостью. До них дошли слухи о всесторонней помощи, оказываемой Советским правительством нуждающимся участникам восстания. Узнав о коренных политических и социальных изменениях, происшедших на родине, они стремились возвратиться туда. Однако многие беженцы-киргизы без помощи и вмешательства Советского правительства не могли вырваться из цепких рук местных эксплуататоров. Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство приняли ряд срочных мер. В Восточный Туркестан были отправлены две делегации, которые вели переговоры об устранении препятствий, создаваемых местными феодалами и китайскими властями беженцам при возвращении на Родину. Местные власти требовали за них выкуп. Это условие было принято Советским правительством. Оно выделило необходимые средства для выкупа беженцев, попавших в кабалу к купцам-ростовщикам и находившихся на положении рабов у местных феодалов.

Таким образом, лишь благодаря заботам Советской власти с 1918 по 1924 г. почти все беженцы-киргизы смогли вернуться на Родину.

³⁸⁵ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, д. 44, л. 8—9; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 173/174.

³⁸⁶ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, д. 43, л. 19—20; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 171—172.

Участникам восстания была возвращена сохранившаяся часть имущества и скота, отобранных карателями. Кулаки-переселенцы не хотели добровольно возвращать киргизам их имущество, скот и землю. Совершенно иначе поступили русские трудовые крестьяне. Как отмечено в докладной записке особой комиссии ЦИК Туркестанской ССР от 25 апреля 1920 г., само русское трудовое население «в этом отношении шло навстречу, возвращая немедленно беженцам скот и имущество, захваченные насилиственno в 1916 г.»³⁸⁷ Семиреченский областной ревком специальным решением от 3 февраля 1921 г. предложил кулакам-переселенцам в течение одного месяца, с 10 февраля по 10 марта, вернуть киргизам их имущество и скот, отобранные во время подавления восстания и в период деятельности Временного правительства³⁸⁸. Предложение нашло горячую поддержку у русских трудовых крестьян. Они выносили решения, в которых осуждались кулаки-мироеды и национальная вражда, разжигаемая царским самодержавием и Временным правительством, подчеркивалась необходимость немедленно возвратить имущество и земли бывшим владельцам. «Мы, граждане села Липенского,— говорится в постановлении общего собрания жителей села от 24 апреля 1921 г.— как один, приветствуем Советскую власть и ее благие начинания социалистического строительства и наличия братства и равенства, не поминая старого прошлого, похоронив корень зла, национальную вражду, идем навстречу киргизской бедноте... готовы отдать добровольно, что имеется у нас, принадлежащее им (киргизам.—К. У.)»³⁸⁹. Аналогичный характер носит постановление общего собрания крестьян с. Богатыровского от 25 марта 1921 г. В нем указывается: «Старый монархический строй убивал темнотой трудовой народ, не считаясь с нациями, и под давлением жестокого гнёта... коренные жители доведены до полной нищеты. Поэтому, учитывая все это, мы граждане села Богатыровского, постановили: какое есть киргизское имущество, добровольно сдать в свой сельский ревком, а после этого просить уполномоченного от комиссии по устройству беженцев произвести в нашем селении осмотр»³⁹⁰. Подобные постановления были приняты жителями и других русских селений Семиреченской области.

³⁸⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 17, д. 285, л. 248; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 62, л. 120—121.

³⁸⁸ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 626, оп. 1, д. 2, л. 17, 78; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 175.

³⁸⁹ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 176.

³⁹⁰ Там же, л. 175.

Жизненно важное значение имело устройство коренного трудового населения, в частности беженцев, на земле. В этом отношении существенную роль играла организация бедноты союз «Кошчи», созданная в 1920 г. Она занималась проведением земельно-водной реформы 1920—1921 гг. и землеустройством киргизов-беженцев. Земельно-водная реформа разрушила остатки устоев эксплуататорского общества и колонизаторской политики царизма. Плодородные земли Чуйской долины, Кемина, Иссык-Кульской котловины и других районов, отобранные царским правительством, были возвращены киргизским трудящимся. Кулаки-переселенцы, захватившие земли, были выселены.

Эти мероприятия Коммунистической партии и Советской власти проводились в условиях острой классовой борьбы и упорного сопротивления кулаков-переселенцев. В связи с этим среди киргизских трудящихся проводилась большая работа по разъяснению сущности национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства. Были приняты все необходимые меры к ликвидации национального недоверия между коренным и русским населением. Забитая, темная и отсталая киргизская беднота приобщалась к новой жизни—строительству социалистического общества.

Итак, лишь благодаря победе Октябрьской революции и установлению Советской власти участники восстания избавились от жестокого преследования колонизаторов. Они получили ту социальную и национальную свободу, за которую боролись.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ХАРАКТЕР, СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОССТАНИЯ

Характер восстания

Ключом в определении характера национальных движений являются методологические указания классиков марксизма-ленинизма. Только руководствуясь этим учением, можно разобраться и правильно оценить такое сложное историческое событие, как национальное движение.

В новых исторических условиях в эпоху империализма В. И. Ленин развил и обогатил идеи К. Маркса и Ф. Энгельса по национальному вопросу вообще и национально-освободительному движению в частности. Говоря об освободительной борьбе колониальных и зависимых народов, он отмечал, что «всякий национальный гнет вызывает отпор в широких массах народа, а тенденция всякого отпора национально-угнетенного населения есть национальное восстание»¹. Имея в виду борьбу угнетенных народов за национальную независимость, В. И. Ленин подчеркивал: «Война против империалистических, то есть угнетательских, держав со стороны угнетенных (напр., колониальных народов) есть действительно национальная война. Она возможна и теперь»². Возникновение и развитие национально-освободительных восстаний В. И. Ленин связывал с конкретной исторической обстановкой, в частности с первой мировой войной и кризисом империализма и революционной ситуацией в стране. Он писал, что «и при условии сильного истощения «великих» держав в данной войне или при условии победы революции в России вполне возможны национальные войны, даже победоносные... Национальные войны против империалистических держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и прогрессивны, революционны»³. В. И. Ленин, подчеркивал усиление

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 113.

² Там же, стр. 84.

³ Там же, стр. 8—9.

национально-освободительных движений в период империализма, говорил, что «огоньки национальных восстаний в связь с кризисом империализма вспыхивали и в колониях, и в Европе, что национальные симпатии и антипатии проявили себя вопреки драконовским угрозам и мерам репрессии»⁴. Приведенные высказывания В. И. Ленина можно отнести к восстанию киргизского и других народов Средней Азии и Казахстана в 1916 г., ибо данное выступление также было вызвано «национальным» (колониальным) гнетом и направлено против «угнетательской державы». Оно происходило в условиях кризиса империализма и первой мировой войны, а также революционной ситуации и являлось составной частью национально-освободительного и революционного движения угнетенных народов, о котором говорил Владимир Ильич.

Это восстание отличалось широкими масштабами и небывалым размахом. Оно охватило всю Среднюю Азию, Казахстан, часть Поволжья, Закавказья, Алтая, Западной Сибири и некоторые другие национальные окраины царской России. Особенно бурным оно было в Средней Азии и Казахстане. Средизбюро ЦК ВКП(б) еще в 1931 г. указывало, что «в 1916 г. впервые за всю историю национально-освободительного движения в Средней Азии поднялись широкие массы дехкан и скотоводов на штурм российского царизма и его системы угнетения и грабежа»⁵. Массовость этого восстания подчеркивалась и в «Истории Коммунистической партии Советского Союза»: «Пришли в движение и угнетенные нации, в середине 1916 г. вспыхнуло восстание в Средней Азии и Казахстане, охватившее миллионы людей. Налицо было явное назревание революционного кризиса»⁶. Что касается Киргизии, то трудно назвать айл или кыштак, жители которого в той или иной степени не принимали бы участия в данном выступлении.

Как отмечено в тезисах Средизбюро ЦК ВКП(б) восстание 1916 г. было национально-освободительной войной против господства в Средней Азии российского империализма, военно-феодального по преимуществу, создавшего здесь систему варварской, беззастенчивой эксплуатации и грабежа⁷. На национально-освободительный характер восстания указывал и Цент-

⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 52.

⁵ Восстание 1916 г. в Средней Азии. Тезисы Культпропа Средизбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15-й годовщине восстания. М.—Ташкент, 1931, стр. 199.

⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат. 1963, стр. 199.

⁷ Восстание 1916 г. в Средней Азии. Тезисы Культпропа Средизбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15-й годовщине восстания, стр. 4.

ральный Комитет КП Киргизии⁸. Выдающиеся деятели Коммунистической партии и Советского правительства М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев охарактеризовали это восстание как «попытку протеста» и «открытое возмущение» угнетенного киргизского и казахского народа против царского самодержавия. Побывав в Средней Азии сразу же после подавления восстания, они писали, что коренное население Семиречья разорено за то, что оно поднялось на борьбу против царских колонизаторов⁹. Киргизский народ выступил за свои права на жизнь и национальную свободу. Он поднялся на борьбу против захвата его земель колонизаторами, против царского самодержавия и его антагонистской национальной политики, колониального и социального угнетения и грабежа, против произвола и насилия царских чиновников, кулаков-мироедов и местных эксплуататоров. Восставшие боролись также против разорительной первой мировой войны и военно-феодального империализма. Это определило характер выступления как восстания национально-освободительного, революционного, антиколониального, антиимperialистического, антивоенного и антифеодального.

Повстанцы обрушили свою ненависть и гнев в первую очередь на представителей колониальных властей: уездных начальников, участковых приставов, писарей и других царских чиновников, а также кулаков-переселенцев и полицейских, зорко охранявших интересы царского самодержавия. Так, 8 августа, т. е. в самом начале выступления, восставшие жители Сарыбагышевской и Атекинской волостей напали на временно исполнявшего обязанности начальника Пишпекского уезда и местных чиновников¹⁰. Им едва удалось бежать. На южном берегу Иссык-Куля повстанцы убили помощника Пржевальского уездного начальника и его охрану¹¹. Такая же участь постигла мировых судей 4-го и 6-го участков. Канцелярские бумаги и деловая переписка были сожжены¹². 10 августа восставшие киргизы напали на заведующего Загорным участком, отличавшегося жестокостью и самочинством, убили его и писарей, одного солдата и нескольких чиновников Переселенческого

⁸ Тридцатилетие национально-освободительного восстания 1916 г. (материалы для докладов). «Советская Киргизия», 1946, 14 сентября.

⁹ См. воззвание «Ко всему населению Семиреченской области», подписанное командующим Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе и членом Реввоенсовета В. В. Куйбышевым (ЦГА Киргиз. ССР, ф. 89, оп. 1, л. 135 л. 127). л. 127).

¹⁰ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 64.

¹¹ Там же, стр. 50.

¹² ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 35.

управления¹³. Повстанцы Пржевальского уезда убили судебного пристава Ташкентского окружного суда, двух полицейских стражников, нескольких священников, 32 казака-караталя, 28 солдат и нескольких офицеров¹⁴. В целом по Туркестанскому краю восставшие убили и ранили 227 военных, в том числе по Семиреченской области — 171¹⁵. Всего пострадало 3266 человек. Только по Семиреченской области повстанцами было убито 2025 и пропало без вести 1088 человек¹⁶, большую часть их составляли представители царской власти, должностные лица, военные и кулаки-переселенцы.

Гнев повстанцев обрушился и на христианское духовенство. Они разрушили ряд церквей и молитвенных домов, уничтожили их имущество, а служителей убили¹⁷.

Открыто выражали восставшие свою ненависть к царю, подписавшему указ о мобилизации «туземцев» на военно-тыловые работы. Повсеместно (особенно на севере Киргизии) они уничтожили портреты императора и даже бумажные деньги и серебряные монеты с его изображением¹⁸. Как отмечает в своем показании от 25 октября 1916 г. В. К. Сапожников, передко, уничтожая монеты и другие денежные знаки, они посыпали проклятия в адрес царя и членов его семьи¹⁹.

Ярко проявился антивоенный характер восстания в открытых выступлениях трудящихся против войны и, в первую очередь, против мобилизации коренного населения на работы в тылу. Рядовые киргизы, как и другие народы Средней Азии и Казахстана, категорически отказывались служить в трудовой армии. Они гневно заявляли: «Идти на войну мы не хотим. Пусть идут сами манапы рвать окопы, ведь они, как Шабдан и

¹³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, д. 1133, л. 189—191; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 135, л. 48, 139, 198; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 34, л. 18—20; Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3 (34), стр. 69—70; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 66, 74.

¹⁴ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 34, л. 18—20; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 135, л. 193, 198; Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3 (34), стр. 69—70; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 74.

¹⁵ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, № 48 (стр. 83—84).

¹⁶ Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3 (34), стр. 43; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, № 48 (стр. 83—84).

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 287—288.

¹⁸ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 139—140; инв. № 60, л. 83, 124; инв. № 135, л. 297.

¹⁹ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 2, л. 33—36; ф. 77, д. 15, л. 7—9. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 139—140; инв. № 146, л. 143—144.

его сыновья, получают от царя большие награды и высокие посты»²⁰, «Зачем воевать?», «Ради кого умирать?», «Зачем мы будем защищать царя, именем которого нас грабят русские кулаки, манапы-булаки и аткаминеры?», «Не дадим рабочих», «Не пойдем», «Лучше умереть дома, чем на войне», «Не будем давать своих братьев, лучше умрем на месте», «Поведем войну с теми лицами, которые хотят нас забрать в трудовую армию, а рабочих не дадим»²¹ и т. п.

В результате нарастания волнений исполнение указа царя от 25 июня 1916 г. было отложено на значительное время, а число мобилизуемых резко уменьшено. Антивоенное выступление коренного населения сливалось с революционной борьбой народов России против грабительской, разорительной и кровопролитной войны.

Как известно, в этот период партия большевиков во главе с Лениным призывала трудящихся к борьбе против войны, она выступала за превращение войны империалистической в гражданскую, в войну против своего правительства, против своей буржуазии и помещиков²².

Совершенно противоположную позицию занимали меньшевики, эсеры и другие мелкобуржуазные партии. Они выступали в защиту империалистической войны, поддерживали лозунг защиты отечества, призывали к «гражданскому миру», открыто предавая интересы пролетариата и крестьянства.

Выступления киргизского и других народов Средней Азии и Казахстана в 1916 г. объективно проходили под лозунгом партии большевиков о поражении «своего» правительства в войне и превращении империалистической войны в войну гражданскую. В период восстания царское правительство вынуждено было бросить значительные военные силы на подавление, что способствовало ослаблению и поражению царской армии на фронтах и усилению революционной борьбы в стране.

Восстание 1916 г. возникло и протекало в условиях, когда массовое и систематическое изъятие земель крайне отрицательно и губительно отразилось на состоянии земледельческого и скотоводческого хозяйства коренного населения, когда ос-

²⁰ В. Шунарин. Предатели киргизского народа. «Советская Киргизия», 1936, 29 июля.

²¹ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 15, л. 12; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 34; инв. № 134, л. 61; инв. № 135, л. 129; ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16921, л. 25.

²² История Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1963, стр. 181—183.

новная часть местной феодальной знати, служившая царизму, охраняла лишь его интересы. Поэтому восстание было направлено не только против царской земельной политики, но и против «своих» феодалов. Как отмечено в тезисах Средазбюро ЦК ВКП(б), «в процессе восстания, начав с убийства местной администрации, восставшие чем дальше, тем больше направляли свои удары и на местных эксплуататоров из коренных национальностей, что с особой резкостью проявилось в хлопководческих районах»²³.

Рядовые скотоводы и земледельцы видели, как представители местной феодальной знати — волостные управители, аильные и сельские старшины, получив царский указ о наборе рабочих, немедленно приступили к составлению списков призываемых, причем вносили в них лишь бедняков и их детей, освобождая тех, что давал им взятки. Это не могло не вызвать возмущения и гнева трудящихся против «своих» феодалов, особенно против так называемой туземной администрации. Восставшие нападали на манапов и баев, занимавших должности волостных управителей, аильных и сельских старшин, биев и казиев, убивали их, громили их дома, уничтожали именные печати и деловые бумаги, прежде всего списки призываемых.

Начальник Туркестанского почтово-телефрафного округа в секретном рапорте от 23 января 1917 г. писал, что «в большинстве случаев мятежники ограничивались убийством своих выборных представителей, подозревавшихся в измене народным интересам при содействии, оказывавшемся ими русским властям в организации набора»²⁴. Туркестанский генерал-губернатор сообщает царю: «Обедневшая масса населения в трех основных областях (Ферганской, Семиреченской и Сыр-Дарынской. — К. У.) в значительной степени стала недовольна своими туземными властями, судьями и при возникших беспорядках обрушилась на волостных старшин и писарей»²⁵. В телеграмме военного губернатора Ферганской области от 18 июля 1916 г. говорится, что «туземные власти разбегаются, спасаясь от кровавой расправы бесчинствующего народа. Положение грозит стать критическим от быстро развивающихся событий»²⁶. В докладе помощника главного военного проку-

²³ Восстание 1916 г. в Средней Азии. Тезисы Культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15-годовщине восстания. М.—Ташкент, 1931, стр. 7.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1289, оп. 12, д. 1265, л. 125.

²⁵ Восстание в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3(34), стр. 77.

²⁶ ЦГВИА СССР, ф. 400. Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 66.

рора, адресованном военному министру, сообщается: «При возникновении, в связи с набором, беспорядков все неистовство возбужденной толпы обрушилось прежде всего на головы ненавистных волостных управителей, старшин и пятидесятников и среди них именно и оказалось наибольшее число кровавых жертв толпы»²⁷. Подобные сведения имеются и в других официальных документах.

В Южной Киргизии, по официальным данным, только убитых представителей местной феодальной знати, служившей колониальным властям, насчитывалось 34, а всего по Туркестанскому краю — 55²⁸. Участниками выступления был убит араванский волостной управитель, который, рассчитывая получить «побольше денег с населения, решил всех записывать в призывные списки, а затем вычеркивать тех, кто заплатил за это соответствующую сумму»²⁹. Повстанцы забросали камнями четырех наиболее ненавистных аксакалов из Маргелана. Восставшие жители Язовинской волости убили местного бая, организовавшего побег участковому приставу³⁰. Такая же участь постигла и других местных феодалов на юге Киргизии.

Антифеодальный характер носило восстание и на севере Киргизии. Рядовые дыйкане Тулебердинской волости напали на «своего» управителя, который пытался отправить в трудовую армию только бедняков. Но этому волостному управителю и его джигитам удалось бежать³¹.

Восставшие окружили мечеть, где остановился Чолпонкул Тыналин — отец волостного управителя, крупнейший манап и сопровождавшие его влиятельные лица, в том числе манап Джантай Кенесарин. Повстанцы угрожали убить осажденных, требовали выдать манапов³². Прибывший карательный отряд выручил манапов и жестоко наказал участников выступления. Возмущенные бедняки местности Шамши Пишпекского уезда пришли к волостному управителю и заявили ему: «Мы не пойдем воевать, пока не попробуем

²⁷ Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный архив», 1926, № 3(34), стр. 64—66; Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сб. документов..., стр. 75—76.

²⁸ Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3(34), стр. 43; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 48 (стр. 83—84).

²⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 95, 98.

³⁰ Там же, л. 153—154.

³¹ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 73—74.

³² Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. 267 (стр. 405).

крови почетных киргизов вообще и твоей в частности»³³. Более 200 киргизов угрожало убийством кара-кечинскому волостному управителю, у него отобрали шашку, привели его и джигита в аил № 3, где, указав на труп убитого заведующего Меньшикова, заявили, что лишат жизни и его, если он доведет до сведения властей все слышанное и виденное. Взяв с него клятву, они отпустили его³⁴. В местности Санташ Пишпекского уезда участники выступления под угрозой смерти заставили волостного управителя и аильных старшин прекратить запись мобилизуемых³⁵. Группа рядовых скотоводов, приблизительно 100 человек, намеревалась убить он-арчинского волостного управителя и аильного старшину. Эти должностные лица бежали в Нарын³⁶.

Как отмечают в рапорте от 17 августа 1916 г. техники В. Захарьевский, Т. Марецкая и Д. Дубко, рядовые «киргизы Чериковской волости грозили убить своего волостного управителя.. за составление списков рабочих»³⁷. Бедняки Тынаевской волости, возглавляемые смелым джигитом Джунусом Мурзабаевым, спустились с урочища Ак-Торкай, напали на должностных лиц и пытались отнять у них именные печати³⁸. Нередко бедняки захватывали и уводили скот, в основном лошадей, принадлежавших баям и манапам³⁹.

Борьба трудящихся против баев и манапов, состоявших на службе у царского правительства, настолько обострилась, что многие из последних отказывались составлять списки призываемых. Начальник Андижанского уезда в рапорте от 22 июля 1916 г. с сожалением отмечал, что «почетные туземцы, которые когда-либо пользовались большим влиянием на народ, теперь это влияние утратили настолько, что открыто боятся даже говорить с народом на темы о созыве рабочих»⁴⁰. Многие крупные манапы, в частности волост-

³³ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 1, л. 31; ф. 77, д. 15, л. 25—27; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 141—142; инв. № 135, л. 127.

³⁴ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 69; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 261 (стр. 387—388).

³⁵ Воспоминания активного участника восстания Д. Отторбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (2).

³⁶ Воспоминания Д. Борсунбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (11), л. 3—10.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 426, оп. 3, д. 205, л. 51.

³⁸ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 25, л. 2—6; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 137, л. 108.

³⁹ Г. И. Бородо. Указ. работа, стр. 433; Воспоминания активного участника восстания С. Карапаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1487, л. 6.

⁴⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 177.

ные управители, опасаясь за свою жизнь⁴¹, обращались к начальникам Пржевальского и Пишпекского уездов с просьбой арестовать и посадить их в тюрьму, иначе рядовые «киргизы призывного возраста и их родственники перережут всех своих представителей»⁴², занятых в аппарате волостного управления, аильных и сельских общин.

Таким образом, восстание 1916 г. было направлено не только против царского самодержавия, но и против местных эксплуататоров, особенно против тех манапов и баев, которые, занимая определенные должности в аппарате «туземной администрации», пытались выполнить указ царя.

Восставшие не дрогнули перед вооруженными и организованными карательными отрядами. Они смело вступали в бой с царскими войсками. Иногда они заставляли карателей отступать. Никакие жестокие меры царского правительства не могли сломить свободолюбивый дух киргизского народа. Повстанцев не страшили ни кровавые действия карателей, ни угрозы поголовного их истребления.

В ходе восстания выдвинулось немало батыров, самоотверженно и героически боровшихся против царского самодержавия.

Широко известным стало имя повстанца Каирбая Долбаева — рядового киргиза из Чон-Кемина. Он был хорошим маргуном (стрелком). Каирбай всегда был там, где должны были проходить царские каратели. Однажды восставшие, среди которых был и Каирбай, не выдержав натиска карателей, отступили. Их преследовал карательный отряд из 80 казаков. Вскоре каратели настигли отступавших. Каирбай и несколько джигитов вступили с ними в неравный бой, который продолжался несколько часов. Несмотря на раны, Каирбай и его товарищи весь день прикрывали отступление повстанцев и сдерживали натиск неприятеля. Отряд прекратил преследование повстанцев. Каирбай Долбаев, истекая кровью, дал возможность многим участникам восстания уйти в труднодоступные горы⁴³.

За Тюпом такой же подвиг совершил бедняк Исмаил Кокумбаев. В октябре группу повстанцев, приблизительно в 500 человек, преследовали хорошо вооруженные каратели — 28 казаков и два офицера. Над повстанцами нависла опасность

⁴¹ Г. И. Бродо. Материалы к истории восстания... стр. 426—427.

⁴² ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 8, л. 5.

⁴³ Б. Исакеев. 20-летие восстания в Киргизии. «Революция и национальность», 1936, № 9, стр. 34—35; М. Белоцкий. Восстание киргизов в 1916 г. «Советская Киргизия», 1936, 20 августа.

поголовного истребления. В этот критический момент Исмаил метким выстрелом убил офицера и завладел его ружьем. Прикрывая отступавших, он на значительное время задержал преследователей. Благодаря ему жизнь сотен повстанцев была спасена⁴⁴.

В середине августа в местности Шамши, за Токмаком, произошло столкновение группы восставших с военным карательным отрядом. Пулемет карателей, установленный на автомашине, сметал повстанцев. Храбрый джигит Аалы направил коня на пулеметчика и пикой выбил его из машины. Пулемет на некоторое время замолк. А повстанцы, воспользовавшись моментом, перешли в наступление и обратили карателей в бегство. В этом бою Аалы пал смертью храбрых⁴⁵.

В начале августа в Боомском ущелье Ибраим Тёлёев с небольшой группой восставших захватил обоз с оружием.

Бедняк Болоткан под градом пуль почти настиг начальника Пишпекского уезда, возглавлявшего карательный отряд из 70 вооруженных казаков, и пытался выбить его из седла. Однако лошадь Болотканы была убита, а его растерзали казаки-каратели. Отряд же вынужден был покинуть поле боя и отступить в станицу Самсоновку⁴⁶.

Среди восставших Пржевальского уезда смелостью и решительностью отличался повстанец Ускенбаев. Задерживая царских карателей, он не раз выручал участников восстания⁴⁷. Рядовой киргиз Алымкул из Кочкора своим бесстрашием и храбростью наводил страх на кулаков-переселенцев и карателей.

Батрак Дикан Богорстонов с группой джигитов, вооруженных самодельными пиками, вступал в рукопашные бои с отдельными частями царских карателей⁴⁸.

Приведенные примеры свидетельствуют о самоотверженности трудящихся, боровшихся против угнетателей.

По словам В. И. Ленина, «общенародно то движение, которое выражает объективные нужды всей страны, направляя свои тяжелые удары против центральных сил врага, мешаю-

⁴⁴ Воспоминания Ш. Талиева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (1), л. 24.

⁴⁵ Воспоминания М. Мергенбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(2), л. 47—48.

⁴⁶ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1057, л. 539.

⁴⁷ После установления Советской власти Ускенбаев сражался на фронтах гражданской войны и боролся с басмачами (см.: Б. Исакеев. Указ. статья, стр. 34).

⁴⁸ М. Белоцкий. Восстание киргизов в 1916 г. «Советская Киргизия», 1936, 20 августа; Б. Исакеев. 20-летие восстания в Киргизии. «Революция и национальность», 1936, № 9, стр. 34—35.

щего развитию страны. Общеноародно то движение, которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения»⁴⁹.

Восстание 1916 г. было общеноародным. В нем принимали участие самые широкие слои трудящихся, различные социальные группы, представители разных классов. Его движущую силу составляли рядовые скотоводы, земледельцы и батраки, изнемогавшие под гнетом колонизаторов и местной феодальной знати⁵⁰. Средазбюро ЦК ВКП(б) подчеркивало: «Основной движущей силой восстания являлись дехкане и скотоводческие массы Средней Азии и пролетарские и полупролетарские элементы коренного населения»⁵¹. То, что народные массы составляли движущую силу восстания, не могли отрицать даже царские чиновники. Один из них пишет: «Огромное число мятежников состоит из беднейшего класса киргизов. Преданными правительству остались лишь привилегированные классы киргиз — богачи»⁵². Аналогичные сведения содержатся в секретном рапорте помощника начальника Туркестанского районного охранного отделения от 20 августа⁵³, докладной записке военного губернатора Семиреченской области от 7 октября⁵⁴ и в телеграмме того же военного губернатора от 6 сентября⁵⁵. Наиболее активное участие в восстании принимала молодежь, подлежащая мобилизации. Бедняки зачастую были организаторами выступлений. Именно они подняли знамя борьбы за национальное освобождение и первыми выступили против угнетателей.

Говоря о движущих силах восстания 1916 г., следует сказать несколько слов об участии в нем рабочих. Рабочий класс Киргизии в период восстания 1916 г. находился лишь на стадии

⁴⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 22, стр. 283.

⁵⁰ А. Г. Зима правильно подчеркивает, что «движущей силой национально-освободительного восстания могли быть только те силы общества, которые были заинтересованы в свержении двойного гнета. Такой силой в киргизском обществе были трудовые массы, поскольку они и только они испытывали на себе двойной гнет» (см. А. Г. Зима. О характере восстания 1916 г. в Киргизии. Тр. ИЯЛИ КиргизФАН СССР, вып. VI, 1954, стр. 111).

⁵¹ Восстание 1916 г. в Средней Азии. Тезисы Культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15-й годовщине восстания. М. — Ташкент, 1931, стр. 7.

⁵² ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 16921, л. 2; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1488-а, л. 4.

⁵³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 147. ССР, инв. № 62, л. 97.

⁵⁴ Там же, оп. 1, д. 1100, л. 77; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 62, л. 97.

⁵⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1138-а, л. 55—56.

зарождения. Рабочие, занятые на различных промышленных предприятиях кустарного типа, были разобщены и не имели единой политической организации. Кроме того, рабочие киргизы еще не порвали связь с сельским хозяйством. Большинство из них были сезонниками. Не только в Киргизии, но и в Туркестане в целом рабочих, особенно промышленных, было настолько мало, что они не могли открыто перейти на сторону повстанцев и возглавить их движение. Неслучайно, в упомянутых тезисах Средазбюро ЦК ВКП(б) говорится, что «революционная партия пролетариата в Средней Азии в то время была загнана в глубокое подполье. Массы российского пролетариата в тот период еще не могли открыто выступить на решительную борьбу с самодержавием в помощь восставшему дехканству. Подъем революционного движения среди них еще был недостаточно высоким... Восстание колониального крестьянства поэтому осталось без пролетарского руководства и без руководства большевистской партии»⁵⁶. И хотя ни местный, ни российский пролетариат и большевистская партия по ряду причин не могли возглавить восстание и руководить им, их симпатии полностью были на стороне народов Туркестана. Русский пролетариат и большевистская партия развернули борьбу за национальную свободу угнетенных народов колониальных окраин. Тем самым они оказали большую помощь колониальным народам, в том числе киргизскому, поднявшему знамя национально-освободительной борьбы.

Пролетариат и большевики Туркестана, несмотря на малочисленность и неорганизованность, преследования царского правительства, всячески поддерживали повстанцев.

Как показывают данные, по призыву большевиков некоторые части ферганского гарнизона отказались участвовать в подавлении восстания⁵⁷. На сторону последних перешли рабочие, занятые на строительстве Семиреченской железной дороги. Получив сообщение об указе царя, эти рабочие покинули рабочие места и присоединились к восставшим Аулие-Атинского и Пишпекского уездов (1574 человека из 1600)⁵⁸. Так же поступили рабочие, занятые на строительстве Чуйского канала.

⁵⁶ Восстание 1916 г. в Средней Азии. Тезисы Культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15-й годовщине восстания. М.—Ташкент, 1931, стр. 8.

⁵⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1196, л. 3, 6; Мужественные борцы за дело коммунизма. Сб. статей. Ташкент, 1957, стр. 237 (использовано по статье: А. И. Зевелов и К. И. Малышев. Новое издание «История Киргизии». «История СССР», 1965, № 4, стр. 155).

⁵⁸ Рапорт управляющего конторой по постройке Семиреченской железной дороги от 22 июля 1916 г. ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1133, л. 7—8.

Сначала они объявили забастовку, требуя увеличить жалованье и выдать деньги вперед, а затем «перешли на сторону мятежников»⁵⁹.

Некоторые передовые люди того времени пытались усилить удары восстания, направленные против царских колонизаторов и местных эксплуататоров. Они разоблачали представителей колониальных властей, баев и манапов. Как рассказывает житель Узгена, участник восстания Камельджан Мирзаев, ему «приходилось видеть передовых людей, которые песнями и стихами разоблачали политику царизма и местных баев. Доказывали бедноте, что главные враги трудового народа — это русский царизм и местные эксплуататоры — баи, муллы, ишаны, что бороться нужно как с царским самодержавием, так и с его опорой в Средней Азии — манапами, баями и муллами»⁶⁰. В Пржевальском уезде с разоблачением царских и местных эксплуататоров выступал Семен (фамилия его неизвестна). Он рассказывал повстанцам, что царь и его чиновники являются врагами как русских, так и киргизских трудящихся. Семен призывал восставших организованно вооружаться, бить царских колонизаторов, баев и манапов⁶¹.

На стороне восставших не мог не быть акын-демократ Токтогул Сатылганов. Токтогул призывал трудящихся к решительным действиям против баев и манапов и представителей царизма:

Падыша менен бий, болуш,
Жөнөтөм дейт мендикерге,
Өзүндүн кара башынды.
Ошолордон сен коркүп,
Бересинби мендикер?
Бар жаракты колго алып,
Атындын белин бек тартып,
Табылса баран айылдан,
Ок дарынын мол алып,
Толтонуп алып чыккыла,

Ныне царь, бий и волостные
Хотят отправить на военно-
тыловые работы тебя самого.
Неужели ты стерпишь, мой
народ
Неужели отдашь сыновей в
мендикеры?
Быстро оседлав коня,
Бери оружие в руки.
Если найдется в аиле ружье,

⁵⁹ Рапорт заведующего транспортом Червякова начальнику работ по орошению долины р. Чу. ЦГА Киргиз. ССР, ф. 1, д. 84, л. 32; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 80.

⁶⁰ Воспоминания Камельджана Мирзаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(4).

⁶¹ Позже Семен принимал активное участие в гражданской войне и громил врагов Советской власти. Под его влиянием в Красную Армию вступили Саякбай Карапаев, который вернулся домой лишь после окончания гражданской войны. См.: Воспоминания Саякбая Карапаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1487, л. 7—11.

Ыңтымак менен чынданып!

Взяв побольше пуль, пороха,
Собравшись все вместе,
Дружно и согласно поднимайтесь!

Бардык күчүң бир жыйнап,
Байга каршы чыксаңчы!
Бет келгенин бүт кырып,
Бай, манап туусун жыксаңчы!
Кара таман кедейлер,
Зулумдуктан кутулуп,
Бей капардан жатсаңчы.⁶²

Бедняки, все силы соберите,
Поднимайтесь против баев!
Сметите врагов с пути,
Бросьте черное знамя баев и
манапов!
Беднота и голытьба,
Освободившись от насилия и
злодейств,
Мирно, в согласии, живите!

Как указывается в Программе КПСС, «марксисты-ленинцы проводят различие между национализмом угнетенных наций и национализмом угнетающих наций. В национализме угнетенной нации есть общедемократическое содружество, направленное против угнетения, и коммунисты поддерживают его, считая исторически оправданным на определенном этапе. Оно выражается в стремлении угнетенных народов к освобождению от империалистического гнета, к национальной независимости и национальному возрождению. В то же время в национализме угнетенной нации содержится и другая сторона, выражающая идеологию и интересы реакционной эксплуататорской верхушки»⁶³.

Приведенная выдержка, хотя и характеризует национализм и национальное движение в современных условиях, может быть отнесена и к восстанию 1916 г. в Киргизии, ибо социальный состав его участников был неоднородным. В этом движении принимали участие не только бедняки и середняки, но и представители местной феодальной знати, преследовавшие свои интересы. К восставшим примкнули такие крупные манапы, как Мокуш, Хисамутдин, Кемел и Аман Шабдановы, Канат, Батыркан, Кокюмбай и другие. Некоторым из них удалось захватить руководство выступлением в отдельных аилах и волостях и даже провозгласить себя ханами.

⁶² Приведенное стихотворение Токтогула Сатылганова записано в 1953 г. со слов Коргола Тосуева, близкого друга Токтогула, А. Чотоновым. Подстрочный перевод осуществлен канд. филологических наук З. Мамытбековым. См.: Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(6), л. 57—62.

⁶³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, стр. 47.

Участие баев и манапов в восстании обуславливалось следующими обстоятельствами. Национально-колониальная политика царского правительства и массовое изъятие земель у коренного населения в какой-то мере затрагивали интересы баев и манапов, ограничивали их привилегии. Кроме того, не все баи и манапы были освобождены от мобилизации. Некоторым из них пришлось посыпать вместо себя другого человека и платить ему определенную сумму. Вместе с тем мобилизация коренных жителей значительно сужала объект феодальной эксплуатации.

Баи и манапы опасались потерять свое влияние на рядовых киргизов. Учитывая тяжелое положение царского правительства на фронтах и в тылу, резкое сокращение в крае числа военных и полицейских, а также русского мужского населения в связи с мобилизацией в действующую и трудовую армию, часть местной феодальной знати перешла на сторону повстанцев. В случае победы она рассчитывала восстановить господствующее положение, а в случае поражения намеревалась ценой измены и предательства искупить свою вину перед царским правительством.

Манапы, перешедшие на сторону повстанцев, безуспешно пытались пропагандировать идеи «общности» интересов всех киргизов, направить выступление по националистическому и антирусскому руслу. Интересы восставших трудящихся и примкнувших к ним феодалов были совершенно различны. Если трудовые массы хотели избавиться от социального и колониального гнета, то баи и манапы, наоборот, стремились установить безраздельное господство и восстановить прежние привилегии. В. И. Ленин говорил, что классовые противоречия внутри угнетенных народностей «гораздо глубже и сильнее, чем солидарность всех классов подобной категории (буржуазная. — К. У.) против абсолютизма и за демократические учреждения»⁶⁴. По его словам, «понятие „общенациональная революция“ должно указывать марксисту на необходимость точного анализа тех различных интересов различных классов, которые сходятся на известных, определенных, ограниченных общих задачах. Ни в каком случае не может служить это понятие для того, чтобы затушевывать, заслонять изучение классовой борьбы в ходе той или иной революции»⁶⁵. Приведенные слова В. И. Ленина, хотя и сказаны об освободительных движениях народов, которые уже сложились в буржуазную нацию, вполне могут быть отнесены и к рассматри-

⁶⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 2, стр. 454.

⁶⁵ Там же, т. 15, стр. 276—277.

ваемому восстанию киргизов, которое также носило антагонистический характер. Его участники, представители различных социальных групп, преследовали разные цели и выдвигали разные задачи.

Как только восставшие начали терпеть поражение, феодальная знать перешла на сторону врага. Такие крупные манапы, как Казымбек Боотаев, Курман Лепесов, Исхак Курманов, Чолпонкул Тыналин, Дюр Соороибаев, Ибраим Баялин, Казы Чокин, Калла Ажы Тюменбай и многие другие, стали открытыми прислужниками палачей восстания. Ставясь искупить вину перед царским правительством, они принимали самое активное участие в кровавых действиях карателей.

Однако некоторые баи и манапы, боясь наказания, остались в лагере повстанцев и вместе с ними бежали за пределы Киргизии.

В восстании принимали участие далеко не все баи и манапы. Основная часть местной феодальной знати осталась верной царизму. Вот что говорится по этому поводу в секретном рапорте помощника начальника Туркестанского районного охранного отделения: «Волостные управители, старшины, аксакалы оказались на высоте своего положения и многие кровью запечатлели свою преданность России. Баи и купцы стоят преимущественно в стороне от движения из боязни за целость своего имущества»⁶⁶. А в рапорте начальника Андижанского уезда отмечается: «Влиятельные туземцы пришли уже к заключению, что высочайшее повеление необходимо выполнить беспрекословно, но явится ли у них возможность победить общественное мнение большинства народа — сказать трудно»⁶⁷. Аналогичные сообщения содержатся в телеграмме военного губернатора Ферганской области и рапорте туркестанского генерал-губернатора⁶⁸, а также в других официальных документах.

Следует сказать несколько слов о позиции зарождающейся национальной буржуазии в восстании 1916 г. Как указывалось, с одной стороны, буржуазные элементы имели много общего с местной феодальной прослойкой и не успели от нее окончательно отделиться, с другой — они были неразрывно связаны с российским капиталом и русской национальной буржуазией. Иначе говоря, элементы зарождающейся наци-

⁶⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 147.

⁶⁷ Там же, л. 178.

⁶⁸ ЦГВИА СССР, ф. 400. Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 157, 204; оп. 259/909, 1916 г., д. 42, л. 18.

нальной буржуазии еще окончательно и четко не оформились в самостоятельную группу и из-за слабости и неорганизованности не играли существенной роли в общественной и политической жизни киргизов. Они оказывали прямую помощь колониальным властям в осуществлении указа о наборе и подавлении восстания. Отрицательное отношение зарождающейся национальной буржуазии к восстанию лишний раз подтверждает правильность указаний В. И. Ленина о том, что в эпоху империализма «буржуазия угнетенных наций только болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации, за спиной и против своего народа»⁶⁹. Ашыр, Галий и Абылда Узбековы, Батыркан Ногоев, Чыныбай и другие представители киргизской буржуазии, а также татарские купцы и промышленники Ибрагимов, Мутавиров, Башматов и Батрышина активно помогали царизму в расправе над повстанцами. В. И. Ленин, подчеркивая продажность и неспособность буржуазии колониальных окраин возглавить национально-освободительное движение и ее смертельный страх перед надвигающейся революцией, писал: «Буржуазия предает интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает перед ней революционный пролетariat»⁷⁰.

Выступление 1916 г. можно отнести к числу крестьянских, которые, по выражению В. И. Ленина, имели «массу темноты, бессознательности»⁷¹. В политическом и идейном отношении участники восстания были неразвитыми и отсталыми. Они не осознали ясно цели и задачи восстания. В. И. Ленин подчеркивает, что «темнота мужика выражается, прежде всего, в непонимании политической стороны движения, — в непонимании, например, того, что без коренных демократических преобразований во всем политическом строе в сего государства совершиенно невозможны никакие прочные шаги по пути расширения землевладения»⁷². Киргизские дыйкәне были более отсталыми и забитыми, чем русские крестьяне. В частности, участники восстания 1916 г. не были свободны от патриархально-родовых пережитков. Восставшие боролись за земли, но они не понимали того, что их можно получить лишь при условии изменения существующего строя. Они не понимали также того, что социальную и национальную свободу без победы пролетарской революции получить невозможно.

⁶⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 113.

⁷⁰ Там же, т. 7, стр. 241.

⁷¹ Там же, т. 9, стр. 357.

⁷² Там же.

Восстание 1916 г., во многом напоминавшее крестьянское движение и не имевшее пролетарского руководства, носило стихийный, разрозненный и локальный характер. Восставшие не имели боевого штаба и единого центра, которые могли бы конкретно и четко наметить основные цели и задачи восстания, заниматься вооружением и обучением повстанцев, обеспечить их продовольствием и боеприпасами, направлять удары восставших против царских колонизаторов, местных эксплуататоров и карателей. Выступления происходили в разных районах и в разное время. На юге Киргизии восстание началось и получило наиболее широкий размах в июле, а на севере — лишь в августе и сентябре. Участники выступлений не имели тесных связей, действовали изолированно.

Хотя восстание и не имело единого руководства, но в ходе его выдвинулось немало народных вожаков. Среди них были Алымкулов, Табалдин, Ибраим Тёлёев, Токтосун Бектенов, Джунуш Каракороев, Остемир Тулекабылов, Атамкул Майылдаев, Аалы Турдубаев, Акын Кудайбергенов, Бегалы Султанов, Иманбай Османов, Айдаркул Абыкеев, Ашыrbай Нуралиев, Ибраил Соксбаев, Нусупалы Байбосунов, Чокубай Мындаев и многие другие.

К руководству восстанием пробрались и некоторые феодалы, в частности Мокюш и Кемел Шабдановы, Канат Абукин, Исхак и Керимбай Канатовы, Кокюмбай Чинин, Курман Лепесов, Мурзабек Дикомбаев, Батыркан Ногоев и другие. В некоторых местностях им удалось встать во главе выступавших, но они не смогли захватить общее руководство восстанием⁷³. Многие манапы вскоре, изменив повстанцам, перешли на сторону царизма. Тех же манапов, которые, не решаясь сдаться в руки карателей, все еще оставались в лагере повстанцев и вместе с ними бежали за пределы Киргизии, нельзя относить к числу подлинных руководителей движения. Ибо они, как и раньше, преследовали только свои интересы, которые не имели ничего общего с интересами восставших трудящихся.

Некоторые царские чиновники выдавали Каната Абукина и сыновей Шабдана за руководителей выступлений на севере

⁷³ На наш взгляд, Б. Д. Джамгерчинов правильно отмечает, что революционное влияние русского пролетариата и трудового крестьянства на трудящихся киргизов «привело к тому, что во время восстания 1916 г. феодально-клерикальным элементам в подавляющем большинстве районов не удалось захватить руководство движением. Усиленные попытки феодалов, а также национальной буржуазии встать во главе народного восстания и использовать движение в своих интересах им не удалось, провалились» (Б. Д. Джамгерчинов. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963, стр. 129—130).

Киргизии, в частности в районе Кочкора и Токмака⁷⁴. Такое ошибочное утверждение было подхвачено некоторыми современными буржуазными историками⁷⁵. Но несостоятельность подобных утверждений очевидна. Они опровергаются данными архивных документов, показаниями и воспоминаниями многих участников восстания⁷⁶. В связи с этим следует кратко остановиться на вопросе об участии в восстании Каната Абукина и сыновей Шабдана.

В начале восстания Кемел Шабданов, занимавший должность управителя Сарыбагышской волости, и другие влиятельные манапы «стали убеждать толпу в бесплодности этого выступления»⁷⁷. Другой сын Шабдана, Хисамутдин, также «стал всех убеждать не противодействовать приказу царя, потому что у него много войск и он может всех уничтожить»⁷⁸. И так как, несмотря на его уговоры, рядовые киргизы не прекратили волнений, Хисамутдин обратился к начальнику Пишпекского уезда с просьбой прислать войска «для того, чтобы под нажимом и давлением провести реквизицию рабочих»⁷⁹. Всячески препятствовали возникновению восстания Мокюш и Аман Шабдановы. Они донесли царским чиновникам о готовящемся выступлении подвластных им киргизов⁸⁰. Подобно сыновьям Шабдана, Канат Абукин пытался предотвратить выступление коренных жителей. По его просьбе начальник Пишпекского уезда направил к нему небольшой военный отряд⁸¹. С помощью этого отряда Канат намеревался провести набор людей на военно-тыловые работы.

⁷⁴ Всеподданнейший отчет военного губернатора Семиреченской области за 1916 г. ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 11; Секретное донесение начальника Туркестанского районного охранного отделения от 13 октября 1916 г. ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1136, л. 71.

⁷⁵ Е. Саркисян. Указ. работа, стр. 344.

⁷⁶ Х. Т. Турсунов совершенно справедливо подчеркивает: «Несомненно являются необоснованными и неверными утверждения отдельных историков, будто руководство восстанием на юге Семиречья находилось с самого начала в руках реакционных элементов (Х. Т. Турсунов. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане.. стр. 314—315).

⁷⁷ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 261 (стр. 387).

⁷⁸ Воспоминания активного участника восстания Дикана Бегарстанова (9 л. КПСС с 1920 г.). Использованы по статье М. Белоцкого «Восстание киргизов в 1916 г.», «Советская Киргизия», 1936 г. 20 августа.

⁷⁹ Цит. по работе: Б. Исаакеев. Киргизское восстание 1916 г., стр. 31.

⁸⁰ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. 265 (стр. 397).

⁸¹ Воспоминания активного участника восстания Тёлёгена Кенбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (10), л. 17—18.

Канат и сыновья Шабдана вскоре убедились, что удержать трудящиеся массы от выступления невозможно. Опасаясь, что гнев возмущившегося населения обрушится в первую очередь на них, — они присоединились к восставшим.

При этом сыновья Шабдана вспомнили свои личные обиды на колониальные власти. Дело в том, что, хотя царское правительство и не забывало былых заслуг Шабдана и продолжало на него опираться, оно сочло, однако, нужным обуздить этого крупнейшего и чрезмерно влиятельного манапа. С этой целью колониальные власти отобрали у него часть земель. В начале XX в. на землях, изъятых у Шабдана и подвластных ему киргизов, возникли с. Новороссийское, станица Самсоновка и ряд хуторов. Царское правительство, сильно урезав земли Шабдана, тем самым «дало ему понять, что его время прошло»⁸². Но в пожизненное владение ему было отведено 400 дес. земли. Однако вскоре после смерти Шабдана царское правительство решило передать эти земли в фонд переселенческого ведомства, что обидело его сыновей. Кроме того, была ограничена власть Шабдана и его сыновей над местным населением. Если после вхождения Киргизии в состав России царское правительство отдало под начало Шабдану всех северных киргизов, особенно население восточной части Чуйской долины, Малого и Большого Кемина, то накануне восстания подвластное ему население восточной части Чуйской долины и частично Малого Кемина выделилось в самостоятельную волость. Теперь Шабдан и его сыновья по существу имели влияние только в Кемине. Мало того, в 1911 г. Мокюшу Шабданову предъявили обвинение в убийстве. Он был снят с должности волостного управителя и взят под стражу. На его место назначили другого феодала, который «с самого начала стал на каждом шагу поносить и ругать Шабдана и его детей»⁸³. Правда, вскоре Мокюш был оправдан и выпущен на свободу, а его брат Кемел назначен управителем Сарыбагышской волости. Однако Шабдановы не могли забыть обиды.

Перейдя на сторону восставших, Канат Абукин и сыновья Шабдана пытались установить безраздельное господство над коренным населением, восстановить свои привилегии. В этих целях они старались привлечь больше людей на свою сторону и поднять всех коренных жителей на борьбу против русских вообще, а не только против царских колонизаторов. Провозглагливая себя ханами, Мокюш и Канат писали письма влиятельным

⁸² ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 11, д. 2140-а, л. 426—427; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 134, л. 106—108.

⁸³ Там же.

манапам Северной Киргизии и призывали присоединиться к ним. В письмах «манапы» уведомлялись об успешном начале восстания и приглашались по получении (письма.—К. У.) открыто примкнуть к восставшим и соединиться под священным знаменем Шабдана-ходжи»⁸⁴.

О стремлении сыновей Шабдана направить восстание по антирусскому руслу говорится в письме манапам Пржевальского уезда. В нем сообщается, что «они уже взяли Пишпек, вырезали, сожгли Токмак и что советуют киргизам Пржевальского уезда сделать то же самое и с Пржевальским, и что затем все они под знаменем Шабдана соберутся на совет на урочище Тоо-Су»⁸⁵. А в письме Каната Абукина, адресованном одному из манапов Иссык-Атинской волости, сказано: «Мы с помощью великого Аллаха и пророка Магомета восстали против русских кыфиров, разгромили с. Кочкорское и Атаевское, направляемся на Токмак, думаем, что ты последуешь нашему примеру»⁸⁶. Сыновья Шабдана требовали выделить шесть человек от каждого 10 кибиток киргизов⁸⁷. На призывы этих манапов откликнулись лишь представители феодальной знати. А народные массы не хотели становиться под «священное знамя» Шабдана.

Пытаясь увеличить число сторонников, эти манапы иногда прибегали к более решительным мерам. В этом отношении особенно отличался Канат Абукин. Как рассказывает активный участник восстания Найзабек Тулии из Нурмамбетовской волости, Канат угрожал, что тем, «кто его слушаться не будет, тому он голову снимет»⁸⁸. По свидетельству некоторых восставших одному из киргизов Темир-Булатовской волости Канат приказал отрубить голову за то, что он не последовал за ним⁸⁹. Бывали случаи, когда джигиты Каната Абукина под угрозой поголовного избиения заставляли повстанцев брать приступом то или иное переселенческое село, затем грабить и громить его. Так действовали манапы при осаде сел Токмак и Покровка, Столыпино, станицы Сухотинское, Белоцарской и др.

Однако насилиственные меры не дали желаемых результа-

⁸⁴ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 265 (стр. 397).

⁸⁵ Там же, док. № 248 (стр. 356).

⁸⁶ Цит. по работе: А. Н. Зорин. Революционное движение в Киргизии. Фрунзе, 1931, стр. 20.

⁸⁷ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 257, стр. 380.

⁸⁸ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 87, оп. 1, д. 4, л. 2.

⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 934, л. 21; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 87, оп. 1, д. 4, л. 2; ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 2139, л. 85—76; д. 2140-б, л. 65—66:

тов. Наоборот, они все больше отталкивали рядовых киргизов от манапов, оказавшихся в лагере повстанцев.

Манапы не смогли взять в свои руки общее руководство восстанием. По мере того, как восстание нарастало, слухи о том, что выступлением руководят сыновья Шабдана, заглохли. Один из очевидцев восстания в своем письме от 28 октября 1916 г., адресованном туркестанскому генерал-губернатору, писал: «Когда волнение охватило всю восточную часть Пишпекского уезда, сведения о Камеле и Амане Шабдановых прекратились»⁹⁰. Но, как оказывалось, по ряду причин сыновья Шабдана оставались в лагере восставших, хотя они не могли оказать серьезного влияния на ход восстания. То же самое можно сказать и о Канате Абукине.

В отличие от сыновей Шабдана, Канат имел определенное влияние на выступления, проходившие в Кочкоре, Джумгала и районе Токмака⁹¹. Однако он не мог полностью сосредоточить в своих руках руководство выступлением в этих районах. По существу он руководил выступлением жителей лишь Абайльдинской волости. Канат Абукин говорил в своем показании от 5 ноября 1916 г.: «Я командовал только своей волостью... Каждая волость имела своего начальника, и мы, начальники волостей, были между собой равны»⁹². Канат оставался с восставшими, хотя он так же, как и другие манапы, преследовал свои интересы. В середине октября Канат и его сын были пойманы и переданы в руки царских властей крупнейшим манапом Исхаком Курмановым и его отцом Лепесовым. Шестидесятилетний Канат был приговорен к смертной казни через повешение. Но он не выдержал сурового тюремного режима и вскоре умер в Верном. Его сын был повешен в Нарынском военном укреплении. Представители царского

⁹⁰ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 253 (стр. 371).

⁹¹ В том, что осада с. Токмак проходила в какой-то степени организованно, известная заслуга принадлежит Канату Абукину. По его инициативе применялась сигнализация для передачи сведений о движении царских карательных отрядов, участники восстания делились по волостям и имели свои отличительные знаки, в частности флаги, металлические бляхи на головных уборах. В горах были созданы отдельные примитивные мастерские по изготовлению пороха и холодного оружия, предпринимались попытки установить связи между повстанцами различных районов и т. п. (см.: Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Красный Архив», 1929, № 3 (34), стр. 69; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, л. 29, л. 4—7; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 121; М. Белоцкий. Восстание киргизов в 1916 г. «Советская Киргизия», 1936, 20 августа).

⁹² Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 256 (стр. 378).

правительства высоко оценили заслуги предателей в поимке Каната и его сына. Исхак Курманов был назначен волостным управителем и представлен к награде⁹³. Его отец тоже удостоился внимания колониальных властей.

Нельзя не заметить, что в некоторых местностях Киргизии выступления коренного населения имели религиозную окраску. Как известно, основные участники восстания были верующими. Религия, которую они исповедовали, в некоторой степени преследовалась. В этих условиях выступление местных жителей не могло быть свободным от религиозной окраски и настроений. В. И. Ленин, подвергая резкой критике искавших какого-либо дистиллированного национального движения, свободного от каких-либо религиозно-националистических настроений и примесей, писал, что даже «пролетарское движение не рождалось и не могло родиться «сразу» в чистом классовом виде, явиться на свет готовым, как Минерва из головы Юпитера»⁹⁴. Владимир Ильич указывал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития»⁹⁵. Появление религиозной окраски объясняется господством патриархально-феодальных отношений в крае, тем, что коренное население было верующим, а также действиями местных феодалов, которые возлагали большие надежды на религию ислама. По их указанию муллы распространяли слух о том, что «мусульманин, умерший в европейской России, лишился рая небесного... Русские будут посыпать их (мобилизованных на военно- тыловые работы. — К. У.) на верную смерть»⁹⁶. В секретном рапорте помощника начальника Туркестанского районного охранного отделения говорится, что «ишины и муллы держат себя весьма подозрительно и, по имеющимся агентурным сведениям, агитируют население на неисполнение распоряжения о призывае в рабочие команды»⁹⁷. Туркестанский генерал-губернатор в своем отчете от 4 января 1917 г. отмечает, что «неблагую роль в деле происшедших беспорядков сыграла и агитация, проводимая среди населения казиями, ишанами, духовенством, причем последние, зависящие по своему положению от доброхотных даяний населения, вынуждены были показать себя не иначе, как борцами»

⁹³ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 77, д. 34, л. 43—44; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 59, л. 147.

⁹⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 100.

⁹⁵ Там же, т. 4, стр. 228.

⁹⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 177.

⁹⁷ Там же, л. 147.

за народное дело»⁹⁸. Кстати, генерал-губернатор Туркестана, пытаясь оправдать колониальную политику царского правительства, ставшую одной из основных причин восстания, явно преувеличивает роль религии ислама в возникновении движения народов в 1916 г.

Ислам имел сравнительно большое влияние в тех волостях, где выступлением коренного населения руководили манапы. В Сарыбагышской волости, например, муллы, обращаясь к участникам восстания, говорили: «Не бойтесь умирать здесь. Эта смерть священная, таких людей ожидает рай»⁹⁹. Манапы «убеждали с помощью мулл киргизов начинать форменную войну с русскими, обещая убитым рай».

Призывы начать «священную войну» (газават) раздавались и в Абаильдинской волости, где муллы проповедовали, что если повстанцы-правоверные убьют «русских, то они будут блаженствовать... а если они умрут от руки русских, то непременно попадут в рай на том свете»¹⁰⁰. Бывали случаи, что представители местной феодальной знати заставляли некоторых русских переселенцев, попавших в их руки, принимать ислам. Так поступили, например, с М. Р. Поздняковым, попавшим в плен к восставшим, возглавляемым одним из манапов Сарыбагышской волости. Под угрозой смерти его принудили перейти в мусульманство, обрили ему голову и заставили учить молитвы¹⁰¹.

Следует отметить, что попытка мулл и других представителей местной феодальной знати навязать восставшим газават оказалась тщетной¹⁰². Она не могла найти поддержки у рядовых киргизов, которые не отличались религиозным фанатизмом и не таили злобы к иноверцам, в частности русским. Не случайно заведующий отделом политического розыска Семиреченской области в секретном рапорте от 24 февраля 1917 г. писал: «В моем распоряжении нет указаний на общую объеди-

⁹⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1110, л. 144—166; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 48 (стр. 79).

⁹⁹ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 261 (стр. 387).

¹⁰⁰ ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 2140-б, л. 65, 66.

¹⁰¹ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 257 (стр. 380).

¹⁰² Х. Т. Турсунов, пишет, что «все попытки феодально-клерикальных элементов не имели успеха по той простой причине, что они шли вразрез с восстанием, посвятившим характер освободительной и классово-революционной борьбы широких народных масс. Вот почему религиозные проповедники не получали поддержки. В Ферганской области не было ни религиозных, ни антирусских выступлений масс» (Х. Т. Турсунов. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане... стр. 288).

ненную деятельность мусульманского духовенства в деле развития и подготовки мятежа туземцев. Отдельные случаи руководства муллами во время беспорядков были... Такое индифферентное отношение духовенства вполне понятно, так как главная масса мятежников — киргизы, которые в смысле религиозном не фанатики, и призыв духовенства с целью использовать фанатизм киргиз не мог иметь решающего действия»¹⁰³. Муллы, убедившись в невозможности объединить вокруг себя народные массы и повести их на «священную войну» против «неверных», нынуждены были отказаться от своих прежних замыслов. Теперь они всячески заискивали перед царским правительством, оказывая ему помочь в подавлении восстания и мобилизации коренного населения на военно-тыловые работы.

Предательство мулл нашло яркое отражение в стихах появившихся в дни восстания. Один из повстанцев сложил стихотворение, в котором заклеймил позором предательство и лицемерие мулл:

Казатта шеит болбодуц, Муллы в походе не стали
Кара жанды корогодуц щитами,
Селдеңди таштап жан сактап, Спасая свою черную душу.
Качканың ырдайм молдонун¹⁰⁴. Оберегая себя, разбросав
свои чалмы,
Первыми бежали муллы.

На ислам и на феодально-клерикальные элементы возлагали большие надежды правящие круги Германии и Турции. Пытаясь отторгнуть Среднюю Азию от Российской империи, правительства этих стран присыпали сюда своих агентов, которые разжигали религиозные и националистические чувства коренного населения. Об антирусских происках и попытке некоторых иностранных государств, враждебных России, использовать восстание 1916 г. в своих интересах говорится в официальных документах. В докладной записке заведующего переселенческим делом Семиреченской области от 17 ноября 1916 г. сказано, что турецко-немецкая «пропаганда несомненно имела место во всем Туркестане»¹⁰⁵. В отчете военного губернатора Семиреченской области за 1916 г. сообщается, что кроме изъятия земель у коренного населения, увеличения разме-

¹⁰³ ЦГА Қаз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 1958, л. 25.

¹⁰⁴ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(10), л. 28. Перевод З. Мамытбекова.

¹⁰⁵ ЦГИАЛ, ф. 396, оп. 7, д. 764, л. 63.

ров податей и повинностей, а также мобилизации людей на военно-тыловые работы «были и другие причины, вызвавшие брожение среди туземцев, и в числе их на первом месте стоит агитация извне. Есть бесспорные основания считать виновниками агитации, во-первых, некоторые элементы из оседлого Кульджинского района, а во-вторых, и агентов Германии... Германские агенты питали некоторые надежды на туркестанских инородцев»¹⁰⁶.

По некоторым данным, накануне и во время восстания в Туркестан, в том числе и в Киргизию, проникали немецкие и турецкие эмиссары. Один из русских переселенцев, бывший в плену у повстанцев, слышал о том, что в Кочкор прибыли два турецких эмиссара. По его словам, одного из них он видел¹⁰⁷. 26 августа 1916 г. местными жителями Сусамыра Пишпекского уезда был задержан и сдан избаскентскому участковому приставу немецкий агент. Задержанный выдавал себя за турецкого подданного¹⁰⁸. К. Игнатьева, бывшая в плену у восставших, видела двух турецких эмиссаров, которые «вели пропаганду среди манапов и почетных киргизов» Семиреченской области, особенно Пишпекского и Пржевальского уездов¹⁰⁹. О том, что в Киргизию приезжали турецкие эмиссары, говорится в телеграмме туркестанского генерал-губернатора от 6 сентября 1916 г.¹¹⁰, а также в воспоминаниях очевидцев восстания Абдрамма Серкебаева, Талыпа Байбулатова и П. И. Ливатова¹¹¹.

Германские империалисты в своих антироссийских происках использовали членов общества местных анархистов «Гэляо-Хуэ». Восточный Туркестан по существу превратился в их базу, откуда в Среднюю Азию направлялись агенты. Здесь усилилась подрывная деятельность представителей немецкого правительства, часто члены этого общества пробирались в Семиречье как немецкие агенты и вели пропаганду, направленную на подрыв влияния России в Туркестане. Немецкие эмиссары твердили «о слабости России, о непобедимой Германии». Тем самым они пытались усилить влияние Германии в

¹⁰⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 8—9; ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 663, д. 40, л. 4.

¹⁰⁷ ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 2140-б, л. 65—66.

¹⁰⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1138-а, л. 25; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 71.

¹⁰⁹ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 265 (стр. 397).

¹¹⁰ ЦГВИА ССР, ф. 400. Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 302.

¹¹¹ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 5—6, 52—53; инв. № 1519(2), л. 86—87.

Средней Азии и императора Германии Вильгельма II выдавали за защитника ислама и всего мусульманского населения Востока¹¹².

Широкую антирусскую пропаганду в Средней Азии вела Турция, стремившаяся к объединению всех тюркоязычных народов и всего мусульманского населения. Подобно немецким империалистам, турецкие правители рассматривали восстание 1916 г. как одно из существенных средств ослабления России и поражения ее на фронтах первой мировой войны. Этим и объясняется заметное усиление антироссийских проникновений Турции и Германии в Туркестане в период восстания.

Подрывная деятельность турецких и немецких агентов находила поддержку у местных феодально-клерикальных элементов, которые, надеясь вернуть былые привилегии, искали помощи у стран, враждовавших с Россией. Отдельные муллы и манапы имели связь с Турцией и Афганистаном и получали оттуда письма. В одном из таких писем говорится, что «русские в личных целях помещают в газетах неправильные сведения... что русские, англичане и Франция — давние враги мусульманских государств, а потом им всячески противодействовать и не идти на войну против Турции и Германии»¹¹³. Некоторые представители местной феодальной знати по указке правящих кругов стран, враждебных России, говорили: «Давать рабочих (на военно-тыловые работы. — К. У.) не следует, так как это будет противно шариату; ведь рабочие пойдут на помощь армии, действующей против Германии и Турции»¹¹⁴. Житель Нурмамбетовской волости Найзабек Тулин в своем показании от 30 сентября 1916 г., сообщает что Канат Абукин заявил возмущеннымся жителям Кочкора о том, что «он имеет сообщение с Китаем, с Турцией, с Афганистаном, что от них придут войска, совместно с которыми возьмет Россию, и что Россия больше существовать не будет»¹¹⁵. Аналогичные сведения содержатся в показании переселенца, бывшего в плену у Каната Абукина¹¹⁶.

О связях представителей местной феодальной знати с некоторыми зарубежными странами говорится в письме, полученным манапом Карыпбаем Канаткалиевым из Турции. В нем содержалась просьба сообщить о настроении мусульман-

¹¹² ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1100, л. 77—85; оп. 31, д. 1136, л. 210—211, д. 1138-а, л. 219; д. 1182, л. 9; д. 1132, л. 107.

¹¹³ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 108.

¹¹⁴ Там же, л. 107.

¹¹⁵ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 87, оп. 7, д. 4, л. 2.

¹¹⁶ ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 2140-б, л. 66, 104; ф. 77, оп. 1, д. 25, л. 104.

ского населения и данные о русских войсках в Туркестане¹¹⁷. По рассказам очевидцев восстания, связь с Турцией имели сыновья Шабдана и некоторые манапы Тонской и Улахольской волостей. Им Турция обещала помочь «в создании самостоятельного среднеазиатского ханства»¹¹⁸.

На страницах газеты «Семиреченская жизнь» и в телеграммах некоторых высокопоставленных царских чиновников сообщалось, что выступлением киргизов руководят турецкий генерал и два иностранца европейского происхождения¹¹⁹. Это утверждение не соответствовало действительности. Сотрудник Туркестанского районного охранного отделения констатировал, что «газетная заметка о турецких и других генералах, руководящих восстанием киргизов и командированных ими, лишена всякого основания [ибо эта заметка была написана на основе заявления] гимназистки Бердниковой, якобы выдевшей во время пребывания в киргизском плену турецких генералов. При расспросе Бердниковой в качестве свидетельницы последняя заявила, что ничего подобного она в плену не видела и что турецкие генералы — плод фантазии досужих корреспондентов»¹²⁰. Даже туркестанский генерал-губернатор, который раньше поддерживал версию об участии и руководящей роли в выступлении киргизов турецких и немецких генералов¹²¹, вынужден был признать, что эту версию «называют анекдотом»¹²².

Попытка правящих кругов Турции и Германии использо-

¹¹⁷ ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 2140-б, л. 65—66, 104; ф. 77, оп. 1, д. 25, л. 104.

¹¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 396, оп. 7, д. 764, л. 63.

¹¹⁹ «Семиреченская жизнь», 1916, сентябрь; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 51; ЦГВИА СССР, ф. 400. Аз. часть, оп. IV, д. 40, л. 308—309; ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1138-а, л. 54; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 46 (стр. 67).

¹²⁰ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 265 (стр. 397).

¹²¹ По рассказам некоторых участников восстания, недалеко от южной границы Киргизии, у речки Ак-Кияз, царские караатели настигли отступавших повстанцев и начали их безжалостно истреблять. В этот момент откуда-то появилось два турецких офицера-путешественника, которые обследовали пограничные районы Восточного Туркестана. Они, имея при себе ружья, преградили путь царскому карательному отряду и прикрыли отступавших повстанцев (см. Воспоминания К. Мадылбекова, записаные Дж. Меджитовым. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 27). Возможно, этот случай послужил основой версии о руководстве выступлением киргизов турецкими и немецкими генералами.

¹²² ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 72, л. 169; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 135, л. 384.

вать восстание в своих интересах окончилось полным провалом¹²³. Антирусские происки иностранных государств не имели ничего общего с интересами восставших народных масс и не находили поддержки у коренного населения.

Восстание киргизов в 1916 г. имело глубокие исторические корни, обусловленные социально-экономическим и политическим положением, колониальной политикой царского правительства и гнетом баев и манапов.

Почти во всех работах, вышедших в 50—60-х годах и имеющих отношение к данному вопросу, рассматриваемое восстание в целом получило правильную оценку. Однако освободительная борьба коренного населения в районе Токмака, Кемина, Кочкора и Иссык-Кульской котловины в них характеризована как феодально-монархическое, антирусское и реакционное выступление¹²⁴. Авторы, утверждавшие, что выступления в этих районах, составляющих основную часть Северной Киргизии, были реакционными, исходили из следующего:

организаторами и руководителями восстания здесь были представители местной феодальной знати;

определенную роль в возникновении выступления сыграли агенты иностранных государств, особенно Турции и Германии;

выступления проходили под лозунгом священной войны — «газавата»;

повстанцы нападали на переселенческие села, убивали русских крестьян, грабили и угоняли скот.

На наш взгляд, приведенные доводы не дают основания считать выступления коренного населения этих местностей феодально-монархическими и антирусскими, следовательно, реакционными и антипародными.

Прежде всего, представители феодальной знати не могли стать ни организаторами, ни вдохновителями восстания, о чем подробно говорилось выше. Манапам не удалось взять в руки общее руководство выступлением жителей восточной части Чуйской долины, Большого и Малого Кемина, Иссык-Кульской котловины и Центрального Тянь-Шаня, в частности Загорных волостей. Здесь во главе восставших наряду с манапами стояли рядовые киргизы. Хотя социальная принадлежность руководителей восстания играет известную роль в опре-

¹²³ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 663, д. 40, л. 4; ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 8—9; А. Зорин. Из истории восстания киргизов и казахов в 1916 г. «Борьба классов», 1932, № 7—8, стр. 137; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 60; Записи, произведенные Дж. Меджитовым. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61, л. 52—53.

¹²⁴ См. список литературы.

делении характера выступления, однако не она является главным и решающим фактором. Как указывает В. И. Ленин, характер того или иного восстания зависит от классов и народных масс¹²⁵, которые составляют костяк и движущие силы выступления, выдвигают его основные цели, намечают направление и задачи. Вообще во всех национально-освободительных выступлениях в антагонистическом обществе, как правило, принимали участие представители эксплуататорских классов, преследовавшие свои интересы и в силу ряда исторических причин во многих случаях руководившие ими. Однако это не отражалось на характере национально-освободительного движения. То же самое можно сказать и о выступлении коренного населения названных районов Северной Киргизии.

Другой довод — о том, что выступление в Иссык-Кульской котловине и юго-восточной части Пишпекского уезда было спровоцировано агентами Германии и Турции, — не соответствует действительности и не подтверждается фактическими материалами, о чем также уже говорилось. Если представители феодально-клерикальной знати имели связь с отдельными восточными странами, если Турция и Германия, воюя с Россией, пытались использовать освободительную борьбу коренного населения в своих интересах, то это не значит, что восстание 1916 г. превратилось в антирусское и реакционное выступление. Как указывал В. И. Ленин, правящие круги стран, воевавших против России, стремились использовать в своих интересах не только национально-освободительное выступление угнетенных народов колоний, но и революционное движение пролетариата и трудового крестьянства метрополии¹²⁶. Известно, что содержание национально-освободительного и революционного движения определяется внутренними факторами, обусловленными глубоким социально-экономическим и политическим положением страны, а не внешними.

Как показывает анализ фактов, выступления коренного населения названных районов, некоторые муллы пытались направить восстание по религиозному руслу против «неверных». Выступление киргизского народа против царских колонизаторов, придерживавшихся другого верования, вполне могло иметь религиозную окраску. Однако это не дает основания считать его антирусским и реакционным. В. И. Ленин подчеркивал, что политическая борьба под религиозной оболочкой против угнетателей за свободу есть явление, свойствен-

¹²⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 22, стр. 85.

¹²⁶ Там же, т. 30, стр. 56.

ное всем народам на известной стадии их исторического развития¹²⁷.

Не выдерживает критики и тот довод, согласно которому выступление в этих районах определяется как реакционное, вследствие того, что имели место убийства русских переселенцев, грабежи их имущества и разрушения переселенческих сел. Ошибка авторов, говорящих о реакционности очагов восстания в некоторых районах Семиреченской области, в значительной степени объясняется некритическим подходом к дореволюционным официальным документам, вышедшим из-под пера царских колонизаторов. Дело в том, что официальные документы царского правительства преследовали цель оправдать его колониальную политику и репрессивные меры. В них повстанцы характеризуются как грабители, разбойники, головорезы, как непримиримые враги русского населения. Это не случайно. Представители колониальной власти пытались разжечь национальную вражду, поднять русское население края против восставших, чтобы не дать киргизским и русским трудовым массам сблизиться и объединиться в борьбе с царским самодержавием. Если верить материалам царских должностных лиц, то восставшие истребляли поголовно всех русских, попавших в их руки, и стерли с лица земли переселенческие села в районе «реакционных антирусских» выступлений, что не соответствовало действительности. Слухи о жестокостях повстанцев, о грабежах и разгромах переселенческих сел и угоне скота были преувеличены. Об этом говорится в заявлении киргизских делегатов, адресованном председателю Президиума Туркестанского ЦИК от 27 января 1920 г. и в воспоминаниях старожилов¹²⁸. Правда, восставшие, особенно те группы, которыми руководили манапы, совершили ряд нападений на переселенческие поселки, разграбили их, угнали скот и убили жителей. Но не следует забывать, что повстанцы прежде всего нападали на представителей колониальных властей и кулаков-мироедов. В большинстве случаев они не трогали трудовых русских крестьян¹²⁹, с которыми были в дружественных

¹²⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 4, стр. 228.

¹²⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. 17, д. 285, л. 8—9; Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 62, л. 130; Воспоминания участников и очевидцев восстания 1916 г. в Киргизии. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 61 и 1519.

¹²⁹ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 75, д. 45, л. 57—78; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 269 (стр. 419). Воспоминания участников восстания. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1487, л. 6; инв. № 1519(2), л. 2; инв. № 1519(10-а), л. 29—30; Г. И. Бродо. Материалы к истории восстания, стр. 430.

отношениях. Не случайно депутаты Ташкентского Совета, побывав на севере Киргизии в середине 1917 г., в своем отчете пишут: «19 июня были в селе Быстрорецком (за Токмаком, недалеко от Малого Кемина. — К. У.)... Селение образовано 5—6 лет назад, от мятежа не пострадало. Передают, что крестьяне этого селения жили дружно с киргизами, не обижали их и потому не пострадали, тогда как селение в 8 верстах было все разбито»¹³⁰.

Причины того, что восставшие нападали на русские села, следует искать в колониальной политике царского правительства. В значительной степени в этом повинны представители местной феодальной знати, натравливавшие коренное население на русский народ. Наиболее отсталая часть киргизского населения считала, что вернуть отнятые земли можно, лишь разрушив русские села и выгнав переселенцев. Она не различала трудовых переселенцев и кулаков и не в состоянии была разобраться в сложном социальном мире русских переселенцев. Эта часть коренного населения не понимала того, что социальную и национальную свободу можно получить при поддержке русского пролетариата и трудового крестьянства в совместной борьбе против местных эксплуататоров и царских колонизаторов.

В. И. Ленин, имея в виду революционное и национально-освободительное движение против царского самодержавия, крепостничества и других средневековых и реакционных учреждений, писал: «В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия, мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (напр., самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую)»¹³¹. К войнам он относит и национальные движения¹³². Восстание 1916 г., в частности выступления коренного населения районов Северной Киргизии, как часть национально-освободительного движения, направленного против царского самодержавия, не могло обойтись без насилия и жестокости по отношению к колонизаторам. Но разве можно считать реакционными выступления местных жителей против царских колонизаторов, выступления за землю и за национальную свободу? Это был бы нигилистический под-

¹³⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 25, д. 4, л. 17; А. Г. Зима. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции... стр. 102.

¹³¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 311.

¹³² Там же, т. 30, стр. 8—9, 84.

ход к истории. Он ведет к оправданию колониальной политики царского правительства, а в современных условиях — к оправданию неоколониализма и мирового империализма. Выступления в районах Токмака, Малого и Большого Кемина, в Иссык-Кульской котловине и Центральном Тянь-Шане (в Загорных волостях, в частности в Кочкоре), несмотря на некоторую жестокость, проявленную по отношению к русским переселенцам, особенно к кулакам и царским чиновникам, были прогрессивными, ибо их движущую силу составляли трудовые массы. Острие выступления в этих районах было направлено против царского самодержавия, которое, по выражению В. И. Ленина, представляло собой самую варварскую деспотию в Европе. Выступления местных жителей, нанося удар колониальным властям и отвлекая определенную военную силу, способствовали поражению самодержавия на фронтах первой мировой войны. Рассматриваемое движение имело национально-освободительный характер и в приведенных районах Северной Киргизии. Причем здесь оно приобрело наиболее широкий размах и массовый характер. Поэтому мы никак не можем согласиться с теми историками, которые находят в этих районах какие-то «реакционные очаги» движения 1916 г. Наоборот, все изложенное позволяет называть эти районы районами основных очагов восстания.

В свете сказанного становится очевидной несостоятельность утверждений некоторых современных буржуазных историков, в частности Е. Саркисяна из Западной Германии, о том, что выступление коренного населения Северной Киргизии, особенно племени сарыбагыш, было направлено против русских вообще¹³³.

При оценке национального движения следует исходить из того, против какого общественного порядка — строя оно направлено. Восстание 1916 г. было направлено против военно-феодального империализма, порождавшего жесточайшую колониальную политику. Восставшие боролись против царского самодержавия, но не против русских тружеников. Они боролись за национальную свободу, но не ставили перед собой цель отделиться от России. Об этом говорится в прошении вдов, мужья которых были зверски убиты царскими палачами в Беловодске за участие в восстании: «Многие волости стали бунтовать... В этих событиях нужно видеть не желание киргизов отделиться от русских — такое мнение было бы ошибочным, — а скорее всего, неправильное понимание набора среди киргизов рабочих. Темная масса... шла на дело (восстала). —

¹³³ Е. Саркисян. Указ. работа, стр. 344.

К. У.), не сознавая цели и результатов его¹³⁴. Об этом же свидетельствуют воспоминания участников и очевидцев данного восстания¹³⁵. Интересно отметить, что даже в официальных документах нет сведений о том, что восставшие стремились отделиться от России.

В показании очевидца восстания Г. И. Брайдо, данном прокурору Ташкентской судебной палаты 3 сентября 1916 г., говорится: «На обратном пути из Токмака... в Дмитриевке... начальник Дмитриевской дружины Семен Потапов сообщил, что прибежала вооруженная толпа киргизов, человек 700. Дружинники выступили против них и хотели стрелять, но он их удержал и, оставив оружие, пошел на переговоры. «Зачем вы вооружились?» — спросил он. «А зачем вы вооружились? Вы хотите нас всех перерезать», — был ответ. Потапов сказал: «Нет, мы вооружились, считая, что вы нас будете резать. Ведь вы бунтуете?» В ответ киргизы сказали: «Нет, мы так понимаем, что вы бунтуете». А у старшего из них (восставших киргизов. — К. У.)... слезы бежали из глаз. Пожали друг другу руки и поехали в разные стороны»¹³⁶. Еще один пример. А. Ходысов, работавший учителем в Пржевальске, попал в плен к восставшим. «Киргизы, узнав, что он учитель, сейчас же потребовали обучать детей по-русски, и пленный, не знавший ни одного слова по-киргизски, стал обучать киргиз, не слыхавших русской речи. Школьной аудиторией была киргизская юрта. Ученики-киргизята и добровольные слушатели — взрослые киргизы приходили в восторг от деловитой строгости учителя к детям»¹³⁷. Восставшие жители Иссык-Кульской котловины, в частности Тюпа, не разрушили школьное здание, в котором должны были обучаться их дети. Оно «осталось в не-прикосновенности», — сказано в дневнике настоятеля Иссык-Кульского монастыря, — может быть, потому что они знали об его назначении, потому что ценят учение, хотят быть грамотными и просвещенными»¹³⁸.

Одновременно с восставшими против царского самодержавия боролись и русские переселенцы. Это особенно ярко проявилось при осаде некоторых селений и городов. Так, жители осажденного Пржевальска «все чаще стали называть виновни-

¹³⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1128, л. 211—212.

¹³⁵ Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1487, л. 6; инв. № 1519(2), л. 2; инв. № 1519(10-а), л. 29—30.

¹³⁶ Г. И. Брайдо. Материалы к истории восстания... стр. 430.

¹³⁷ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 269 (стр. 419).

¹³⁸ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане Сб. документов, док. 269 (стр. 419).

ком всех бед уездного начальника...». Они пытались «свергнуть полковника Иванова и выбрать другого коменданта»¹³⁹. Гнев жителей был направлен также против членов городского суда и других должностных лиц. Как отмечает один из журналистов, находившийся в те дни в осажденном городе, «к опасности быть раздавленным восставшими присоединилась не меньшая опасность внутренней смуты, а полковник Иванов в любой момент мог быть разорван враждебно настроенной толпой»¹⁴⁰. Подобные волнения русских трудовых крестьян происходили в Токмаке и других осажденных селах.

Некоторые русские крестьяне перешли на сторону повстанцев и принимали активное участие в их выступлениях. Против царского самодержавия вместе с восставшими киргизами боролись русские — М. Власенко, И. Седов, Д. Кошаев, Ф. Павлов, братья Тимофей и Афанасий Лобзовы, С. Коваленко, Ф. Зюзиков и другие. Иван Седов в Чуйской долине и Марк Власенко в Иссык-Кульской котловине командовали группами восставших киргизов¹⁴¹. Русские трудовые крестьяне, рискуя собственной жизнью, спасали жизнь многим участникам восстания, пряча их от царских карателей и кулаков-переселенцев¹⁴². В 1917—1918 гг., в период возвращения киргизов-беженцев, И. Ф. Ахмяков организовал в долине Сусамыр питательные пункты, которые оказали большую помощь пострадавшим киргизам. Он спас многих из них от голодной смерти¹⁴³.

В свою очередь рядовые киргизы сообщали русским друзьям о готовящемся нападении манапов. Один из сотрудников Туркестанского районного охранного отделения расследовавший причины восстания в Пржевальском уезде, в своем рапорте от 30 декабря 1916 г. отмечает, что «были многочис-

¹³⁹ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 42—43.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, стр. 9; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 269 (стр. 17, 418—419); А. Г. Зима. К 30-летию национально-освободительного восстания 1916 г. в Киргизии. Изв. Киргиз. ФАН СССР, вып. VI, стр. 105; Б. Д. Джамгерчинов. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России... стр. 140.

¹⁴² Воспоминания Алышибая Кулашева, Кадыркула Чокоева, Содабая Джоруева, Садыгали Елебаева, Шопока Акылбекова, Мурзакана Джумабаева, Эркобека Джунушалиева и других. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(9-6), л. 20—21, 26—28; инв. № 1544, л. 2—3.

¹⁴³ А. Хасанов. Воспитание учащихся в духе дружбы народов интернационализма на уроках отечественной истории. Фрунзе, 1966. стр. 31.

ленные случаи предупреждения русских киргизами о готовящейся 10 августа с. г. резне... Многие киргизы предупреждали русских о подготовке к мятежу¹⁴⁴. Подобные сведения приводятся в докладной записке заведующего переселенческим делом Семиреченской области от 17 ноября 1916 г. и в показаниях жителей с. Ивановки Пишпекского уезда В. Карабицкого, Л. Гореславского, И. Кузина¹⁴⁵. О дружественных отношениях повстанцев с русским населением говорится в докладе начальника Аулие-Атинского уезда от 29 ноября 1916 г.: «Известно несколько случаев, когда из числа нападавших киргизов некоторые киргизы давали возможность бежать женщинам и детям, а также случаи, когда киргизы охраняли русское имущество... Можно прийти к заключению, что среди мусульманского населения уезда закореневшейся внутренней вражды к русским не было»¹⁴⁶. И действительно, в период восстания между киргизскими и русскими трудящимися не было вражды, хотя в какой-то степени имело место взаимное недоверие, которое усиленно разжигалось представителями колониальной власти и местной феодальной знатью.

Участники и очевидцы восстания в своих воспоминаниях приводят примеры того, как киргизы спасали трудовых русских переселенцев. Об этом же сообщается в многочисленных архивных документах. Рядовые жители пострадавших переселенческих сел всегда находили защиту у трудящихся киргизов. Вот, что сказано по этому поводу в рапорте чиновника Туркестанского охранного отделения от 30 декабря 1916 г.: «Много русских (живших в Пржевальском и Пишпекском уездах. — К. У.), попавших в киргизский плен, было спасено, а в некоторых случаях и уведено из плена киргизами»¹⁴⁷. Рядовые жители Кара-Булакской волости Пишпекского уезда «выступили против своих же киргизов (манапов. — К. У.) и отстояли русское селение»¹⁴⁸. Представители коренного трудового населения с большой заботой и вниманием относились к русским женщинам, детям и рядовым переселенцам, попавшим в плен к манапам. Так, пленницу Прасковью Мячину выручил

¹⁴⁴ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 265 (стр. 397—398).

¹⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 396, оп. 7, д. 764, л. 57; ЦГА Киргиз. ССР, ф. 87, оп. 1, л. 4, л. 3.

¹⁴⁶ Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сб. документов, стр. 49.

¹⁴⁷ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. № 265 (стр. 398).

¹⁴⁸ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, док. 265 (стр. 398); Г. И. Бродо. Материалы к истории восстания... стр. 428.

бедняк-киргиз Кыдаралы. Он велел своей жене лучше заботиться о ней. Как вспоминает Мячина: «Он (Кыдаралы, — К. У.) говорил, что даст нас в обиду лишь тогда, когда умрет»¹⁴⁹. Киргиз Сулейман, прятавший у себя 62-летнюю Помочалову, говорил ей: «Я тебя в обиду не дам»¹⁵⁰. Бывшая жительница с. Ак-Су Пржевальского уезда Абрамова с большой теплотой вспоминает старика-повстанца Абылгазы, который вступил за нее с такими словами: «Не трогайте, у нее много детей»¹⁵¹. Благодаря ему ее жизнь была спасена. Попавшие в руки повстанцев 12 переселенцев из с. Юрьевки Пишпекского уезда тоже были отпущены¹⁵². Один из жителей Абайльдинской волости значительное время прятал у себя семью крестьянина Демиденко. По словам сторожила П. Бондаренко, этот крестьянин с благодарностью вспоминал киргиза, который, рискуя собственной жизнью, спас его семью от расправы манапов¹⁵³. Благородно поступил рабочий Джумгальской гидрометрической станции Мараим Сатыбалды. На эту станцию напала группа повстанцев из 20 человек, возглавляемая манапами. Работники станции Т. П. Марецкая и О. М. Тимашева заперлись в здании. Повстанцы требовали отпереть двери. В этот момент на помощь женщинам пришел Мараим Сатыбалды. Он выломал окно комнаты, где заперлись Т. П. Марецкая и О. М. Тимашева и незаметно увел этих женщин к себе в дом. Однако вскоре напавшие узнали об этом. Под угрозой смерти они потребовали от Сатыбалды «выдать спрятанных у него пленниц». Сам он много раз подвергался побоям за нежелание подчиниться требованию бунтовщиков¹⁵⁴. Напавшим удалось забрать О. М. Тимашеву, а Т. П. Марецкая позднее смогла вернуться к своей семье. Джаныш Джаныбаев (чл. КПСС с 1918 г.), его брат и другие жители Кулапака скрывали у себя четыре семьи русских переселенцев. Местные манапы во главе с волостным управителем неоднократно требовали выдать им этих переселенцев, но безуспешно¹⁵⁵.

В период восстания ярко проявилась классовая солидар-

¹⁴⁹ Цит. по кн.: А. Г. Зима. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции... стр. 102.

¹⁵⁰ ЦГА Каз. ССР, оп. 1, д. 2140, л. 295.

¹⁵¹ Воспоминания А. И. Абрамовой о событиях 1916 г. в Восточном Принссыкулье. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 5170, л. 1—5.

¹⁵² Воспоминания Д. Оторбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (2), л. 2.

¹⁵³ Воспоминания П. Бондаренко. Там же, инв. № 1519 (2), л. 3.

¹⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 426, оп. 3, д. 205, л. 52—53.

¹⁵⁵ Воспоминания Эшмурата Бердибаева и Джаныша Джапыбаева. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (10-а), л. 29—30.

ность коренного и русского трудового населения. Ни антирусские призывы басы и манапов, ни попытки колониальной власти разжечь национальную вражду не могли помешать развитию дружественных взаимоотношений между киргизскими и русскими трудящимися.

Классики марксизма-ленинизма рассматривали мировое революционное движение в неразрывной связи с выступлением угнетенных народов за свою национальную и социальную свободу. Они разоблачали эксплуатацию отсталых народов колонизаторами развитых стран. К. Маркс и Ф. Энгельс воспитывали у рабочего класса и всех трудящихся непримиримое отношение к национальному гнету. Они считали непременным долгом рабочих поддерживать борьбу колониальных народов за национальное освобождение. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что социалистический идеал враждебен всякому угнетению человека, как социальному, так и национальному, что освобождение угнетенных наций является составной частью борьбы за освобождение пролетариата метрополий, и указывали на необходимость соединения революционной борьбы пролетариата метрополий с национально-освободительным движением угнетенных народов. Еще в 1847 г. К. Маркс писал, что «победа пролетариата над буржуазией означает вместе с тем преодоление всех национальных и промышленных конфликтов, которые в настоящее время порождают вражду между народами. Вот почему победа пролетариата над буржуазией является одновременно сигналом к освобождению всех угнетенных наций»¹⁵⁶. В 1848 г. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «вместе с antagonизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой»¹⁵⁷. Призывая пролетариат метрополий к борьбе против буржуазного национализма, который наносил большой ущерб развитию мирового революционного движения и национально-освободительной борьбе, К. Маркс указывал, что «народ, порабощающий другой народ, кует свои собственные цепи»¹⁵⁸. Ф. Энгельс подчеркивал, что «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Сила, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов всегда обращается против него самого»¹⁵⁹. Придавая огромное значение национально-освободительному движению польского народа и связывая освобождение русского народа с уничтожением господства цар-

¹⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 371.

¹⁵⁷ Там же, стр. 445.

¹⁵⁸ Там же, т. 16, стр. 438.

¹⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 509.

ского самодержавия над Польшей, Ф. Энгельс пишет, что «пока русские солдаты стоят в Польше, русский народ не может добиться ни политического, ни социального освобождения. Но при нынешнем уровне развития России не подлежит сомнению, что в тот день, когда Россия потеряет Польшу, в самой России движение окрепнет настолько, что опрокинет существующий порядок вещей. Независимость Польши и революция в России взаимно обуславливают друг друга»¹⁶⁰.

В новых исторических условиях — в эпоху империализма — В. И. Ленин развил идеи К. Маркса и Ф. Энгельса по национальному вопросу и национальному движению. Он разоблачил реакционную сущность политики буржуазных партий по национальному вопросу. Если буржуазные партии поддерживали колониальный режим и политику национального угнетения, то большевики во главе с В. И. Лениным выдвинули лозунг о праве наций на самоопределение. II съезд РСДРП, принявший революционную программу, включил в нее выдвинутые В. И. Лениным требования равноправия граждан независимо от их национальной принадлежности: права населения получать образование и объясняться в общественных и государственных учреждениях на родном языке; право наций на самоопределение; областного самоуправления для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения¹⁶¹. Съезд подчеркнул в своих решениях необходимость интернационального построения пролетарской партии и отметил, что свобода и равенство наций возможны лишь при победе демократической революции. В решениях III, IV и V съездов партии, в резолюциях V и VI партийных конференций и совещаний ЦК большевики настойчиво проводили свою политику защиты равенства и свободы наций¹⁶². Как отмечает В. И. Ленин, суть национальной программы партии большевиков сводится к следующему: «Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций — этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России»¹⁶³. Говоря об отношении пролетариата и его партии к угнетенным народам и о их равноправии, Владимир Ильич отмечает: «Старому миру — миру национального угнетения, национальной грызни или нацио-

нального обособления рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком»¹⁶⁴. Одной из обязанностей каждого марксиста и каждого демократа В. И. Ленин считал защиту интересов угнетенных и колониальных народов. Он писал: «Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия нации и языков, не борется со всяkim национальным гнетом или неравноправием. Это несомненно»¹⁶⁵. Говоря о задачах русского пролетариата, В. И. Ленин подчеркивал, что «среди тревог и треволнений, приносимых борьбой за существование, за кусок хлеба, русские рабочие не могут и не должны забывать о том национальном угнетении, под игом которого находятся десятки и десятки миллионов «инородцев», населяющих Россию»¹⁶⁶. В. И. Ленин призывал к революционному движению и к активной борьбе против «своих» угнетателей. Он писал: «Нет иного средства борьбы с национальной ненавистью, как организация и сплочение класса угнетенных для борьбы против класса угнетателей в каждой отдельной стране»¹⁶⁷.

В. И. Ленин выдвинул идею о необходимости поддержки революционным пролетариатом и его партией национально-освободительного движения угнетенных народов против колониального господства. Еще в 1897 г. он писал, что «социал-демократы поддерживают всякое революционное движение против современного общественного строя, всякую угнетенную народность, преследуемую религию, приниженное сословие и т. п. в их борьбе за равноправность»¹⁶⁸. Особенно большое значение В. И. Ленин придавал национально-освободительным движениям в период первой мировой войны, когда до крайности обострились противоречия между колонией и метрополией, между трудом и капиталом. В этот период, как и раньше, рабочий класс и его партия были готовы полностью поддержать антиколониальные выступления коренного населения национальных окраин. «И в настоящее время, — пишет В. И. Ленин, — если бы на востоке Европы или в колониях возникла война угнетенных наций против их угнетателей, великих держав, сочувствие социалистов было бы всецело на стороне уг-

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7. Госполитиздат, 1953, стр. 40.

¹⁶² Т. Ю. Бурмистрова. Разработка В. И. Лениным программы большевистской партии по национальному вопросу (1910—1914 гг.). М., 1962, стр. 14.

¹⁶³ В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 320.

¹⁶⁴ Там же, т. 23, стр. 150.

¹⁶⁵ Там же, т. 24, стр. 125.

¹⁶⁶ Там же, т. 25, стр. 85.

¹⁶⁷ Там же, т. 1, стр. 155.

¹⁶⁸ Там же, т. 2, стр. 452—453.

нетенных»¹⁶⁹. В 1916 г. Владимир Ильич еще раз указал на необходимость поддержки пролетариатом и социалистами освободительной борьбы угнетенных народов против империалистов. Он говорил, что «социалисты должны самым решительным образом поддерживать наиболее революционные элементы буржуазно-демократических, национально-освободительных движений в этих странах и помогать их восстанию, — а при случае и их революционной войне — против угнетающих их империалистических держав»¹⁷⁰. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что большевистская партия и революционный пролетариат не могут сочувственно относиться и проявлять симпатии к выступлениям феодально-клерикальных элементов, преследующих реакционные цели. Рабочий класс и его партия поддерживают только народно-освободительные восстания, направленные против царского самодержавия и капиталистического гнета. «Не изменяя социализму, — писал Владимир Ильич, — мы должны поддерживать всякое восстание против нашего главного врага, буржуазии крупных государств, если это не восстание реакционного класса»¹⁷¹. Выступая на II Конгрессе Коминтерна, В. И. Ленин указал на необходимость борьбы против предательских и антинародных действий реакционных и средневековых элементов, призывал коммунистов передовых стран поддерживать национально-освободительное движение угнетенных народов Востока¹⁷².

Как видно из изложенного, В. И. Ленин и основанная им большевистская партия развернули борьбу за национальную независимость угнетенных народов колоний, в том числе коренных жителей Средней Азии и Казахстана. Эта борьба особенно острый характер приняла в период первой империалистической войны. Она оказала морально-политическую поддержку киргизскому и другим народам Средней Азии и Казахстана, восставшим в 1916 г. против царских колонизаторов. Борьба русского пролетариата и трудового крестьянства в 1916 г. против царского самодержавия и империалистической войны облегчила борьбу восставших народов Туркестанского края, в том числе и Киргизии.

Поддержка русским пролетариатом и партией большевиков освободительного движения колониальных народов и требование самоопределения нации не означали, что они придерживаются политики обязательного отделения национальных

окраин от России и изоляции трудящихся других наций от русского рабочего класса. По словам В. И. Ленина, это не значило, что великорусские рабочие хотят отделиться от туркестанских или индийских рабочих и крестьян, что великорусские рабочие советуют трудящимся массам колоний отделяться от сознательного европейского пролетариата; они всегда стояли и будут стоять за самое тесное сближение и слияние сознательных рабочих передовых стран с рабочими, крестьянами, рабами всех угнетенных стран; они всегда советовали и будут советовать угнетенным массам всех угнетенных стран, колоний не отделяться от них, а теснее сближаться и сливаться с ними¹⁷³. В. И. Ленин учил, что классовая борьба пролетариата развитых капиталистических стран за социализм и национально-освободительная борьба народов колоний должны слиться в общую антиимпериалистическую борьбу. Выдвинутый К. Марксом и Ф. Энгельсом лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был дополнен В. И. Лениным призывом к объединению мирового пролетариата со всеми угнетенными народами: «Пролетарии и угнетенные народы всех стран, соединяйтесь!»¹⁷⁴.

Исходя из конкретных исторических условий и учитывая реальную обстановку, которая сложилась в России в конце XIX — начале XX вв., В. И. Ленин указывал, что «пролетариат не может добиться свободы иначе, как путем революционной борьбы за свержение царской монархии и за замену ее демократической республикой. Царская монархия исключает свободу и равноправие национальностей, будучи, кроме того, главным оплотом варварства, зверства и реакции как в Европе, так и в Азии. А свергнуть эту монархию в состоянии только объединенный пролетариат всех наций России, ведущий за собой последовательно демократические и способные на революционную борьбу элементы трудящихся масс из всех наций»¹⁷⁵. В 1916 г. Ленин призывал пролетариат метрополии объединить свою борьбу против капиталистов и других эксплуататоров с национально-освободительным движением угнетенных и отсталых народов колоний. Он писал: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в нераз-

¹⁶⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 282.

¹⁷⁰ Там же, т. 27, стр. 261.

¹⁷¹ Там же, т. 30, стр. 30.

¹⁷² Там же, т. 41, стр. 166—167.

¹⁷³ В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 119—120.

¹⁷⁴ Столетие первого Интернационала, 1864—1964 гг. (тезисы). Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. «Коммунист», 1964, № 13, стр. 18.

¹⁷⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 316.

вityх, отсталых и угнетенных нациях»¹⁷⁶. В. И. Ленин отмечал, что непризнание и неиспользование национально-освободительных восстаний в колониях пролетариатом метрополий, означает сбрасывание со счетов важного резерва революции, каким является борьба угнетенных народов против империализма. Он писал, что партия большевиков выступает «за использование в целях социалистической революции всех национальных движений против империализма»¹⁷⁷. Подвергая резкой критике тех, кто недооценивал роль и значение национально-освободительных восстаний в развитии революционного движения рабочего класса против царского самодержавия и капиталистического гнета, Ленин говорит: «Мы были бы очень плохими революционерами, если бы в великой освободительной войне пролетариата за социализм не сумели использовать в с я к о е народное движение против отдельных бедствий империализма в интересах обострения и расширения кризиса. Если мы стали, с одной стороны, заявлять и повторять на тысячи ладов, что мы «против» всякого национального гнета, а с другой стороны, называть «путчом» геройское восстание наиболее подвижной и интеллигентной части некоторых классов угнетенной нации против угнетателей, — мы низвели бы себя до уровня столь же тупого, как каутскианцы»¹⁷⁸.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что восстание киргизов в 1916 г., направленное против царского самодержавия и его колониальной политики, против военно-феодального империализма и грабительской войны, носило национально-освободительный характер и не имело ничего общего с реакционным, феодально-монархическим антирусским и антинародным выступлением. Большевистская партия и ее основатель В. И. Ленин, поддерживая национально-освободительное движение угнетенных народов колониальных окраин, объективно поддерживали выступления народов Средней Азии, в том числе и Киргизии, за свое национальное освобождение.

Восстание 1916 г. явилось неразрывной частью того национально-освободительного движения, которое возникало то в одном, то в другом районе обширных колониальных окраин царской России и приняло широкий размах в период империализма, а особенно во время первой мировой войны. Это движение смыкалось с революционным движением русского пролетариата и трудового крестьянства и вливалось в общий поток революционной борьбы народов России против царского

¹⁷⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 112.

¹⁷⁷ Там же, стр. 40.

¹⁷⁸ Там же, стр. 56.

самодержавия и первой мировой войны. Как часть общего революционного движения, охватившего не только метрополии, но и колонии, это восстание протекало под руководством русского пролетариата и его передового отряда — партии большевиков. Восстание 1916 г., подтачивавшее устои царского самодержавия, способствовавшее поражению его на фронтах первой империалистической войны и усилению революционного движения в стране, явилось одним из звеньев в подготовке Февральской буржуазно-демократической революции.

Этапы, специфические особенности и политическое значение восстания

Исходя из целей и задач, социального состава и размаха восстания 1916 г. в Киргизии, можно выделить в нем три этапа: начало восстания (июль — первые числа августа); нарастание (август — первая половина сентября); убыль, т. е. поражение восстания (с середины сентября по ноябрь)¹⁷⁹. Первый этап восстания характеризовался в основном пассивными действиями повстанцев — повсеместным возмущением народных масс против указа царя от 25 июня о мобилизации коренного мужского населения на военно-тыловые работы. Хотя во многих местностях возмущение трудящихся переходило в волнение, оно еще не имело широкого размаха. На этом этапе коренное трудовое население пыталось сорвать указ царя, не давать людей для отправки в трудовую армию. Батраки, занятые в хозяйствах местных баев и русских кулаков, прекращали работу и возвращались в родные айлы и кыштаки. Они нередко уводили с собой лошадей, принадлежавших хозяевам. Бросали работу и отходники, трудившиеся на кустарно-промышленных и горнорудных предприятиях края. Батраки и отходники, возвратившись домой, присоединялись к возмущившимся жителям своего айла или кыштака. Часть коренного населения, уклоняясь от набора в трудовую армию, откочевывала в труднодоступные горы. Некоторые собирались перейти грани-

¹⁷⁹ Первые попытки установить этапы восстания сделаны Д. Меджитовым и А. Г. Зима. Д. Меджитов делит восстание на три этапа: подготовительный, восстание на юге Киргизии и восстание в северных районах Киргизии. А. Г. Зима выделяет два этапа восстания. В частности, она пишет, что «первый этап, общий для всей территории Киргизии, — июльский, начиная со времени объявления указа о наборе на тыловые работы до подавления его на юге Киргизии, и второй этап — августовско-сентябрьский в Северной Киргизии, когда наряду с народно-освободительной борьбой, манапами и баями было организовано реакционное движение». (См.: А. Г. Зима. О характере восстания 1916 г. в Киргизии. Тр. ИЯЛИ Кир. ФАН ССР, вып. IV, 1954, стр. 104—105).

цу и временно укрыться за пределами края. Многие готовились к сопротивлению. Среди них особенно активными были бедняки, подлежащие набору на военно-тыловые работы. Они угрожали убийством волостным управляющим, сельским и аильным старшинам, пытались отбирать у них списки призывающихся и уничтожать их, разрушать дома должностных лиц, грабить их имущество и угнать скот. Уже на данном этапе восстания, особенно со второй декады июля, волнения трудящихся Южной Киргизии стали переходить в открытые выступления. Они были направлены прежде всего против тех представителей местной феодальной знати, которые пытались осуществить «высочайшее повеление» о наборе рабочих. Гнев трудящихся обрушился на местные должностные лица, которые злоупотребляя служебным положением, превратили указ царя от 25 июня в источник наживы.

Первый этап восстания отличался от последующих не только целями, формами и масштабом выступления, но и в известной степени социальным составом повстанцев. На данном этапе движущие силы восстания составляли исключительно рядовые скотоводы и земледельцы, особенно бедняки. Были оставались социальной опорой царизма. Определенная часть их занимала выжидательную позицию, но большинство, имея освобождение от набора, оставалось верным колониальным властям. Первый этап восстания особенно ярко выражен на юге Киргизии, где народное выступление достигло кульминации к середине июля. Но здесь, как и на севере, борьба местного населения за национальную и социальную независимость продолжалась вплоть до ноября.

Второй этап четко выявлен на севере Киргизии. Хотя и на данном этапе движущими силами восстания оставались трудящиеся массы, но теперь к ним присоединилась часть баев и манапов, преследовавших свои интересы, что, однако, не привело к изменению основной цели и характера восстания. На этом этапе острое восстание было направлено против царского самодержавия, хотя повстанцы, как и раньше, продолжали бороться против местных феодалов, находившихся на службе у колониальных властей. В этот период восстание приняло широкий размах и охватило всю Киргизию. Участники выступлений проявляли большую активность и упорство.

На третьем этапе восстание пошло на убыль. В известной степени изменился социальный состав повстанцев. Как только выступление начало терпеть поражение, многие представители феодальной знати покинули лагерь повстанцев и перешли на сторону колониальных властей, помогая им в подавлении движения. Но народные массы продолжали оказывать упор-

ное сопротивление царским карателям, нанося им ощущимые удары и определенный урон. Однако предотвратить поражение стихийного движения было невозможно.

Специфические особенности данного восстания порождались теми историческими условиями, которые сложились в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Патриархально-феодальные отношения, проникновение элементов капитализма и наличие родового быта наложили отпечаток на возникновение, ход и характер восстания 1916 г. Специфические особенности этого движения обусловливались двойным гнетом, под которым изнывали коренные трудовые массы.

В ходе восстания проявлялись патриархально-родовые пережитки. Нередко ряды участников выступления состояли из людей, находившихся в кровнородственных отношениях. В некоторых местностях, в частности в Центральном Тянь-Шане, повстанцы выступали под знаменем своих бывших родовых и племенных батыров, выдвигали родовые и племенные «ураны» (боевой клич) и т. п. Восставшие в известной степени придерживались родовых и племенных делений. Они старались избирать своими руководителями родственников. Во время выступления и отступления члены родовых и подродовых объединений старались быть вместе. Именно в этом и заключалась одна из специфических особенностей восстания киргизов 1916 г.

Специфические особенности восстания в значительной степени объяснялись тем, что в хозяйственно-экономическом отношении край был отсталым, коренное население политически неразвитым и ограниченным, а также тем, что царское правительство насаждало и разжигало национальную рознь. Представители местной феодальной знати пытались использовать выступление трудящихся в своих интересах. Все это мешало развитию восстания.

Если раньше (до первой русской буржуазно-демократической революции) в большинстве случаев национально-освободительные выступления имели религиозную окраску, то восстание 1916 г. лишь в отдельных районах проходило под религиозным лозунгом. В этом состоит еще одна особенность данного движения.

Восстание 1916 г. возникло и протекало в условиях империализма и первой мировой войны, когда до пределов накалились противоречия между колонией и метрополией, между трудом и капиталом. Киргизский народ, как и другие народы Средней Азии и Казахстана, поднялся на борьбу за независимость в то время, когда всеобщий кризис системы капитализма сопровождался усилением национально-освободительного

движения в колониях и зависимых странах. Накануне и в период восстания в Киргизии стали проникать бессмертные идеи марксизма-ленинизма. Все это не могло не наложить определенный отпечаток на характер восстания 1916 г. и породить его специфические особенности.

Одна из особенностей изучаемого восстания состоит в том, что оно возникло в то время, когда национальная буржуазия и рабочий класс только зарождались и еще не могли возглавить национально-освободительное движение. Из-за слабой связи с коренным населением русский пролетариат тоже не мог возглавить освободительную борьбу киргизского народа. Таким образом, восстание 1916 г. не имело пролетарского руководства. Что касается элементов зарождающейся национальной буржуазии, то они, связав свою судьбу с царизмом и российским капиталом, не только не могли быть организаторами и вдохновителями национально-освободительного движения, но и не пытались поддержать его. Они оставались верными колониальным властям.

Своеобразие восстания 1916 г. заключается еще и в том, что оно было направлено не только против колониальной эксплуатации, но и против гнета местных феодалов. Правда, на юге Киргизии более четко проявилась антифеодальная направленность выступления, а на севере — антиколониальная.

Одну из особенностей восстания 1916 г. можно усмотреть в том, что в основе его лежал земельный вопрос. Выступление по существу было борьбой киргизских дыкан на землю. Это объясняется тем, что национальный вопрос в Киргизии, как и других колониальных окраинах царской России, сливался с аграрным вопросом. Уничтожение национального гнета тесно переплеталось с уничтожением помещичьего (феодального) и капиталистического землевладения в Киргизии. Как отмечалось, дыкане связывали национальное освобождение киргизского народа с возвратом им тех земель, которые захватили царские колонизаторы.

В некоторой степени специфические особенности восстания были связаны с открытой поддержкой национально-освободительной борьбы киргизов русскими трудовыми переселенцами. Ряд представителей русского трудового крестьянства пришел активное участие в восстании.

Специфика этого движения состоит еще и в том, что восставшие, борясь против царского колониального гнета за национальную независимость, вовсе не ставили цели отделиться от России.

Несмотря на то, что восстание 1916 г. потерпело поражение, оно сыграло важную роль в политической жизни киргиз-

ского народа. Без всякого преувеличения можно сказать, что история киргизского народа не знает столь массового повсеместного национально-освободительного выступления, каким было движение 1916 г. Это восстание было одним из серьезных проявлений назревшего общего революционного кризиса в России в эпоху империализма.

Восставшие нанесли серьезный удар колониальным властям и тем самым способствовали подрыву устоев царского самодержавия. Борьба киргизского и других народов Средней Азии и Казахстана причинила экономический ущерб царскому самодержавию. Вот что сказано по этому поводу в отчете военного губернатора Семиреченской области за 1916 г.: «Наконец, как естественное последствие нарушения в корне спокойного течения экономической жизни области, следует отметить неудовлетворительное поступление государственных окладных и земских сборов»¹⁸⁰. В период восстания и после него резко упал общий объем ввоза и вывоза. Все это не могло не отразиться на состоянии государственной казны и промышленности страны, на экономическом положении царского самодержавия.

Восстание 1916 г. в известной степени подорвало престиж царского правительства на международной арене. По существу набор рабочих в трудовую армию был сорван. Это не могло не отразиться на ходе военных действий на фронтах.

В. И. Ленин в труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» указывает, что национально-освободительное движение, направленное против империализма, расшатывает его, ослабляет его силы и тем самым облегчает рабочим более развитых стран штурм империализма. Восстание 1916 г., ослабляя позиции царизма, объективно помогало русскому пролетариату и трудовому крестьянству в их борьбе против помещиков и буржуазии. Удар, который нанесло это движение колониальным властям, в какой-то степени облегчал победу революции в России, ниспровергнувшей царское самодержавие, а вслед затем и российский империализм.

Восстание 1916 г. углубило кризис колониального режима царского правительства в крае. Не случайно царское правительство вскоре взялось за укрепление колониального аппарата и приступило к подготовительным работам по изменению «Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г.». Однако никакие реставрации не могли надолго сохранить колониальный режим в частности, царское самодержавие вообще.

Движение 1916 г. вскрыло серьезные революционные резер-

¹⁸⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, л. 19—20.

вы национальных окраин, в частности Средней Азии. Оно показало, что на освободительную борьбу вместе с русским пролетариатом и трудовым крестьянством поднялись колониальные народы и что русский пролетариат и трудовое крестьянство в лице народов Средней Азии, в том числе Киргизии, имеют искреннего друга и верного союзника в борьбе против царского самодержавия. Это выступление еще раз подтвердило высказывание В. И. Ленина о том, что угнетенные народы колониальных окраин стали резервом русского пролетариата в его революционной борьбе.

Это восстание было одним из ярких проявлений классовой борьбы местных трудящихся против «своих» угнетателей.

В. И. Ленин подчеркивал большое политическое значение национально-освободительных выступлений народов колониальных окраин и революционной борьбы пролетариата метрополии. В 1916 г. он писал: «Капитализм не устроен так гармонично, чтобы различные источники восстания сами собой сливались сразу, без неудач и поражений. Наоборот, именно разновременность, разнородность, разноместность восстаний ручается за широту и глубину общего движения; только в опыте революционных движений, несвоевременных, частных, раздробленных и потому неудачных массы приобретут опыт, научатся, соберут силы, увидят своих настоящих вождей, социалистических пролетариев, и подготовят тем общий натиск, как отдельные стачки, демонстрации городские и национальные, вспышки в войске, взрывы в крестьянстве и т. д. подготовили общий натиск в 1905 г.»¹⁸¹. Восстание 1916 г. явилось большой политической школой, оно обогатило трудящихся важным опытом освободительной борьбы против двойного гнета, научило их лучше распознавать истинных друзей и зачлененных врагов. В ходе событий 1916 г. еще больше усилилась ненависть трудящихся к «своим» феодалам и царским колонизаторам. Трудовые массы воочию убедились в продажничестве баев и манапов. Теперь они поняли, по какую сторону баррикад станут их состоятельные привилегированные «сородичи», когда дело дойдет до последней, решительной схватки с царскими колонизаторами. Таким образом, в дни восстания и после него глубже и шире стала пропасть между трудящимися и местными эксплуататорами. Движение 1916 г. привело к обострению социальных противоречий и усилению революционных выступлений, а также классовой борьбы в Киргизии. В этом заключается важное значение восстания 1916 г.

¹⁸¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 56.

На опыте данного движения коренные трудовые массы убеждались в том, что они могут уничтожить гнет местных феодалов и царских колонизаторов и получить социальную и национальную свободу только при помощи и под руководством русского пролетариата и его партии большевиков. Восстание показало, что только объединенными усилиями пролетариата и крестьянства метрополии и трудящихся масс колонии можно свергнуть общих врагов. Эти уроки восстания были целиком и полностью использованы местными трудящимися в дни Февральской буржуазно-демократической революции и в период Великого Октября.

Национально-освободительное движение народов дореволюционной России, в том числе восстание 1916 г., не потеряло своего практического значения и поныне. Ибо «и сегодня есть еще в мире страны, где империалисты силой оружия пытаются сохранить позорные колониальные порядки»¹⁸². Исторический опыт рассматриваемого движения поучителен для угнетенных народов Азии, Африки и Латинской Америки в их борьбе против иностранных империалистов и продажной национальной буржуазии за свою социальную и национальную независимость.

Восстание 1916 г. оставило глубокий и неизгладимый след в сердцах киргизских трудящихся. Оно нашло яркое отражение в народном фольклоре. Его участники и очевидцы с большим вдохновением рассказывают о смелом и мужественном выступлении трудящихся против двойного гнета, о героизме и отваге, проявленных повстанцами в борьбе за свободу трудового народа.

В период восстания и вскоре после него народными акаинами было сложено много песен, стихотворений и поэм, правдиво и живо повествующих о выступлениях восставших против царских колонизаторов, баев и манапов. Из них самой популярной является поэма активного участника восстания народного поэта Исаака Шайбекова «Кайран эл» («Мой многострадальный народ»). Еще во время восстания эта поэма пользовалась широкой известностью. Она стала народным произведением. В любом киргизском айле можно было найти ее казиателя. «Кайран эл» переиздавалась три раза¹⁸³. И сейчас это произведение пользуется большой популярностью у читателей.

Имели также широкое хождение поэмы активных участни-

¹⁸² Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966, стр. 19.

¹⁸³ Ысактын ырлары. Фрунзе, 1936; Исаак Шайбеков. Кайран эл. Кемин Капчыгайы. Фрунзе, Кыргызмамбас, 1940; Ысактын ырлары. Фрунзе, 1955.

ков восстания М. Татыбекова и М. Токсобаева¹⁸⁴. Восстанию 1916 г. посвящены произведения ведущих современных писателей республики А. Токомбаева, Т. Сыдыкбекова, Дж. Турусбекова, М. Элебаева, К. Баялинова, К. Маликова, А. Токтомушева, А. Убукеева и других¹⁸⁵. Эти писатели, бывшие участники и очевидцы восстания, создали бессмертные образы героев народного восстания, сложивших голову в борьбе за счастье и свободу будущего поколения.

Движение 1916 г. нашло яркое отражение и в искусстве. Оно освещается в драме Дж. Турусбекова «Ажал Ордуна» («Жизнь вместо смерти»), которая с огромным успехом шла на сцене республиканских театров и завоевала большую популярность. О восстании киргизов 1916 г. рассказывает кинофильм режиссера М. Убукеева «Трудная переправа», тепло встреченный зрителями. Эпизоды восстания с высоким мастерством и исключительной правдивостью запечатлены в полотнах народного художника СССР С. А. Чуйкова — «Восстание» и «Бегство».

Восстание 1916 г. составляет одну из ярких страниц многовековой истории киргизского народа. Используя опыт данного движения, киргизские трудящиеся при поддержке русского пролетариата и под руководством большевистской партии уничтожили двойной гнет и получили ту социальную и национальную свободу, за которую боролись. Киргизский народ равноправным членом вошел в счастливую семью народов нашей великой Родины.

¹⁸⁴ М. Татыбеков. 1916-жылды көтөрүлүш жөнүндөгү ырлар. Фонды Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1448; М. Токсобаев. 1916-жылды үркүн. Там же, инв. № 457.

¹⁸⁵ А. Токомбаев. Таң алдында (Кандуу жыл). Фрунзе, 1962; его же. Раненое сердце. В кн.: Время летит. Фрунзе, 1958; Т. Сыдыкбеков. Батыйна. Фрунзе, 1962; Дж. Турусбеков. Ажал Ордуна. Фрунзе, 1938; М. Элебаев. Долгий путь. Фрунзе, 1959; К. Баялинов. Ажар. В кн.: Счастье. М., 1948; К. Маликов. Азаматтар. Фрунзе, 1938; А. Токтомышев. Письма из Какшала. Фрунзе, 1958; А. Убукеев. Чыр-Дөбө. Фрунзе, 1964.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восстание 1916 г. имело глубокие исторические корни. Оно было подготовлено всем ходом исторического развития киргизского народа с момента вхождения края в состав России. Это движение вытекало из той социально-экономической и политической обстановки, которая сложилась в крае во второй половине XIX—начале XX вв. Оно было вызвано жесточайшим гнетом царских колонизаторов и местной феодальной знати. Непосредственным поводом к восстанию послужил указ царя о мобилизации коренного мужского населения на военно-тыловые работы.

Исторические условия, в которых возникло и развернулось восстание киргизов 1916 г., характеризовались господством патриархально-феодальных отношений и наличием родового быта, проникновением элементов капитализма, разрушением патриархальной замкнутости края, появлением промышленных рабочих, зарождением национальной буржуазии, пробуждением политического самосознания трудового населения, бурным ростом недовольства и возмущения трудящихся против двойного гнета и усилением классовой борьбы.

Восстание проходило в период первой мировой войны, в эпоху общего кризиса империализма, в условиях начавшегося революционного подъема в стране. Оно возникло в то время, когда резко ухудшилось внутреннее и внешнее положение царского самодержавия. В этот период колониальные народы превращались из резерва буржуазии в резерв пролетарской революции, российский пролетариат и его партия готовили массы к решительному удару по царскому самодержавию.

Русский пролетариат и трудовое крестьянство оказали серьезное влияние на развитие классового самосознания коренного трудового населения. Они сыграли существенную роль в усилении национально-освободительного движения. Восстание 1916 г. возникло под благотворным влиянием первой буржуазно-демократической революции, что еще раз подтвердило высказывание В. И. Ленина о том, что русское движение 1905 г. окончательно разбудило Азию. Сотни миллионов забитого,

одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни, к борьбе за азбучные права человека, за демократию¹. Русская революция вызвала движение во всей Азии². При этом нельзя не заметить, что господство патриархально-феодальных отношений и социально-экономическая отсталость края, темнота и забитость коренного населения, территориально-административная разобщенность и национальная рознь, разжигаемая царским правительством и местными эксплуататорами, сильно мешали приобщению киргизского народа к революционной борьбе русских трудящихся, серьезно затрудняли развертывание движения 1916 г.

Движение 1916 г. носило ярко выраженный национально-освободительный, антифеодальный, антивоенный, антиимпериалистический и революционный характер. Оно было всеобщим народным выступлением, охватившим огромную территорию восточной колониальной окраины царской России. В Киргизии это движение приняло наиболее широкий размах. Восстание началось в первых числах июля и продолжалось до ноября. В нем принимало участие почти все местное, особенно трудовое население. Восстание более остро и бурно проходило на севере Киргизии, где коренное население было вытеснено с плодородных земель и обжитых мест в бесплодные горные районы. На юге Киргизии, особенно в оседлых районах, выступление носило ярко выраженный антифеодальный характер, хотя и здесь оно сохранило свое основное национально-освободительное содержание. На севере же более четко проявился национально-освободительный характер движения. Здесь киргизы вели также борьбу против «своих» феодалов.

По своим целям и задачам, социальному составу повстанцев и характеру данное восстание представляло собой чрезвычайно сложное явление. В его основе лежал земельный вопрос. Не случайно восстание приобрело характер крестьянской войны.

Движущую силу восстания 1916 г. составляли рядовые скотоводы и трудовые земледельцы. Хотя в выступлении принимала участие определенная часть местной феодальной знати, ей не удалось использовать его в своих интересах и направить по реакционному руслу. Основная часть баев и манапов, как и раньше, оставалась социальной опорой царского самодержавия и приняла все меры к подавлению движения.

Элементы зарождавшейся национальной буржуазии не принимали участия в национально-освободительном движении.

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 146.

² Там же, т. 30, стр. 326.

Восстание не имело пролетарского руководства, что объяснялось малочисленностью киргизских промышленных рабочих и очень слабой связью коренного трудового населения с русским пролетариатом.

Восстание 1916 г. вливалось в общий поток национально-освободительного движения угнетенных народов царской России и являлось составной частью общей героической революционной борьбы трудящихся метрополий и колоний против существующего режима, т. е. царского самодержавия за социальную и национальную свободу.

Восстание имело ряд специфических особенностей, обусловленных конкретной исторической обстановкой.

Хотя движение окончилось поражением, оно имело большое политическое значение и сыграло важную роль в жизни киргизского народа. Оно нанесло серьезный удар царскому самодержавию и значительно ухудшило его положение в глубоком тылу. Восстание заметно ускорило поражение царской армии на фронтах первой мировой войны, углубило революционный кризис в стране и помогло русским трудящимся в их революционной борьбе против помещиков и капиталистов. На опыте данного движения киргизский народ понял, что свободу он может завоевать, лишь объединившись с рабочими и трудовыми крестьянами России для борьбы против помещиков, капиталистов и местных эксплуататоров. Восстание 1916 г. ускорило сближение трудящихся киргизов с революционным русским пролетариатом. А русский пролетариат под руководством партии большевиков во главе с В. И. Лениным, сплотив вокруг себя порабощенные народы России, повел их против царского самодержавия и местных эксплуататоров и обеспечил победу Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества. Эта великая победа означала коренной исторический перелом в судьбах киргизского народа. Она освободила киргизский народ от всякого социального и национального гнета и вывела его на широкую дорогу строительства социалистического общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4.
Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7.
Маркс К. К критике политической экономии. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13.
Маркс К. Учредительный манифест международного товарищества рабочих. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16.
Маркс К. Заметки о реформе 1861 г. и переформенном развитии России. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19.
Маркс К. Капитал. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23—25.
Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26.
Энгельс Ф. Эмигрантская литература. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18.
Энгельс Ф. Введение к брошюре «О социальном вопросе в России». Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18.
Энгельс Ф. Речь на митинге, посвященном годовщине польского восстания 1863 года. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21.
Энгельс Ф. К истории русского крестьянства. Введение к брошюре В. Вельфа «Силезский миллиард». Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21.
Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21.
Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22.
Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России». Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22.
Ленин В. И. По поводу, так называемого, вопроса о рынках. ПСС, т. 1.
Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. ПСС, т. 1.
Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов. ПСС, т. 2.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России. ПСС, т. 3.
Ленин В. И. Капитализм в сельском хозяйстве. ПСС, т. 4.
Ленин В. И. Проект программы нашей партии. ПСС, т. 4.
Ленин В. И. Рабочая партия и крестьянство. ПСС, т. 4.
Ленин В. И. Гонители земства и аницибали либерализма. ПСС, т. 5.
Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии. ПСС, т. 6.
Ленин В. И. Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России. ПСС, т. 7.
Ленин В. И. К деревенской бедноте. ПСС, т. 7.

Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе. ПСС, т. 7.
Ленин В. И. Революционные дни. ПСС, т. 9.
Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. ПСС, т. 11.
Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции. ПСС, т. 16.
Ленин В. И. О природе русской революции. ПСС, т. 17.
Ленин В. И. К оценке русской революции. ПСС, т. 17.
Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. ПСС, т. 17.
Ленин В. И. Цель борьбы пролетариата в нашей революции. ПСС, т. 17.
Ленин В. И. Значение переселенческого дела. ПСС, т. 23.
Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос. ПСС, т. 23.
Ленин В. И. Крестьянство и рабочий класс. ПСС, т. 23.
Ленин В. И. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы. ПСС, т. 23.
Ленин В. И. Капитализм и налоги. ПСС, т. 23.
Ленин В. И. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства. ПСС, т. 23.
Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу. ПСС, т. 23.
Ленин В. И. Роль сословий и классов в освободительном движении. ПСС, т. 23.
Ленин В. И. Классовая война в Дублине. ПСС, т. 23.
Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. ПСС, т. 24.
Ленин В. И. Аграрный вопрос и современное положение России. ПСС, т. 24.
Ленин В. И. О «культурно-национальной» автономии. ПСС, т. 24.
Ленин В. И. Национал-либерализм и право наций на самоопределение. ПСС, т. 24.
Ленин В. И. К вопросу о национальной политике. ПСС, т. 25.
Ленин В. И. Национальное равноправие. ПСС, т. 25.
Ленин В. И. Земельный вопрос в России. ПСС, т. 25.
Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. ПСС, т. 25.
Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. ПСС, т. 26.
Ленин В. И. Социализм и война. ПСС, т. 25.
Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. ПСС, т. 27.
Ленин В. И. Оппортунизм и крах II Интернационала. ПСС, т. 27.
Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. ПСС, т. 27.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. ПСС, т. 27.
Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. ПСС, т. 30.
Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». ПСС, т. 30.
Ленин В. И. Интернационал молодежи. ПСС, т. 30.
Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года. ПСС, т. 30.
Ленин В. И. Доклад по аграрному вопросу. ПСС, т. 31.
Ленин В. И. Речь по аграрному вопросу. ПСС, т. 31.
Ленин В. И. Задачи нашей партии в Интернационале. ПСС, т. 34.
Ленин В. И. О задачах III Интернационала. ПСС, т. 39.
Ленин В. И. Товарищам коммунистам Туркестана. ПСС, т. 39.

Директивные партийно-правительственные материалы

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I—IV, изд. 7: Госполитиздат, 1953—1960.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. I—II. Госполитиздат, 1956.
Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. I—II. Госполитиздат, 1959.
XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. I—III. Госполитиздат, 1962.
Материалы XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1966.
О преодолении культа личности и его последствий. Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. Госполитиздат, 1956.
Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1961.
Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918—1924 гг.). Ташкент, 1958.
Коммунистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов Обкома и ЦК. Ч. I. Фрунзе, 1958.
Восстание 1916 г. в Средней Азии. Тезисы Культпроса Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15 годовщине восстания. Ташкент, 1931.
1916-жылды көтөрүлүштүн мүнөзү жана кыймылдатуучу күчтерү. Кыргызстан К(б)ПБКнын пропаганда жана агитация белүмү (докладчылар үчүн түзүлгөн материалдары). «Кызыл-Кыргызстан», 1936, 20 августа.
Речь секретаря Кир. Обкома ВКП(б) т. Джиненбаева Х. на митинге, посвященном двадцатилетию киргизского восстания. «Советская Киргизия». 1936, 21 августа.
Кыргызстанда 1916-жылдагы улуттук боштондук көтөрүлүшүнүн 30 жылдыгы. Кыргызстан К(б)ПБКнын пропаганда жана агитация белүмү. «Коммунист», 1946, № 9, «Кызыл-Кыргызстан», 1946, 17 сентября.
Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. М., 1947.
Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2.
Сталин И. В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России. Соч., т. 4.
Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Соч., т. 5.
Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11.
Фрунзе М. В. и Куйбышев В. В. Ко всему населению Семиреченской области (ЦГА Киргиз. ССР, ф. 89, оп. 1, д. 135, л. 127).

Архивные источники¹

Центральный государственный военно-исторический архив СССР
Ф. 400 — Главный штаб. Азиатская часть.
Ф. 1391 — Управление Туркестанского военного округа.
Ф. 1395 — Военно-окружной совет Туркестанского военного округа.
Ф. 1396 — Штаб Туркестанского военного округа.
Ф. 1433 — Управление командующего войсками Сыр-Дарынской области.
Ф. 1437 — Управление военного губернатора Ферганской области.
Ф. 2000 — Главное управление генерального штаба.
Ф. ВУА — Военно-учебный архив.
Центральный государственный исторический архив СССР в г. Ленинграде
Ф. 391 — Переселенческое управление.
Ф. 396 — Департамент государственных земельных имуществ.
Ф. 397 — Отдел сельского строительства Министерства земледелия.

¹ Название фондов даются в сокращенном виде. Цифра перед наименованием фонда указывает его номер по фондовому каталогу архива.

Ф. 398 — Департамент земледелия.
Ф. 408 — Канцелярия Комитета по землеустроительным делам.
Ф. 560 — Общая канцелярия Министерства финансов.
Ф. 573 — Департамент окладных сборов.
Ф. 1158 — Финансовая комиссия Государственного Совета.
Ф. 1276 — Совет Министров.
Ф. 1278 — Государственная дума.
Ф. 1282 — Канцелярия министра внутренних дел.
Ф. 1286 — Департамент полиции, исполнительной.
Ф. 1396 — Ревизия сенатора К. К. Палена Туркестанского края.
Ф. 1405 — Министерство юстиции.
Ф. 1409 — Собственная его величества канцелярия.

Центральный государственный архив Узбекской ССР

Ф. и. 1 — Канцелярия туркестанского генерал-губернатора.
Ф. и. 2 — Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе.
Ф. и. 7 — Управление земледелия и государственных имуществ в Туркестанском крае.
Ф. и. 16 — Управление переселенческим делом в Сыр-Дарынском районе.
Ф. и. 17 — Сыр-Дарынское областное правление.
Ф. и. 19 — Ферганское областное правление.
Ф. и. 23 — Управление начальника Скобелевского уезда Ферганской области.
Ф. и. 25 — Управление начальника Андижанского уезда Ферганской области.
Ф. и. 41 — Окружной инженер Туркестанского горного округа.
Ф. и. 87 — Туркестанская казенная палата.
Ф. и. 129 — Ташкентская судебная палата.
Ф. и. 132 — Прокурор Ташкентского окружного суда.
Ф. и. 133 — Прокурор Ташкентской судебной палаты.
Ф. и. 163 — Заведующий водворением переселенцев в Ферганской области.
Ф. и. 276 — Канцелярия военного губернатора Ферганской области.
Ф. и. 329 — Управление начальника Наманганского уезда Ферганской области.
Ф. и. 350 — Новомаргеланский окружной суд.
Ф. и. 717 — Совет туркестанского генерал-губернатора.
Ф. о. 17 — Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, дехканских и красноармейских депутатов Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики (Турк. ЦИК и ЦИК Туркестанской АССР).
Ф. о. 25 — Совет Народных Комиссаров Туркестанской Советской Социалистической Республики (СНК Туркестанской ССР).
Ф. о. 1760 — Туркестанский комитет Временного правительства.

Центральный государственный архив Казахской ССР

Ф. 19 — Заведующий переселенческим управлением Семиреченской области.
Ф. 44 — Семиреченское областное правление.
Ф. 46 — Штаб войск Семиреченской области.

- Ф. 76 — Прокурор Верненского окружного суда.
Ф. 77 — Верненский окружной суд.
Ф. 97 — Мировой судья 1-го участка Верненского уезда.
Ф. 98 — Мировой судья 2-го участка Верненского уезда.
Ф. 99 — Мировой судья 3-го участка Верненского уезда.
Ф. 100 — Мировой судья 4-го участка Верненского уезда.
Ф. 102 — Мировой судья 7-го участка Верненского уезда.
Ф. 226 — Мировой судья 8-го участка Верненского уезда.
Ф. 314 — Семиреченский областной комитет по выяснению и возмещению убытков, причиненных мирному населению восстанием казахов и киргизов в 1916 г. в Семиреченской области.
Ф. 784 — Управление государственным имуществом Семиреченской области.

Центральный государственный архив Киргизской ССР

- Ф. 2 — Ошское уездное правление, Ферганская область.
Ф. 5 — Заведующий государственными имуществами Ошского района Ферганской области.
Ф. 6 — Пишпекское уездное правление, Семиреченская область.
Ф. 12 — Пржевальское уездное переселенческое правление.
Ф. 18 — Джакал-Абадский участковый пристав Андижанского уезда.
Ф. 27 — Мировой судья 1-го участка Ошского уезда Ферганской области.
Ф. 28 — Мировой судья 1-го участка Пишпекского уезда Верненского окружного суда.
Ф. 31 — Временный военный суд г. Пишпек, Семиреченская область.
Ф. 33 — Мировой судья 1-го участка Пржевальского уезда Верненского окружного суда, Семиреченская область.
Ф. 34 — Мировой судья 3-го участка Пржевальского уезда Верненского окружного суда, Семиреченская область.
Ф. 38 — Ошское уездное поземельно-податное присутствие.
Ф. 39 — Податный инспектор 16-го участка Ошского уезда Туркестанской казенной палаты.
Ф. 75 — Коллекция «Восстание киргиз в 1916 г. и присоединение Киргизии к России».
Ф. 83 — Мировой судья 4-го участка Пржевальского уезда Верненского окружного суда, Семиреченская область.
Ф. 87 — Мировой судья 5-го участка Пишпекского уезда Верненского окружного суда, Семиреченская область.
Ф. 89 — Мировой судья 6-го участка Пишпекского уезда Верненского окружного суда, Семиреченская область.
Ф. 97 — Мировой судья 5-го участка Пржевальского уезда Верненского окружного суда, Семиреченская область.
Ф. 100 — Ферганское областное правление.
Ф. 145 — Управление государственными имуществами Ферганской области, Скобелевский уезд.
Ф. 150 — Управление ошского военного начальника Туркестанского военного округа, Ферганская область.
Ф. 153 — Заведующий государственным имуществом Ошского оброчного района Ферганской области.
Ф. 154 — Ошский уездный начальник, Ферганская область.
Ф. 157 — Товарищ прокурора Верненского окружного суда по Пишпекскому участку.
Ф. 158 — Заведующий технической частью межевых работ Семиреченского переселенческого района Пишпекского уезда.

**Рукописные фонды отделения Общественных наук¹
АН Киргизской ССР**

Отдел истории и этнографии (инвентарная тетрадь № 1)

- 10 — Рукописные материалы т. Чеканинского И. А.
36 — Архивные материалы по восстанию 1916 г.
43 — Рукописные материалы т. Чеканинского И. А.
44 — Рукописные материалы т. Чеканинского И. А.
734 — Материалы из ЦГА Киргиз. ССР.
738 — Разные материалы.
1043 — Материалы по восстанию 1916 г. в Киргизии. Собрал Д. Меджитов.
1487 — Материалы о восстании 1916 г. в Киргизии. Записано со слов Саякбая Карадаева.
1488 — Архивные материалы о восстании 1916 г. в Киргизии (из ЦГА Каз. ССР). Собрал Т. Дуйшемалиев.
1491 — Материалы к научной исторической конференции о восстании 1916 г. в Киргизии. Записано со слов И. Туманова и М. Мусульманкулова.
1494 — О восстании 1916 г. в Киргизии. И. Абдрахманов.
1498 — О характере восстания 1916 г. в Киргизии. Г. Нуров.
1501 — Тридцатилетие национально-освободительного восстания 1916 г. в Киргизии.
1502 — Материалы по восстанию 1916 г. Собрал Писковский А. В.
1519 — Материалы по восстанию 1916 г. в Киргизии (Воспоминания участников и очевидцев восстания 1916 г.). Записаны студентами IV курса истфака КГУ в 1953 г. Эти материалы составляют 11 общих и 44 ученических тетради.
1520 — О некоторых вопросах восстания 1916 г. в Киргизии. Г. Нуров.
1525 — Материалы о восстании 1916 г. в Киргизии. Собрал А. Каниметов.
1544 — Материалы о взаимоотношениях дореволюционных киргизов с русским народом. Собрал К. Усенбаев.
1551 — Архивные материалы из ЦГА Узб. ССР о характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и начале XX вв. Собрала А. Г. Зима.
1555 — Национальные движения в Киргизии. Архивные материалы из ЦГА Узб. ССР. Собрал А. Ф. Лачко.
1556 — Национальные движения в Киргизии. Архивные материалы из ЦГА Узб. ССР. Собрал А. Ф. Лачко.
1643 — О восстании 1916 г. в Киргизии. И. Абдрахманов.
1607 — Восстание в Средней Азии и Казахстане (из ЦГА Каз. ССР). Собрала А. Г. Зима.
1699 — Материалы совещания очевидцев и участников революции 1917 г. и гражданской войны в Иссык-Кульской области.
1739; 1739-а; 1739-б — Материалы совещания участников и очевидцев революционного движения 1905—1907 гг. и гражданской войны на юге Киргизии.
1906 — Сборник воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Киргизии.
3020 — Борьба против колониального гнета киргизского народа. С. Б. Жантуаров.

¹ Цифра перед наименованием рукописи указывает ее номер по фондовому инвентарной тетради.

- 3021 — Сборник документов, относящихся к восстанию 1916 г. Собрал С. Б. Жантуаров.
4077 — Материалы о беженцах. Собрала Р. И. Врадий.

Отдел фольклора (инвентарная тетрадь № 3)

- 202 — 1916-жылкы көтөрүлүш.
303 — Үркүн. А. Тыныбеков жана Токобаев.
321 — 1916-жылкы көзгөлон. И. Абдрахманов.
406 — Шайбековдун (Ысактын. — К. У.) чыгармалары. И. Шайбеков.
416 — Үркүн алдында.. Алдаш Молдо.
1448 — 1916-жылдагы көтөрүлүш жөнүндө ырлар. М. Татыбеков.

Отдел специфона

- 19 — Материалы ЦГА Казахстана. Ф. Киреев.
20 — Восстание 1916 г. в Северной Киргизии. Собрал М. Д. Рабинович.
22 — Материалы о восстании 1916 г. Собрал Д. Меджитов.
23 — Архивные материалы по истории Киргизии и Казахстана XIX—XX вв. (ЦГА Узб. ССР). Собрал Зейферт (имя не указано).
26 — Участие киргизов в восстании 1916 г.
44, 45, 46 — Восстание 1916 г. в Киргизии. Ч. 1—4. Д. Меджитов.
47 — Восстание киргизов в 1916 г. Канд. дисс. Д. Меджитова.
49 — Материалы по восстанию 1916 г. в Киргизии. Собрал Д. Меджитов.
54 — Материалы по восстанию 1916 г. Собрал М. Д. Рабинович.
63 — Национальные движения в Киргизии (из ЦГИА в Ленинграде). Собрал П. П. Никишев.
64 — Архивные материалы по восстанию 1916 г. в Киргизии (из ЦГВИА СССР). Собрал С. Керимбаев.
66 — Архивные материалы о восстании 1916 г. (из ЦГА Узб. ССР). Собрала А. Г. Зима.
67 — Материалы о восстании 1916 г. в Киргизии (из ЦГА Узб. ССР). Собрала А. Г. Зима.
68 — Архивные материалы из ЦГВИА СССР. Собрал С. Керимбаев.
70 — Материалы из ЦГВИА по восстанию 1916 г. в Киргизии. Собрала А. Г. Зима.
71 — Архивные материалы из ЦГВИА по восстанию 1916 г. в Киргизии. Собрал С. Керимбаев.
72 — О характере национального движения во второй половине XIX — начале XX вв. Собрала А. Г. Зима.

Отдел литературы (ИЯЛ)

- 19 — 1916-жылкы үркүн. Токсобаев (имя не указано).

Публикация документов и материалов

- Беочин А. «Реквизированные рабочие» в революционной борьбе в 1916—1917 гг. (Средняя Азия). Публикация документов. История пролетариата СССР. Сб. № 1. М., 1934.
Бройдо Г. И. Материалы к истории восстания киргизов в 1916 г. (Показание, данное 3 сентября 1916 г. Г. И. Бройдо прокурору Ташкентской судебной палаты о киргизском восстании 1916 г.). «Новый Восток», 1924, № 6.
Восстание 1916 г. в Казахстане (документы и материалы). Сост. Ф. Н. Киреев, Ш. Я. Шафиро. Под ред. Б. С. Сулейманова. Алма-Ата, 1947.

Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, собранные Л. В. Лесной. Под ред. и с предисловием Т. Р. Рыскулова. М., 1937.
Восстание 1916 г. в Средней Азии. Предисловие П. Галузо. «Красный Архив», 1929, № 3 (34).

Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сб. документов. Подготовлено к печати Ф. Башко и С. Волин. Под ред. П. Г. Галузо. Ташкент, 1932.

Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. Редколлегия: А. В. Писковский (отв. ред.), Т. Е. Елеуов, А. Г. Зима, О. К. Кулиев, Х. Т. Турсунов. Сост.: С. Г. Агиджанов, Ф. Азилдаев, И. А. Акатаева, Х. Зияев, Ф. Н. Киреев, Н. С. Орлова, Я. М. Серый, О. Д. Чехович. М., 1960.

Восстание 1916 г. в Туркмении (документы и материалы). Ашхабад, 1938.
Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии. Фрунзе, 1957.

Ежегодник Ферганской области, т. 1. Новый Маргелан, 1902.

Из истории национальной политики царизма. «Красный Архив», 1929, № 35.
История восстания киргиз в 1916 году. Предисловие А. Чулошникова. «Красный Архив», 1926, № 3 (16).

К истории восстания киргизов в 1916 г. Предисловие А. Чулошникова. «Красный Архив», 1926, № 3 (16).

Коршунова П. Зверская расправа царского правительства с повстанцами Ферганы (воспоминания очевидца). «Советское краеведение», 1936, № 9.

Лукашевич Г. Материалы Московского архива внешней политики по истории национально-классовой борьбы в Средней Азии и на Кавказе. «Революционный Восток», 1933, № 3—4.

Матвеев Л. Из истории восстания киргизов и казахов в 1916 г. (воспоминания). «Борьба классов», 1932, № 7—8.

Материалы всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике, ч. 1, вып. III. Ташкент, 1923.

Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ. Андижанский, Наманганский и Ошский уезды. Сост.: С. А. Геппнер, Г. С. Назаров, Е. Н. Тейх, вып. I, III, V. Новый Маргелан, 1897. Скобелев, 1910.

Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент, 1915.

Материалы по земельному вопросу в Азиатской России, вып. I, II, 1917.

Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарынская область. Аулие-Атинский уезд. Ташкент, 1911.

Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд Ферганской области. Ташкент, 1913.

Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд Ферганской области. Ташкент, 1913.

Материалы по киргизскому землепользованию района р. Чу, низовьев р. Таласа Черниевского и Аулие-Атинского уездов Сыр-Дарынской области. Ташкент, 1915.

Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае, ч. 2. Ташкент, 1909.

Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. III—VIII, СПб., 1912—1916.

Мендешев [Б. и.]. Мои личные воспоминания о мобилизации казахского населения на тыловые работы в империалистическую войну в 1916 г. Фрунзе, 1927.

Национально-освободительное восстание казахских тружеников против царизма в 1916 г. Сб. воспоминаний и материалов. Сост.: С. Шарипов, Ш. Шафиро, С. Брайнин. Под ред. И. Тимофеева. Алма-Ата, 1937.

Обзоры Семиреченской области за 1900—1913 г. Верный, 1901—1915.

Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом, т. I—IV. СПб., 1909—1910.

Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I—II. СПб., 1911.

Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 годах. Сб. документов и материалов. Сост. Ф. Н. Киреев, Ф. И. Колдий. Алма-Ата, 1957.

Сельскохозяйственные обзоры Семиреченской области за 1914—1916 гг. Верный, 1915—1917.

Статистический ежегодник 1917—1923 гг. Сост. под ред. Д. П. Красновского, т. 1—2. Ташкент, 1924.

Статистический обзор Ферганской области за 1909—1914 гг. Скобелев, 1911—1917.

Чеканинский И. А. Восстание киргиз, казахов и кара-киргиз в Джетысуском (Семиреченском) крае в июле—сентябре 1916 г. Труды общества изучения Казахстана, т. 8, вып. 2. Кызыл-Орда, 1926.

ЛИТЕРАТУРА

Абдылдаев [Б. и.]. Жазын алган Мукай. Ал. Заманда (1916-жылдагы көтөрүлүштөн эстелик). «Кызыл-Кыргыстан», 1936, 21 июль.

Абрамзой С. М. Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кий (Материалы к изучению быта киргизских рабочих). «Советская этнография», 1954, № 4.

Абрамзой С. М. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Северной Киргизии. Тр. Киргизской археол.-этногр. эксп., т. IV. М., 1960.

Абышкаев А. Карагандинские киргизы в конце XIX—начале XX вв. Фрунзе, 1965.

Айтматбетов Д. Дореволюционные школы в Киргизии. Фрунзе, 1961.

Алтыншбай А. А. Из истории борьбы Коммунистической партии Советского Союза за распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии. В кн.: Юбилейная научная сессия Академии наук Киргизской ССР (Отд. обществ. наук). Фрунзе, 1958.

Алтыншбай А. А. К истории борьбы КПСС за распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии. Фрунзе, 1960.

Алтыншбай А. А. К истории пропаганды идей марксизма-ленинизма в Киргизии. Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. 3, вып. 1, 1961.

Амитил-Шапиро З. Л. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750—1917 гг.). Фрунзе, 1958.

Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). Ташкент, 1959.

Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.

Аттокуров С. А. Развитие товарно-денежных отношений и появление купеческого сословия в Киргизии в конце XIX и в начале XX вв. Уч. зап. ист.-юрид. фак. КГУ, серия ист., вып. VII. Фрунзе, 1963.

Аттокуров С. А. Развитие мелкой промышленности в Киргизии в конце XIX—начале XX вв. Уч. зап. ист.-юрид. фак. КГУ, серия ист., вып. VIII. 1964.

Асфендияров С. Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата—М., 1936.

Баялинов К. Ажар. В кн.: Счастье. М., 1948.

Байбосунов Б. Қак это было. «Советская Киргизия», 1936, 20 августа.

Бекетов К. О качандар (сез 1916-жыл тууралу). Айгеме. «Кызыл-Кыргыстан», 1936, 24 июля.

Белопкин М. Восстание киргизов в 1916 г. «Советская Киргизия», 1936, 20 августа.

Божко Ф. Восстание 1916 г. в бывшем Туркестане (к 10-летию). Ташкент, 1926.

Брагинский И. С. О природе среднеазиатского джадидизма в свете литературной деятельности джадидов. «История СССР», 1965, № 6.

Брайнин С., Шафиро Ш. Восстание казахов Семиречья в 1916 г. Алма-Ата—М., 1936.

Брайнин С., Шафиро Ш. Восстание 1916 г. в Семиречье. «Большевик Казахстана», 1936, № 5.

Бромбей Ю. В., Волков С. И., Пясковский А. В. Объединенная научная сессия по истории Средней Азии и Казахстана (Ташкент, январь—февраль 1954 г.). Доклады и сообщения Ин-та ист. АН СССР, вып. I. 1954.

Бурковский А. Ф. Из истории техники обработки дерева у киргизов. Уч. зап. ист. фак. КГУ, вып. 3. 1954.

Бурковский А. Ф. К вопросу обработки животноводческого сырья у киргизов. Уч. зап. Киргиз. жеж. пед. ин-та, вып. II. 1957.

Бурковский А. Ф. Из истории техники и металлического производства у киргизов. Уч. зап. ист. фак. КГУ, вып. 5. 1958.

Бурмистрова Т. Ю. Борьба большевистской партии за интернациональное сближение трудящихся масс России в 1917 г. Л., 1957.

Бурмистрова Т. Ю. Под знаменем пролетарского интернационализма. Л., 1958.

Бурмистрова Т. Ю. Ленинская политика пролетарского интернационализма в период образования РСДРП (1894—1903 гг.). Л., 1962.

Бурмистрова Т. Ю. Национальная политика партии большевиков в первой русской революции 1905—1907 гг. Л., 1962.

Бурмистрова Т. Ю. Разработка В. И. Лениным программы большевистской партии по национальному вопросу (1910—1914 гг.). М., 1962.

Валиев А. Х. Положение дехканства Ферганы в конце XIX и начале XX вв. Ташкент, 1958.

Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915.

Вахабов М. Г. О социальной природе среднеазиатского джадидизма и его эволюции в период Великой Октябрьской революции. «История СССР», 1963, № 2.

Вахабов М. Г. О реакционной природе и антинародной роли джадидизма (на материалах рукописи). В кн.: Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции (Материалы к сессии научного совета), вып. I. М., 1964.

Вербовский В. Т. Положение об управлении Туркестанского края. Ташкент, 1911.

Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока в XVIII—начале XX вв. Сб. статей. Отв. ред. М. В. Бабаходжаев. Ташкент, 1963.

Винников Я. Р. Родо-племенной состав и расселение киргизов на тер-

- ритории Южной Киргизии. Тр. Киргиз. археол.-этногр. эксп., т. 1. М., 1956.
- Виткович В. Разлука. Рассказ из жизни киргизов во время восстания 1916 г. Газ. «Рост», 1934, № 13—14.
- Виткинд Н. Я. Библиография по Средней Азии (указатель литературы по колониальной политике царизма в Средней Азии). Под ред. А. В. Шестакова. М., 1929.
- Вопросы колонизации. Сб. статей. СПб., 1907.
- Вопросы марксистско-ленинской теории и истории революционного движения в Узбекистане. Сб. статей. Отв. ред. Х. Т. Турсунов. Ташкент, 1965.
- Вяткин М. П. Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962.
- Галимов З. 1916-жылдагы кыргыздардын көтөрүлүшү. «Большевиктик жол», 1946, 21 сентября.
- Галицкий В. Я. Корольков Я. И. и его деятельность в Киргизии. Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. 3, вып. 2, 1961.
- Галузо П. Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии (исторический очерк). Ташкент, 1926.
- Галузо П. Г. 1916 г. в Туркестане и как не следует о нем думать. «Коммунистическая мысль», кн. 2, 1926.
- Галузо П. Г. Переселенческое движение и интересы русского помещика и русского торгового капитала. «Коммунистическая мысль», 1927, № 3, 5.
- Галузо П. Г. Переселенческая политика царского правительства в Средней Азии. «Коммунистическая мысль», 1927, № 4.
- Галузо П. Г. Туркестан и царская Россия (колониальная политика). «Революционный Восток», 1929, № 6.
- Галузо П. Г. За большевистскую концепцию восстания 1916 г. в Средней Азии (к 15-летию восстания). «Туркменоведение», 1931, № 7—9.
- Галузо П. Г. Туркестан — колония (очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии). Изд. 2. Ташкент, 1935.
- Галузо П. Г. Земледелие казахского и киргизского крестьянства Семиречья во второй половине XIX века. Уч. зап. КГУ им. С. М. Кирова, т. 54, серия ист., вып. 12, 1963.
- Галузо П. Г. К ленинским оценкам предпосылок объединения национальных движений в России с революционной борьбой рабочего класса за социализм (на правах рукописи). В кн.: Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции (материалы к сессии научного совета), вып. 1. М., 1964.
- Гафуров Б. Г. История таджикского народа. Изд. 3, т. 1. М., 1955.
- Гафуров Б. Г. Некоторые вопросы национальной политики КПСС. М., 1959.
- Гафуров Б. Г. Решение национального вопроса в СССР. М., 1961.
- Давлетшин [Б. и.]. Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901.
- Дата героических дней. «Советская Киргизия», 1936, 22 июля.
- Даилин А. Из истории национально-освободительного движения на Алтае в 1916 г. «Борьба классов», 1936, № 9.
- Денисов К. А. Манапы в восстании 1916 года (по материалам ЦГА Киргиз. ССР). «Советская Киргизия», 1935, 14 декабря.
- Десятилетие киргизского восстания. «Крестьянский путь», 1927, 17 июля.
- Джалилов И. Основные черты земельного права дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1960.

- Джаманкараев А. Б. Развитие торговли в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1965.
- Джамырчинов Б. Д. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963.
- Джуушев К. Экономические предпосылки возникновения товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии. Фрунзе, 1962.
- Додонов И. К. Национально-освободительное движение в Узбекистане после свержения власти царизма (апрель—октябрь 1917 г.). Тр. САГУ, обществ. науки, Бюлл. 25, 1947.
- Додонов И. К. Некоторые вопросы национально-освободительного восстания 1916 г. в Узбекистане. В сб.: Национально-освободительное движение в Узбекистане. Ташкент, 1947.
- Дорженов С. Политика царского правительства в отношении ислама в конце XIX — начале XX века. Уч. зап. ист.-юрид. фак., серия ист., вып. VIII, Фрунзе, 1964.
- Доронбекова Р. Е. К вопросу о развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве в северных районах Киргизии. Уч. зап. ист.-юрид. фак., серия ист., вып. VIII, Фрунзе, 1964.
- Драбкина Е. Национальный и колониальный вопрос в царской России. М., 1930.
- Елеуов Т. Е. Народно-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1955.
- Елеуов Т. Е. О характере восстания 1916 г. в Казахстане. Вест. АН Каз. ССР, 1954, № 6 (III).
- Елеуов Т. Е., Якунин А. Ф. Казахстан в период империалистической войны в Февральской буржуазно-демократической революции. В кн.: История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957, гл. XXIII.
- Елеуов Т. Е. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане. Алма-Ата, 1961.
- Еснүдегилер (1916-жылдагы көтөрүлүшкө катынкан Қазакбай Токтосуновтуң эзетелги). «Қызыл-Қыргызстан», 1936, 6 августа.
- Жантауров С. Б. Гражданская война в Киргизии. Фрунзе, 1963.
- Житов К. Е., Непомнящий В. Я. От колониального рабства к социализму. Ташкент, 1939.
- Житов К. Е. О некоторых вопросах национального движения в Узбекистане. «Правда Востока», 1950, № 250.
- Житов К. Е. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент, 1957.
- Житов К. Е. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Ташкент, 1957.
- Жуков Е. М. В. И. Ленин и революционное движение на Востоке. «Вопросы истории КПСС», 1963, № 8.
- Забиров К. Аграрные отношения у киргизов (1870—1881 гг.). Уч. зап. Киргиз. заочн. пед. ин-та, история—география, вып. 3, 1957.
- Забиров К. Влияние русского переселенческого движения на земельные отношения в Киргизии (1881—1905 гг.). Уч. зап. ист. фак. КГУ, вып. 1, 1958.
- Забиров К. Переселение и колонизация Северной Киргизии. Уч. зап. ист. фак. КГУ, вып. 6, 1958.
- Зевелев А. и Абдуллаев Ш. Дискуссия о характере национальных движений в Средней Азии и Казахстане в колониальный период. «Вопросы истории», 1951, № 9.
- Зорин А. Н. Революционное движение в Киргизии (северная часть). Фрунзе, 1931.
- Зорин А. Н. Из истории восстания киргизов и казаков в 1916 г. «Борьба классов», 1932, № 7—8.

Зима А. Г. К 30-летию национально-освободительного восстания 1916 г. в Киргизии. Изв. Киргиз. ФАН СССР, вып. IV, 1947.

Зима А. Г. Земельная политика царизма в Киргизии. Тр. Киргизгоспединститута, т. 2, вып. 2, 1948.

Зима А. Г. О характере восстания 1916 г. в Киргизии. Тр. ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. IV, 1954.

Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959.

Зима А. Г. Победа Октябрьской революции в Киргизии. Фрунзе, Изд-во «Илим», 1966.

Ильясов С. И. Переход к патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов. Тр. ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. I, 1945.

Ильясов С. И. К вопросу об общественно-экономическом строем киргизского народа в начале XX в. Тр. Ин-та яз. и лит. и Ин-та ист. АН Киргиз. ССР, вып. 5, 1956.

Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX—начале XX вв. Фрунзе, 1963.

Иноятов Х. Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. М., 1958.

Иноятов Х. Ш. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962.

История Киргизии, т. I—II. Фрунзе, 1963.

История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1963.

Исаакеев Б. Киргизское восстание 1916 г. Фрунзе, 1932.

Исаакеев Б. 20-летие восстания в Киргизии. «Революция и национальность», 1936, № 9 (79).

Искандаров Б. И. Восстание 1916 г. в Ходженте и его влияние на другие районы Средней Азии. Изв. АН Тадж. ССР. Отд. обществ. наук, 1967, № 1.

Каплубин Б. Н. Положение об управлении Туркестанского края. Ташкент, 1903.

Костельская З. Д. Восстание 1916 г. в Узбекистане. Ташкент, 1937.

К вопросу о характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане (для обсуждения). М., 1954.

Ковалев П. А. Восстание 1916 г. в Средней Азии и русская буржуазия. Тр. САГУ, нов. серия, вып. 45, гуманитарные науки, кн. 5, 1953.

Ковалев П. А. Мобилизация на тыловые работы населения Туркестана и восстание 1916 г. Автореф. Ташкент, 1953.

Ковалев П. А. Кризис колониального режима и «реформы». Куропаткина в Туркестане в 1916 г. Тр. САГУ, нов. серия, вып. 57, общественные науки, кн. 7, 1954.

Ковалев П. А. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны (1916—май 1917 гг.). Ташкент, 1957.

Кузьмин Н. О марксистском понимании восстания 1916 г. «Коммунистическая мысль», 1926, № 2.

Кшибеков Д. Клеветники и фальсификаторы истории народов Советского Казахстана. Алма-Ата, 1961.

К 10-летию восстания в Средней Азии. «Крестьянский путь», 1926, 3 ноября.

Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (буржуазная колонизация Средней Азии). М., 1930.

Ланда Л. М. Новая публикация о восстании 1916 г. в Средней Азии. «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 11.

Лачко А. Ф. О влиянии первой русской революции 1905—1907 гг. на характер национального движения в Киргизии нач. XX в. Тр. ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. 4, 1954.

Лачко А. Ф. Распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии до

победы Великой Октябрьской социалистической революции. Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. III, вып. 2. Фрунзе, 1961.

Лунин Б. В. Объединенная научная сессия по истории Средней Азии и Казахстана до Октябрьского периода. Изв. АН Узб. ССР, № 2, 1954.

Маликов К. (Иманалин). Азаматтар. Фрунзе—Казань, 1938.

Манаев Э. Памирские киргизы (историко-этнографический очерк). Автореф. Фрунзе, 1963.

Материалы научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

Материалы первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте. Ташкент, 1958.

Материалы по истории и экономике Киргизии. Фрунзе, 1963.

Меницкий И. Мой ответ тов. Рысколову. «Коммунистическая мысль», 1926, № 2.

Меницкий И. Ответ Ю. А. «Коммунистическая мысль», 1926, № 2.

Меницкий И. О характере событий 1916 г. в Туркестане. «Коммунистическая мысль», 1926, № 2.

Меджитов Д. М. Восстание киргизов в 1916 г. (Тезисы канд. дисс.). Изв. Киргиз. ФАН СССР, вып. VI, 1947.

Микашевский А. Социальные движения 1916 г. в Туркестане. «Былое», 1924, № 27—28.

Миллер В. И. Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции. «История СССР», 1964, № 5.

Мужиков И. П. Влияние первой русской революции 1905—1907 гг. на развитие революционного движения в Киргизии. Фрунзе, 1955.

Муминов И. М. и Самышкин В. Ф. Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане. Ташкент, 1962.

Муратбеков Т. Есимдегилдерден (сөз 1916-жыл туурали). «Қызыл-Кыргызстан», 1936, 27 июль.

Мусабеков О. М. Аграрные отношения в Киргизии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Тр. Киргиз. с.-х. ин-та им. К. И. Скрябина, вып. 12, 1964.

Мусин Х. М. Из истории возникновения пролетариата в горнодобывающей промышленности дореволюционной Киргизии. Тр. Пржевальск. учит. ин-та им. Г. М. Димитрова, вып. 1, 1952.

Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции (рукопись). Материалы сессии научного совета, вып. I—II. М., 1964.

Национально-освободительные движения в России во второй половине XIX в. «История СССР», 1964, № 2, 3.

Национально-освободительное восстание 1916 г. в Узбекистане. Под ред. К. И. Додонова. Ташкент, 1947.

Ниалло А. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941.

Новоселов К. Н. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962.

Нусупбеков А., Бисенов Х. Фальсификация истории и историческая правда. Алма-Ата, 1964.

Нусупбеков А. Н. Формирование и развитие советского рабочего в Казахстане (1917—1940 гг.). Алма-Ата, «Наука», 1966.

От работы к счастливой жизни. «Советская Киргизия», 1963, 20 августа.

Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, ч. I—II. Ташкент, 1958, 1959.

- Парфенов В. Восстание в Средней Азии в 1916 г. «Пропагандист», 1938, № 11.
- Петраш Ю. Г. К вопросу о проникновении ислама в Киргизию и его классово-эксплуататорской сущности. Уч. зап. Ошск. пед. ин-та (гуманитарные науки), вып. IV, 1963.
- Покровский С. Н. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961.
- Половцов А. А. Отчет чиновника особых поручений при министре внутренних дел, командированного в 1896—1897 гг. для собирания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае. СПб., 1898.
- Поляков Д., Фурсова Л. Партия и национальные резервы в Октябрьской революции. М., 1958.
- Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. СПб., 1867.
- Проект положений об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. Ташкент, 1880.
- Прямой повод к восстанию 1916. «Крестьянский путь», 1926, 25 июля.
- Пясковский А. В. О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и начале XX вв. Тр. ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. IV, 1954.
- Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М., 1958.
- Раджабов З. Ш. Восстание 1916 г. в Ходжентском уезде. Душанбе, 1955.
- Раджабов З. Ш. Восстание 1916 г. и его историческое значение. Изд. АН Тадж. ССР, Отд. обществ. наук, 1967, № 1.
- Резолюция научной конференции историков Киргизии с участием историков Москвы, Ленинграда и братских союзных республик по вопросу о характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и начале XX вв. Тр. ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. IV, 1954.
- Рзаев Д. А. О фальсификаторах истории Советской Средней Азии. Фрунзе, 1962.
- Рыскулбеков М. Д. Из истории ремесленно-кустарной промышленности в дореволюционной Киргизии. Тр. Киргиз. пед. ин-та им. М. В. Фрунзе, серия ист., вып. 2, 1950.
- Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока. (Восстание киргиз Туркестана против царизма в 1916 г.). «Новый Восток», 1924, № 6.
- Рыскулов Т. По поводу выступления тов. Меницкого И. «Коммунистическая мысль», 1926, № 2.
- Рыскулов Т. Восстание туземцев Туркестана в 1916 г. В кн.: Очерки революционного движения в Средней Азии. М., 1926.
- Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 г. Кызыл-Орда, 1927.
- Рыскулов Т. Еще о характере восстания 1916 г. в Туркестане. «Коммунистическая мысль», 1927, № 4.
- Рыскулов Т. Восстание в Средней Азии в 1916 г. «Борьба классов», 1936, № 6.
- Рыскулов Т. 1916-жылдың көтөрүлүш (1916-жылдың көтөрүлүштүн XX жылдыгына карата). «Кызыл-Кыргызстан», 1936, 3 июль.
- Сапаргалиев Г. О подавлении восстания 1916 года и его последствиях. Изд. АН Казах. ССР, серия обществ. наук, 1967, № 1.
- Сапелкин А. А. Налоговая политика царизма в Киргизии. В сб.: Материалы по истории и экономике Киргизии. Фрунзе, 1963.
- Сариковтун эстелиги. Ошолорду да көрдүккө (сөз 1916-жыл тууралу). «Кызыл-Кыргызстан», 1936, 23 июль.

- Сахаров А. Н. Обсуждение вопроса о колониальной политике царизма. «Вопросы истории», 1963, № 11.
- Семенков В. Н. Борьба большевиков за установление Советской власти в Киргизии. В сб.: Вопросы истории Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1962.
- Семенков В. Н. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов. Фрунзе, 1962.
- Семенков В. Н. Борец за народное дело (Т. Жукеев — А. А. Пудовкин). Фрунзе, 1963.
- Серый Я. Н. Восстание 1916 г. в Ферганской долине. В сб.: Национально-освободительное восстание 1916 г. в Узбекистане. Ташкент, 1947.
- Сидоров А. Проникновение иностранного капитала в экономику дореволюционной Киргизии. «Коммунист». Фрунзе, 1958, № 12.
- Симонов Н. Ф. Большевистская печать в Туркестане (1902—1907 гг.). Ташкент, 1940.
- Симонов Н. Ф. Первые маевки в Туркестане. Ташкент, 1940.
- Совещание о землеустройстве киргиз. Журнал совещания, СПб., 1907.
- Столетие первого Интернационала, 1864—1964 гг. (тезисы). «Коммунист», 1964, № 13.
- Сулейменов Б. С. Основные вопросы истории восстания 1916 г. в Казахстане. Изд. АН Каз. ССР, серия обществ. наук, № 6, 1966.
- Сулейменов Б. С. Историческое значение восстания 1916 года в Казахстане. Изд. АН Казах. ССР, серия обществ. наук, № 6, 1966.
- Сыдыкбеков Т. Батырна (роман). Фрунзе, 1962.
- Тарасов Ю. О характере движения 1916 г. в Туркмении. «Вопросы истории», 1951, № 9.
- Токомбаев А. Раненое сердце. В кн.: Время летит. Фрунзе, 1958.
- Токомбаев А. Таң алдында (Канду жыл). Фрунзе, 1962.
- Токтомушев А. Письма из Какшаала (поэма). Фрунзе, 1958.
- Туркестанский сборник (1867—1917 гг.), т. 1 — 617; т. 1 — 416 составлены В. И. Межовым, т. 417—595 — О. В. Масловой, т. 596—617 — Е. К. Бетгером).
- Турусбеков Ж. Ажал Ордуна, 1916-жылдан көтөрүлүштөн алынын жазылган 8 сүрөттүү күүлүм драма. Фрунзе, 1935.
- Турсунбаев А. Б. Против буржуазной фальсификации истории Казахстана. Алма-Ата, 1963.
- Турсунов Х. Т. К вопросу о характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Материалы научной сессии по истории Средней Азии и Казахстана (на правах рукописи). Ташкент, 1954.
- Турсунов Х. Т. Из истории революции 1905—1907 гг. в Узбекистане. Изд. АН Узб. ССР, 1955, № 11.
- Турсунов Х. Т. О характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.
- Турсунов Х. Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.
- Турсунов Х. Т. Национально-освободительное движение народов Средней Азии в годы первой мировой войны. В сб.: Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции (Материалы к сессии научного Совета), вып. I. М., 1964.
- Турсунов Х. Т. К вопросу изучения истории национально-освободительного движения народов Средней Азии. «Общественные науки в Узбекистане», 1965, № 11.

- Турсунов Х. Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. М., «Знание», 1966.
- Турсунов Х. Т. Восстание 1916 г. (в Средней Азии) — составная часть общероссийского революционного потока. «Коммунист Узбекистана», 1966, № 6.
- Турсунов Х. Т. 50 лет восстания 1916 г. в Узбекистане. «Общественные науки в Узбекистане», 1966, № 7.
- Тынаев [Б. и.]. Борьба киргизских трудящихся за освобождение. «Советская Киргизия», 1927, 13, 14 октября.
- Усебаев К. Прогрессивное значение присоединения Киргизии к России. Фрунзе, 1957.
- Усебаев К. Революционное движение в Киргизии накануне Октябрьской революции. Фрунзе, 1965.
- Усебаев К. О характере восстания 1916 года в Киргизии. В сб.: Наука Киргизстана — юбилею Великого Октября. Юбилейная научная сессия, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, Изд-во «Илим», 1967.
- Федоров Д. Чжунгарско-Семиреченский приграничный район, ч. 1. Ташкент, 1910.
- Федоров Е. А. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925.
- Федоров Е. А. О восстании 1916 г. в Туркестане (тезисы). «Коммунистическая мысль», 1926, № 2.
- Феоктистов Н. Степная жакерия. (Восстание в Туркестане и степных областях в 1916 г.). «Советское краеведение», 1936, № 9.
- Хасанов А. Х. Исторические корни, дружины народов СССР. Фрунзе, 1954.
- Хасанов А. Х. Дружба народов — движущая сила в строительстве коммунизма. Фрунзе, 1963.
- Хасанов А. Х. К вопросу о классовых корнях связи киргизского народа с великим русским народом. Уч. зап. ист.-юрид. фак. КГУ, серия ист., вып. VII, 1963.
- Хасанов А. Х. Из истории классовой борьбы в Северной Киргизии в первой половине XIX в. Уч. зап. ист.-юрид. фак. КГУ, серия ист., вып. VIII, 1964.
- Хасанов А. Х. Воспитание учащихся в духе дружбы народов и интернационализма на уроках отечественной истории. Фрунзе, 1966.
- Халфин Н. Об архивных материалах по истории национально-освободительного восстания 1916 г. в Узбекистане. Изв. АН Узб. ССР, № 1, 1950.
- Чеканинский И. А. Литература по вопросу восстания туземцев Средней Азии в 1916 г. (библиографическая заметка). Зап. Семипалатинского отдела о-ва изучения Казахстана, т. 1, вып. XVIII. Семипалатинск, 1929.
- Чехович О. Д. К вопросу о характере восстания 1916 г. в Узбекистане. Докл. АН Узб. ССР, 1953, № 9.
- Чиркин Г. Ф. Положение переселенческого дела в Семиречье. Ташкент, 1909.
- Чубуков Я. А. Революционная борьба в северных районах Киргизии. Фрунзе, 1941.
- Чукубаев А. А. К вопросу об отношении Токтогула Сатылганова к Андижанскому восстанию. Уч. зап. ист. фак. КГУ, вып. 3, 1954.
- Чукубаев А. А. Борьба передовых мыслителей Киргизии против реакционной мусульманской идеологии (конец XIX—начало XX вв.). Уч. зап. ист.-юрид. фак., серия ист., вып. VIII, 1964.
- Шайбеков И. Ысактын ырлары. А. Токомбаевдин башкы сөзү жана редакциясы менен. Фрунзе, 1936.

- Шайбеков И. Кайран эл. Кемин капчыгайы. Фрунзе, 1940.
- Шайбеков И. Ысактын ырлары, Кирил сөзү А. Токомбаевдин, Фрунзе, 1955.
- Шарип [Б. ф.]. Чоң кеминдең көтөрүлүш. «Кызыл-Кыргызстан», 1936, 20 августа.
- Шарова П. Переселенческая политика царизма в Средней Азии в 1906—1916 гг. Историк-марксист, кн. 6 (82), 1940.
- Шахмайкин В. И. Восстание в Узбекистане и русские большевики. Тр. Узб. ин-та народного хозяйства, т. 6, вып. 1. Самарканд, 1947.
- Шерстобитов В. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф. Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918—1960 гг.). Фрунзе, 1961.
- Шерстобитов В. П. Социально-экономические отношения в айле, киштаке и деревне Киргизии до колхозификации сельского хозяйства. В сб.: История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963.
- Шестаков А. В. Восстание в Средней Азии в 1916 г. Историк-марксист, т. 2, 1926.
- Шестаков А. В. Спорные вопросы о восстании в Средней Азии в 1916 г. «Коммунистическая мысль», 1927, № 4.
- Шестаков А. В. 15-летие восстания в Средней Азии. М.—Л., 1931.
- Шестаков А. В. 20-летие восстания в Средней Азии (1916—1936). «Революция и национальности», 1936, № 9 (79).
- Шкапский О. А. Киргизы-крестьяне (Из жизни Семиречья). Изв. Русск. геогр. о-ва, т. 41, вып. IV, 1905.
- Шкапский О. А. Переселены и аграрный вопрос в Семиреченской области. В сб.: Вопросы колонизации. СПб., 1907.
- Шундрин В. Предатели киргизского народа. «Советская Киргизия», 1936, 29 июля.
- Шундрин В. Трудящиеся киргизы накануне восстания 1916 г. «Советская Киргизия», 1936, 27 июля.
- Элебаев М. Долгий путь (повесть). Фрунзе, 1959.
- Эсеры во главе расправы с национально-освободительным восстанием. «Борьба классов», 1932, № 5.
- Ю. А. По поводу статьи т. Меницкого. «Коммунистическая мысль», 1926, № 2.
- Юсупов Х. Ю. Участие дунган в восстании киргизов в 1916 г. Тр. ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. 2, 1948.
- Якушин А. Ф., Кулайев О. К. Восстание 1916 г. в Средней Азии. «Вопросы истории», 1953, № 3.
- Sarkisyanz Emma und el. Geschichte der orientalischen Völker Ruslands bis 1917. Eine Ergänzung zur ostslawischen Geschichte Ruslands. Mit einem Vorw. von Berthold Spuler. München. Oldenbourg, 1961.

Периодические издания¹

- Большевик.
Большевик Казахстана.
Борьба классов.
Былое.
Вестник АН Каз. ССР.
Вопросы истории.
Вопросы истории КПСС.

¹ Номер и год использованных изданий приводится в разделе «Литература».

Вопросы колонизации.
 Журнал совещания.
 Известия АН Каз. ССР.
 Известия АН Киргиз. ССР.
 Известия Киргиз. ФАН СССР.
 Известия АН Узб. ССР.
 Известия Русского географического общества.
 Историк-марксист.
 История СССР.
 Коммунист (орган ЦК КПСС).
 Коммунист (орган ЦК КП Киргизии).
 Коммунистическая мысль.
 Красный архив.
 Новый Восток.
 Общественные науки в Узбекистане.
 Пропагандист.
 Революционный Восток.
 Революция и национальности.
 Рост.
 Советская Азия.
 Советская этнография.
 Советское краеведение.
 Труды Института языка, литературы и истории Киргиз. ФАН СССР.
 Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.
 Труды Киргизского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе.
 Труды Киргизского сельскохозяйственного института им. К. И. Скрябина.
 Труды общества изучения Казахстана.
 Труды Среднеазиатского государственного университета.
 Труды Узбекского института народного хозяйства.
 Туркменоведение.
 Ученые записки историко-юридического факультета КГУ.
 Ученые записки историко-юридического факультета КГУ.
 Ученые записки Киргизского женского педагогического института.
 Ученые записки Киргизского женского педагогического института.
 Ученые записки Киргизского заочного педагогического института.
 Ученые записки Ошского государственного педагогического института.

Газеты

Большевиктк жол.
 Крестьянский путь.
 Кызыл Кыргызстан.
 Правда.
 Правда Востока.
 Семиреченские областные ведомости.
 Советская Киргизия.
 Туркестанские ведомости.

О ГЛАВЛЕНИЕ

	Стр
Введение	3
Состояние разработки вопроса	3
Цели исследования. Краткая характеристика источников	11
Раздел I	
Социально-экономические и политические предпосылки и причины восстания	19
Глава 1. Предпосылки восстания	19
Социальные предпосылки	19
Политические предпосылки	57
Глава 2. Причины восстания	82
Колониальная политика царизма и ее усиление в период первой империалистической войны	82
Раздел II	
Восстание 1916 года в Киргизии и его характер	157
Глава 1. Ход и поражение восстания	157
Движение народных масс на юге Киргизии	157
Ход восстания на севере Киргизии	173
Поражение восстания и его причины	215
Глава 2. Характер, специфические особенности и политическое значение восстания	254
Характер восстания	254
Этапы, специфические особенности и политическое значение восстания	297
Заключение	303
Источники и литература	308